

Э.П. СТУЖИНА

КИТАЙ- СКОЕ РЕМЕС- ЛО

В XVI-
XVIII ВВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ МГУ

Э. СТУЖИНА

КИТАЙСКОЕ
РЕМЕСЛО
В XVI—
XVIII веках

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

9(М)
С88

Ответственный редактор
Л. В. СИМОНОВСКАЯ

Книга содержит исследование китайского ремесленного производства (текстильного, железоделательного, керамического, бумажного, художественных промыслов), славившегося высоким мастерством ручного труда; рассматриваются технические и организационные особенности ремесла, его развитие. Автор затрагивает проблему возникновения мануфактур. Обширный фактический материал почерпнут из ранее неиспользованных средневековых источников, частично собранных автором в КНР.

1-6-3
75-69

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы развития ремесленного производства в средневековых городах Востока принадлежат к наименее изученным в исторической литературе. Если городу европейскому и русскому — его социальной структуре, истории материальной культуры — посвящены многочисленные монографии и статьи, то восточный еще ждет обстоятельного анализа.

Автор поставил своей целью выяснение лишь небольшой части вопросов, связанных с развитием ремесленного производства китайских позднесредневековых городов. В книге рассматривается городское ремесло в наиболее развитых провинциях Китая — Цзянсу, Чжэцзяне, Цзянси, Гуандуне, причем основное внимание сосредоточено на изучении ведущих отраслей — **шелкоткачества**, **хлопкоткачества**, красильного, бумажного, фарфоро-керамического производства. Хронологические рамки книги — вторая половина XVI — конец XVIII в. Этот первоначальный опыт исследования не претендует ни на полноту изложения темы, ни на окончательность предложенных выводов.

Работе предпослано введение, где дается обзор использованных источников.

В первой главе автор рассматривает технику и технические приемы китайских ремесленников XVI—XVIII вв., характеризует некоторые сдвиги, происходившие в экономике Китая начиная со второй половины XVI в.: появление новых отраслей сельского хозяйства, обслуживавших ремесло, территориальное и внутриотраслевое разделение труда, совершенствование орудий ремесленного производства.

Во второй и третьей главах анализируется социальная структура ремесленного производства: цеховые организации и ремесленные мастерские, организация труда в казенном ремесле.

В главе четвертой поставлена проблема зарождения мануфактур в Китае.

Завершается исследование главой, в которой описан сбыт продукции городских ремесел на внутренних и внешних рынках.

Китайские города и в особенности ремесла издавна привлекали внимание русских востоковедов. Они описаны в хорошо известных работах Н. Я. Бичурина, И. Орлова [200]¹; члены Российской духовной миссии в Китае переводили отрывки из китайских источников по шелководству и фарфору [179; 187; 199]. В архиве известного русского восто-

¹ В книге принята кодовая система ссылок. Например, [135, V, 7] — позиция упоминаемого источника или литературного произведения в списке, приложенном к книге, номер издания, страница; [207, 95] — позиция, страница; [10, № 25] — позиция, номер публикации (стела и др.).

коведа Н. В. Кюнера хранятся выписки из европейских и русских книг — материалы к задуманной им монографии о ремеслах Китая [191].

Ремеслами Китая занимались также европейские и американские ученые: Адель Кулин Вэйбель [325], Алан Прист и Полин Симонс [323] изучали текстильное производство, Джон Гольдсмит Филлипс [317], Со-ам Женинс [309], Р. Л. Хобсон [306; 307; 308], Альфред Е. Хиппислей [303], Мартин Феддерсен [316] и многие другие — фарфоровое и керамическое.

Однако большинство этих работ по преимуществу искусствоведческие.

В советской исторической науке в последние десятилетия началось систематическое изучение уровня развития производительных сил и производственных отношений позднего феодального общества на Востоке [181; 184; 185; 198]. Эти труды оказали автору большую помощь при изучении истории китайского ремесла. В советской синологии вопросы развития средневекового города, городской торговли и ремесла впервые поставлены в трудах Л. В. Симоновской — сначала в статьях, докладах и учебных пособиях 50-х годов [203; 204; 205; 206], а затем в монографии «Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке», вышедшей в 1966 г. [207].

Л. В. Симоновская определяет китайское общество XV—XVII вв. как позднефеодальное, находит в нем элементы разложения феодальных порядков, развития новой формации, раннекапиталистической мануфактуры [203, 49—50]. В ее трудах изучаются такие кардинальные проблемы, как особенности формирования и развития городов в Китае, уровень товарного производства и товарного обращения в этот период, специфика торгово-ремесленных организаций средневековья.

В специальной главе книги, которая называется «К вопросу о городском производстве и использовании в нем труда крестьян» [207, 52—62], ею приведены интересные данные о числе городов и их населении в XVI—XVII вв., сделаны важные наблюдения о взаимоотношениях средневекового города и феодальных властей. Позднесредневековый феодальный город Л. В. Симоновская определяет как «средоточие промышленной и торговой деятельности», где концентрировались развивающиеся формы производства и передовая экономика [207, 54]. В книге рассматривается также чрезвычайно интересная проблема соотношения города и торгово-ремесленного поселения — чжэня.

Специальных работ по истории китайского средневекового ремесла в советской синологии нет, и наше исследование — первая попытка комплексного изучения этой проблемы.

Позднефеодальный город, структура городского ремесла привлекали внимание многих историков и экономистов Китайской Народной Республики.

С 1952 г. на страницах китайских журналов и некоторых газет велась дискуссия об уровне социально-экономического развития Китая в период, предшествовавший «опиумным» войнам, о зарождении и формировании в этой стране элементов капитализма. В дискуссии приняли участие такие ученые и общественные деятели КНР, как Хоу Вай-лу, Дэн То, У Хань, Янь Чжун-пин, Цзянь Бо-цзянь, Шан Юэ, Ли Шу, Пэн Цзе-и и многие другие. Большая часть статей, опубликованных до 1957 г., вошла в двухтомный «Сборник статей, написанных в период дискуссии о зарождении капиталистических элементов в Китае» [286]. В ходе дискуссии были выдвинуты важнейшие проблемы экономической, социальной и политической жизни позднесредневекового Китая: складывание национального рынка, использование наемного труда, воз-

никновение мануфактуры и кооперации, характер классовой борьбы в городах и др.

Дискуссия неоднократно освещалась на страницах советских исторических журналов [197; 202].

К настоящему времени по указанной проблематике существует обширная (более ста статей и монографических исследований) китайская историография. Она не рассматривается здесь, так как ее анализу автор книги посвятил две специальные статьи [210; 215].

Если по аграрной истории Китая сохранились многочисленные труды: обширные разделы в официальных и неофициальных историях, энциклопедии, трактаты, то сочинения, содержащие описания собственно городов, ремесел, торговли, почти отсутствуют. Как самостоятельные объекты они никогда не привлекали специального внимания китайских феодальных авторов. Это явное пренебрежение к сюжетам торгово-ремесленным находилось в полном соответствии с традиционной китайской доктриной: «земледелие — ствол, торговля, ремесло — ветви».

Согласно этой доктрине (как конфуцианской, так и легистской) государство должно было поддерживать сельское хозяйство как основу своего благосостояния и всемерно ограничивать занятия торговлей и ремеслом как якобы не приносящие доходов государству². Поэтому основные факты, интересующие исследователя, рассеяны крупными по многотомным географическим описаниям и энциклопедическим изданиям того времени. Сочинения эти, как правило, почти не изучались и не комментировались вплоть до последнего времени.

Автор предлагаемой читателю работы не только использовал источники, известные в отечественном и зарубежном Китаеведении, но и обнаружил новые, доселе неизвестные, никем не исследованные. Большинство использованных источников впервые вводятся в научный оборот советского востоковедения.

Первая группа объединяет документы и материалы эпиграфики, собранные китайскими историками в 1957—1958 гг. Большая их часть вошла в «Цзянсушэн Мин Цинилай бэйкэцзыляо сюаньцзи» («Сборник избранных надписей на каменных стелах провинции Цзянсу в Минское и Цинское время») [10]³. Сборник состоит из 370 различных документов, отражающих жизнь городов провинции Цзянсу почти за четыре века: самые ранние стелы относятся к середине XVI в., самые поздние — к началу XX в. Часть материалов имеет официальный характер. Это прежде всего стелы, установленные местными феодальными властями. Надписи на них касаются работы казенных мастерских, содержат сведения о подавлении выступлений горожан или наемных работников против властей или хозяев, различного рода полицейских мерах, об установлении единых цен на рынке и т. д.

Документы другого рода — это записи, сделанные частными торговыми и ремесленными организациями: главным образом цеховые регламенты, условия найма работников, составленные союзами нескольких купцов или предпринимателей и направленные обычно против цеховых низов, городской бедноты и наемных работников, записи, фиксирующие

² Подробнее об этом см.: [192, 42—45].

³ Несколько экспедиций, работавших в провинции Цзянсу, обследовали надписи на каменных стелах, установленных в XVI—XVIII вв. в храмах, кумирнях, казенных управлениях и т. д. Поиски были сопряжены с трудностями: некоторые стелы при перестройке городов скрылись под слоем штукатурки, часть — испорчена или разбита на куски; их находили среди камней или могильных плит. Наибольшее число стел найдено при обследовании ткацких районов вокруг Наньцзина, Шанхая, Сунцзяна, Сучжоу (и в самом Сучжоу).

денежные сборы на постройку торговых помещений, и другие материалы самого разнообразного характера.

Огромная ценность сборника состоит в том, что он объединяет документы, раскрывающие экономическую и политическую жизнь наиболее развитой провинции Китая в процессе ее исторического развития.

В музеях и архивах КНР автор получил эстампы с некоторых важных эпиграфических памятников. Особенно интересны четыре устава ремесленных цехов г. Чунцина, датированные концом XVIII в. (красильных мастерских и трепальщиков хлопка) и началом XIX в. (пуговочников и торговцев курительными принадлежностями). Эти уставы, написанные тушью на красной бумаге, хранятся в архиве Сычуаньского университета (г. Чэнду)⁴.

Вторую группу, самую многочисленную, составляют географические описания провинций, округов, областей и уездов — «Дифан чжи» (название «Дифан чжи» можно приблизительно перевести как «Географическое описание»). По содержанию они представляют собой подробный историко-географический обзор той или иной местности; в него включаются также главы о налогах и экономике, целые литературные сочинения, перечни знаменитых людей, уроженцев данной местности, за многие века и т. д.

Ценность «Географических описаний» для изучения экономики, истории, исторической географии, истории литературы огромна. Всего в Китае их существует свыше семи тысяч [283], так как начиная с древности большое значение придавалось здесь изучению природных условий, обычаев, местных занятий. С XIII—XIV вв. такая работа стала проводиться постоянно. Развивавшемуся централизованному государству нужны были самые разнообразные сведения о подданных и территории — ведь на этом основании происходило распределение налогов и повинностей, поставка даров императорскому двору, назначение чиновников и т. д. Имена составителей «Дифан чжи», предисловия к этим сочинениям показывают, что над их созданием корпели обычно должностные лица высокого ранга. Некоторые из этих обзоров принадлежат кисти известных писателей и ученых. Описание области Сучжоу в Сунское время («Уцзюнь чжи») было составлено известным ученым и писателем Фань Чэн-да.

Наиболее подробными и достоверными являются уездные «Дифан чжи». При их составлении использовались хозяйственные документы местных управ, ранее написанные сочинения. Не последнее место занимали и непосредственные наблюдения составителей над природой и хозяйством данного уезда.

Уездные описания являлись основой для областных и окружных, которые в свою очередь служили материалом для провинциальных. На основе последних в XVII в. было сделано «Большое географическое описание Китая в период правления династии Мин» («Дамин и тунчжи») [27].

Эти источники содержат ценнейшие данные об уровне развития производительных сил, ремесле, торговле, налогах соответствующих эпох⁵.

В Цинское время почти при каждом императоре составлялось новое «Дифан чжи». В каждую последующую хронику почти целиком входили материалы более ранних. Поэтому исследователь, занимающий-

⁴ Перевод текстов уставов с комментарием и вступительной статьей автора см. [18; 19; 20; 21].

⁵ Географическими описаниями специально интересовался Н. Я. Бичурин. Им переведена значительная часть «Большого географического описания Китая в период правления династии Цин» («Дацин и тунчжи») [28, 29].

ся историей и экономикой XVI—XVIII вв., имеет возможность использовать более поздние географические описания (XIX—XX вв.), сравнить экономическую терминологию различных периодов, выявить различия одного и того же текста и, главное, исследовать процесс развития определенных экономических явлений в одной и той же местности на протяжении почти трех веков.

«Географические описания» XVI—XIX вв. отличаются от более ранних своими огромными размерами [уездные описания насчитывают 15—20 тетрадей (бэней), провинциальные — свыше 100]⁶, большим числом разделов, более тщательной разработкой отдельных тем. Почти все они однотипны: в них входят карты и топографические планы местностей, исторический очерк, описание административного деления, «гор и вод»⁷, ирригационных сооружений, государственных учреждений, системы экзаменов, храмов и жертвоприношений; в них отражены местные искусство и поэзия, есть разделы «Разное», «Дополнения» и т. д. Обычно разделы располагаются в последовательности, перечисленной здесь. Однако встречаются и отступления от этого порядка, в особенности в «Описаниях» тех областей, где значительного развития достигли какие-либо виды ремесел (производство фарфора, изготовление вееров, обработка бамбука и пальмового листа); важные или новые отрасли сельского хозяйства (разведение хлопка, тутового дерева, ореха лунъянь — «глаз дракона» и т. д.). Тогда в описаниях допускались перемещения глав и даже выделялись самостоятельные разделы о местных промыслах или обычаях.

Так, в описаниях провинции Цзянси и области Жаочжоу в этой же провинции, а также уезда Фулян выделены самостоятельные главы о цзиндэчжэньском фарфоровом производстве, во все описания г. Чэнду и провинции Сычуань включен трактат о сычуаньском шелке («Шу-цзинь пу») [73; 74], в фошаньских описаниях специальные разделы посвящены торговле и цехам, в описаниях Ханчжоу, Хучжоу, Фучжоу, Цзядина большое место отведено ткацкому промыслу.

Третья группа — сочинения, посвященные специально описанию отдельных ремесел, их техники и технологических приемов.

Подобные произведения мы находим и в более раннее время: при Сунах создавались трактаты о чае и фарфоре, в начале XIV в. была написана «Нуншу» — книга о сельском хозяйстве. Но в этих сочинениях значительно больше места, чем практические сведения, занимало поэтическое воспевание изящных фарфоровых сосудов или ароматных сортов чая.

Литература же XVI—XVIII вв. отличается ярко выраженным практицизмом, пристальным вниманием к ремеслу, экономике, технике, к самому процессу производства: что изготавливается, где, как, какими механизмами, сколько занято людей, какие приносит выгоды. Эта литература — первоклассный источник при изучении истории техники, истории развития производительных сил китайского общества.

Самые ранние сочинения такого рода (начало XVII в.) представляют собой описание ремесленного производства в целом, более поздние (конец XVII—XVIII в.), как правило, — только одной отрасли: фарфорового, шелкоткацкого, хлопчаткацкого дела и т. д. И это понятно. Производство в целом стало труднее описывать из-за дробления ремесел, возникновения новых отраслей.

⁶ Число листов в тетрадях различно — от 40 до 70—80, а иногда до 100.

⁷ «Горы и воды» — условное название разделов с описанием ландшафтов. Оно сохранялось и в том случае, если описываемая местность не имела ни гор, ни крупных рек и водоемов.

Первое место среди этой группы источников занимает книга Сун Ин-сина «Тяньгун кайу»⁸, появившаяся в 1637 г. Об авторе известно следующее: родился он в провинции Цзянси (уезд Фэнсинь) (конец XVI — начало XVII в.), а умер в 40—50-х годах XVII в.⁹ Сун Ин-син происходил из знатной семьи, его отец и братья были крупными чиновниками. Отказавшись от мысли держать столичные экзамены, Сун Ин-син занимал различные чиновничьи должности в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Аньхуй, много сил отдавая литературному труду. Он написал «Хуайнь гуйчжэн», «Цзасэ вэньюаньхао», «Чжиянь шичжун» и др. До нас, к сожалению, дошла только «Тяньгун кайу».

Японский ученый Миэ Хирото установил, что существовали два списка «Тяньгун кайу» [262, 29]. Самый ранний, включающий шесть глав, был издан на несколько лет раньше общеизвестного (три главы), вышедшего, как мы уже упоминали, в 1637 г. Созданная в период политических потрясений, книга Сун Ин-сина осталась в Китае незамеченной и через какое-то время была почти утрачена; лишь отдельные ее части вошли в энциклопедию «Гуцзинь тушу цзичэн» («Собрание книг и изображений с древности до настоящего времени») [113] и некоторые другие сборники. Однако оба списка попали в Японию и уже в XVIII в. привлекли к себе внимание ученых. После издания текстов в 1771 г. в Японии было начато изучение обоих вариантов, их сравнение и комментирование. На основе «Тяньгун кайу» японские исследователи установили, что многие технические достижения пришли в Японию из Китая.

В современной японской литературе существует множество работ, исследующих данные «Тяньгун кайу» о сельском хозяйстве, ремесленной технике, естествознании и т. д. Наиболее интересные из них переведены в Китайской Народной Республике на китайский язык [262].

В Китае же первое издание «Тяньгун кайу» вышло только в начале XX в. Это была перепечатка находящихся в Японии подлинников; в последующие годы (1935, 1936, 1952, 1959) появилось еще несколько изданий¹⁰.

В 60-х годах XIX в. книга привлекла внимание известного французского сиолога С. Жюльена. Однако трудность текста, специфика китайской средневековой технической терминологии, большое число «мертвых», вышедших из употребления иероглифов и диалектных слов не позволили ученому довести работу до конца, и она вышла как частичный перевод и пересказ фрагментов книги [141]. Только в последние годы «Тяньгун кайу» привлекла внимание китайских исследователей и как источник по истории науки, техники, социальной структуры в позднее средневековье и как предмет собственно филологического исследования.

Книга делится на три главы (цзюаня); каждая из них включает в себя шесть отделов с описанием различных производств. Как отмечает Сун Ин-син в предисловии, он выбрал самые основные и важные для Китая отрасли.

⁸ Перевод названия «Тяньгун кайу» чрезвычайно труден. Один из возможных вариантов: «О том, как, совершенствуя Поднебесную, получают вещи». Однако возможны и другие варианты. В дальнейшем в тексте будет употребляться только транскрипция китайского названия книги «Тяньгун кайу».

⁹ Точных дат нет. В литературе называются годы правления Ваньли (1573—1619) и Шуньчжи (1644—1661). Все биографические сведения о Сун Ин-сине взяты из книги «Сборник статей по изучению „Тяньгун кайу“» (далее — «Изучение „Тяньгун кайу“») [262, 20—21].

¹⁰ Все издания «Тяньгун кайу», которыми пользовался автор настоящей книги, включают три главы.

Значение труда Сун Ин-сина состоит прежде всего в том, что в нем отражен уровень развития производительных сил Китая в начале XVII в.: состояние сельскохозяйственной и ремесленной техники, новейшие достижения и открытия в наиболее важных отраслях производства, уровень экономики в самых развитых провинциях Китая.

Книга Сун Ин-сина — синтез больших практических знаний, опыта, наблюдений и глубоких обобщений. Автор — человек незаурядного ума и таланта. Поразительно то, что во всей книге мы не находим ни малейшего намека на средневековые суеверия. Так, в разделе о разведении риса Сун Ин-син пишет, что при выжигании земли для посевов не бывает никаких чертей, опровергает бытовавшие в народе поверья [140, I, стр. 5а]. Таинственное, с точки зрения средневековых китайцев, образование пламенеющей глазури на фарфоре (яобяньхуа) истолковано им как естественный процесс изменения состава первоначальных материалов при обжиге в печи [140, II, стр. 7а]. Вся работа основана только на фактах, которые и составляют основное содержание книги. Особенное внимание уделяется числовым данным, количественным соотношениям при описании плавки металлов, приготовлении фарфорового теста и глазури и т. д. В книге есть некоторые ошибки и неточности, объясняющиеся преимущественно тем, что автор принимал на веру ошибочные утверждения древности: так, Сун Ин-син писал, например, что хлопок и бумага появились в Китае в период династии Цинь, что в Индии писали на раковинах, что после извлечения из шахты железной руды последняя зарождается вновь [262, 7, 17, 19].

Хотя книга была написана цзянсийцем, автор хорошо знал не только свою провинцию — он описывал текстильную технику Цзяннани, разведение шелковичных червей в пров. Чжэцзян, анхуйский способ производства туши [262, 22].

И еще одна существенная особенность: несмотря на то что в этот период китайцам уже были известны некоторые достижения европейской науки (главным образом через миссионеров), никаких указаний на это мы не находим. Нет в книге и упоминаний о событиях, происходивших тогда в стране — крестьянской войне, вторжении маньчжуров. Нам трудно объяснить эти факты: быть может, сказывалась удаленность пров. Цзянси и от столицы и от оживленных приморских районов; быть может, Сун Ин-син сознательно избегал некоторых сюжетов.

Бесспорные достоинства книги не исключают ее временной ограниченности. В выводах автора отразился уровень знаний его времени, наивные представления о некоторых явлениях природы¹¹. Однако все это не снижает ценности книги для исследователей.

Другой важный труд по истории ремесленной техники в Китае — «Нунчжэн цюаньшу» («Полная книга о сельском хозяйстве»)¹² — сельскохозяйственная энциклопедия, написанная Сюй Гуан-ци (1562—1633).

¹¹ В книге «Изучение „Тяньгун кайу“» рассмотрены некоторые неточности и ошибочные утверждения Сун Ин-сина, установлено, где он проявил себя как исследователь, а где принимал на веру ошибочные утверждения древности [262, 7, 17, 19].

¹² Автор настоящей работы пользовался двумя изданиями книги: третьим, ксилографическим, вышедшим в 1843 г. [145], и последним (шестым), изданным в двух томах в 1956 г. в Шанхае [144]. Самое раннее издание датировано 1639 г. Однако потомок Сюй Гуан-ци в седьмом поколении Сюй Жу-чжан, принимавший участие в третьем издании книги, писал в предисловии, что издание 1639 г. не является первым; книга издана впервые между 1625 и 1628 гг. [см.: 145, предисловие].

Последнее, шестое издание — результат работы по сверке и восстановлению текста, проведенной исследователями КНР; оно представляет собой воспроизведение варианта 1639 г.

Другие издания: второе — 1837 г., четвертое — 1874 г. (повторение в 1930 г.), пятое — 1909 г.

Он родился в Шанхае (пров. Цзянсу) в помещичьей семье. Дед и отец его занимали должности управляющих казенной торговлей, поэтому в молодости Сюй Гуан-ци много раз ездил в южные провинции Китая и мог хорошо познакомиться с внутренним положением страны и состоянием ее внешних связей. Известно, что в 1581 г. Сюй Гуан-ци выдержал экзамены и получил ученую степень сюцай, а в 1604 г. получил степень цзиньши и стал сановником. Он входил в состав академии Ханьлинь¹³, был заместителем начальника и начальником в либу (ведомстве обрядов), дасюэши¹⁴ в Нэйгэ (Государственном совете). Всю жизнь он изучал сельское хозяйство и военное дело, так как считал, что источник государственного богатства — сельское хозяйство, а гарантия его — хорошее состояние армии и военного дела¹⁵.

«Нунчжэн цюаньшу» — только одно из многочисленных сочинений ученого, посвященных различным отраслям науки. В этой книге подробно описаны и иллюстрированы процессы шелкомотания, прядения, очистки хлопка, ткачества, крашения, содержатся интересные сведения о расширении рынка и развитии экономических связей между севером и югом Китая.

Труд Сюй Гуан-ци был создан для практических целей. Автор собрал и обобщил народный опыт, описал новые изобретения и достижения. Бесспорные достоинства книги — утверждение активной роли человека, его способности подчинять себе природу, опровержение теории о фатальном влиянии природы (климата и почв) в сельском хозяйстве (фын ту лунь), распространенной в Китае во времена Сюй Гуан-ци. Отрицая основной тезис этой теории — «Невозможно изменить выгоды, приносимые землей» («Туди со и идин бу и»), Сюй Гуан-ци утверждал, что совершенствование сельскохозяйственного процесса, использование крестьянского опыта ведения хозяйства, применение новых земледельческих орудий позволяют увеличить урожайность и расширить границы распространения многих культур, и доказывал это многочисленными практическими примерами, в том числе распространением посевов хлопка на севере. Ученый отрицал некоторые суеверия, в частности обожествление животных и насекомых, считавшихся в народе неприкосновенными. «Нунчжэн цюаньшу» представляет огромный интерес для исследователя еще и потому, что оно написано Сюй Гуан-ци в одно время с «Тяньгун кайу» Сун Ин-сина и дает возможность сравнивать одинаковые по времени источники в той их части, где описывается ремесленная техника.

Стремление овладеть естественнонаучными и техническими знаниями привело Сюй Гуан-ци к христианским миссионерам. Он встречался с Маттео Риччи; Хуан де Роха обратил его в христианскую веру (при крещении Сюй Гуан-ци получил имя Павел), с помощью Лазаре Каттанео он познакомился с основами естественных наук, изучал произведения Эвклида и тригонометрию.

Сюй Гуан-ци был первым переводчиком европейских книг и одним из первых китайцев, популяризовавших в своей стране достижения европейской науки. Он издал около ста переводов с европейских книг.

¹³ Ханьлинь (или Ханьлиньюань) — «Лес кистей» — название императорской академии в средневековом Китае.

¹⁴ Дасюэши — чин пятого ранга, учрежденный в начале правления династии Мин. Дасюэши состояли советниками при императоре. Их роль постепенно возрастала, и в конце правления династии Мин — это крупные сановники при дворе, стоявшие выше шаншу — начальников ведомств [222, стр. 196—197].

¹⁵ Подробное изложение биографии Сюй Гуан-ци и анализ его научных воззрений даются в предисловии к сочинениям Сюй Гуан-ци, написанном Ван Чжун-минем [146].

Европейские научно-технические знания нашли отражение в сочинениях Сюй Гуан-ци: в трудах по астрономии, в многочисленных проектах преобразования китайской экономики, реорганизации системы военных поселений.

Чтобы практически обосновать свои взгляды, Сюй Гуан-ци купил в Тяньцзиньне участок земли, где вел хозяйство на основе передовых в то время методов.

Сюй Гуан-ци, представитель высших чиновничье-бюрократических кругов, разделял, по-видимому, передовые взгляды ханьлинцев, преподавателей и ученых столичной академии. О. Л. Фишман характеризует Сюй Гуан-ци как ученого, который «резко протестовал против схоластики, против „учености“, не имеющей практического значения, ратовал за знание, связанное с практикой, с жизнью» [220, 16].

Основным источником для изучения казенного шелкоткацкого производства в Китае послужила книга Сунь Пэя «Сучжоу чжицаоцзюй чжи» («Описание ткацкого управления в Сучжоу») [142], написанная в 40—50-х годах XVII в. Книга эта дошла до наших дней в виде рукописи, хранившейся в Сучжоу, сначала в ткацком управлении, а затем в различных учреждениях и фактически была недоступна исследователям. Лишь в 1957 г. китайский экономист Пэн Цзэ-и включил часть этой книги в свои «Материалы по истории кустарного производства Китая в новое время» [115], воспользовавшись рукописной копией Пекинской библиотеки. В данном исследовании использован экземпляр рукописной копии, полученный в 1959 г. в Сучжоу, в Комитете по собиранию редкостей и древностей (позднее рукопись была издана).

В десяти главах книги изложена история наньцзинских и сучжоуских казенных шелкоткацких мастерских — их разрушение в середине XVII в. и восстановление при новой династии; приводятся статистические данные о числе станков, рабочих и разделении их по специальностям, об объеме и качестве изготавливаемой продукции и т. д. В книге отчетливо отражены изменения, происходившие в экономике: кризис системы повинностей и переход к найму работников, расширение рынка сырья.

Ни одному из китайских ремесел не уделялось в литературе столько внимания, сколько фарфору, в особенности цзиндэжэньскому. Целая серия сочинений, написанных в разное время по инициативе частных лиц, позволяет многосторонне изучить фарфоровое производство. Среди этих материалов есть описания многих мастерских (Дэхуа в Фуцзяни, Лунцюаня в Чжэцзяне и др.), но только в сочинениях о цзиндэжэньском производстве есть сведения по экономической истории. Поэтому наша работа и написана главным образом по цзиндэжэньским источникам.

Наиболее раннее из дошедших до нас сочинений на указанную тему было написано Тан Инем, инспектором казенных мастерских. Сначала это был просто доклад императору, а в 1743 г. его издали под названием «Таочжи тушо» («Иллюстрации и объяснения к производству фарфора»). Первое издание книги не дошло до нас, но оно было целиком включено во все более поздние сочинения о фарфоре — «Цзиндэчжэнь таолу» («Описание цзиндэжэньского фарфорового производства») [132], «Даогуан Фулянсянь чжи» («Описание уезда Фулян в годы правления Даогуан») [65], «Гуансюй Цзянси тунчжи» («Географическое описание провинции Цзянси в годы правления Гуансюй») [88].

В «Фулянсянь чжи» цитируется и еще один труд Тан Иня — «Таочжэнь шиюй гаосюй» («Предисловие к сборнику [императорских] указов, касающихся производства фарфора»), где рассказывается о приемах

строительства печей для обжига и передаче этого ремесла по наследству в уезде Фулян.

Записки Тан Иня — подробные и довольно точные описания всего процесса производства, начиная с добычи сырья и кончая росписью и обжигом сосудов. Они содержат ценные сведения о положении мастеров в казенных мастерских, о заработной плате, о торговле фарфором.

Наиболее полное изложение процесса производства находим мы в книге Лань Пу (Пу Пин-аня) «Цзиндэчжэнь таолу» (нами использовано издание 1915 г., ксилограф, и второе издание — 1903 г.). Лань Пу — крупный чиновник и ученый, возглавлявший казенное управление цзиндэчжэньским фарфоровым производством во второй половине XVIII в. Он умер в 1795 г., не завершив работы; труд был окончен его учеником Чжэн Тин-гуем (Ван Гу) вместе с группой других авторов и издан в 1815 г. с предисловием Лю Пина.

«Цзиндэчжэнь таолу» — безусловно самый значительный и обобщенный труд о фарфоровом производстве. Он состоит из десяти глав, снабжен иллюстрациями и планами Цзиндэчжэня. В него вошли и многие (впоследствии утраченные) сочинения, написанные о фарфоре более ранними историками, писателями, поэтами, и ценнейшие сведения, полученные Лань Пу от мастеров фарфора и в результате непосредственных наблюдений.

Первая попытка перевести «Цзиндэчжэнь таолу» на европейские языки была предпринята в середине XIX в. С. Жюльеном [134]. Однако он смог выполнить лишь часть работы — три главы в его книге не переведены совсем, а в остальных семи допущены значительные пропуски, искажающие текст.

Перевод книги на английский язык был осуществлен Джеффри Сайером почти через сто лет, в 1951 г. [133]. Работа Д. Сайера по обстоятельности и культуре перевода неизмеримо превосходит переводы С. Жюльена. Она интересна для нас и тем, что дает большие возможности для сопоставлений и полемики, особенно когда дело касается перевода экономических терминов.

Еще одна значительная книга о фарфоре — «Таошо» («Слово о фарфоре») [162] — китайского ученого Чжу Яня. Книга написана в годы Цяньлун (1736—1795), а издана в 1914 г. В ней нет непосредственных наблюдений, которыми ценна книга Лань Пу, но зато дается изложение истории производства, значительно более систематическое, чем во всех других источниках.

Кроме рассмотренных выше описаний фарфорового производства нами были использованы «Цзиндэчжэнь тао гэ» («Песнь о цзиндэчжэньском фарфоре») Гун Юэ [127а], «Фулян таочжэн чжи» («Описание производства фарфора в Фуляне») и ряд других источников.

Всем сочинениям о фарфоре присущи некоторые сходные черты.

Это, как правило, описания казенного производства, императорских печей, казенной продукции; частному производству уделено мало места.

История и организация производства, характеристика рабочей силы и т. д. изложены кратко, а его технология, описание готовых изделий — со множеством подробностей. Еще одна особенность источников о фарфоре — крайняя запутанность и неоднородность терминологии: одни и те же предметы, процессы и т. д. даже современники называют по-разному (иногда в пределах одной книги). Так, в «Цзиндэчжэнь таолу» мастерская обозначается терминами «цзо», «цзя» и даже «ху». В описаниях технологии производства фарфора встречается множество слов местных, не вошедших в словари, утративших свое первоначальное зна-

чение¹⁶. Все это создает большие трудности при использовании источников.

Ошибки и несоответствия в изложении технических вопросов (на это указывают и многие китайские и японские исследователи) [262, стр. 135—136] объясняются тем, что люди, занимавшиеся производством фарфора, никогда не вели записок, а составители истории фарфора никогда не были вполне компетентны в вопросах техники.

Четвертую группу составляют различные исторические, географические, литературные произведения, которые объединяет то, что они написаны частными лицами не по заказу феодальных властей, а по личной инициативе, и поэтому часто отражают неофициальные взгляды. Эта группа источников невелика — немногим более тридцати произведений. Хронологически они относятся либо к концу XVI—началу XVII в., либо к XVIII в.

По форме эти произведения различны; одни близки к географическим описаниям: Гу Тин-линь (Гу Янь-у) «Тянься цзюньго либин шу» («Книга о выгодах и убытках Поднебесной»), XVII в. [129]; Цюй Да-цзюнь «Гуандун синьюй» («Новое слово о Гуандуне»), 1700 г. [157]; Янь Жу-и «Саньшэн бяньфан бэйлань» («Краткое описание трех провинций» — Шэньси, Сычуани, Хубэя), 1802—1804 гг. [165]; другие представляют собой записки частных лиц по различным вопросам истории, экономической жизни, литературы: Чжу Го-чжэнь «Юнтун сяопинь» — («Записки в беседе Юнтун»), XVII в. [159]; Гу Гун-сюэ «Цинся сяньцзи шанчао» («Избранные записи, сделанные в период летнего времяпрепровождения») [126]; Гу Чжэнь-тао «Умэнь бяонь лэйбянь» («Описание явлений в Умэне, на которые никто не обращает внимания»), XVIII в. [128]; третьи — произведения художественной литературы и т. д.

В сочинениях, написанных частными лицами, гораздо более полно, чем в официальной литературе, нашли отражение изменения, происходившие в экономической жизни страны: разложение цехового ремесла, зарождение мануфактуры, расширение рынка.

На этих изменениях сосредоточил свое внимание Цюй Да-цзюнь, что он и подчеркнул заглавием книги «Новое слово о Гуандуне». Он пишет о крупном железоплавильном производстве, принадлежащем частным лицам, о разделении труда в металлообрабатывающих мастерских, о внешней торговле, не дозволенной правительством и т. д.

Минский писатель Чжоу Хуэй (XVI в.) назвал свою книгу «Соши чэнь-лу» («Записки о пустяках»), а Гу Чжэнь-тао (XVIII в.) «Умэнь бяонь лэйбянь» («Описание явлений в Умэне, на которые никто не обращает внимания»). Этими названиями авторы хотели подчеркнуть отличие своих трудов от известной традиционной литературы. И, действительно, у Чжоу Хуэя мы находим сведения о наемном труде в городах, борьбе наемных работников за создание своей собственной цеховой организации (цихан), в книге Гу Чжэнь-тао содержатся ценные сообщения о торговой деятельности.

В собрании сочинений Тан Шунь-чжи «Цзинчуань сяньшэн вэнь-цзи» («Собрание сочинений учителя из Цзинчуаня») [149] и Чжу Го-чжэня «Юнтун сяопинь» («Записки в беседе Юнтун») большое место занимает описание новых сельскохозяйственных культур, новой системы орошения, лучших способов выращивания шелковичных червей.

Неофициальная литература XVI—XVIII вв. представляет для нас особую ценность, потому что в ней отражены новые экономические взгля-

¹⁶ Интересно, что те же самые трудности стояли и перед учеными XVIII в. Лань Пу жаловался, что термины в описаниях производства даны на местном языке, отличном от общеупотребительного; многие слова не вошли в словарь [132, V, 1a].

ды, имевшие тесную связь с прогрессивными политическими и общественными веяниями того времени. Так, Чжу Го-чжэнь был одним из активных деятелей политической группировки Дунлинь¹⁷, выступавшей против феодальной косности и отсталости Китая, за политические и экономические реформы [207, 66—97].

Зарождавшиеся в китайской идеологии XVI—XVII вв. новые экономические учения были результатом новых процессов в экономике и в какой-то мере отражали взгляды нарождавшейся китайской буржуазии.

Однако слабость и немногочисленность идеологов нового торгово-промышленного мира, их тесная связь с феодальной аристократией повлияли и на характер экономических учений, были причиной того, что в Китае тогда не сложилось экономической школы, которая отражала бы более или менее последовательно взгляды зарождавшейся китайской буржуазии. Наиболее полно экономические взгляды этого слоя выражены в многотомном сочинении Гу Янь-у «Тянься цзюньго либин шу» («Книга о выгодах и убытках Поднебесной»).

Гу Янь-у (1613—1682) — выдающийся представитель материалистической философии Китая. Всю жизнь он посвятил борьбе против маньчжурских завоевателей, против национального и феодального гнета. Его кисти принадлежат работы по истории, географии, эпиграфике, фонетике. Свои экономические воззрения ученый изложил в «Тянься цзюньго либин шу». Любопытно, что и заглавие и содержание книги очень сходны с заглавием написанного в России в период развития мануфактур при Петре I сочинения Ивана Посошкова «О скудости и богатстве», в котором также нашли отражение поиски путей выхода из феодальной отсталости.

В центре внимания Гу Янь-у — развитие ремесел, внутренней и внешней торговли. Основная идея его книги — только развитие частной инициативы, ликвидация внешнеторговых запретов, тяжелых налогов и таможенных сборов, поощрительная политика по отношению к купцам, занимающимся добычей полезных ископаемых или торговлей в отдаленных провинциях и других странах, могут обеспечить выгоды государства: развитие хозяйства, регулярное пополнение казны, благоденствие всех подданных.

Гу Янь-у доказывает, что бесчисленные препятствия, чинимые государством внутренней торговле, таможенные сборы, произвол чиновников провоцируют незаконные действия частных торговцев, порождают разбой на дорогах — «увеличение [числа] разбойников сухопутных»; запреты в сфере внешней торговли ведут к росту контрабанды и пиратства — «увеличению [числа] морских разбойников» и в конечном итоге — к убыткам для государства.

В экономических главах своей книги Чжу Го-чжэнь уделяет особое внимание специализации отдельных районов и областей в производстве одного-двух видов товарной продукции, разведении технических культур, сырья для ремесленного производства, и влиянию этих факторов на развитие обмена, торговли между провинциями и в конечном счете — на увеличение государственных доходов.

В центре внимания неофициальных авторов — те виды ремесла, которые наиболее доходны, на которые есть спрос на рынке. Цюй Да-цзюнь в «Новом слове о Гуандуне» описывает помещичьи и крестьянские хозяйства, разбогатевшие на разведении цветов и фруктов, пальмового дерева, сахарного тростника, табака; много говорится и о

¹⁷ Группировка прогрессивных деятелей Китая, боровшаяся за преобразования в стране в конце XVI — начале XVII в. Они объединялись вокруг Восточной академии (Дунлинь шуянь), находившейся в г. Уси [см. 207, стр. 84].

частных предпринимателях, получающих огромные доходы от сахароварения и торговли сахаром.

В экономической литературе XVIII в. [Янь Жу-и «Саньшэн бяньфан бэйлань» («Краткое описание трех провинций»), Цзинь Ао-цзэ «Цзиньлин дайчжэньлу» («Собрание различных сведений о Наньцзине») и др.] заметна та же тенденция — внимание к новым формам хозяйства, к ремесленно-торговому предпринимательству, протест против притеснений со стороны правительственных учреждений. Однако она тщательно завуалирована и выражена более сдержанно из-за давления маньчжурских феодальных властей. Янь Жу-и, например, описывает обработку металлов, дерева, производство бумаги и черепицы, поднятие целины и высказывает осторожный совет: если использовать купцов, это принесет выгоду казне, даст заработок беднякам и оградит страну от разбойников.

К этой же группе неофициальных источников можно отнести некоторые произведения художественной литературы, воссоздающие яркий образ эпохи.

Особенно интересны в этом отношении романы «Цзинь, Пин, Мэй» и «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме»), минские народные повести [166; 167], книга Шэнь Дэ-фу «Ваньли ехобянь» («Собрание неофициальных записок времени Ваньли») [164] и др.

В специальную группу источников можно выделить энциклопедии, энциклопедические сборники, многотомные своды и серии, куда в виде отдельных разделов, отрывков из различных книг или целых трактатов вошли описания торговли, ремесел, чертежи и рисунки орудий производства и т. п. Издание такого рода литературы практиковалось и в Минское время.

При Минах на основании множества источников составлена энциклопедия «Сань цай ту хуй» («Энциклопедия с иллюстрациями»), составленная по трем разделам: небо, земля и человек [112], куда вошли сведения по всем отраслям знаний. «Сань цай ту хуй» — богатейший источник для изучения уровня научных знаний и техники XV—XVI вв. В разделе «Одежда», например, приводятся описания и рисунки всех прядильных и ткацких станков и механизмов. В период правления маньчжурской династии официальные государственные учреждения проводили работу по составлению и изданию многотомных компилятивных сборников. Началась она в конце XVII в., наибольших масштабов достигла в годы правления Цяньлуна (1736—1795) и продолжалась вплоть до начала XX в.

Сбор и упорядочение исторического, философского, литературного наследия были связаны с «литературной инквизицией» маньчжурских императоров, истреблявших «крамольную» литературу, уничтожавших произведения прогрессивной, свободолобивой мысли [220, 11—12].

Два основных вида энциклопедических сборников, издававшихся в этот период, — лэйшу и цуншу.

Лэйшу (или байкэцюаньшу — энциклопедия по 100 разделам) включали в себя отрывки из многих произведений, располагавшиеся по определенным разделам или темам. Крупнейшие лэйшу — это энциклопедия «Цэфу юаньгуй», созданная в Сунское время, и знаменитая «Юнлэ дадянь» — компилятивный труд, составленный в годы правления Юнлэ.

Цуншу — многотомные своды, в которых публиковались либо целые библиотеки, либо сочинения по какой-то отдельной теме, отрасли или периоду. В «Цзиньлин цуншу», например, были включены все известные сочинения о Наньцзине, в «Цзилу хуйбянь» — сочинения по минской и

цинской истории, в «Мэйшу цуншу» — различные трактаты по искусству, в «Чжибуцзу чжай цуншу» — книги, принадлежавшие семье Бао из пров. Аньхуй.

Одна из самых больших цуншу — энциклопедический сборник «Циньдин гуцзинь тушу цзичэн», составившийся по указу императора Канси под руководством Цзян Тин-си («Собрание книг и изображений с древности до настоящего времени, составленное по императорскому повелению») [113].

Этот труд был окончен в 1726 г., а издан в 1732 г. Его 32 раздела (808 бэней) включают огромное число документов и сочинений по самым различным отраслям знаний. Нами были использованы материалы из разделов о ткачестве, горнодобывающем производстве, торговле и др., в особенности отрывки из ранних сочинений, не дошедших до нашего времени.

Одно из многотомных широко известных цуншу — свод литературных сочинений «Цуншу цзичэн».

При изучении хлопкоткачества был использован «Мумянь пу» («Трактат о хлопке»), написанный Чу Хуа в конце XVII — начале XVIII в. и вошедший в эту серию [161].

Трактат представляет значительный интерес, так как дает возможность сравнить уровень техники конца XVII — начала XVIII в. с данными, приводимыми Сун Ин-сином и Сюй Гуан-ци.

В «Мэйшу цуншу» приводится трактат У Цяня «Янсянь мин таолу» («Записи об известных керамических изделиях из Янсяня») [151]. Это единственный письменный источник по истории исинского керамического производства в изучаемый период (создан в Минское время, очевидно в XVI—XVII вв.).

В работе использован также сборник «Шанхай чжангу цуншу», куда вошло сочинение писателя XVII в. Е Мэн-чжу «Юэ ши пянь» («Обозрение мира») [116] о торговле хлопчатобумажными тканями и деятельности маклерских контор.

Использованы некоторые официальные исторические публикации «Мин ши лу» («Правдивые записи Минской династии») [118], сборники официальных докладов Минской и Цинской династий.

Часть китайских источников, с которыми автор не смог познакомиться в первоизданиях, была использована в отрывках, включенных в сборники материалов, изданные в КНР.

В 1957 г. вышли четыре тома «Чжунго цзиндай шоуунъеши цзыляо» («Материалы по истории кустарного производства Китая в новое время») [115] под редакцией Пэн Цзэ-и. Публикация включает большое число материалов по истории китайской ремесленной техники, частному и казенному ремеслу и мануфактуре, цеховому строю в период до «опиумных» войн.

Наиболее ранние материалы этого сборника датированы концом XVII — началом XVIII в. Составители не приводят материалов более ранних, что, по-видимому, отражает их собственную концепцию зарождения капиталистических отношений в Китае. Извлечения из официальных источников преобладают в сборнике над документами и выдержками из сочинений частных лиц и описаний частных производств.

В том же году появился другой сборник, составленный китайским историком Ли Цзянь-нуном, «Сун Юань Мин цзинцзиши гао» («Материалы по экономической истории в Сунское, Юаньское и Минское время») [241].

Кое-какие любопытные сведения о ремесле исследователь почерпнет и в записках европейцев, посетивших Китай в XVI—XVII вв. Ино-

странцы, главным образом католические миссионеры, стали проникать в Китай после великих географических открытий. Некоторым удавалось добиться доверия и покровительства высоких китайских чиновников и обосноваться в Пекине и Наньцзине, другие же не смогли проникнуть дальше прибрежных городов. Миссионеры оставили обширную литературу о Китае. Ценность этих трудов различна. Одни представляют собой действительно верные и точные наблюдения, другие же полны курьезов¹⁸ и записей недостоверных слухов.

В миссионерских записках особенное внимание уделялось торговле и ремесленному производству. Европейские дворы требовали от своих посланцев раскрытия секретов производства китайских шелковых тканей и фарфора. Многие миссионеры пытались проникнуть в Цзиндэчжэнь, используя для этого любые средства.

В 1655 г. вышла книга иезуита М. Мартини «Новый китайский атлас», где было описано производство фарфора в Дэхуа (пров. Фуцзянь). Французский монах д'Антреколль был первым из европейцев, кому удалось посетить Цзиндэчжэнь в 1712 г. В своих «Письмах о фарфоре»¹⁹ он описывает внешний вид Цзиндэчжэня, доставку сырья в этот город, процесс производства и торговлю фарфором [302].

В «Письмах» отмечен такой интересный факт, не нашедший отражения в китайских источниках, как попытка организации фарфорового производства в Пекине при императоре Канси (1662—1722).

В настоящей работе использованы также описания ремесел и торговли в Китае, взятые из дневников Маттео Риччи [174], Гаспара да Круза, Мартина де Рады, Галеота Перейры, посетивших Китай во второй половине XVI — начале XVII в. [175].

На основе миссионерских отчетов, дневников и сочинений в начале XVIII в. во Франции Жан-Батист дю Гальд (du Halde) составил описание Китайской империи [170], куда вошли многочисленные географические, исторические и экономические сведения о Китае, извлеченные из многих десятков миссионерских трудов. Книга дю Гальда — один из самых обстоятельных общих трудов о Китае; долгое время она служила в европейской науке надежным источником по географии, истории и экономике Китая, была переведена на английский и русский языки [169; 171]. Как исторический источник, она не утратила своей ценности и до настоящего времени.

Ценным источником по истории китайского города в XVIII в. является «Описание первья части вселенной, именуемой Азьи, в ней же состоит Китайское государство», составленное Николаем Спафарием (Милеску) [176], послом Русского государства к маньчжурскому двору в 1675 г. Книга Спафария — значительно более интересный источник, чем многие миссионерские записки; она ценна не только своей достоверностью, свежестью непосредственных наблюдений, но и тем, что автор широко использовал труды своих предшественников, русских и иностранных.

Отсутствие в китайских источниках торговой статистики было в какой-то мере восполнено статистическими данными Ост-Индской компании, собранными в книге Х. Б. Морзе «Хроника торговли Ост-Индской компании в Китае. 1635—1884» [314]. Сведения о вывозе из Китая шелка, тканей, фарфора, драгоценных металлов, сахара были использованы при изучении сбыта ремесленных изделий на внешних рынках.

¹⁸ В записках Галеота Перейры сообщается, например, что фарфор делали из морских раковин. В той же книге написано, что для производства фарфора использовался навоз [175].

¹⁹ Письма переведены на английский и русский языки [173].

Изучая историю китайского ремесла, автор совершил поездку по провинциям, избранным для исследования: Цзянсу, Цзянси, Чжэцзян, Гуандун, Сычуань, и посетил ремесленные мастерские, в которых работа ведется традиционными методами, с использованием старой техники производства (1959, 1967).

Интересные материалы были собраны в шелкоткацких мастерских в Наньцзине, Чэнду, Фошане, Сучжоу, Ханчжоу, фарфоровых и керамических мастерских Цзиндэчжэня, Исина, Гуанчжоу, хлопкоткацких мастерских Чуаньша, мастерских по изготовлению золотых и серебряных листов в Фошане, украшений из серебряных нитей в Чэнду, вышивок, кэсы и сандаловых вееров в Сучжоу, перегородчатой эмали в Пекине, мелкой глиняной пластики в Уси и на многих других кустарных и полукустарных предприятиях.

Весьма плодотворными были беседы со старейшими мастерами — потомственными китайскими ремесленниками.

При посещении музеев страны автор имел возможность познакомиться с многочисленными памятниками материальной культуры: орудиями ткачества XVI—XVIII вв. в Пекинском, Наньцзинском, Фошаньском исторических музеях; изучить ремесленную продукцию XVI—XVIII вв. по коллекциям шелковых тканей, фарфора и керамики в Пекине, Цзиндэчжэне, Шанхае, Чэнду, Ханчжоу, Наньцзине, Сучжоу.

Были изучены также коллекции фарфора Государственного музея искусства народов Востока (далее — ГМИНВ) (Москва), Восточного отдела Государственного Эрмитажа и Дрезденской галереи, Чехословацкого Национального музея прикладного искусства.

Над этой книгой я работала несколько лет под руководством профессора МГУ Л. В. Симоновской, которой приношу глубокую благодарность за повседневное внимание и щедрую научную помощь.

Работе над книгой способствовали ценные консультации проф. [Чжоу Сун-юаня] и [К. В. Лепешинского (Цзо Ши)]. В 1959 г. во время го-

дичного пребывания в Пекинском университете и поездок по стране я встречалась и вела полезные для меня дискуссии с известными историками Янь Чжун-пином, Пэн Цзэ-и, Цзянь Бо-цзанем. Особенно признательна я историку Пекинского университета Сюй Да-лину за искреннюю и дружескую помощь в изучении трудных средневековых документов.

Мои коллеги и друзья помогли мне в работе над книгой: д-р эконом. наук проф. Г. В. Астафьев, д-р истор. наук проф. М. Н. Пак, Засл. деятель культуры РСФСР [М. Н. Кречетова], канд. истор. наук

А. А. Бокщанин, канд. истор. наук З. Г. Лапина, С. Н. Мартынчук, сотрудники сектора Юго-Восточной Азии Института этнографии АН СССР сделали ценные критические замечания; старший научный сотрудник ВИНТИ АН СССР доц. М. Л. Карапетьянц и Т. А. Алексеева дали мне необходимые консультации по вопросам техники производства, Л. А. Кувшинникова помогала точными библиографическими справками; Засл. деятель искусств РСФСР О. Н. Глухарева подобрала в фондах Государственного музея искусств народов Востока несколько важных для книги иллюстраций.

Считаю своим долгом выразить всем им сердечную признательность.

Глава I

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В XVI—XVIII вв.

ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА И ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ

Ко второй половине XVI в. в экономике китайского феодального государства наметились сдвиги, подготовленные всем ходом истории страны в предшествующие полтора столетия. Особенно заметными стали они в ремесленном производстве и торговле.

Однако было бы крайне неверным представлять себе развитие хозяйства в XV—XVI вв. как непрерывное движение по восходящей линии. Процесс этот совершался очень медленно и неравномерно, периоды развития сменялись кризисами и застоем. Рост торговли землей и увеличение налогов вызывали расслоение деревни, обезземеливание крестьян и, как следствие, приток рабочей силы в города, значительное увеличение городского населения.

В ремесленном производстве XVI—XVIII вв. можно совершенно отчетливо выделить два исторических этапа.

Первый этап начинается с экономического подъема середины XVI в. и кончается вторжением в Китай маньчжуров (1644 г.).

Установление маньчжурского господства сопровождалось разрушением и сожжением городов, истреблением населения¹. Многие города превратились в руины, в них «уцелело всего лишь несколько десятков семей» [201, 512]. Тысячи ремесленников и торговцев покинули свои жилища, спасаясь от произвола завоевателей. От маньчжурского нашествия пострадали почти все крупные торговые и ремесленные центры: Наньцзин, Сучжоу, Сунцзян, Уси, города вдоль берегов Янцзы, на юго-восточном побережье и в Сычуани.

Маньчжурское вторжение на несколько десятилетий приостановило развитие китайской экономики.

Столкнувшись с сопротивлением горожан, маньчжуры постарались ослабить центры антиманьчжурской борьбы. Их городская политика сводилась, с одной стороны, к усилению надзора над городским населением, к недопущению скопления в одном месте городских низов, с другой же — к мелким уступкам торгово-ремесленным кругам с целью ос-

¹ В 1623 г. население Китая насчитывало 51 655 400 [118, XXXVII], а в 1660 г. — 19 087 600 («Ванши Дунхуа лу», цз 35). [Цит. по: 228, стр. 9].

лабления их недовольства. Маньчжуры насильственно выселяли ремесленников и торговцев в определенные городские районы, на окраины. В указе, изданном от имени первого маньчжурского императора по случаю его приезда в Пекин в конце 1644 г., говорилось: «Так как в столице военные и народ живут разбросанно, мы вынуждены расселить их в восточной, центральной и западной частях города. Тех, кого переселят, освободить от налогов на три года» [222, 178].

Внутренняя политика маньчжуров привела к расчленению страны, к созданию административно-обособленных районов. А это надолго затормозило складывание внутреннего рынка [207, 114]; внешние связи китайских торговцев и ремесленников также были почти прерваны целой системой запретов на частную внешнюю торговлю [207, 114].

Однако иноземное вторжение не остановило экономического развития, а лишь замедлило и искажило его.

Утвердившаяся в Китае Цинская династия, так же как и ее предшественники, нуждалась в ремесленных изделиях — шелковых тканях, фарфоре, бумаге, оружии и т. д. Господствующий класс очень быстро был поставлен перед необходимостью отказаться от политики репрессий по отношению к ремесленникам.

Второй этап развития ремесленного производства XVI—XVIII вв. — возрождение и рост разрушенных городов, ремесел и торговли — начался в конце XVII в.

В годы правления Канси (1662—1722), Юнчжэна (1723—1735), Цяньлуна (1736—1795) ремесло в китайских городах снова достигло значительного развития. Однако, как мы увидим в дальнейшем, это время не было «золотым веком ремесла», как оценивают его некоторые европейские историки: в области техники и технологии применялись те же методы, что и в предыдущий период; феодальные власти стремились законсервировать традиционные, отживающие формы организации ремесла.

С конца XVIII в. начинается значительный упадок ремесел, вызванный ввозом иностранных товаров, а в 40-х годах XIX в. — прямым вторжением европейского капитала в экономическую и политическую жизнь Китая.

Неравномерность экономического развития различных районов Китая определялась географическими особенностями, различными природными факторами, плодородием земли, а также условиями их исторического и экономического формирования. К XVI в. на территории Китая сложилось несколько таких районов (Шаньси; равнина к северу от Хуанхэ; горные районы Шэньси и Сычуани; Сычуаньское горное плато; равнина в нижнем течении Янцзы; равнина в верхнем течении Янцзы; холмистые районы Цзяннани; приморские районы юго-востока).

Совершенно отчетливо выступает разница в развитии северной и южной частей страны. Южные районы намного опередили северные благодаря благоприятным климатическим условиям и плодородным землям; после захвата северных областей кочевниками в XI—XII вв. за Янцзы сосредоточились огромные массы населения.

Наиболее развитые районы находились на юго-востоке страны и в бассейне Янцзы. Провинции Цзяннань², Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун намного обогнали в своем экономическом развитии Центральный и Северный Китай. Во втором ряду стояли Сычуань, Шаньси, равнина верхнего течения Янцзы.

² Цзяннань — район к югу от Янцзы, включавший части провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуй.

Ремесло и торговля достигли наивысшего уровня прежде всего в тех районах, которые примыкали к морскому побережью и рекам, стояли близ торговых путей, каналов и т. д. Центрами торгово-ремесленной деятельности стали города Цзяннани, Цзянсу, Южного Чжэцзяна, Западного Аньхуя — богатейший район земледелия, крупных речных перевозок, разнообразного сырья для развития ремесла. Развитие этих районов происходило под влиянием оживленных внешних связей, развернувшихся с XV в. на морском побережье.

Именно с юго-восточными районами связаны новые явления, возникшие в экономике Китая в середине XVI в.; здесь особенно интенсивно возникали и росли города, новые торгово-ремесленные центры, складывались товарно-денежные отношения.

В остальных районах Китая те же самые процессы шли более медленно под влиянием различных неблагоприятных условий (удаленность от торговых путей, более скудные природные условия, разрушение производительных сил в периоды нашествия кочевников). Примером может служить Чэнду, главный город пров. Сычуань, развитие которого было замедлено тем, что он находился вдали от новых торговых путей, столиц городов и центров морской торговли. И все же Чэнду развивался как город многих ремесел, где складывались те же социальные прослойки, что и в городах Цзяннани и юго-востока.

Один из важнейших факторов развития экономики Китая рассматриваемого периода — все большая и большая экономическая специализация отдельных районов и областей. Источники позволяют говорить о значительном общественном разделении труда, проследить процессы специализации различных областей и районов, производивших разные сельскохозяйственные культуры, в особенности технические, использовавшиеся в качестве сырья в соседних ремесленных центрах, а также специализацию городов и ремесленных сел в определенных видах ремесленной продукции.

Рассмотрим сообщения источников.

Вот некоторые свидетельства «Гуандун синьей», характеризующие обстановку в провинции Гуандун в конце XVII в.: «В Фаньюе, Дунване, Цэнчэне четверо из десяти человек занимаются сахароварением, а в Янчуане — шесть из десяти. Земли под сахарным тростником почти равны землям под злаками» [157, XXVII, 8].

«Гуанчжоуская земля очень изощрена, а люди крайне бедны. Богатые считают, что если использовать поля под рис, то получишь очень мало выгоды. Чтобы разбогатеть, часто занимаются разведением цветов и фруктов» [157, XXV, 27].

«Гуандунцы кормятся и одеваются за счет личжи (род фруктов. — Э. С.) и ореха лунъянь» [157, XXV, 16].

«В синкуйском Шишаотоу во всех волостях разводят пальмы, и эти земли называются „пальмовыми полями“... у людей среднего достатка производство охватывает до 10 му, и этого вполне достаточно, чтобы прокормиться и одеться» [157, XVI, 21].

Как видим, во многих районах провинции Гуандун сокращались посевы традиционных зерновых культур и расширялось производство тех видов продукции, которые преимущественно шли на рынок.

Подобные же сведения содержатся и в описаниях других провинций: многие районы Сычуани, Гуанси, Фуцзяни специализировались на производстве сахарного тростника и фруктов. В Цзянси и Чжэцзяне в XVI в. расширились посевы масличных культур и возникли мастерские по выжиманию масла [124, I, 606; 144, XXXVIII, 35a], производились новые посадки винограда для развивавшегося виноделия и т. д.

Таким образом, одним из важных признаков этого времени было начавшееся территориальное разделение труда и экономическая специализация районов.

К XVI в. выросли посевы хлопка, джута, индиго, табака, сахарного тростника, посадки тутового дерева. Под техническими культурами были заняты даже самые скудные и неудобные для обработки земли.

Так, в конце XVI — начале XVII в. распаханые земли вокруг Шанхая составляли приблизительно 200 тыс. му и более половины из них было занято посевами хлопка [144, XXXV, 14a]. В тот же период вокруг г. Цзядина 30% земли занимали посевы риса и 70% — хлопка [240, 105].

Гуй Ю-гуан, автор книги «Чжэнчуань сяньшэн цзи» («Собрание сочинений учителя из Чжэнчуаня») (конец XVII — начало XVIII в.), писал: «Третий район... прилегает к побережью моря восточнее Цзядина... поля там расположены очень высоко, урожай скудные, пять злаков там не сеют, а разводят главным образом хлопок, и местные жители занимаются исключительно прядением» [126a, III, 8].

Источники XVIII в. свидетельствуют, что население Цзянсу, Чжэцзяна, Аньхуя, Сычуани, целых областей вокруг центров шелкоткачества (Сучжоу, Ханчжоу, Наньцзина и др.) занималось разведением шелковичных червей и выращиванием тутового дерева. «В Западном Чжэцзяне все крестьяне живут исключительно за счет разведения тутового дерева и шелковичных червей» [92, III, 16].

«Жители всех чжэней³, прилежащих к Хучжоу, занимаются разведением тутового дерева и продажей листьев, и жизнь их зависит только от этого» [106, XLIV, 1a].

Специализация того или иного сельскохозяйственного района была тесно связана с ведущими отраслями ремесла в ближайшем торгово-ремесленном центре, и, таким образом, создавались районы шелкоткачества и шелководства, хлопкоткачества и хлопкосеяния, сахароварения и разведения сахарного тростника.

В книге Чжу Го-чжэня целая глава посвящена описанию областей разведения шелковичных червей и тутового дерева; из него видно, что области Хучжоу и Фучжоу перешли на обслуживание шелкоткачества не только Наньцзина и Сучжоу, но и Гуанчжоу, Луаня и др. Вот отрывок из «Шуньчжи Луаньфу чжи» («Описание области Луань в годы правления Шуньчжи»): «В близлежащих местностях число тутовых деревьев и выкормка червей сократились или прекратились совсем, поэтому материалы для луаньского шелка все привозят из далеких мест — Сычуани и Чжэцзяна» [33, VIII, 8a].

То же положение существовало и в хлопкоткачестве: области, расположенные вокруг Шанхая, Сунцзяна, Цзядина, специализировались исключительно на производстве хлопка.

Описывая разведение хлопка в районах, прилежащих к Шанхаю⁴, писатель второй половины XVII в. Е Мэн-чжу сообщает, что в Чжэцзяне производили хлопок для продажи в других провинциях⁵.

В «Цяньлун Цядинсянь чжи» («Описание уезда Цядин в годы правления Цяньлун»), XVIII в., приводится свидетельство, что мно-

³ Объяснение китайских терминов здесь и далее дано в словарях-указателях, помещенных в конце книги.

⁴ В это время Шанхай входил в пров. Чжэцзян.

⁵ «В нашем уезде производят хлопок. Вывозят его из Чжэ[цзяна] на запад во все области. Из хлопка прядут нитки и ткют ткань, в которую одевается вся Поднебесная» [116, VII, стр. 5a].

гие местности вообще не сеяли зерновых и покупали продовольствие на деньги, вырученные от продажи хлопка или тканей [см. 81, XII, 7а—7б].

В самих районах, производивших технические культуры для нужд ремесла, наметилась «вынужденная» специализация труда между крестьянскими дворами. Особенно это относится к шелковому производству, где произошло разделение между хозяйствами, разводившими тутовый шелкопряд, и хозяйствами, выращивавшими тутовые деревья и продававшими листья с них в периоды кормления гусениц.

В книге Тан Шунь-чжи «Цзинчуань сяньшэн цзи» («Записки учителя из Цзинчуаня») (конец XVI — начало XVII в.) сообщается, что в одной только деревне Танцзя было 10 тыс. тутовых деревьев [149, XVI, 2].

В области Хучжоу (конец XVI — начало XVII в.) одни семьи сажали деревья сами, а другие покупали листья, заранее договариваясь с семьями из деревни Тунсяндунтин о сроках закупки листьев, ценах на них и т. д. [159, II, 36а—37б].

В сочинениях более позднего времени — «Уцинчжэнь чжи» («Описание Уцинчжэня») (конец XVII — начало XVIII в.) и «Шуанлиньчжэнь чжи» («Описание Шуанлиньчжэня») (XVIII в.) — эти две группы крестьянских хозяйств разграничены уже более четко и приведены два различных термина для их обозначения: «цаньфан» (1)⁶ (разводившие червей) [106, V, 2а; XLIV, 1а] и «миньсан» (2) (продававшие листья) [60, VIII, 16а].

Территориальное разделение труда, происходившее в рассматриваемый период, специализация некоторых районов и областей, производящих и поставляющих сырье для развивавшегося ремесленного производства, разделение труда между крестьянскими хозяйствами — все это расширяло границы натурального хозяйства, толкало его на связь с рынком, лишало традиционной замкнутости и обособленности.

Еще более ощутимы ростки нового в городской экономике этого периода, в развивавшихся ремеслах.

В XVI в. в Китае интенсивно развивались старые и возникали новые города. Этот процесс был тесно связан с ростом ремесла и торговли. Торгово-ремесленные поселения зарождались прежде всего на торговых путях, превращаясь в крупные рынки или в пункты наибольшего развития ремесленного производства.

Вдоль Янцзы, Хуанхэ и Великого канала образовались крупные центры торговли: Тяньцзинь, Линьцин, Цзинин, Хуайань, Ханькоу, Цзиньжоу. В крупные ремесленные центры превратились Сучжоу, Ханчжоу, Сунцзян, Шанхай, Чэнду, Цзиндэчжэнь.

Европейские миссионеры, посетившие Китай в XVI в., с изумлением говорили о необычайном расцвете ремесел и торговли в китайских городах.

В дневнике Г. Перейры, например, сообщается, что он нигде не видел столько торговцев, как в Цзянси [175, 32]. На одной из рек этой провинции Перейра насчитал 600 речных торговых судов, остановившихся у какого-то города для уплаты пошлины властям [175, стр. 33].

Гаспар да Круз, посетивший Китай в конце XVI в., писал: «В этой стране много людей занимается всеми видами торговли, и огромное количество всевозможных вещей выделяется для общего употребления. И все это находит сбыт, так как народу огромное множество...

В Кантоне есть две очень длинные улицы, на которых специально изготавливают обувь, бесчисленное множество самых различных позоло-

⁶ Здесь и далее цифры в круглых скобках означают позицию иероглифа в специальной таблице иероглифов в конце книги.

ченных шкатулок и тарелок, корзинок, досок для письма, столов позолоченных и посеребренных. Множество вещей из кованого золота, серебра, меди и железа могут поведать нам о том, что в Китае занимаются этим ремеслом прекрасные мастера» [175, 124—125].

Специализация районов зависела не только от запасов сырья или природных условий: она в значительной степени определялась потребностями внутреннего и внешнего рынков. Расцвет железоделательного производства в Фошане был вызван спросом на внутреннем рынке и торговыми отношениями со странами Южных морей. Развитие косторезного промысла и создание мастерских по росписи фарфора в Гуанчжоу были вызваны исключительно потребностями внешнего рынка.

Решающим фактором в отделении ремесла от сельского хозяйства, в установлении рыночных связей между городом и деревней, в расширении торговли внутренней и внешней было появление новых и развитие старых городов.

Сучжоу

Одним из самых населенных городов, средоточием многих ремесел и торговли был Сучжоу. «Чунчжэнь Усянь чжи» [«Описание уезда У (Сучжоу) в годы правления Чунчжэня»] (начало XVII в.) рисует Сучжоу как скопление рынков и лавок, купцов и комиссионеров, как город с сотнями улиц, богатыми домами знати и увеселительными кварталами.

«Западная часть более оживленна по сравнению с восточной. Более половины людей живет различными ремеслами. Между воротами Цзинь и Чан все дворы занимаются торговлей, и в пригороде сосредоточилось очень много якуай (3) (комиссионеров. — Э. С.). Между воротами Сюй и Пань расположены различные ямыни этого уезда. В западной части особенно много мелких чиновников и прислуги, обслуживающих ямыни... а к северу и к западу рассеяны дома помещиков, читающих книги и занимающих чиновничьи должности. Около ворот Чан их особенно много» [53, X, 26].

В том же описании, в разделе «Производство», перечисляются ремесленные изделия, которыми славился Сучжоу: множество видов шелковых тканей и станков для каждого вида в отдельности, обувь, музыкальные инструменты, изделия из лака и слоновой кости, плетение из трав, сосуды из рога, серебра, золота, яшмы, красной меди, изделия из железа и олова, проволока, зонты, ножницы, всевозможные виды одежды, ковры, повозки, фонари и т. д. [53, XXIX, 36а — 376]⁷.

Превращение города в крупнейший торгово-ремесленный центр вызвало значительный рост городского населения.

При Хунъю (1379 г.) Сучжоу населяли 245 112 человек (60 355 дворов). а при Цзяцзине (1522—1576) — уже 339 042 человека (68 988 дворов). При Чунчжэне (1628—1644) число дворов увеличилось почти вдвое — до 110 969, а население возросло до 650 тыс. [53, VII]. В XVIII в. население Сучжоу (вместе с окрестностями) достигало 1 млн. [246, 27].

Сучжоу наполнили толпы пришлых людей. Они становились плотниками, каменщиками, малярами, грузчиками, лодочниками, чернорабочими, слугами в домах богачей и правительственных учреждениях. В XVII в. для удобства управления и усиления контроля над непрерыв-

⁷ Интересно, что в «Чунчжэнь Усянь чжи» раздел «Производство» не объединен с «Обычаями» и занимает значительно больше места, чем в других описаниях, что, на наш взгляд, — важное свидетельство развития ремесел в Сучжоу.

но растущим населением Сучжоу был разделен на три административных района, приравненных к уездам: Усянь, Юаньхэсянь, Чанчжоу⁸.

Сучжоу приносил цинскому двору весьма значительные доходы. Китайский историк Лю Юн-чэн приводит данные «Хуанчао цзинши вэньбянь» («Сборник сочинений об управлении») (XVIII в.) о том, что в Сучжоу ежегодно собиралось 300 тыс. лян серебра в виде налогов с торговли и ремесла [246, 27].

Наньцзин

Вторым крупным городом был Наньцзин, ставший в конце XIV в. столицей новой династии и развивавшийся как ремесленный, торговый и культурный центр, расположенный на большом торговом пути в центре шелкоткацкого и хлопкоткацкого районов. В «Хуанмин цзинши вэньбянь» (начало XVII в.) о Наньцзине говорится следующее:

«Наньцзин — очень хорошее и удобное место, воды и территория там благоприятны для сообщения, поэтому там и собираются богатства со всех сторон. Изучив прежние сведения, я вижу, что благодаря этим условиям в начале установления нашей династии (Мин.—Э. С.) народ здесь жил чрезвычайно богато, и товары собирались со всех сторон. Особенно прекрасными товарами, приносившими выгоду, были шелк и хлопок, и они считались самыми лучшими во всей Поднебесной. Народ собирался сюда со всех сторон, приходил из дальних мест, чтоб получить большие прибыли» [120, CVII, 86 — 9a].

Дун И-цин приводит отрывок из книги Гу Ци-юаня «Кэцзо чжужюй» («Пустые разговоры в гостях») (первая половина XVII в.), где Наньцзин описан как место сосредоточения множества рынков.

«В южной столице несколько больших рынков, где полно народу и товаров. Самая оживленная торговля — в районе Ханькоу, начиная от улицы Саньшань к западу от Лоумэньчао. Называется это место Гоцыхан. Большими рынками называют также Дачжунчао, Бэйманьчао, Саньпайлоу, однако там торгуют только рыбой, мясом, фруктами и овощами. Медными и железными изделиями торгуют в Тецзофане; рынок кож находится к югу от Даньчао, лавки барабанов — южнее бывших западных ворот в Саньшаньцзекоу, бамбуковые занавески к востоку от Удинчао, зонты к востоку от Интяньфу, луки и стрелы в Гунцяньфане, деревянные изделия в южной части города продают в Чаокуцзе, в северной — в Муцзянине. В начале династии, когда строили улицы и переулки, для торговли различными товарами были предусмотрены определенные районы» [229, 31].

А на основании записей в энциклопедии «Гуцзинь тушу цзичэн» (начало XVIII в.) мы можем судить о том, что Наньцзин развивался и как ремесленный центр: «От Минского времени в Наньцзине сохранились не только мастерские металлоизделий, кож, обуви, занавесей из бамбука, зонтиков, мебели, ковров, луков и стрел, тарчи, но и добавились ювелирные и книжные лавки и многие другие торговые ряды» [113; цит. по: 2429, 32].

В крупные торгово-ремесленные центры превращались Ханчжоу, Чэнду, Чунцин, Фучжоу и многие другие областные центры.

В уставе чунцинских «мастерских, занятых окраской и промывкой атласа, шелка и шерстяных ниток для прически», дана характеристика Чунцина XVIII в.: «Юйчэн (Чунцин.—Э. С.) — богатый и процветающий город в провинции Сычуань. С трех великих рек и пяти дорог со-

⁸ Об этом сообщают все географические описания Сучжоу, начиная со второй половины XVII в.

брались, как облака, десятки тысяч вещей. Здесь сотни различных ремесел и искусств; горожане, земледельцы, мастера и торговцы — все искусно владеют своими занятиями» [20].

Главный город пров. Фуцзянь, Фучжоу, превратился в богатый город в результате торговли полотном, шелковыми тканями, знаменитыми лаковыми изделиями и фарфором из Дэхуа.

Пекин

Пекин позже, чем крупные города Юга, стал превращаться в крупный торгово-ремесленный центр.

В начале правления династии Мин население города было невелико и состояло в значительной степени из расквартированных там войск. Большая часть городского населения занималась сельским хозяйством. В черте города были поля и пустыри, а вокруг простирались императорские поместья, земли высшей знати и военные поселения. С перенесением столицы в Пекин (1421 г.) был восстановлен Великий канал, связавший город с плодородными областями Юга, построены обширные казенные ремесленные мастерские, в которых одновременно работало по повинности 18 тыс. дворов ремесленников. Однако эти мастерские обслуживали только императорский двор; их связь с рынком была ничтожной.

Еще в начале XV в. торговля была довольно незначительна: редкие торговцы привозили в столицу рис, соль и предметы роскоши.

Для привлечения в город торговцев и ремесленников правительство стало проводить поощрительную политику: строились рынки, торговые склады, постоянные дворы, жилые помещения, которые за определенную плату сдавались в аренду приезжим. Было построено специальное сооружение — «хуйтунгуань», в котором устраивались трехдневные ярмарки для торговли с приезжавшими в Пекин иностранными посольствами.

Торговцев и ремесленников, живших в Пекине и имевших лавки-мастерские, занесли в специальные списки и обязали обслуживать императорский двор.

Назывались они «пуху» (4) или «пухан» (5). По подсчетам китайского историка Сюй Да-лина, среди этих ремесленников были люди 132 специальностей [257, 48]. Правительство учредило специализированные рынки — «цзиши» (6) с фиксированным временем торговли: рисовый, свиной, конский, по продаже ослов, баранов и птицы, овощной, угольный, циновок, сетей, сена, фруктовый, дровяной, рынок по продаже фонарей.

За воротами императорского дворца Дунъяньмэнь был внутренний рынок, собиравшийся три раза в месяц. Здесь преобладала торговля предметами роскоши. Единственная в столице храмовая ярмарка — «мяохуй», «мяоши» (7) — функционировала на территории храма Хуанмяо и открывалась также три раза в месяц.

Превращение Пекина в крупный рынок и центр товарного ремесленного производства относится к XVI в. — оно было результатом общего экономического подъема в стране, развития товарной экономики Юга, роста столичного населения.

Ко времени правления Цзяцзина (1522—1566) были заселены не только внутренние части города, но и за его стенами возникли оживленные предместья, выросли густонаселенные торгово-ремесленные кварталы. «Население внешнего города превосходило [население] внутреннего, и необходимо было перестраивать внешний город», — сообщается в «Ваньли ехобянь» [164, XXIV, хуйгуань].

На пекинских рынках собирались не только жители столицы, но и население окрестных деревень и чжэней. На них кормились солдаты столичного гарнизона, многочисленные чиновники, нищие, бродяги. Среди пекинских ремесел наиболее развитыми были обработка металлов, крашение, производство оружия, взрывчатых веществ и всевозможной пиротехники, изготовление черепицы и перегордчатой эмали. Внутри городской стены и за ее пределами было множество мельниц, мелких мастерских по выжиманию масла, обработке дерева и камня, изготовлению жертвенной утвари. К городской стене изнутри примыкало много маленьких мастерских и лавок, торговавших лапшой, изделиями из муки, благовониями и т. д. Там располагались знаменитые в Пекине торговцы шапками, обувью, вином, благовониями, лекарствами, чаем, сладостями, засахаренными фруктами и т. д.

Столица славилась производством бумаги, изготовлением ксилографов и картин на бумаге. Самыми известными мастерскими по изготовлению ксилографов были Тецзяньинь и Сихэянь. Знаменитые ксилографы печатались в мастерской семьи Тай Юэ. В конце правления династии Мин в Пекине появилась и правительственная газета.

Она печаталась при помощи передвижных иероглифов и называлась «Дибao» («Правительственный вестник»).

Некоторое представление о специальностях ремесленников Пекина дают названия улиц и переулков, упоминаемые в литературе XVI—XVII вв.: Переулок лошадей; Переулок шелковых ниток; Переулок котлов с отверстиями; Переулок золотых шапок; Переулок, где варят вино; Переулок, где изготавливают эмаль; Переулок масляной фанзы; Хлопковый переулок; Переулок, где изготавливают иглы; Переулок жестянщиков; Переулок ювелиров; Переулок шляп из травы и др.

Если в XV в. Пекин как бы отражал натуральную экономику Севера в противовес развивающемуся Югу, то ко второй половине XVI в. он постепенно превратился в крупнейший рынок Китая, связанный с товарно-денежным хозяйством Юга.

В Пекин стекались товары со всех концов страны.

В «Мин хуй дянь» перечислены основные виды товаров, на которые устанавливались цены феодальными властями: газ, шелк, хлопковые ткани, шелк для письма — всего 23 вида изделий, кожа и шерсть — 7, бумага — 14, фарфор — 25 видов изделий, красители — 13 видов, сырье для ремесленных изделий — 28, продукты моря — 36, овощи и фрукты — 28, другие продукты — 36 видов [«Мин хуй дянь» 30, Ведомство финансов 22, налоги 4, «торговые сборы»; цит. по: 257, 52].

В годы правления Цзяцзин в Пекин ежегодно привозилось 1400 тыс. кусков хлопковых тканей, ежегодно потреблялось 500 тыс. свиней и 300 тыс. баранов.

Из разных провинций приезжали торговцы рисом, мясом, рыбой, солью, чаем, сахаром, различными ремесленными изделиями, деревом, благовониями⁹.

К сожалению, мы располагаем главным образом нарративными источниками, не позволяющими более обстоятельно изучить такие вопросы, как рост городского населения, уровень развития городской экономики. Лишь некоторые, весьма неполные сообщения источников дают возможность сделать вывод, что они развивались быстро. Высокий уровень развития городов подтверждается и памятниками материальной культуры XVI — XVIII вв.

⁹ Большинство материалов, характеризующих ремесло и торговлю Пекина, взято из обстоятельной работы пекинского историка Сюй Да-лина [257], поскольку они отсутствуют в библиотеках Советского Союза.

В системе административного деления Китая была особая единица, называвшаяся чжэнем (8). Чжэнь — это еще не город: он не имел городской стены, его администрация по рангу и правам была ниже городской, жители чжэня не имели даже тех немногих прав и привилегий, которыми пользовались в Китае средневековые горожане. Чаще всего ранг чжэней присваивался крупным торговым или ремесленным поселениям городского типа. По территории, населению, объему товарной продукции, масштабам торговли они нередко превосходили города. Примерами крупных чжэней могут служить Пуюань, Наньсюнь, Цзиндэчжэнь, Шэнцзэчжэнь, Чжэнцзэчжэнь. Городом же в Китае иногда называлось захолустное поселение, удаленное от мест торговли и известное лишь тем, что там была городская стена, ямынь и жилища феодальной администрации.

В монографии «Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке» Л. В. Симоновская дает точную и развернутую характеристику чжэня:

«Это были многолюдные поселения городского типа, похожие на русские посады XVII в., возникавшие на месте какого-либо значительного производства или у сращения торговых путей.

Чаще всего в них главенствовал один вид производства: то это было место, где добывали каолин и вырабатывали фарфор, то разрабатывали олово или занимались железоделанием. Они выросли в районах шелкоткачества и соляного промысла, а на севере через эти пункты проходила пограничная торговля... В них не жили высокое начальство, крупные феодалы, не было управления и, возможно, не было гарнизона. Кроме того, не возвышались крепостные стены и запирающиеся на ночь ворота с недреманным караулом. И хотя социальный строй в этих посадах пока не исследован, есть основания предполагать, что феодальные власти не могли установить там такого всеподавляющего контроля, как в городах. Товары, изготовленные в посадах-чжэнях, не внесенных даже в ранг городов, были известны по всей стране и за ее пределами. Если цеховое ремесло господствовало в городе, регламентируя производство и препятствуя возникновению предприятий нового типа, то в посадах им угрожало несколько меньше ограничений. Предпринимательская инициатива имела здесь больший простор, а рабочие руки большее применение» [206, 56].

Л. В. Симоновская впервые обратила внимание на то, что в позднефеодальном Китае город как административный центр не всегда был центром коммерческим, а многие городские общности не имели статута городов.

Причиной этого в какой-то степени была недостаточная зрелость и гибкость административной системы феодального государства, в результате чего происходил разрыв во времени между превращением какого-то поселения в значительный ремесленно-рыночный центр и его административным оформлением. Подобные явления были характерны не только для средневекового Китая. Я. А. Левицкий обращает внимание на аналогичное явление в средневековой Англии: крепость и ставка феодальной администрации (burh) не всегда были рыночным или ремесленным центром (port) [см. 193, 98, 102—103].

Нам представляется, что подобные явления были и в западнославянских землях в XIV—XV вв.: крепость и резиденция королей и феодалов — «град» — были отделены от «места» — торгового или торгово-ремесленного поселения.

В Китае, нам кажется, кроме объективного отставания административной системы от складывания городских общностей играла роль и политика феодальных властей, которые весьма неохотно возводили чжэни в ранг городов. Этого нередко гораздо быстрее добивались уездные центры.

По подсчетам Сюй Да-лина, в уезде Уцзян при Хунчжи (1488—1505) было всего 3 города и 4 чжэня, а при Цзяцине было уже 10 городов и 4 чжэня, из них 7 городов выросли из деревень. Ко времени же Ваньли было уже 10 городов и 7 чжэней [255, 28].

Как следует из этих цифр, рост городов происходил за счет деревень, а не чжэней. Любопытно, что Цзиндэчжэнь вплоть до XIX в. так и не получил прав города.

Вместе с тем разрыв между административно-политическим статусом и уровнем экономического развития этих новых городских по своему характеру общностей шел им на пользу: в тех ремесленно-торговых пунктах, которые формально значились как чжэни, сяни и даже деревни, феодальное законодательство действовало несколько слабее, поскольку они были удалены от основной феодально-чиновничьей ставки, от ее органов контроля и фиска. Феодальное законодательство меньше связывало, спутывало их хозяйственную деятельность, их доходы были менее строго фиксированы. Поэтому чжэни нередко представляли собой более подвижной хозяйственный организм и возможностей для развития частного предпринимательства было в них больше.

Рассмотрим это положение на нескольких примерах.

Необычайного расцвета достиг в XVI в. порт Фошань — сначала уездный центр, а затем чжэнь, — расположенный в юго-западной части уезда Наньхай в области Гуанчжоу, в XVI—XVII вв. во много раз превосходивший Гуанчжоу по территории и населению. На развитии Фошаня сказывались такие благоприятные факторы, как близость к морю и к торговым путям в Цзянсу, Фуцзянь, Гуйчжоу и другие провинции. Запасы железа и светлых пластичных глин способствовали развитию Фошаня как ремесленного центра. «В город приезжает много купцов, они спешат, как гуси, собираются, как облака. В уезде Наньхай это очень бойкое и многолюдное место» — так характеризуют Фошань минские хроники, вошедшие в «Даогуан Фошаньсянь чжи» — «Описание уезда Фошань в годы правления Даогуан» [64].

В «Миньго Фошань чжунъи сянь чжи» («Описание уезда Фошань в период Республики») [66] перечисляется 145 видов ремесел, и в краткой истории ремесленных мастерских указывается, что большая их часть стала развиваться именно с Минского времени¹⁰ [66, «Производство», 1—18]. Первое место среди ремесел занимали обработка металлов, шелкоткачество, керамическое производство.

В годы правления Цяньлуна (1736—1796) население Фошаня превысило 100 тыс. семей [64, XXII; цит. по: 278а, 87]. Кроме обычных феодальных властей там была учреждена должность тунчжи — чиновника для наблюдения за торговлей и морским побережьем [66, I, 26].

Фошань XVIII в. — прекрасно распланированный, вытянутый вдоль высокого берега реки город, с тысячами лавок, с воротами и арками, украшенными многоцветной шиваньской керамикой, с храмами и зданиями торгово-ремесленных корпораций, с сотнями лодок и кораблей у речных причалов. Облик города мы можем представить себе по описанию Лань Тин-шу «Сюй Линьиньсы цзи» («Записки о постройке храма Линьинь»):

¹⁰ Местные фошаньские историки полагают, что число различных ремесел в XVIII в. достигало 180.

«Торговцы, приезжающие со всех сторон в Гуандун, заезжают и в Фошань. Ширина реки превышает здесь 10 сунь, большие и малые лодки облепили причал, как муравьи или чешуя. Вдоль реки все заполнено лодками — узкий проезд лишь в середине реки. От столкновения весел стоит шум, разносящийся на много ли. Такого не встретишь даже в центре области. Дома вдоль берегов расположены так плотно друг к другу, что издали кажется, будто они покрыты одной крышей. Дома стоят вдоль и поперек, образуя перекрестки и переулки, — не менее нескольких тысяч. Лавки тянутся рядами, товаров целые горы, много всевозможных диковинных вещей» [цит. по: 278а, 87].

Во второй половине XVI в. вокруг некоторых городов — центров ремесленного производства — возникали ремесленные села, выраставшие подчас до размеров чжэней или городов. Деревня Шуанлинь около Хучжоу, жители которой занимались шелководством, к концу XVI в. превратилась в чжэнь с 16 тыс. жителей [106, XIII, 1]. Вокруг Сучжоу выросли крупные ремесленные центры — Шэнцзэчжэнь, Чжэнцзэчжэнь, Хуансиши; рядом с Уси появился Динчжоу — город «каменной керамики». Вокруг Сунцзяна и Цзядина возник ряд других центров хлопкоткачества: Фэнцзинчжэнь, Синьцзинчжэнь, Лодяньчжэнь, Чжуцзяцзяочжэнь; вокруг Цзяпина — Пуаньчжэнь и Ванцзянчжэнь.

В конце XVI в. четыре крупнейших чжэня Цзяннани вместе насчитывали свыше 500 тыс. населения, причем центральный — 350 тыс.; семь же чжэней имели от 10 тыс. до 20 тыс. жителей [255, 25].

К концу XVI в. появилось много пунктов с населением 5—6 тыс.; значительная часть его занималась ремеслом, о чем свидетельствуют многочисленные уездные географические описания.

Развитие ремесленного села в крупный чжэнь мы можем проследить на примере Шэнцзэчжэня, находившегося в области Сучжоу (пров. Цзянсу). В начале правления династии Мин это была деревня с 50—60 семьями, при Чэнхуа (1465—1487) благодаря шелкоткачеству она превратилась в город, имевший при Ванли (1573—1620) уже 50 тыс. жителей [56, IV, 16].

Вот как описывается Шэнцзэчжэнь в одной из минских повестей: «В чжэне людей необычайное множество... основным занятием все считают разведение шелковичных червей и тутового дерева. Прядильные и ткацкие станки шумят целыми ночами. В этом городе на обоих берегах сотни и тысячи яхан — контор по закупке и продаже шелка и шелковых тканей. Весь шелк, произведенный в дальних и ближних деревнях, привозят на продажу. Со всех четырех сторон купцы спешат закупать. Все это похоже на улей или муравейник» [167, т. I, XVIII, 370—371].

В географическое описание «Шэнхучжи» (XIX в.) Шэнцзэчжэнь вошел как большой, оживленный город, в котором с начала правления Цинов население день ото дня возрастало, каждый день шла торговля, порт был набит лодками, на улицах было полно народу. «Богатство и нищета чжэня зависели не от урожая или неурожая на полях, а от расцвета или упадка торговли шелком. Если торговля была незначительной, владельцы станков получали мало прибыли, немедленно все приходило в упадок, жизнь замирала, рынок пустел» [108, I].

Некоторые чжэни были столь мало отличны от больших городов, что даже современники в своих сочинениях не делали различия между терминами и называли чжэни городами.

Выше уже указывалось, что в XVI—XVII вв. усиливалась специализация отдельных районов и областей в разведении тех или иных сельскохозяйственных культур. Аналогичные процессы происходили и в

Рис. 1. Златотканая парча (XVI в.) [Коллекция ГМИНВ]

ремесле — определились города, поселки и чжэни, известные производством какого-либо одного вида ремесленной продукции: Наньцзин, Ханчжоу, Шэньцзэчжэнь, Чжэнцзэчжэнь развивались как центры шелкоткачества; Сунцзян, Шанхай, Фучжоу известны были производством хлопчатобумажных тканей; город Фошань стал крупнейшим центром по производству всевозможных изделий из железа, серебра, золота; Уху — основным местом производства красителей; Чжунъюань — центром производства грубого холста; Цзиндэчжэнь, Дэхуа, Динчжоу прев-

ращались в большие города благодаря развитию керамического и фарфорового промыслов и т. д.

Специализация городов влияла и на занятия населения прилежащего сельскохозяйственного района. Вокруг центров производства керамики, фарфора, бумаги значительная часть населения занималась добычей сырья. В пров. Цзянси главным занятием большинства жителей уездов Фулян, Лэпин, Дучан, Поян была добыча и транспортировка каолина, фарфорового камня, кобальтовых руд, а обработка полей занимала второстепенное место.

Кроме городов и чжэней, имевших вполне определенную специализацию, в этот период в Китае были города многих ремесел: Сучжоу, Фошань, Пекин, Чэнду и др.

Среди многочисленных ремесел и ремесленных производств, существовавших в Китае в XVI—XVIII вв., можно выделить несколько основных групп и видов.

К группе наиболее развитых ремесел юго-восточных провинций, в которых значительно раньше, чем везде, стали возникать элементы новых производственных отношений, китайские историки относят шелкоткачество, хлопкоткачество, крашение тканей; фарфоровое производство; производство бумаги и книгопечатание [265, 100—107; 278а, 76, 86].

Второй по уровню развития группой считаются горнодобывающие производства и обработка металлов — угледобыча Пекинской области и Хэбэя, провинций Шаньси, Цзяннани, Хубэя; добыча железа в Гуандуне, Северной Чжили, Шаньси (Пинсян); добыча и обработка олова в провинции Юньнань; добыча и плавка серебра и, наконец, металлообрабатывающие мастерские в Фошане.

На третье место можно поставить группу ремесел, связанных с обработкой сельскохозяйственного сырья и достигших в этот период значительного развития в результате расширения посевов технических культур, широкого вывоза чая и сахара на внешний рынок, увеличения городского населения. Сюда относятся сахароварение Гуандуна, Гуанси, Сычуани, Тайваня, Фуцзяни, мастерские по обрушиванию риса и выжиманию масла из соевых бобов, арахиса, сурепки и других масличных (особенно к югу от Янцзы), чайное и мукомольное производство.

В каждом городе производились также ремесленные изделия, предназначенные исключительно для удовлетворения потребностей города и соседних деревень: упряжь для скота, обувь, одежда, одеяла, курительные принадлежности, домашняя утварь, благовония и свечи, новогодние картинки, фонари и множество других самых разнообразных предметов, реализовавшихся на местном рынке.

Уже с конца XIV в. необычайного расцвета достигло строительное дело. Минские строители и архитекторы поднялись до создания подлинных шедевров архитектуры: были построены архитектурные комплексы Минских могил (Наньцзин — Пекин), дворцов Чжу Юань-чжана (Наньцзин), дворцов и храмов Танчжэнсы и Храма Неба; сооружены новые мосты, городские стены и храмы, основательно перестроена Китайская стена, созданы великолепные образцы монументальной скульптуры и резьбы по камню. С ростом внешней торговли получило развитие и кораблестроение.

Высокого совершенства достигли художественные ремесла. Императорский двор и феодальная знать — основные потребители художественных ценностей — украшали свои дворцы фарфором, резными лаками и слоновой костью. Каждый город и провинция в Минское и Цинское время славились одним-двумя видами художественных ремесел.

Фуцзянь была известна своими расписными лаковыми изделиями — самыми легкими, красивыми и прочными. Резьба по слоновой кости была сосредоточена в Гуанчжоу и Пекине, но гуанчжоуские изделия были более сложными и вычурными. Пекин славился также своими изделиями из перегородчатой эмали (цзиньтайлань), Сучжоу — резьбой по нефриту и другим драгоценным камням, Ханчжоу — производством вееров и зонтов, Сычуань — изделиями из бамбука, резной мебелью и тончайшими плетеными циновками, веерами и т. д.; Чэнду — украшениями и посудой, сплетенными из тонких золотых и серебряных нитей (цзиньсы). В Уси работали талантливые мастера мелкой глиняной пластики, создававшие любимые народом образы Йо Фэя, У Суна, Сун У-куна.

В Китае была развита добыча и обработка жемчуга, и китайские мастера создали тип водолазного скафандра с длинной дыхательной трубкой, выходящей на поверхность [140, III, 86—9а]. В XVIII в. продолжалось развитие тех же отраслей ремесла, которые существовали и в XVI—XVII вв., с той лишь разницей, что XVIII век, особенно если говорить о художественных ремеслах, гораздо беднее новыми оригинальными формами.

В XVIII в. в ремесле и прикладном искусстве Китая проявились те же тенденции и особенности, которые характерны для литературы и искусства этого времени. В условиях интеллектуального застоя и жесточайшей цензуры, осуществлявшейся маньчжурским правящим классом, возникла оторванная от жизни, абстрактная схоластическая литература; нередко изысканные по форме стихи были лишены серьезного содержания; произведения искусства отличались вычурностью форм, сложностью рисунка, которые пришли на смену прежней простоте и выразительности.

Рисунки на шелковых тканях отличались сухостью, усложненностью узора; декорирование фарфора — изощренной переработкой ранее созданных сюжетов и форм изделий. Фарфор был единственным видом китайского искусства, художественный уровень которого оставался высоким вплоть до конца XVIII в., когда все другие виды искусства уже пришли в упадок. Однако падение вкуса сказывалось в том, например, что появились изделия с черепком, сплошь покрытым росписью и золотом, подделки под камень, стекло, лак, множество изделий мелкой пластики с измельченными и невыразительными формами.

В косторезном промысле (особенно в Гуанчжоу) на смену спокойным и изысканным линиям пришла изощренная резьба широко известного «шара в шаре». Появились изделия, чрезвычайно дорогие в производстве, но не доставлявшие глубокого эстетического наслаждения: ширмы, украшенные драгоценными камнями, расположенными в унылой симметрии, целые цветочные композиции в вазах, набранные из драгоценных и полудрагоценных минералов, огромные по размерам и сложные по исполнению вышитые панно.

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Одна из самых важных проблем, изучение которой позволяет лучше понять экономическую структуру феодального общества XVI—XVIII вв., — это исследование стадий развития производительных сил, в частности техники, технологии и технических приемов, на которых зиждилось ремесло позднего средневековья. Что же касается европейского феодализма, то присущая ему ремесленная техника в значитель-

ной степени изучена и описана в работах Е. Ч. Скржинской [208] и Е. А. Цейтлина [225]. На русском языке нет ни одной работы о китайской средневековой технике. В Китае изучение этой проблемы началось лишь в 50-х годах: техника и технология производства фарфора в средние века исследовалась в работах Тун Шу-е [260], ей посвящены отдельные разделы коллективной монографии о цзиндэжэньском фарфоре [272].

По истории текстильной техники нам известна лишь одна статья Ши Хун-да об орудиях обработки хлопкового волокна [293].

Серьезный недостаток этих немногочисленных работ — их описательность: отсутствуют сопоставления с ремесленной техникой других стран, с более ранними механизмами и приспособлениями; осталась неизученной такая проблема, как соотношение между степенью совершенства орудий и уровнем ручного мастерства. Эти вопросы имеют чрезвычайно важное значение, и в нашей работе предпринята попытка частично их изучить.

Судить об уровне техники, технологии и технических приемов китайского ремесленного производства XVI—XVIII вв. лучше всего по состоянию наиболее развитых ремесел — шелкоткачества, хлопкоткачества, изготовления гончарных изделий и фарфора, а также производства бумаги, добычи угля, плавки и обработки железа, так как они более подробно и обстоятельно описаны современниками.

Шелкоткачество

Производство шелковых тканей было одним из самых древних видов китайского ремесла. Ткани в Китае изготовляли из шелка, хлопка, конопли, значительно меньше — из шерсти и льна.

В Ханьское время (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) достигла расцвета техника ткачества простых, без многоцветных узоров, шелковых тканей¹¹. Уже тогда уровень шелкоткачества в Китае был значительно выше, чем в Римской империи и Западной Азии, куда методы шелкоткачества проникли именно из Китая [262, 110].

В Танское время основным центром производства была пров. Сычуань. Отсюда партии шелка отправлялись на запад — на внешний рынок, и на восток — ко двору китайских императоров, в Чаньань, Лоян, Кайфын. По месту изготовления сычуаньские шелковые ткани стали называться шуцзинь¹².

В Танское и Сунское время производство шуцзиня достигло небывалого расцвета. Существовало множество образцов этих шелковых тканей, описания которых составили целые книги [см., например, «Шуцзинь пу» — «Трактат о шуском (сычуаньском) шелке»]. В X—XI вв., в период борьбы с кочевниками, этими тканями платили дань, а также обменивали их на лошадей для императорской конницы. Насколько высока была техника обработки шелка, можно судить хотя бы по станку для перемотки шелка, дафанчэ (10), где намотка шла одновременно на двенадцать веретен¹³.

¹¹ Образцы ханьских шелков были найдены в могильниках Внешней Монголии, Синьцзяна и Хунани. В этих шелках узор получался за счет основы, поэтому они назывались цзиньцзин (9) (т. е. основной шелк). Прекрасная коллекция древних китайских тканей находится в Эрмитаже; она исследована и описана в книге Е. Лубо-Лесниченко [195].

¹² Древнее название Сычуани — царство Шу.

¹³ Рисунок, изображающий этот станок, приводится в книге юаньского автора Ван Чжэня «Нуншу» [123, 521], но японский ученый Ота Эйдо относит этот станок ко времени Сун, основываясь на исследовании способов переплетения сунских, юаньских и минских тканей [см.: 262, 127—128].

К XIV в. сычуаньское шелковое производство пришло в упадок. Резко сократились и размеры луаньского производства (пров. Шаньси), достигавшего значительного уровня развития в Сунское время.

В XIV в. на смену им выдвинулись новые центры шелкоткачества — Наньцзин, Сучжоу, Ханчжоу, развивавшиеся на базе шелка-сырца провинций Цзяннань и Чжэцзян.

К концу XVII — началу XVIII в. возникло шелкоткачество и на юге Китая — в Гуанчжоу и Фошане (пров. Гуандун) и началось некоторое оживление в шелкоткачестве Сычуани.

Исторические источники XVI—XVIII вв. содержат многочисленные сведения о развитии шелкоткацкого и шелкомотального производства, о ремесленниках, занятых этим производством в Наньцзине, Сучжоу, Ханчжоу, Хучжоу, Чэнду, Уси и других городах. Их насчитывалось по всему Китаю сотни тысяч.

Различные источники сообщают: о городе Хучжоу (конец XVI — начало XVII в.): «Семьи имели ткацкие челноки и успешно вели производство. Работа шла очень успешно, и изделия были искусными» [76, XI, 236]; Сучжоу (XVII в.): «Большинство народа, жившего в восточной части города, занималось ткачеством» [109, X, 7]; Ханчжоу (конец XVII в.): «В Ханчжоу... в восточной части города слышен беспрерывный шум станков. Здесь сосредоточилось огромное число ремесленников» [125, III, 11, 14]; «В Ханчжоу, на улице Хоушицзе, в Сядуандунце и в других местах есть жители, которые на станках ткют шелковые ткани дуань и чоу; шелка очень много, всю работу выполняют женщины, и у многих из них жизнь бедна и тяжела» [153, XIX, 16a]; Пучуань (XVIII в.): «В маленьких переулках сгрудились мастерские — фан. Станки касаются друг друга рамами. Шум наполняет уши. Людей, занимающихся ткачеством, в этой местности особенно много» [138, III, 886]; «В Пу, у моста Девяти девушек, много народа ткёт шелковую ткань, похожую на облака» [138, III, 9a]; «Шелковых тканей изготавливается все больше и больше, и выгода от них с каждым днем растёт. Очевидно, количество тканей даже больше так называемых 10 тысяч кусков в день» [38, XIV, 146].

Для XVI—XVIII вв. характерно необычайное разнообразие шелковых тканей.

В каждом из районов шелкоткачества сложился свой специфический вид шелковой продукции. Рисунок на них создавался утёчной нитью, поэтому общее их название — «вэйцзинь» (11) («утёчные ткани»).

Наньцзин стал центром производства атласных и парчовых тканей — цзинь, юньцзинь. Они знамениты богатством и изяществом декора, преобладанием золотисто-желтых, красных, глубоких голубых тонов, очень крупным четким рисунком, обилием золотого и серебряного тканья.

Лучшим из наньцзинских шелков считался юньцзинь (парча с облаками). Секрет его изготовления охранялся очень тщательно и передавался по наследству только старшему сыну. При изготовлении юньцзиня существовали незыблемые правила: под угрозой строжайших наказаний частным мастерам запрещено было заимствовать узоры казенных мастерских; фениксов, единорогов, драконов с пятью когтями можно было ткать только на одеждах императора; для одежды простолудюинов полагался дракон с тремя когтями.

В «Чжэндэ Цзяннинсянь чжи» встречаемся мы с названиями наньцзинских шелковых тканей: лин, сыцзинь, буцзюань, линбужунсянь, шоупа, динсы, ло, ша, чжоу и др. [84, III, 76].

Сучжоу. Сучжоуские шелковые ткани назывались сунцзинь (очевидно потому, что расцвет этого ремесла начинается с Сунского времени).

В описаниях города и области Сучжоу перечисляется множество видов шелковых тканей. В описании области в годы правления Хунъю (конец XIV в.) сообщается, например, о нескольких видах шелкового газа — ша, изготовляемого в Сучжоу.

«Ша имеет несколько видов, самый дорогой — однотонный, с едва проступающими линиями. Сначала посмотришь — не заметишь этих линий, а если приглядишься, то видно хорошо. В других местах таких способов очень мало, и только в Пинцзяне (старое название Сучжоу. — Э. С.) мастера особенно хорошо владеют тремя способами. В их рисунках полосы прозрачны, ткань неплотная и называется она тяньцзинь — чистое небо» [40, XLII, 146].

Детальное описание всех сортов и видов шелковых тканей приводится в «Цзяцзин Уи чжи» — «Описание области У (Сучжоу) в годы правления Цзяцзина»: сообщается, что в Минское время производились ткани дуань, лин, цзинь, чжу, ша, чоу, цзюань. Подробно описываются их расцветки, узоры, сообщается назначение каждого вида: для одежды или обуви, для пологов и занавесок, для императорских указов, картин или изящных стихов [51, XIV, 1а — 136].

Наиболее дорогими и красивыми считались ткани лин, чоу и дуань, различавшиеся не только способами ткачества и расцветкой, но и видом и качеством сырья. Наиболее красивыми узорами считались драконы, фениксы, единороги, небесные кони, старинные надписи [56, V, 5].

Сравнение перечня сучжоуских шелковых тканей, бытовавших в XV—XVI вв., с более поздними источниками позволяет видеть, что шелкоткачество постоянно развивалось, увеличивалось число видов и разновидностей одной и той же ткани. В декорировании тканей преобладал рисунок мелкий, чаще геометрический, состоявший из медальонов, соединенных сложной сетью ломаных линий. Узор мелок, изломан, но сочетания всех деталей рисунка настолько гармоничны, что создают впечатление строгости и законченности. Различия достигались не только усложнением уточного рисунка, но и применением различных основ [103, VII, 96]. Одна из разновидностей сучжоуской продукции — тканые картины типа кэсы. Сюжеты кэсы — это обычно традиционные изображения в жанрах шаньшуй (горы и воды), хуаняо (цветы и птицы), мэйжэнь (красавицы).

Сложная и трудоемкая техника изготовления этих тканей напоминает способ производства европейских гобеленов: на маленьких ручных деревянных станочках их ткали (и ткот до сих пор) из шелка-сырца в основе и шелковых нитей в утке. Шелковая пряжа вручную прокладывалась нить за нитью миниатюрными бамбуковыми челноками и плотно пригонялась деревянной щеткой.

Уток в соответствии с рисунком создавал на границах цветowych участков небольшие просветы, поэтому ткань и называется кэсы, что значит резаный шелк [182, 26]. Изготовление одной такой картины требовало многих месяцев работы.

Ткани Ханчжоу близки по характеру к сучжоуским, только в них преобладали более светлые тона с растительным и цветочным узором. Ханчжоу славился изготовлением красивой и дорогой одежды из местных тканей. Упоминания об этом встречаются в художественной литературе Минского времени. Си Мынь-цин, главный герой романа «Цзинь, Пин, Мэй», посылает своего слугу Лай-вана в Ханчжоу и дает ему 500 лян серебра, чтобы закупить одежду на все времена

года и заказать парадные парчовые халаты, расшитые змеями и драконами в подарок императорскому наставнику Цай Цзину (гл. XXII)¹⁴.

Гуандун. В самом позднем по времени производстве — гуандунском — не возникло такого высокого искусства изготовления многоцветных тканей. Они ткались в небольшом количестве, о чем свидетельствуют станки для узорного многоцветного тканья, относящиеся к XVIII в.¹⁵ Здесь развитие шелкового производства привело к созданию рисунков, вытканых белой или одноцветной нитью¹⁶.

Шелковые ткани XVI—XVIII вв. различались прежде всего по технике ткачества: многоцветные крупноузорные ткались на сложных громоздких станках со специальными приспособлениями, а ткани однотонные или с узором в два-три цвета (к ним относились лин, цзюань, чоу, ло) — на более мелких станках [262. 130]. Кроме того, ткани различались и по характеру исходных материалов: одни ткались из шелка-сырца, а потом отбеливались, вываривались, окрашивались, подвергались лощению для придания блеска, а другие делались из уже отбеленного, окрашенного в разные цвета шелка.

Большой интерес представляет изучение механизмов для шелкоткачества и шелкокручения и всего процесса создания тканей. Оно позволяет охарактеризовать состояние производительных сил в одной из самых развитых отраслей китайского ремесленного производства XVI—XVIII вв. и выяснить, существовали ли в Китае объективные технические условия для перехода от ремесла к мануфактуре.

В этой связи особенно интересны состояние ткацкой техники и ее эволюция на протяжении рассматриваемого периода. Однако процесс развития техники изучен нами лишь частично, так как имеющиеся материалы не всегда позволяют представить себе эволюцию техники и судить о ней можно лишь по отдельным, иногда случайно фиксированным моментам.

В Китае позднего средневековья не существовало единой техники обработки шелка; южная техника отличалась от северной, западная от восточной. Эти различия определялись многими причинами: материалом, из которого делался станок (это могли быть дерево или бамбук), устройством помещения, в котором находились станки, климатическими условиями, качеством и сортом обрабатываемого шелка.

Большим многообразием отличались ткацкие станки (каждая провинция, каждый новый центр шелкоткачества давали свой собственный тип ткацкого станка), а также производственная терминология: так, помощник ткача, занятый на хуалоу, в Сучжоу назывался «тихуа» (12), а в Наньцзине — «ваньгун» (13) или «даохуа» (14).

Весь процесс производства шелковых тканей в любой части Китая включал в себя несколько больших операций: размотка коконов, сдваивание, а затем скручивание (трощение) нитей, приготовление нитей к крашению (промывка, выварка, отбелка, травление), крашение, приготовление основы и утка, ткачество, крашение тканей, окончательная отделка тканей (аппретура — выварка, лощение).

Первая операция — размотка коконов — совершалась в хозяйстве крестьянина, выращивавшего тутовый шелкопряд.

¹⁴ Нами использована рукопись русского перевода романа «Цзинь, Пин, Мэй», любезно предоставленная переводчиком В. С. Манухиным.

¹⁵ Экспонированы в Фошаньском историческом музее (1959 г.).

¹⁶ Таких рисунков было несколько десятков. Позднее, в XIX в., техника их изготовления легла в основу производства знаменитых лощеных черных гуандунских шелков.

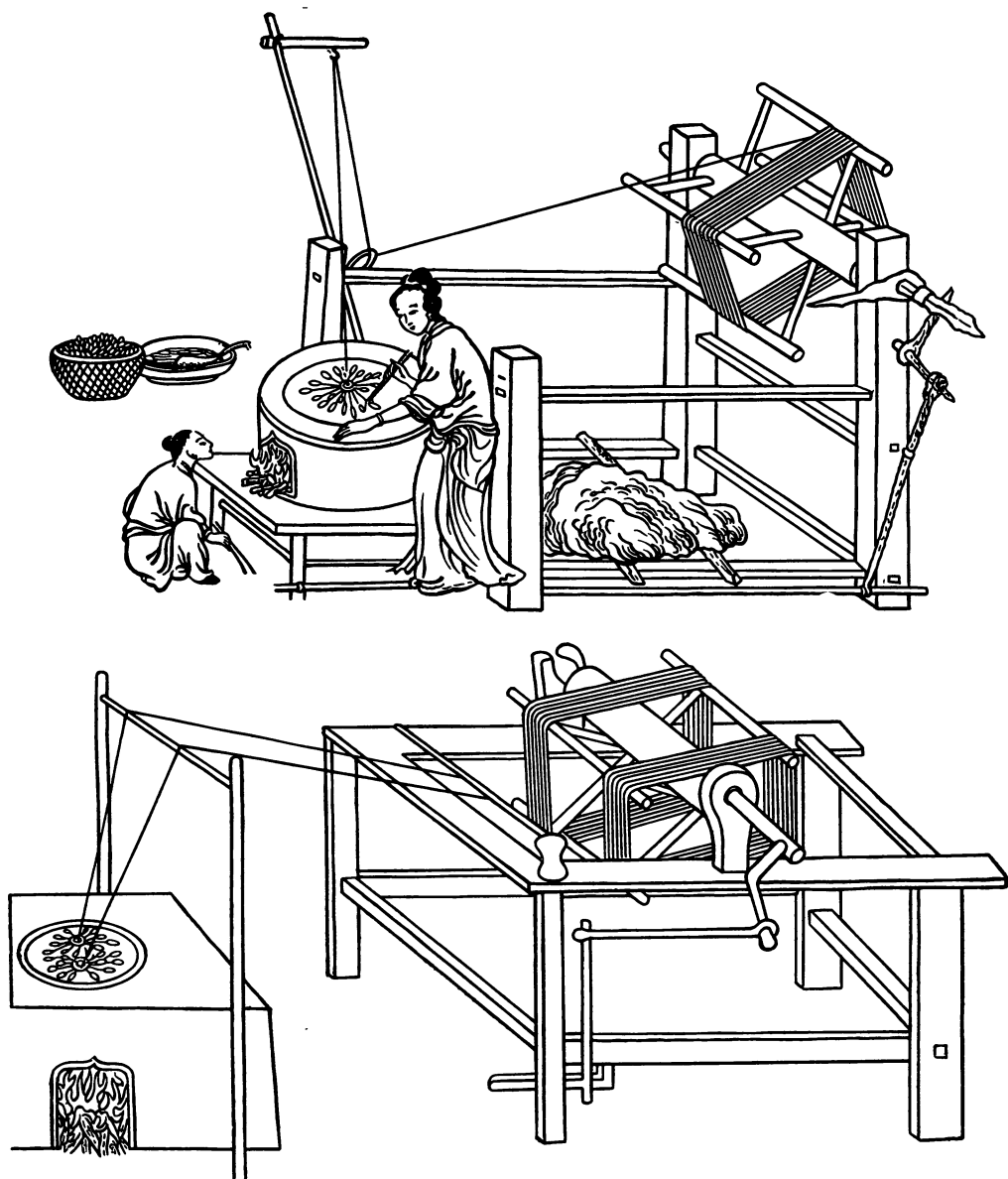

Рис. 2. Станки для размотки шелковых коконов (вверху южный, внизу северный)
[144, 675]

Приспособление для размотки состояло из котла с горячей водой, в котором распаривались коконы, и деревянного станка, включавшего раму, мотовило (барaban) и ножной привод. Освобожденные концы шелковых нитей от каждого кокона выводились на станок через направляющий крючок и направляющий глазок, наматывались на барабан, подвижно закрепленный сзади рамы. Вращение барабана осуществлялось с помощью ножного привода. Обслуживали станок два человека, которые одновременно следили за огнем, перемешивали коконы в воде, направляли нити на направляющем прутке и ногой приводили в движение мотовило.

В «Нунчжэн цюаньшу» дается подробное описание станков для размотки коконов, распространенных на севере и на юге.

Южный станок был высоким, в человеческий рост. Вал и барабан размещались у одного края станины. Северный станок — низкий, с барабаном, расположенным в центре станины. Рама с медными кольцами находилась значительно выше, чем в южном станке.

Другой станок для размотки коконов изображен в «Тяньгун кайу». По мнению Сун Ин-сина, лучшим станком для размотки коконов был фучжоуский; сычуаньский станок уступал ему.

Станки для размотки коконов обслуживались женщинами — это мы видим на обеих иллюстрациях. Работа требовала большой сноровки, так как один человек должен был выполнять несколько рабочих операций. Производительность труда составляла 20—30 лян (1—1,5 кг) размотанного шелка в день [140, I, 76].

В «Тяньгун кайу» описаны шесть различных способов размотки коконов в зависимости от их вида, качества, дальнейшего использования волокна.

В трех изученных нами книгах («Нуншу», «Тяньгун кайу», «Нунчжэн цюаньшу») мы находим упоминания о **неоднократных попытках** ускорить размотку шелка, увеличить производительность труда, улучшить качество шелка.

В «Нуншу», например, приводится рисунок станка со сдвоенными котлами [123, 468], в этом случае намотка нитей от двух котлов идет на один длинный барабан с одним приводом. Однако в более поздних сочинениях этот станок не упоминается, из чего можно сделать вывод, что он не нашел широкого применения.

Очень маленький станок изображен в «Тяньгун кайу» — верхняя часть рамы находилась почти на уровне головы сидящего человека [140, I, 20a].

По-видимому, в начале XVII в. делались попытки ускорить размотку именно этим путем: с работой на мелких станках мог справляться и один человек.

В южных районах пытались использовать сдвоенную установку: два станка с рамами, барабанами и котлами для размотки устанавливались по обе стороны очага; обслуживали их всего пять человек,

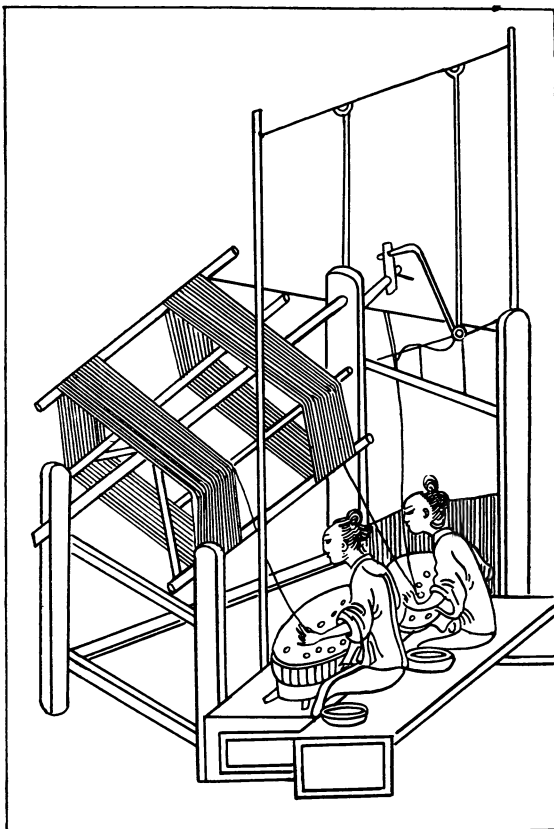

Рис. 3. Станок со сдвоенными котлами для размотки коконов [123, 468]

что давало некоторую экономию человеческого труда: они обрабатывали 30 лян шелка. Пять человек на двух станках выполняли работу шести человек [145, 53].

Один из специфических способов размотки коконов [лэнпэн — способ холодного таза (15)] описан Сюй Гуан-ци: «С помощью холодного таза можно разматывать весь кокон на очень тонкую нить. Кокон среднего качества можно размотать совсем¹⁷. Шелк, размотанный с помощью холодного таза, более упругий, нить получается крепче... В настоящее время используют этот способ очень мало, а надо бы использовать чаще» [144, 678].

Но во времена Сюй Гуан-ци и этот способ, по-видимому, не получил распространения. О нем не упоминается в «Тяньгун кайу», близком по времени. Очевидно, сам Сюй Гуан-ци тоже не был знаком с этим способом хорошо, так как из приведенного описания невозможно уяснить сущность процесса. Очевидно, способ холодного таза не нашел распространения потому, что в холодной воде плохо растворялся серицин — вещество, скрепляющее волокна в коконе. В современной шелкомотальной промышленности холодная размотка коконов применяется для получения специальных, особенно тонких и прочных сортов шелкового волокна.

Вторая операция — перемотка, сдваивание и скручивание (трощение) шелка с больших мотовил на мелкие бамбуковые, которые впоследствии шли на приготовление основы и утка, скрутка нескольких нитей для получения нити нужной толщины и т. д.

Если во времена «Нуншу» перемотку и кручение совершали руками, а нить с мотовила шла прямо на шпули, то в XVII в. шелкокрутильный станок яочэ (16) имел уже деревянное колесо, приводившееся в движение с помощью ног [140, I, 23a].

Ножной шелкомотальный станок в XVII в. был, по-видимому, новым явлением, распространившимся только на юге, потому что Сюй Гуан-ци он не известен. В его книге описан ручной станок, распространенный на севере, — без колеса и ножного приспособления [144, 689].

После размотки и трощения шелковые нити готовили к крашению: тщательно промывали, вываривали, отбеливали и протравливали (третья операция).

Следующей операцией было крашение нитей (часть тканей производилась из ранее отбеленных и окрашенных нитей).

Для окраски шелка применялись всевозможные растительные или минеральные красители: «фиолетовая трава, красные цветы, различные фрукты, орехи, желтый и белый воск»¹⁸ [115, т. I, 73].

Можно предположить, что часть красителей, употреблявшихся в XVI—XVIII вв., была известна с древности, в частности «красные цветы», которые в книге Е. Лубо-Лесниченко соотнесены с сафлором.

Упоминания о разведении сафлора встречаются и в художественной литературе. В повести «Поле алых цветов» (XVII в.) говорится, что у отставного чиновника Яна, имевшего ученое звание цзиньши, «был лутор, где на громадном поле, больше тысячи му величиной, росли цветы сафлора. Каждый год продажа цветов приносила Яну восемьсот, а то и девятьсот лянов» [166, 254].

¹⁷ При размотке коконов последние слои их, близкие к гусенице, оставались нетронутыми, частично их использовали для приготовления ваты, а самая непригодная часть шла в отходы (иногда на удобрение полей). Чем лучше были коконы, тем полней размотка.

¹⁸ Мы не занимались специально исследованием технологии крашения. О крашении древних тканей см. книгу Е. Лубо-Лесниченко [195, 20—24].

Рис. 4. Шелкокрутильный станок [140, 1, 23а]

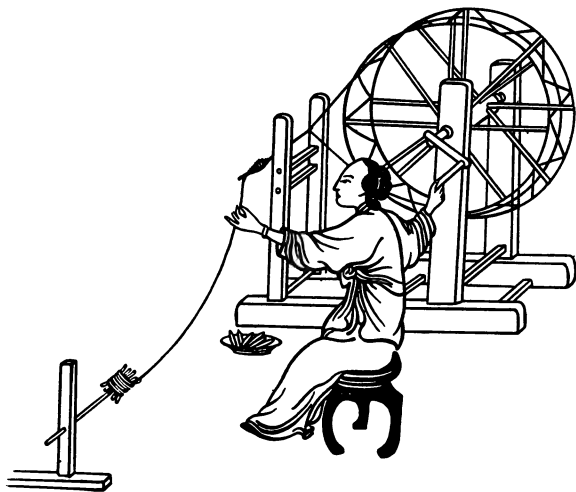

Рис. 5. Ручной шелкомотальный станок. Приготовление утка [144, 692]

назывался по-разному: вэйчэ, лилучэ, даочжи, цуй) к XVII в. превратился в ножной [140, II, 23а; 144, 691], тогда как в XIV в. мы видим мотовило, приводившееся в движение вручную.

Существенные изменения в шелкокрутильной технике произошли к XVIII в.: в Цзянсу появляются специальные станки, в которых оста-

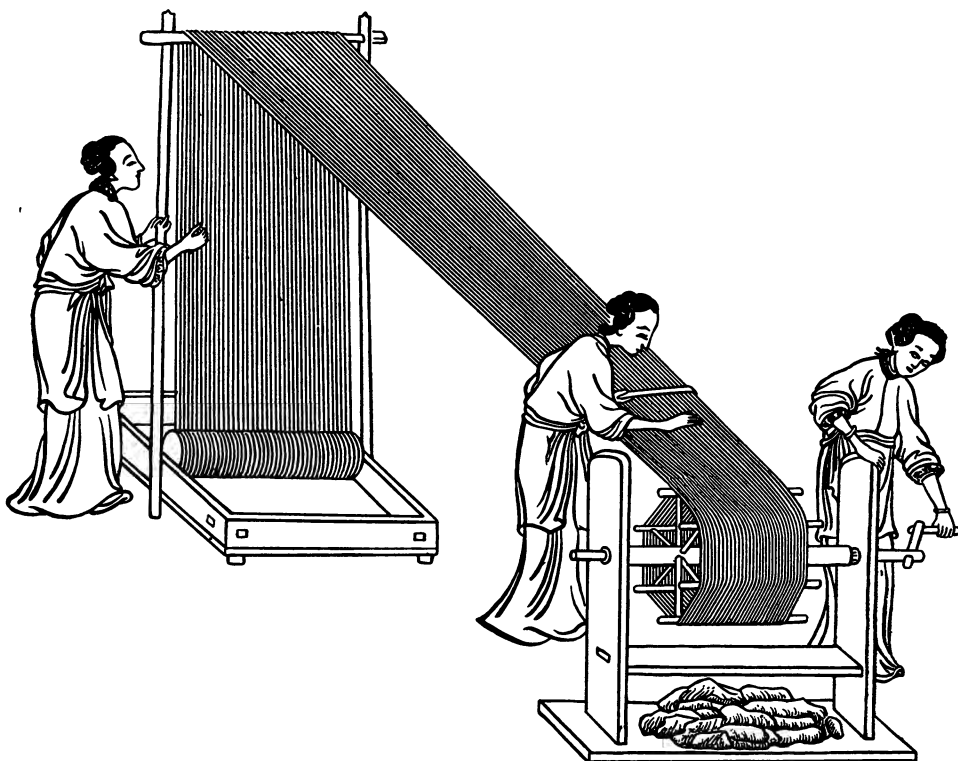

Рис. 6. Приготовление основы [144, 690]

Применение воска свидетельствует о том, что практиковалось крашение с резервированием отдельных участков окрашиваемой ткани.

Из окрашенного шелка готовились основа и шпули для утка. Изготовление основы (сновка) было делом чрезвычайно трудоемким. Сопоставление рисунков, приведенных в «Нуншу», «Тяньгун кайу» и «Нунчжэн цюаньшу», позволяет сделать вывод, что с XIV по XVII в. на этой операции не произошло никаких изменений. Станок для наматывания утка (в разных районах Китая он

валась по-прежнему одна шпуля, но колесо приводилось в движение обеими ногами, что резко увеличило производительность труда [122, IV, 35a].

В Сычуани в то же время распространилось крутильное колесо — яочэ — с очень большим (1,5 м) диаметром и несколькими шпулями для одновременного наматывания нескольких нитей. Очевидно, первые образцы таких шелкокрутильных колес появились еще в Минское время, так как изображения их мы встречаем уже в разделе «Ткачество» энциклопедии «Саньцай тухуй».

Работа на ткацком станке — наиболее сложная операция всего процесса.

По уровню развития техники шелкоткацкого производства Китай на несколько веков опередил европейские страны.

Самое существенное, самое ценное в китайском шелкоткачестве — изобретение станка для многоцветного, крупноузорного тканья¹⁹.

Первое изображение такого станка мы встречаем в «Нуншу» [123, 495], а более детальные, дающие представление об усовершенствовании отдельных его частей, — в «Юнлэдадянь», «Саньцай тухуй», «Тяньгун кайу», «Нунчжэн цюаньшу» и более поздних сочинениях²⁰.

Китайское шелкоткачество XVI—XVII вв. было намного совершеннее современного ему европейского. XV—XVI века были новым этапом развития шелкоткацкой техники. Стимулом к расширению и усовершенствованию производства было увеличение спроса на ткани на внутреннем и внешнем рынках.

Эволюцию ткацкой техники мы можем проследить по изображениям станков и подписям к ним. Есть и письменные свидетельства об этих изменениях. Однако записи такого рода, как правило, не позволяют вникнуть в характер конструктивных изменений. В энциклопедии «Гуцзинь тушу цзичэн», например, [113, разд. 32, т. 781, папка 98/2, 55a], содержится отрывок из «Фучжоуфу чжи», где рассказано о некоем ткаче из Фучжоу, Лин Хуне, жившем в годы правления Хунчжи (1488—1505). Лин Хун был хорошо знаком с ткачеством Сучжоу; он перестроил фучжоуские станки по сучжоускому образцу, назвав их «измененными станками» («гайцзи»).

А вот запись, относящаяся к XVI в.: «В Минское время между правлением Лунцин (1567—1573) и Ваньли (1573—1620) изменили местные станки, с тем чтобы на них можно было ткать ткани ша (газ) и чоу (род шелковой ткани.—Э. С.), и работа была чрезвычайно искусной» [138, III, 88]. Можно предположить, что здесь упомянуто изменение в ремизном аппарате станков, позволившее изготавливать ткани с другой структурой.

В «Мин ши лу» приводится факт, свидетельствующий об изменении ткацкой техники в казенных, императорских мастерских. «В 28-м году Ваньли (1601), в 9-м месяце, император издал новый указ — изменить челноки у ткацких станков и ткать ткань жун (бархат.—Э. С.) двух

¹⁹ По мнению японских ученых, такой станок с приспособлением для многоцветного уточного тканья возник уже в конце Танского времени — это подтверждается структурой дошедших до нас позднетанских и сунских тканей [см. 262, 118—119].

²⁰ В Европе первый станок, ткавший узкие шелковые ленты, был изобретен в Германии лишь в XVI в. Такие ленты узорного шелка, трехцветные и четырехцветные (синий, красный, зеленый, белый цвета), с вытканными на них надписями, есть в собрании Эрмитажа (экспозиция «Прикладное искусство Западной Европы», 1968 г.). А первый весьма несовершенный станок для тканья крупноузорчатых тканей появился в 1606 г. Фактически же узорное ткачество стало распространяться в Европе лишь в XVIII в., после изобретения позументщиком Бушоном приспособления для механического подъема нитей основы и изобретения станка Ж. де Вокансона.

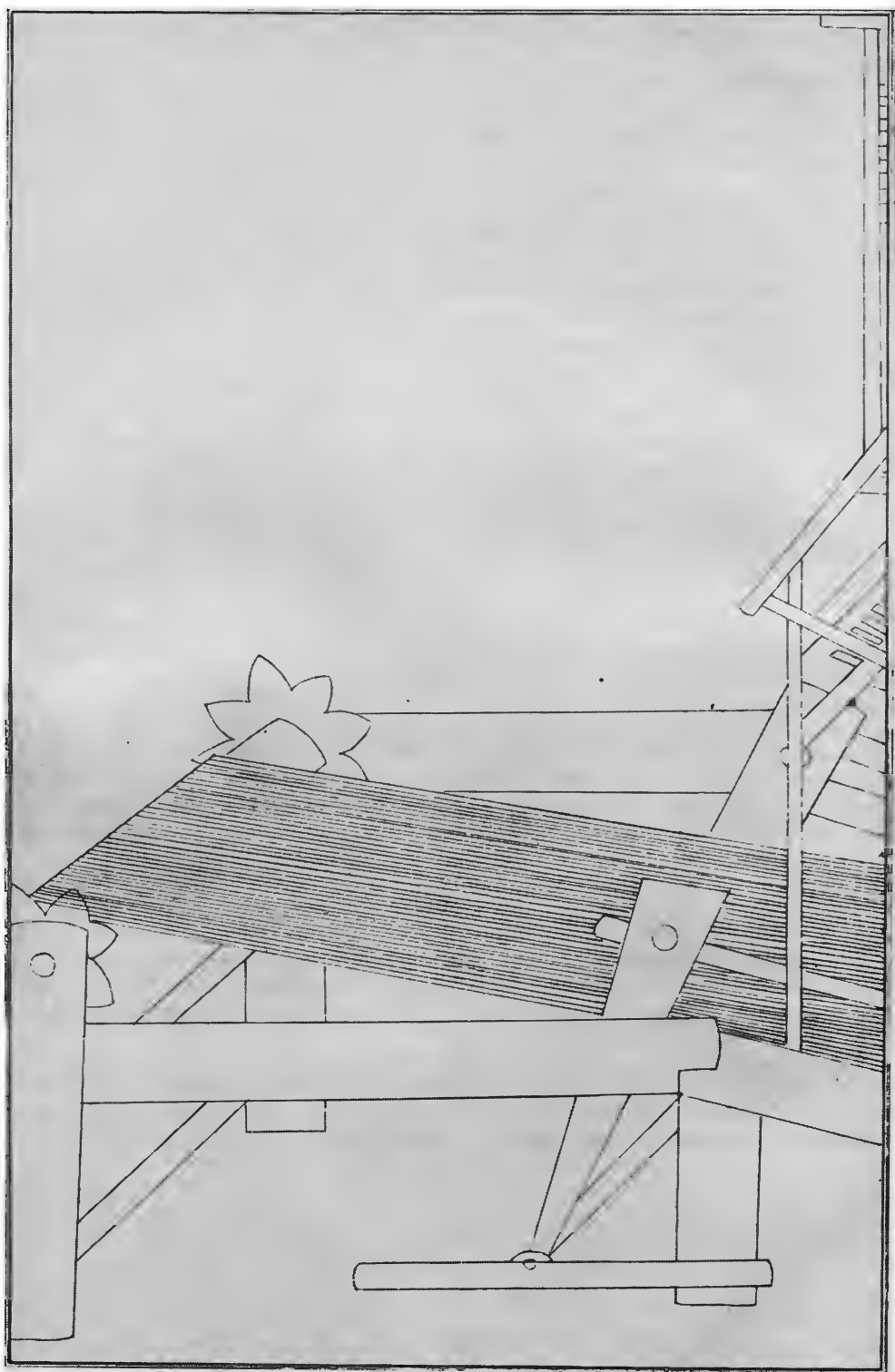
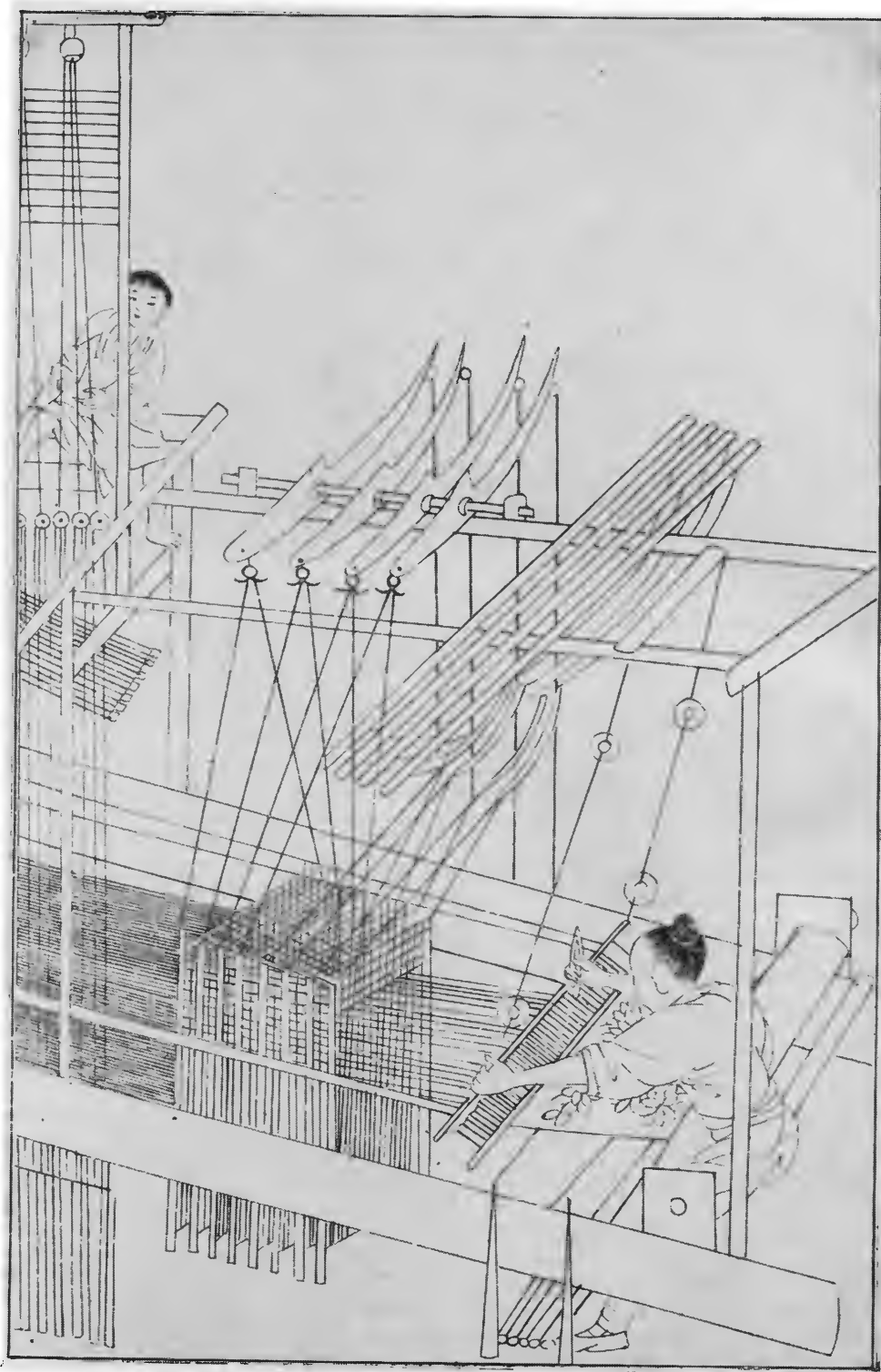

Рис. 7. Станок для тканья многоцветного крупно

узорного шелка [140, 256 — 26a]

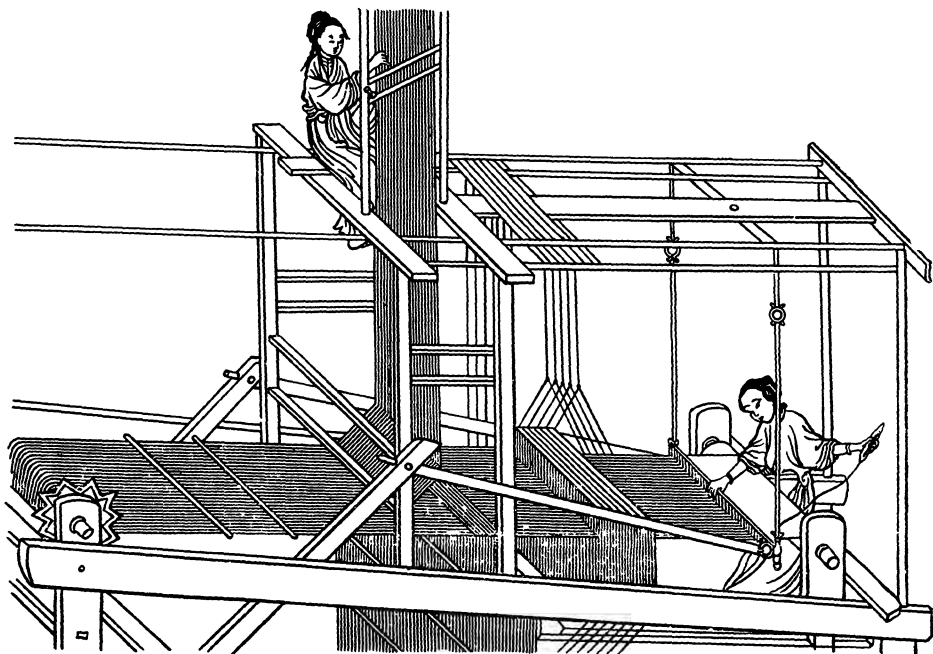

Рис. 8. Станок для тканья многоцветного шелка [144, 692]

цветов... Каждый кусок обязательно ткался длиной в 5 чжанов 8 чи, каждый станок за день мог делать 1 цунь 7 фыней ткани. Два станка за полгода ткали всего кусок. После того как изменили челноки, каждый станок мог ткать ткани жун... 1 цунь 2 фыня за день, а два станка, соединенные вместе, за восемь с лишним месяцев могли делать только один комплект верхней императорской одежды... В настоящее время предполагают, что всего вместо прежних 3200 кусков с измененных станков будут получать всего 800 кусков в год». Несомненно, сокращение количества выработанной ткани объяснялось в этом случае переходом от простого, малочелночного к многоцветному и крупноузорному многочелночному ткачеству. Во всех приведенных примерах трудно точно установить существо технических изменений, хотя неоднократное повторение этих сведений — безусловное свидетельство изменений шелкоткацкой техники под влиянием новых явлений в экономике.

Что же представлял собой станок для крупноузорного ткачества в XVI—XVII вв.?

Изображения такого станка — назывался он хуацзи (17) или чжицзи (18) — встречаются в «Тяньгун кайу» [140, I, 256—26а] и «Нунчжэн цюаньшу» [144, 692]. Это станок с горизонтальным навоем, через который приблизительно посередине проходила вертикальная рама — так называемая хуалоу (19) («хуалоу» можно перевести как «установка для изготовления цветов»). Ремизный аппарат — специальная рама станка, которая соединялась с педальным механизмом и могла подниматься и опускаться движением ноги. Число берд в станке зависело от сложности цвета и рисунка — «Нуншу» указывает два, «Тяньгун кайу» — три. Станок обслуживали два человека. Один из них — ткач, работавший внизу, у основы, и бросавший челнок; другой помещался вверх, на хуалоу. Именно с помощью хуалоу и осуществлялось многоцветное, многофигурное ткачество.

Изготовление многоцветной ткани начиналось с «тяохуа» (20) («тяохуа» — букв. «тянуть цветы»). Эта работа была самой трудной, сложной и лучше оплачиваемой. Искусством многоцветного тканья владели очень немногие старые и опытные мастера. На рисунок будущего раппорта они наносили тонкую сетку, по которой раппорт сплетался из тонких шнурков и веревочек. Расположение последних в точности соответствовало узору на рисунке — так получалось тяохуа. Тяохуа укреплялось в верхней части хуалоу, и концы шнурков прикреплялись к веревочному передаточному приспособлению, соединенному с бердами ремизным аппаратом. Помощник ткача, находившийся на хуалоу, тянул то одну, то другую группу шнурков, изменяя расположение нитей основы, а ткач пропускал челнок только через определенное число нитей.

Японский ученый Ота Эйдо, изучавший китайское шелковое производство в эпоху «Тяньгун кайу», считает, что изобретение станка с хуалоу для крупноузорного тканья утком значительно упростило процесс ткачества, что утёчное ткачество было более удобно для ткача и не требовало таких сложных операций, как оснóвное, а это способствовало распространению методов крупноузорного ткачества из казенных мастерских в мастерские частных ткачей [262, 122].

По-видимому, на рисунках в «Тяньгун кайу» и «Нунчжэн цюаньшу» изображен станок, бытовавший в Цзяннани. Кроме этого станка в различных провинциях Китая в XVI—XVIII вв. существовало несколько разновидностей станков с хуалоу.

Основной принцип их действия был одинаков, они отличались только размерами, устройством педального механизма, расположением хуалоу, величиной основы.

Сучжоуский станок был глубоко врыт в землю, обслуживался двумя мужчинами-ткачами; для каждого цвета в нем было шесть-семь челноков, перебрасывавшихся вручную. Сычуаньский станок был довольно большим: 40 чи в длину, 6 — в ширину, однако он производил очень узкие ткани. Ткач сидел в глубокой яме на узкой бамбуковой планке и приводил станок в движение одной ногой, нажимая на бамбуковую педаль. Помощник ткача сидел на хуалоу под углом в 45° к главному ткачу, что было связано с характером узора сычуаньских тканей.

Гуанчжоуские станки были очень высокими, с педальным механизмом в виде длинного (3—4 м) бамбукового шеста, на который нажимали ногой, действуя им как рычагом. В Гуандуне до сих пор существует пословица: «Гуанчжоуский станок высок и велик: сверху можно спать, в середине ткать, а внизу варить кашу».

Огромные размеры станков, работа с педальным ножным механизмом делали работу ткача очень тяжелой и изнурительной — от него требовалось не только умение, но и большая физическая сила. Поэтому в Китае почти повсеместно (за исключением Гуанчжоу) труд ткача и его помощника был мужским, а женщины занимались трощением шелка, сновкой и т. д.

Для тканей однотонных или мелкоузорных существовал ткацкий станок другого типа, названный в «Нуншу» «воцзи» (21) [123, 436], а в «Тяньгун кайу» — «яоцзи» (22) [140, I, 25a].

Это станок более простой по конструкции, без хуалоу и с простым ремизным аппаратом. Для передвижки берд во время работы используются два гибких бамбуковых шеста, нижние концы которых закреплены на станине, а верхние соединены с ремизным аппаратом и педальным механизмом с помощью бамбуковой и веревочной передачи. Это

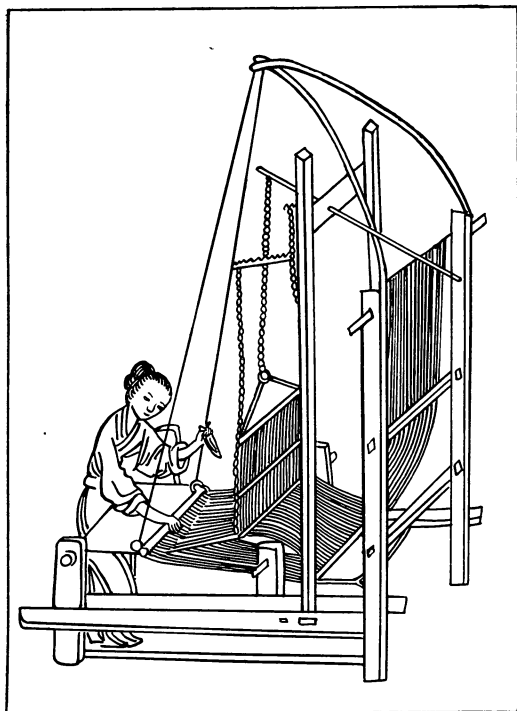

Рис. 9. Станок «воци» для тканья гладких однотонных и мелкоузорных шелковых тканей [123, 496]

техники означало усовершенствование отдельных деталей станков, создание различных их видов и типов при сохранении прежних принципов действия.

В книге, напечатанной в конце XIX в., «Хуцаньшу» («Описание разведения шелкопряда в Хучжоу»), дается, например, подробнейшее описание всей шелкоутальной и шелкоткацкой техники конца XVIII — начала XIX в., из которого видно, что в Наньсюньчжэне (пров. Чжэцзян) существовали уже два вида простых (без хуалоу) станков: пинцзи (25), на которых работали местные женщины, и чжаныцзи (26), на которых работали пришлые ткачи-мужчины [122, IV, 15a]. В разделе «Ткачество» той же книги дается описание ткацких челноков самой различной формы и величины — усовершенствование станков шло и в этом направлении.

Подробное описание всей техники шелкоткацкого производства того же времени дается в «Фэнлу сяочжи», где описывается более 100 деталей шелкоткацких станков, с указанием их назначения и времени появления [68, III, 3a—46].

Вплоть до конца XIX в. станки оставались деревянными, лишь с небольшим числом мелких железных деталей, а с этого времени в Китай начали ввозить европейское текстильное оборудование [284, 47].

Перебрасывание челнока в XVIII в. по-прежнему происходило вручную: попытки ввести механическое приспособление для этой операции успеха не имели²¹. Процесс создания шелковой ткани завершался либо

приспособление называлось дяогань (23) или дяюйгань (24) (удочки).

Станок яоцзи, в отличие от своего предшественника из «Нуншу», приводился в движение не только ногой, но и всем телом ткача: откидываясь назад, ткач давил на широкий кожаный пояс, соединенный, по-видимому, со сновальным барабаном (на рисунке это не вполне ясно, а ни в одном из музеев такой станок не представлен).

Этот станок, безусловно, требовал от ткача и большей ловкости и больших физических усилий. Но производительность труда тут была значительно выше, так как ткач уже не тратил времени для передвижки берд вручную.

XVIII век не столь богат источниками по шелкоткачеству, как XVII век.

Но и то немногое, чем мы располагаем, дает основание думать, что в XVIII в. дальнейшее развитие шелкоткацкой

²¹ Первые погонялки появились в Китае лишь в XIX в.

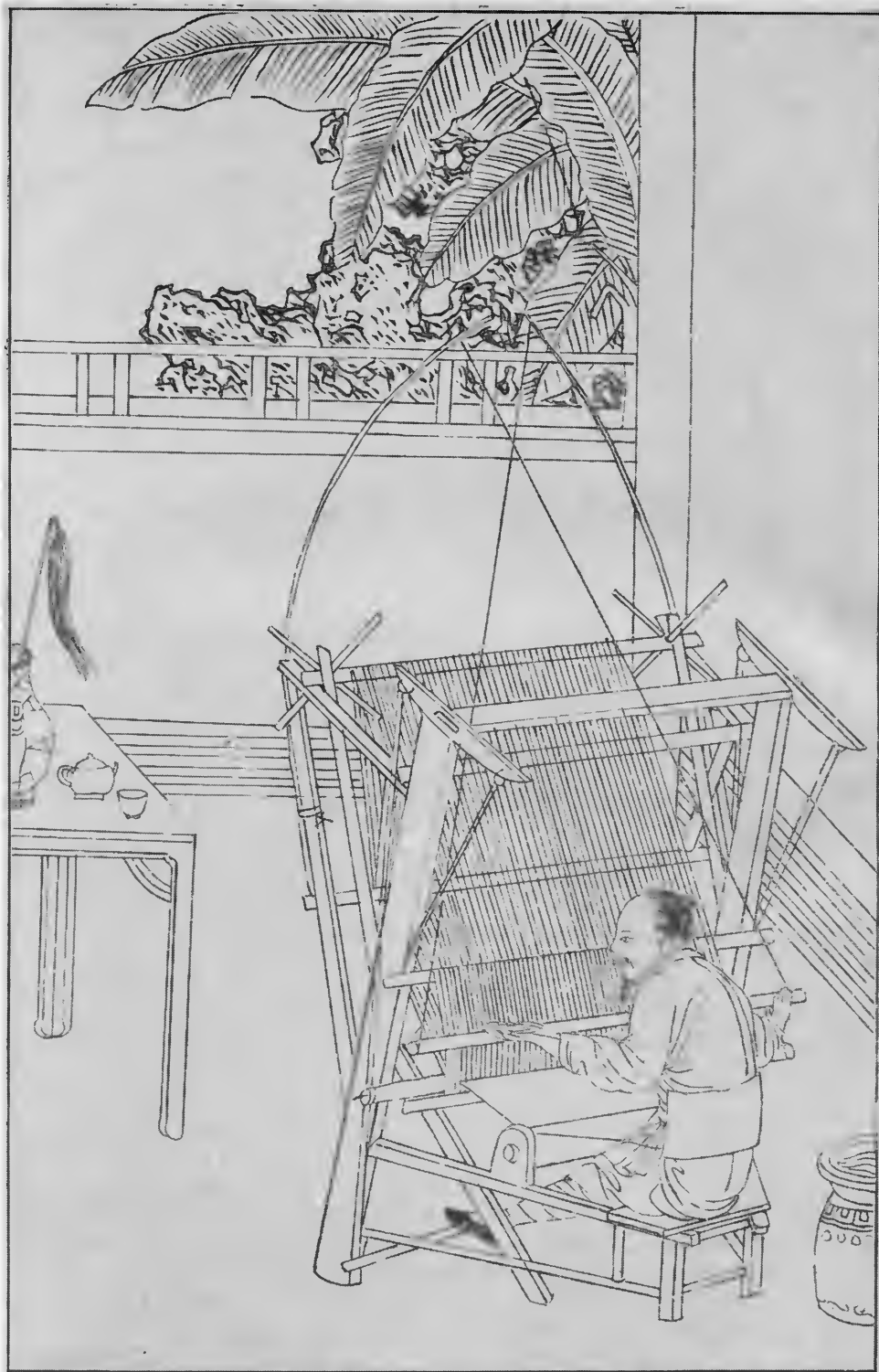

Рис. 10. Станок «яоцзи» для тканья гладких однотипных и мелкоузорных шелков
[140, I, 25a]

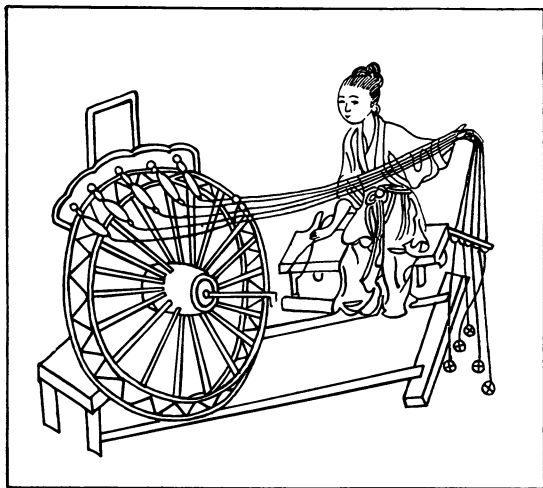

Рис. 11 Станок (с пятью веретенами) для прядения конопли [123, 520]

просто окончательной подправкой ткани (у многоцветных и окрашенных тканей), разрезанием двойных волокон (у бархатов), либо вывариванием, окраской и лощением более простых, сотканых из шелка-сырца тканей.

Среди европейских и некоторых японских синологов господствует мнение, что китайская техника XVI—XVIII вв. была застывшей, скостеневшей. Английский искусствовед Стефен Бушель утверждал, например, что в шелкоткачестве за три столетия правления Минской династии не произошло никаких изменений [301, т. II, 95].

На той же точке зрения стоит и японский ученый Ота Эйдзо [262, стр. 108].

Мы видим, что китайские сочинения XVI—XVII вв. опровергают подобные точки зрения. Техника производства шелка в Китае в XVI—XVIII вв. непрерывно развивалась и до XVIII в. не была более отсталой, чем в Европе. Только с XVIII в. началось замедление темпа и отставание от техники европейского шелкокручения и шелкоткачества.

Конопляные ткани

Конопля была традиционной для Китая культурой, и одежда из конопляного волокна бытовала в Китае задолго до начала шелкоткачества.

С распространением шелка он не вытеснил конопли, и обе культуры существовали параллельно в течение многих веков, вплоть до времени появления и распространения хлопка. Из конопли делалась грубая повседневная одежда и одежда более теплая, чем шелковая, для зимнего времени. Самыми крупными центрами обработки конопли были Чанчжоу и Чжэнчжоу [262, 48].

Обработка конопли требовала огромных затрат труда, в сто раз больших, чем при обработке шелка. Количество волокна, получаемого с каждого му земли, было невелико, а поскольку оно отличалось чрезмерной тонкостью, за день невозможно было напрять более 3—5 чжу [262, 108].

Посевы конопли к Минскому времени значительно сократились в результате распространения хлопка, и к XVI в. ткани из конопли уже не имели сколько-нибудь значительного применения: их производство не выходило из рамок домашнего, крестьянского, подсобного промысла. Техника обработки конопли интересна главным образом потому, что именно на ее основе развивалась обработка хлопка.

Уже в XIII в. техника обработки конопли сильно изменилась: прядильный станок из ручного превратился в ножной, а вместо одного веретена стало пять [123, 520].

В «Нуншу» приводятся рисунок и описание самопрялки с двенадцатью веретенами и двумя колесами. (Нам пока не известно, когда она появилась.) Впоследствии этот рисунок повторяется с новым описанием в «Нунчжэн цюаньшу». Станок имел уже пятнадцать веретен [144, 371—372]. Из описания станка видно, что в нем было несколько железных деталей — стержни, кольца, зубья и т. д.

«Большой прядильный станок длиной в 2 чжана, шириной приблизительно в 5 чи. Сначала делался из дерева. По углам установлены столбы, каждый высотой в 5 чи. Посредине поперечина. На верхней раме деревянные рукоятки, на них с двух концов лежит скрученная ровница. Длинные веретена имеют железный стержень... Наверху длинная деревянная подставка (расположенная в середине.— Э. С.). Вверху у нее ряд зубьев... Перед рукоятками расположена маленькая железная вилка, которая и разделяет пряжу. При вращении длинных веретен происходит движение вправо и влево. На другой раме также установлено колесо. Две подставки соединены кожаным ремнем.

Внизу в ряд зажаты веретена. Они вращаются вручную или при помощи домашнего скота. Слева расположено большое колесо. С помощью ремня оно вращается. Множество механизмов приходит в движение.

Верхние и нижние части взаимодействуют, и все это движется в соответствии — либо быстро, либо медленно, и пряжа превращается в крепкие нити; они наматываются на веретена. За одни сутки прядут 100 цзиней пряжи, но есть семьи, которые делают и больше» [144, 371—372].

Широкого распространения эта самопрялка, по-видимому, не получила. Она была неизвестна и автору «Тяньгун кайю».

И тем не менее сам факт появления многоверетенного прядильного станка на четыреста с лишним лет раньше появления английской прядильной машины Spinning-Jenny — еще одно убедительное доказательство высокого развития китайской шелкопрядильной ремесленной техники.

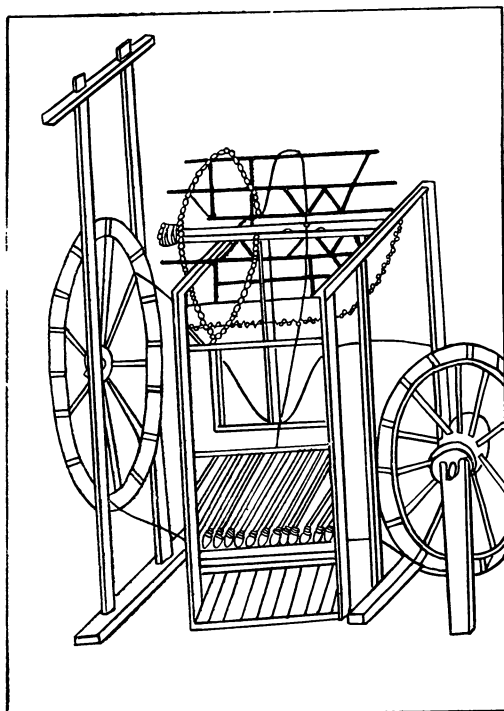

Рис. 12. Станок многоверетенный для прядения конопли [123, 521]

Изготовление тканей из хлопка

Особое место занимала в Китае культура хлопка. В описании любой провинции и области содержатся сведения о разведении хлопка и хлопчаткачестве. Раздел о хлопке — обязательная составная часть

всех написанных в XVI—XVII вв. энциклопедий, географических описаний, сочинений по сельскому хозяйству и ремеслу²².

В сравнении с коноплей хлопок был культурой во много раз более урожайной, не требовал таких затрат труда, давал чистое, белое, прочное и легкое волокно, легче прядущееся.

Китайцы узнали хлопок очень давно, он проник в страну из Средней Азии и с юга, с островов Тихого океана²³. Начиная с Ханьского времени упоминания о хлопке встречаются неоднократно. В «Хуаянсянь чжи» («Описание уезда Хуаян») сообщается, что в Сычуани, в царстве Шу, уже при Танах был хлопок двух видов — травянистый и древовидный. С I му получали приблизительно 40 цзиней травянистого хлопка [73, XXXIV, 336]. Однако вплоть до конца XII в. шелк и конопля были основным сырьем для производства тканей, и только с XII—XIII вв. в Китае начались освоение и распространение хлопка.

Для обозначения хлопка вплоть до XVI в. не существовало какого-то единого термина: хлопок назывался мумянь (27), мянь, цзэбэй, линьциззбэй (28), юнчанмумянь (29), а хлопковые ткани — вэньжу, няолин, баньбу, байде, байсюэ, цюйшунь и маобу. Наиболее употребительным был термин «мумянь» [см. 144, 699].

Древовидный хлопок²⁴ — дерево с яркими красными цветами и плодами, похожими на коробочки однолетнего хлопка, — был известен в Китае с древности. Волокна его плохо поддавались прядению, и он использовался главным образом как вата для зимней одежды и тюфяков. С распространением в Китае кустового однолетнего хлопка его стали называть тем же термином — «мумянь». «Мумянь» — название всех глав или разделов о хлопке в минских и цинских источниках, хотя в тексте говорится только о разведении однолетней кустовой культуры хлопка.

Японские ученые считают, что в Гуандуне и в Фуцзяни хлопок появился с Танского времени, а в конце XII — начале XIII в. распространился на Янцзы [262, 49]. Одной из причин этого было усовершенствование орудий обработки хлопка. Распространение хлопка было ускорено и принудительной политикой юаньских и минских императоров — за 200 лет хлопок распространился по всему Китаю, вытесняя коноплю и шелк в первую очередь в домашнем ткачестве [297, 19—20; 161, 1].

Повсеместное распространение хлопка относится, по-видимому, к концу XIV в. Чуй Цзюнь (XV в.) сообщает: «Хотя в Ханьское и Танское время хлопок поступал в Китай в качестве даров, однако сами китайцы его еще не разводили. Народ не делал из него одежды, а чиновники не собирали с него налогов. Разводить начали только с Сунского и Юаньского времени. В Гуанси, Шэньси, Фуцзяни и Гуандуне получали от него выгоду. В Фуцзяни и Гуандуне особенно развита была морская торговля хлопком.

Однако в то время совсем не собиралось налогов хлопком, поэтому в сунском и юаньском „Шихо чжи“ нет об этом записей. При нашей династии (Цин.— Э. С.) хлопок по всей Поднебесной — на севере и на

²² «Тяньгун кайю», «Нунчжэн цюаньшу», «Мумянь пу», «Нань ши» Ли Янь-шоу, «Нунсан тунчжэ», «Нунсан цзю», «Дасюэ янь ибу», «Сунцзян чжи» — вот далеко не полный перечень книг, в которых самым подробным образом описаны весь процесс хлопководческого производства, методы разведения хлопка, его сорта, время распространения этой культуры в Китае и т. д.

²³ В «Мумянь пу» приводятся отрывки из многочисленных книг, в которых рассказывается, что «варвары» — жители островов Южных морей — делали одежду из хлопка, растущего на деревьях. Хлопок этот сравнивается с тончайшим шелком, лебединным пухом, говорится, что семена его похожи на жемчуг и имеют целебные свойства, а хлопковая вата такая же мягкая и теплая, как шелковая [161, 1].

²⁴ Древовидный хлопок и сейчас произрастает в провинции Сычуань.

юге — сеять можно везде. Выгода от него в сотни раз больше, чем от шелка или конопли» [161, 1].

В 1578 г. минское правительство получало натуральный налог хлопчатобумажными тканями уже со всех северных и южных провинций Китая, включая Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси, Сычуань [297, 20]. «Ткань из хлопка имеют все люди. Даже среди тех, у кого земли всего клочок, в каждом десятке обязательно найдется ткацкий станок», — писал Сун Ин-син [140, I, 13а].

Сюй Гуан-ци пишет о распространении хлопка на севере Китая и выражает даже опасение, что через несколько лет в результате развития ткачества на севере некуда будет сбывать сунцзянские ткани [144, XXXV, 10а].

Благоприятные климатические условия, сложившиеся традиции ручного ткачества, сравнительно слабое распространение других волокнистых культур — все это и обусловило широкое распространение хлопка в Китае.

В ряде провинций Китая были районы, специализировавшиеся исключительно на производстве хлопка.

В «Цяньлун Цзядинсянь чжи» содержатся многочисленные сведения, что производство хлопка и хлопковых тканей²⁵ было основным источником существования; ткани производились на широкий рынок: «Мужчины обрабатывают землю, добывая этим пропитание, женщины ткут, добывая одежду, — и так во всей Поднебесной. В нашей же местности Цядин мужчины живут за счет того, что выращивают хлопок, а женщины — изготавливают хлопковые ткани. И это вполне обычно.

Они продают свои изделия и на полученные деньги покупают пищу. Это повторяется многократно... Полученный хлопок несут на рынок и меняют на рис» [81, XII, 7а, 7б]. На повсеместность распространения хлопкопрядения и хлопкоткачества обращает внимание и Сюй Гуан-ци: «В ткани лин и бу одевается вся Поднебесная. В каждой семье прядут и ткут. Это занятие распространилось очень широко. Ткани являются источником выгоды и дарами местного производства» [144, IV, 12—13].

Аналогичные сведения содержатся в географических описаниях Сунцзянской, Сучжоуской и других областей.

В «Описании Сунцзяна», XVIII в., сообщается: «В Сунцзяне народ по обычаю занимается прядением и ткачеством... в [хлопковые] ткани сянлин и саньсобу одевается вся Поднебесная. Даже Су[чжоу] и Хан[чжоу] не могут такого достичь» [297, 36], а в «Описании Сучжоу», XVIII в., говорится: «В пяти местностях (Сучжоу) земля богата водой, и поэтому растет хлопок. Началось это с Юаньского времени и из области Сучжоу распространилось повсюду. Прежде же выращивали хлопок, пряли и ткали только в Гуандуне и Фуцзяни» [43, XX, 156].

Хлопчатобумажное производство XVI—XVIII вв. давало продукцию чрезвычайно высокого качества, ткани отличались белизной и яркостью красок, тонкостью, прочностью, сложностью рисунка и тщательностью отделки. В книге Е Мэн-чжу «Обозрение мира» (XVII в.) говорится: «Ткань из хлопка, которая производится в нашем уезде (Шэнцзэчжэнь), уже имеется трех видов, кроме того, сюда не включена суньчэнская фэйхуа, юдунь и мэйчжи. Тонкая, широкая, превосходная ткань назы-

²⁵ В разделе «Производство» подробно описан весь процесс культивирования хлопка цзэбэй, приводятся отрывки из более ранних книг и стихов о распространении хлопка: «Есть доходы или нет доходов, — это целиком зависит от хлопка», «изготавливаются десятки тысяч кусков ткани, которая служит одеждой для всей Поднебесной» [81, XII, 16]. «Продукция дворов (ху), занимавшихся прядением и ткачеством, известна и в Китае и за морем» [81, XII, 2а, 2б].

валась бяобу; та ткань, которая из Саньлинтана, считалась самой лучшей.

Ткань из Чжоупу на втором месте, а та, которая из нашего уезда,— еще ниже. Все они отправлялись в Шэньси, в Шаньси и в столичный округ. Каждый кусок стоил приблизительно 1 цзянь 5 фыней серебром» [222, 47].

В Наньцзинском музее экспонируются хлопковые ткани XVII в. из могилы мелкого сунцзянского чиновника Ду Ши-цюаня. Эти ткани (так называемые фобу, служившие для обертывания мертвых тел при захоронении) позволяют судить об очень высоком уровне ткачества. Основа ткани состоит из 734 очень ровных тонких нитей (ширина ткани 45,5 см). Уток значительно толще, но нити везде очень ровные, без узлов или наплывов. Ткань так хорошо отбелена, что до настоящего времени почти не пожелтела (экспозиция 1959 г.). Китайские мастера в это время умели делать ткани, где и основа и уток были хлопковыми.

По своему качеству китайские хлопчатобумажные ткани были значительно выше европейских. До появления машины Р. Аркрайта (1769 г.) в Европе почти не было тканей, целиком сотканых из хлопка,— в Германии, Англии, Италии изготавливались хлопчатобумажные ткани на льняной основе.

Техника обработки хлопка в Китае сложилась в значительной мере на основе достижений, которые уже были в шелкоткачестве и обработке конопли.

Распространение орудий обработки хлопка китайская традиция связывает с именем некоей Хуандаопо, которую многие китайские историки склонны считать исторической личностью. Во многих сочинениях сообщается, что Хуандаопо пришла с юга и научила людей прясть и украшать ткани.

В «Сучжоуфу чжи», например, говорится: «В 14 ли к востоку от Сунцзяна есть местность Уняоцинъ. Земля там очень бедна и продовольствия недостаточно. Поэтому люди используют все возможные средства, чтобы добывать пищу в этом месте.

Однако сначала они не умели крутить ногами станок и использовать лук для очистки хлопка, все делали руками, а семена вытаскивали пальцами. И время было очень трудное. В начале Юаньского времени появилась старуха по имени Хуандаопо. Она пришла из Эчжоу и научила людей применять орудия для обработки хлопка. А кроме этого, она научила безошибочно сочетать цвета (нитей) и делать на тканях цветы. Этот способ распространился повсюду, и люди наперебой извлекали из этого выгоду... А на могиле Хуандаопо был построен храм» [43, XX, 156].

Этот же рассказ о Хуандаопо повторяется в «Нунчжэн цюаньшу» [144, 706], «Тяньгун кайу» и многих географических описаниях XVIII—XIX вв.

До настоящего времени в Китае (в Сунцзяне) существуют могила Хуандаопо (по преданию) и храм с ее изображением, где по определенным дням года совершаются богослужения в ее честь.

В «Нуншу», «Саньцай тухуй», в «Тяньгун кайу» и других источниках приводятся многочисленные рисунки и описания орудий ткацкого производства, свидетельствующие, что к XVII в. хлопкообрабатывающая техника стояла на довольно высоком уровне. По сравнению с Юаньским временем произошли изменения во всех операциях текстильного производства за счет изменения рабочей части хлопкоочистительного, прядильного, ткацкого станков.

Обработка хлопка начиналась с отделения семян и остатков коробочек от предварительно высушенного хлопка. Упоминание об очистке хлопка мы находим в «Сунцзянфу чжи». «За восточными воротами у мо-

ста Шуанмяо („Две кумирни“) жил человек по фамилии Дин. Он так очищал хлопок, что тот становился белым и чистым, как цветы. Эту воздушную массу он использовал для ткачества. Самая тонкая и эластичная ткань — динчжанцзы, под названием фэйхуабу» [39, V, 206].

Хлопкоочистительный станок, рисунок которого мы видим уже в «Нуншу», назывался «цзяочэ» (30) или «яочэ» (31) и представлял собой два деревянных вала, установленных на деревянной раме. Валки вращались с помощью коленчатых рукояток в разные стороны. Между ними помещали хлопок, волокна которого при вращении отбрасывались в одну сторону, а семена в другую. Подобный же станок изображен и на иллюстрации к «Нунчжэн цюаньшу» [123, 905].

Станок обслуживали два человека, вручную крутившие рукоятки. «Эти два человека тратили очень много сил, а производилось не слишком много» [161, 8].

Однако уже к XVI в. в хлопкоочистительном станке произошли значительные изменения — он превратился в более легкий, сначала четырехногий, а потом трехногий станок, на котором работал только один человек, приводивший его в движение ногами. Один из таких станков с ножным управлением приведен в «Тяньгун кайу» [140, I, 266], несколько других — описаны у Чу Хуа в «Мумянь пу» [161, 8] (вторая половина XVII в.). В XVII — начале XVIII в. в рабочей части этих станков появились железные детали, что увеличило их прочность и эффективность²⁶.

Уже по данным Сюй Гуан-ци, на современном ему цзяочэ один человек мог заменить работу трех-четырех человек [144, XXXV, 715], а Чу Хуа сообщает уже о цзюйюнском станке, заменяющем четырех человек, и тайцанском, где два человека выполняют работу шести.

Такой станок за 10 часов обрабатывал приблизительно 6—8 цзиней грубого и 2—3 цзиня чистого хлопка [293, 26].

В конце XVI — начале XVII в. произошли изменения и во второй операции — трепании хлопка. Раньше для трепания использовалось приспособление дангун (32), похожее по форме на лук (длиной около 4 чи = 1,3 м). Трепание хлопка происходило с помощью палки или колушки, ударявших по тетиве лука, положенного на кипу хлопка. К концу XVI в. была изменена форма лука, и его стали делать из бам-

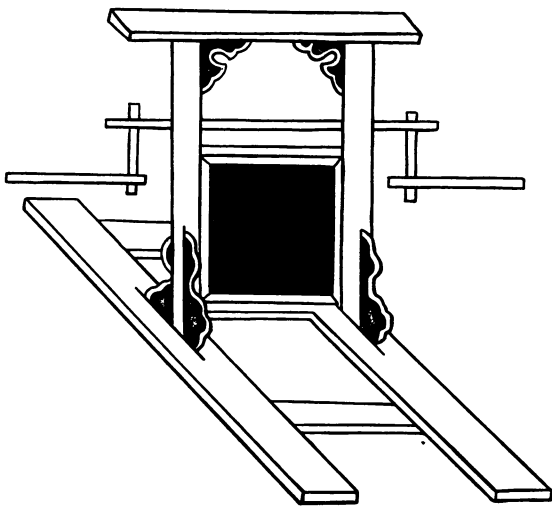

Рис. 13. Хлопкоочистительный станок [144, 714]

²⁶ Китайский хлопкоочистительный станок XVIII в. по принципу устройства был близок «пильчатому джину» — первому в Европе хлопкоочистительному станку, изобретенному в 1792 г. американцем Эли Уитнеем, однако отличался тем, что у него оба вала были гладкие, а один вал в станке Уитнея зубчатый, что повышало производительность труда.

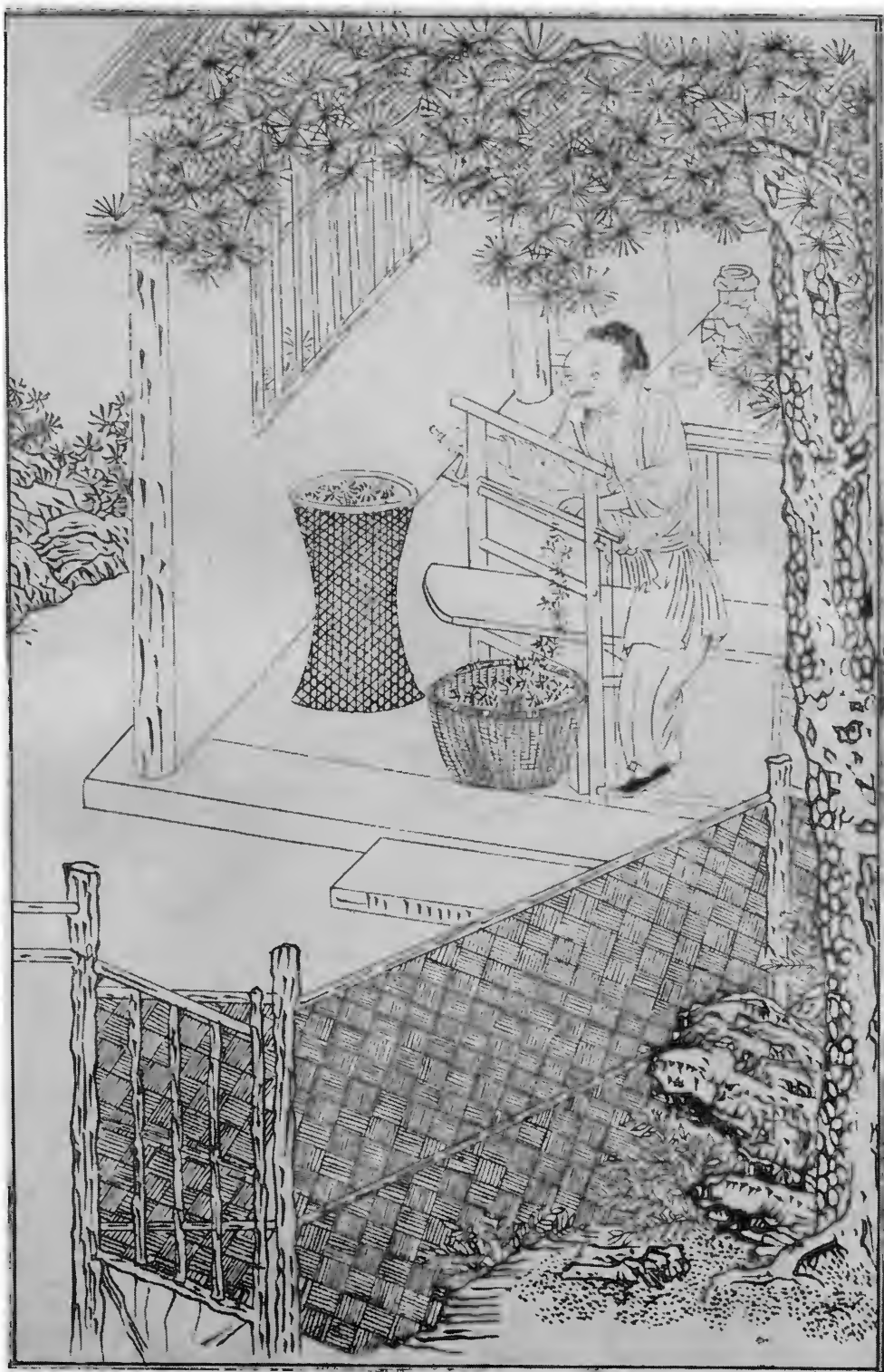

Рис. 14. Очистка хлопка [140, I, 266]

Рис. 15. Трепание хлопка [140, I, 27a]

бука, а не из дерева. Однако эти изменения происходили крайне медленно²⁷.

Ручной оставалась и третья операция — изготовление ровничной ленты, поступавшей затем на прядильный станок. Ленту вытягивали руками и сматывали в небольшие мотки.

Четвертая операция — пряжение — в XVI—XVII вв. выполнялась на ножных прядильных станках [140, I, 28а—28б], существенно отличавшихся от прялок XII—XIII вв., приводившихся в движение одной рукой²⁸.

На рисунках «Нунчжэн цюаньшу» мы находим два прядильных станка — «дафанчэ» (10) и «сяофанчэ» (33). Прядильные станки Севера и Юга различались. Южный прядильный станок был больше и выше, рабочий-мужчина сидел на высоком бамбуковом стуле. На Севере станок был меньше и ниже, пряли (и ткали) преимущественно женщины, сидя на низком кане.

Освобождение рук прядильщика ускорило эволюцию станка — из прялки с одной нитью он превращается в прялку с тремя нитями; в некоторых городах, Сунцзяне например, — с четырьмя, а в Сиани и Цзянсу — даже с пятью нитями [161, 9; 144, 716]²⁹.

Происходили изменения и в оснастке станка: росли размеры колеса, изменялось устройство рычага, связывавшего доску и колесо; рабочую часть доски уже можно было удлинять и сокращать, регулируя движение колеса.

Можно предполагать, что превращение прялок в ножные, увеличение числа веретен и усовершенствование некоторых деталей прялки в несколько раз повысили производительность труда, хотя мы и не имеем точных данных.

Однако наряду с многоверетенными прялками в рассматриваемый период сохранились и прялки с одним веретеном³⁰. Сохранение их³¹, несмотря на низкую производительность труда, было обусловлено, во-первых, тем, что при высоком искусстве пряжения этот станок давал очень тонкую и прочную нить, а во-вторых, его простотой и доступностью, дешевизной изготовления, тем, что он оставлял возможность применения женского и детского труда [140, I, 28б].

Такова была прядильная техника Китая. Самым слабым ее звеном была скрутка нити. Она осуществлялась вручную: Китай не создал своей самопрялки для обработки хлопка. В Европе же такой станок появился еще в конце XV в. (изобретен в Германии), а в 1530 г. саксонская самопрялка (изобретение которой приписывается Юргенсу) соединила крутку, вытяжку и намотку.

Таким образом, если по числу веретен на прялке, по технике ручного ткачества Китай намного опередил Европу (где только в середине

²⁷ Подобный способ трепания хлопка сохранился до настоящего времени в некоторых деревнях Шаньдуна, что позволило Ши Хун-да вычислить количество обрабатываемого при этом хлопка — приблизительно 10 шилян (500 г) за час [см. 293, 27].

²⁸ О широком распространении ручных прялок в Юаньское время (XII—XIII вв.) пишет Ши Хун-да [293, 34], а в «Нуншу» нарисована и описана уже ножная прялка, очевидно позднеюаньская (конец XIII—XIV в.) и, по всей вероятности, не имевшая еще широкого применения.

²⁹ Экспонирована в Наньцзинском историческом музее в 1959 г.

³⁰ В XVI—XVIII вв. бытовали ручные прялки, носившие названия цуйфанчэ (34), динфанчэ (35), цзяньфанчэ (36). В районе Шанхая в XVI—XVII вв. была распространена прялка с одним большим колесом и одним веретеном, приводившаяся в движение двумя ногами, вследствие чего достигалась очень большая скорость (в три раза быстреей обычной прялки), а нить получалась тонкой и прочной.

³¹ Такие прялки, как наблюдал автор книги, используются сейчас в деревнях Чуаньша (близ Шанхая) при изготовлении махровых полотенец.

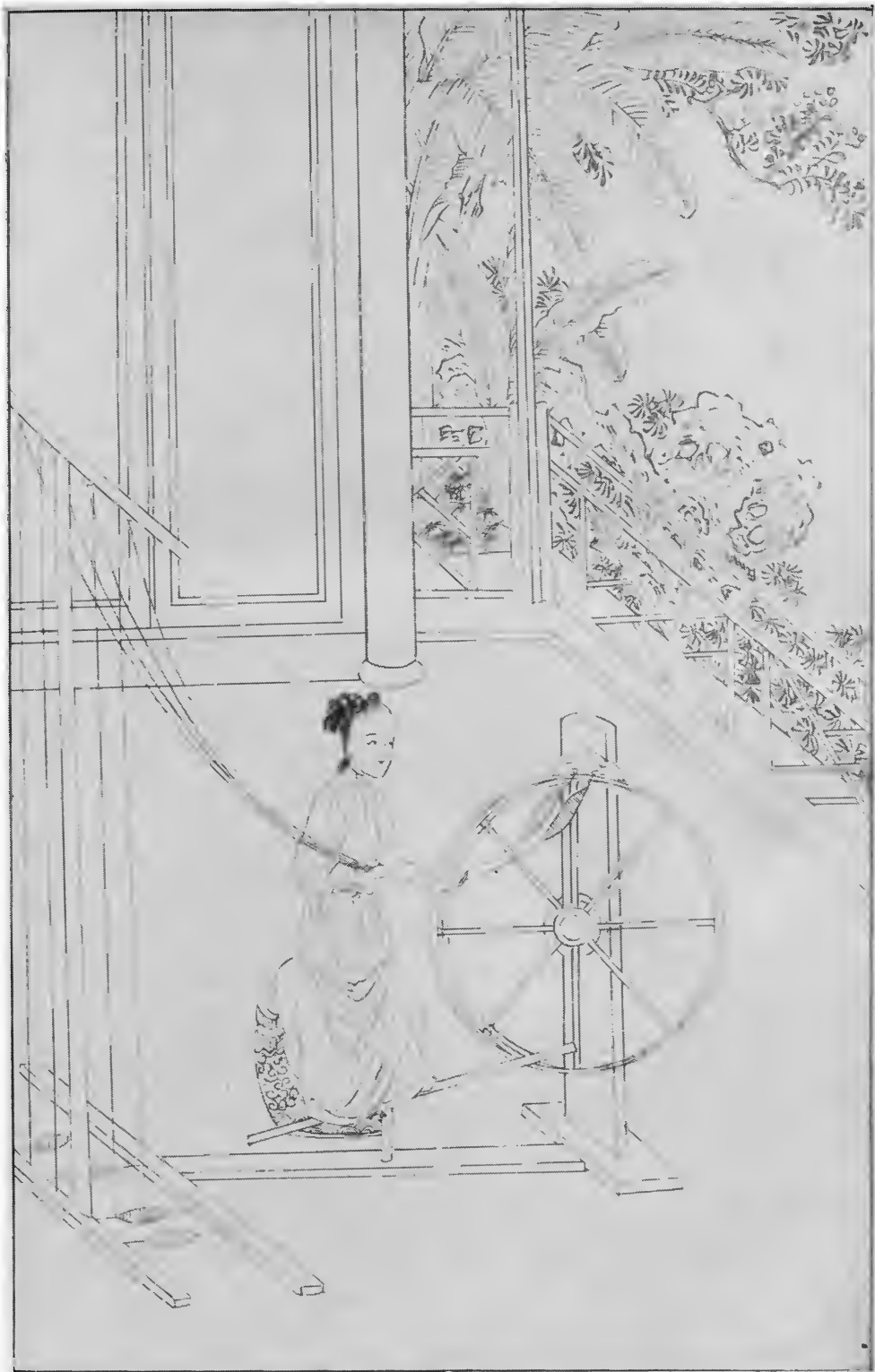

Рис. 16. Хлопкопрядильный станок [140, I, 286]

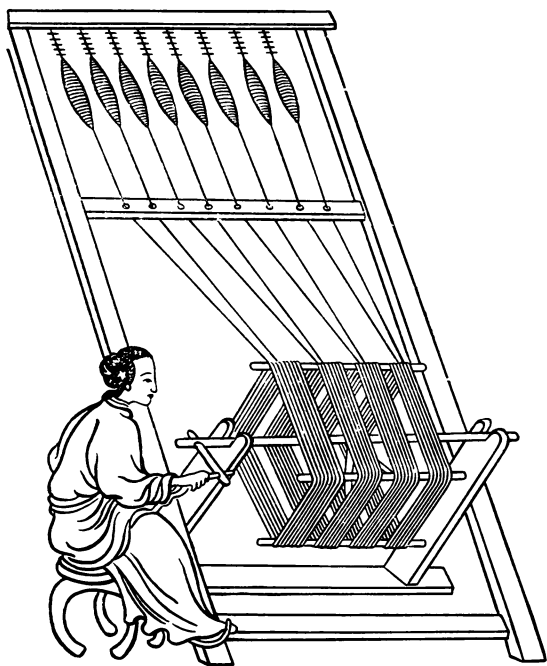

Рис. 17. Приготовление мотовила для сновки [144, 718].

XVI в. появилась двухверетенная прялка), то отсутствие рогульки на китайских веретенах связывало руки рабочего и с XVI в. уже определило постепенное отставание китайской прядельной техники, проявившееся особенно четко в XVIII в. с изобретением погонялки для челнока Джона Кэя (начало XVIII в.), механического аппарата для вытяжки волокна (1738 г.) и ватера Р. Аркрайта (1769 г.). В результате всех этих изобретений возникшая лишь в XVII в. хлопчатобумажная промышленность Европы за несколько десятилетий обогнала китайское хлопчатобумажное производство.

За прядением следовала пятая операция — скручивание двух нитей в одну — либо на прялке с большим колесом [140, I, 286], где четыре нити перематыва-

лись на два веретена, либо на станке жэньчуан (37), либо на станке бочэ (38), где наматывалось уже восемь нитей на деревянное, установленное на раме мотовило [144, 718], использовавшееся затем для натягивания основы.

В трактате Чу Хуа сообщается, что жэньчуан, появившийся в конце правления династии Мин, был гораздо более удобным и производительным, чем бочэ или другие ранние станки [161, 9; 144, 718]. Этим объясняется его широкое распространение.

При изготовлении основы крахмалили либо готовые нити, либо ровницу, что определялось сортом хлопка, сезоном, сортом изготавливаемой ткани (шестая операция).

К XVII в. были введены некоторые новшества и в сновку: значительно увеличена рама для натягивания основы, применялось особое приспособление для натягивания нитей, в результате чего за два часа три человека могли натянуть 110 чи нити [293, 36], изменен был угол наклона рамы к основе, что значительно облегчило работу при натягивании последней.

В хлопкоткачестве (седьмой по счету операции) применялся почти такой же по конструкции станок, что и в производстве простых шелковых тканей, только меньших размеров: он назывался сяоцзи (39). Использование гибких бамбуковых шестов дяогань позволило в несколько раз увеличить производительность ткацких станков. Многие писатели XVI—XVII вв. отмечают это. Сюй Гуан-ци, например, упоминает о станке из Чжуньюаня, который приводился в движение водяным колесом, и один человек заменял на нем четырех, а Сун Ин-син отмечает, что на ткацких станках начала XVII в. одна работница могла заменить трех [144, XXXV, 709].

Восьмой операцией была аппретура ткани (беление, крашение, ло- щение и прессовка).

Лощильный аппарат, использовавшийся в китайском хлопкотка- честве, представлял собой простейший ролл-каландр, приводившийся в движение силой человека [140, I, 13а]. Он был значительно меньше громоздких каландров Англии и Нидерландов XVIII в., приводившихся в движение лошадьми³².

Высокого мастерства достигли китайские ремесленники в окраске тканей. В красильном производстве применялась не только набойка вы- пуклыми и вогнутыми «манерами», но и окраска их с резервацией от- дельных участков рисунка различными органическими протравами, вос- ком или смолами.

«Сначала обрабатывают [участки ткани] известью и квасцами и ок- рашивают рисунок в какой-нибудь цвет, а затем удаляют известь, и по- лучается ткань с крупным, блестящим узором...

Или берут деревянную доску, вырезают на ней изображения цветов, трав, людей, различных предметов, птиц и зверей. Затем опрокидывают доску на ткань и прокатывают катком; применяют и пятицветную на- катку, тогда узор получается как нарисованный» [161, 11].

В XVIII в. в Китае распространилось изготовление ворсистых хлоп- чатобумажных тканей.

«Если выкрасить и обработать ножом (или скребком.— Э. С.), то получается ворс, как на тибетских тканях. Называется это гуажун — скобленный бархат» [161, 10].

Таким образом, техника производства хлопчатобумажных тканей в Китае в значительной степени сложилась на основе достижений, имев- шихся в шелкоткачестве. Однако развивалась она медленней, чем в шелкоткачестве, и уже в XVIII в. отстала от европейской, хотя в XVI в. во многих отношениях превосходила ее.

Одной из причин замедленного развития хлопкоткачества было то, что оно преобладало в мелком, домашнем производстве, число же ма- нуфактур в хлопчатобумажном производстве было невелико. Не случай- но медленнее всего совершенствовалась техника прядения, связанного с трудом индивидуального ремесленника, главным образом женским.

Фарфоровое и керамическое производство

Керамическое производство — одно из самых древних и самых рас- пространенных ремесел. На протяжении многих веков глина была един- ственным сырьем, из которого изготавливалась повседневная утварь.

Очень трудно установить время появления среди фарфоровидных масс настоящего с белым спекшимся черепком фарфора, поэтому иссле- дователи называют даты самые различные — от начала нашей эры до XI в.³³.

³² Процесс лощения тканей описан Чу Хуа «Есть мастерские по лощению (чуай) тканей. Внизу расположена гладкая полированная плита. Выкрашенную ткань наматы- вают на деревянный вал и кладут на плиту, а сверху придают большим кам- нем, по форме похожим на опрокинутый желоб, весом до тысячи цзиней. Один чело- век, расставив ноги, становится на оба конца камня и раскачивает его. В результате ткань делается прочной, тонкой и приобретает блеск» [161, 11].

³³ Некоторые китайские исследователи относят появление фарфора к III—IV вв. н. э. Их китайские оппоненты считают, однако, что в это время фарфоровидная масса не имела еще достаточной твердости. Сотрудники исторического отдела Научно-исследо- вательского института керамики в Цзиндэчжэне считают началом создания твердого, высокотемпературного фарфора Танское время (VII в.) [см.: 272, 19]. Эта же дата приводится и в советской литературе [см.: 182, 10, 16; 189, 12].

С уверенностью можно сказать, что в IX—X вв. в Китае уже были распространены изделия из настоящего белого фарфора: источники Сунского времени воспевают «голубой, как небо, блестящий, как зеркало, тонкий, как бумага, и звонкий, как цин (музыкальный инструмент.— Э. С.)» фарфор [132, IX, 6а—7б].

В источниках содержатся записи о том, что в Сунское время создавались белые, трехцветные и зеленые (селадоновые) сосуды, на которые способом наделки или гравировки наносился узор [132, V, 2а—2б].

Современный китайский историк Ли Цзянь-нун пишет, что в Сунское время производство керамических и фарфоровых изделий существовало в 28 пунктах страны [241, 53]. Составители карты размещения керамических производств в Сунское время (экспозиция Наньцзинского музея) насчитывают их свыше 50. Уже в это время функционировали Лунцюаньские (Чжэцзян), Дэхуаские (Фуцзянь), Цзиндэчжэньские (Цзянси) и многие другие печи.

В Сунское время в Цзиндэ, где с VII—VIII вв. действовали фарфоровые печи, был основан чжэнь и послан чиновник для сбора налогов фарфором в казну и для отправки фарфора к императорскому двору.

О фарфоровом производстве при монголах до нас дошли крайне скудные сведения. В сочинениях о цзиндэчжэньском производстве сообщается только, что в Цзиндэ было установлено казенное управление, собиравшее налоги фарфором с частных печей [132, V, 2б—3а; 86, XXVII, 12а]. Остатки печей монгольского периода были обнаружены к юго-востоку от Цзиндэчжэня в результате археологических раскопок, проводившихся в 50-е годы (272, 26—27).

Среди фарфоровых изделий этого периода преобладает белая и селадоновая посуда.

В последние годы правления Юаньской династии многие печи были разрушены: одни обветшали, другие пострадали в ходе антимонгольской борьбы. После воцарения новой, Минской, династии фарфоровое производство переживало кризис. В «Цзянси тунчжи» сообщается, что при Тайцзу в Жаочжоу «была война, поэтому производство было прекращено и народ не имел занятий» (86, XXVII, 12).

Уже первые минские императоры всячески старались увеличить размеры фарфорового производства, учреждая для этого казенные мастерские и издавая специальные указы.

«Во второй год правления Хуньу (1368—1398.— Э. С.) была построена мастерская у горы Чжушань, в которой выделяли фарфор и доставляли его императору. Этот фарфор был назван казенным в отличие от фарфора, обжигаемого в частных печах» (132, V, 4а; 86, XXVII, 12). «При Хуньу в Цзиндэчжэне было 20 казенных печей» [86, XXVII, 12].

В годы правления Сюаньдэ (1426—1435) была установлена должность чиновника для наблюдения за мастерскими, изготавливавшими фарфор (86, XXVII, 12б).

В течение всего этого времени — времени учреждения и постепенного расширения казенного производства — частные печи также продолжали существовать, совершенствовались технические приемы, накапливался опыт.

Во второй половине XV в. число казенных печей возросло до 50 [132, V, 3б], а к концу XVI в. их стало уже 300, число же мастеров, обслуживавших одни только частные печи, увеличилось до 16 тыс. [241, 57].

К этому времени Цзиндэчжэнь окончательно выдвинулся на первое место как центр фарфорового производства и стал с XVI в. основным поставщиком фарфора, обеспечивавшим нужды внешнего и внутреннего

рынка³⁴, не говоря уже об императорском дворе. Выдвижению Цзиндэчжэня способствовали прежде всего огромные запасы превосходного сырья — каолина и фарфорового камня циши³⁵ в окрестностях города и благоприятное географическое положение (р. Чанцзян, на которой стоит чжэнь, впадает в оз. Поян, а затем в Янцзы).

Политически и экономически Цзиндэчжэнь был подчинен Наньчану, центру провинции Цзянси. Наньчан же был известен как центр торговли фарфором. Хотя Цзиндэчжэнь официально и не считался городом, в XVIII в. он насчитывал уже около миллиона жителей [317, 4].

Все китайские писатели и историки XVII—XVIII вв. описывают Цзиндэчжэнь как крупный торгово-ремесленный центр. «Фу[лян] и Жао [чжоу] называют местностью замечательной; чжэнь Цзиндэ возвышается к юго-востоку. Здесь собрались все те, кто создает фарфор и кто торгует фарфором. Огромная выгода, которую получает вся Поднебесная от фарфора, сделала Цзиндэчжэнь знаменитым», — сообщается в «Ван Цзе хун цзи» («Записках Ван цзэ-хуна») [132, VI, 1a].

Фарфоровые изделия из Чананьчжэня (другое название Цзиндэчжэня. — Э. С.) расходятся по всему государству и даже в страны за океаном. Количество мастеров фарфора достигает нескольких десятков тысяч человек», — пишет Шэнь Хуай-цин, автор стихов о хане мастеров, обжигающих фарфор [132, VI, 16].

«Десять тысяч печей дымят, чтобы накормить десять тысяч ртов. Множество купцов — китайских и иностранных. Мастерских по изготовлению фарфора здесь больше, чем муравьев» [132, VIII, 146].

В истории цзиндэчжэньского фарфорового производства можно выделить два периода: Минский (с конца XIV в. до 1644 г.) и Цинский (со второй половины XVII до конца XVIII в.). Эти периоды отличались объемом производства, различиями в технике, в искусстве декорирования и, наконец, различным соотношением между частным и казенным производством (по числу печей, занятых мастеров, объему продукции).

Данные, собранные Научно-исследовательским институтом керамики в Цзиндэчжэне³⁶, позволяют судить, что в Цинское время было в пять раз больше печей, чем при Мин, и размером эти печи были больше.

Казенное производство и в Минское и в Цинское время было подчинено особому казенному управлению. Оно то расширялось, то сокращалось в зависимости от средств, которые казна вкладывала в производство фарфора³⁷.

³⁴ В Минское время керамическое и фарфоровое производство было сосредоточено более чем в 40 местах [см.: 262, 144; 241, 54], однако размеры этих предприятий были невелики и они обслуживали лишь местный рынок.

³⁵ Циши (40) — горная порода, состоящая из серицита (слюдяного минерала). Из размолотого фарфорового камня-циши с примесью воды изготавливали белые кирпичи байтунцзы (петунзия в европейской литературе), которые в смеси с каолином служили сырьем для производства фарфора. Одна из главных особенностей китайского фарфора, определявшая и его высокое качество и многовековой стойкий успех развития производства, — его двухкомпонентность (фарфоровый камень + каолин) и, следовательно, простота приготовления массы. Попытки создать двухкомпонентный фарфор в России связаны с опытами М. В. Ломоносова. Европейский фарфор состоит из трех компонентов. По пути создания трехкомпонентного фарфора пошел и Д. И. Виноградов, основатель первого в России фарфорового завода (1744 г.).

³⁶ Эти сведения — результат проведения археологических раскопок в местах бывшего производства и топографического изучения местности вокруг Цзиндэчжэня в 50-х годах XX в.

³⁷ В «Цзянси тунчжи» значительная часть раздела о фарфоре представляет собой отрывки из докладов цзянсийских чиновников императору Лунцину (1567—1572) с просьбой о сокращении объема производства казенного фарфора.

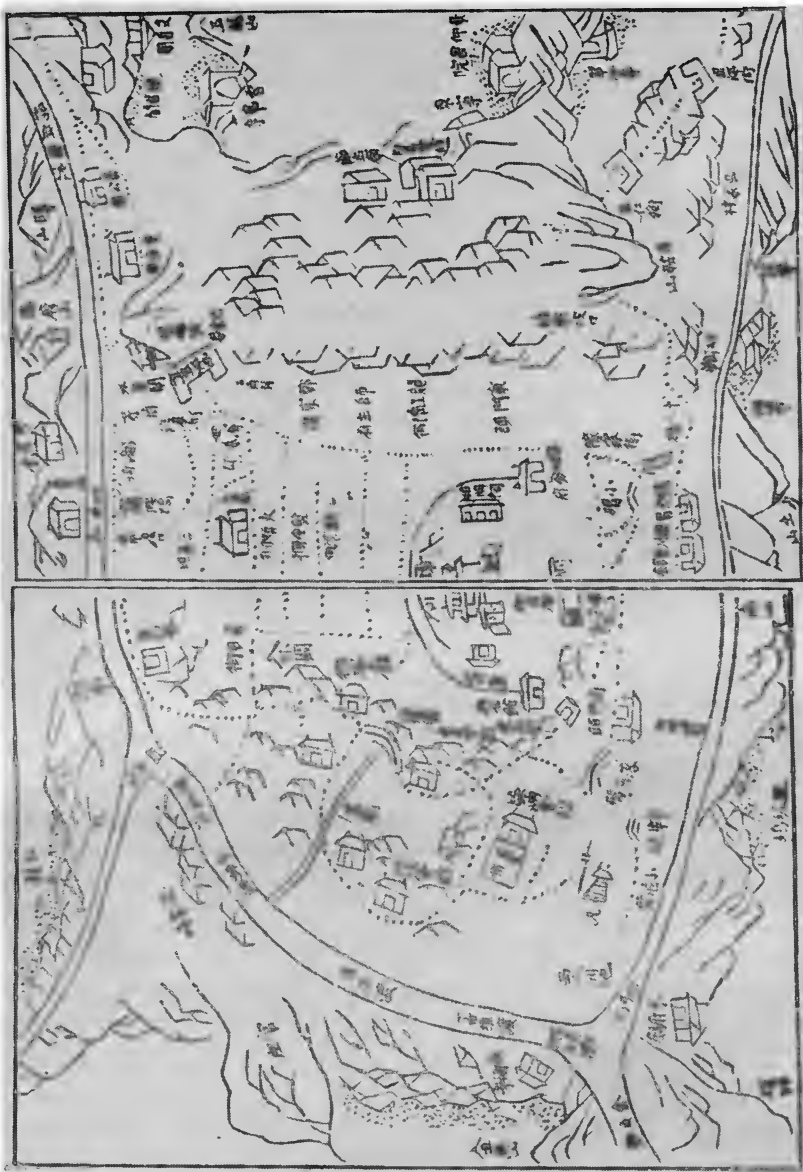

Рис. 18. План Цзиндэчжэня в XVIII в. [132, К, 16 — 2а]

Некоторое представление о размерах казенного производства в Минское время дают отрывочные сведения о количестве готовой продукции.

В «Цзянси тунчжи» сообщается, что в 1571 г. казенным мастерским было приказано отправить ко двору 105 770 блестящих красных блюд, кувшинов и ваз, больших и малых драконовых чанов, квадратных сосудов и других изделий [86, XXVII, 176].

В 11-м году правления императора Ваньли (1584) мастерским было приказано изготовить для императорского двора 20 тыс. пар блюд, около 5 тыс. пар сосудов «гуань», а также множество экранов, подста-

вок для кистей, жаровен для благовоний и т. д.— всего 96 060 предметов [86, XXVIII, 196].

В действительности общая сумма производимых в казенных мастерских изделий была во много раз больше императорских заказов, так как для отправки ко двору отбирались лишь самые лучшие экземпляры.

Один из цзиндэчжэньских чиновников, Лю Си, сообщает, что «для изготовления необходимых сосудов нужно очень много времени, так как из 100 сосудов выбирают лишь 2—3 хороших для отправки императору» [86, XXVII, 18a].

Сведения об объеме казенного производства можно найти в «Тао-шо»³⁸, где упомянуто общее количество фарфоровых изделий, отправленных к императорскому двору.

«Каждый год осенью и зимой нанимают людей и лодки, и они доставляют [фарфор ко двору]. Бочонков с круглыми полированными сосудами более 600. Ежегодная норма блюд, чаш, сосудов для вина, блюдец и других первосортных круглых сосудов — 16—17 тыс. (всего). Имеется 6—7 тыс. изделий второго сорта; их тоже упаковывают в бочонки и отвозят в столицу для раздачи»³⁹.

Кроме того, ваз, кубков, винных чаш, чашек и других гладких сосудов высшего качества ежегодно производится свыше 2 тыс. Второсортных, не отборных сосудов делается по 2—3 тыс. Их также упаковывают в бочонки и везут в столицу, чтобы использовать для раздачи» [162, I, 17—19; 132, II, 2a—2b].

Возросший в XVIII в. в Европе спрос на фарфор способствовал резкому увеличению производства китайского фарфора. При Канси и Цяньлуэне в казенное управление поступало ежегодно несколько десятков тысяч изделий [148, 8]. При Юнчжэне ежегодно выпускалось свыше 100 тыс. предметов из фарфора [65, IX, 28—29].

В 1741 г. общее количество предметов, изготовленных в казенных фарфоровых мастерских, достигло нескольких сотен тысяч [65, IX, 29—30].

Частное производство. Изучение его размеров и объема продукции представляет особую трудность для исследователя, так как частные печи и их изделия в статистику обычно не входили и не служили объектом описания. О количестве фарфоровых изделий, производившихся частными печами, можно судить лишь по косвенным сведениям — по сообщениям о торговле частным фарфором в Наньцзине, Гуанчжоу, Наньчане.

Португалец, иезуит Перейра, посетивший Китай в XVI в., пишет в своем дневнике, что в провинции Цзянси множество людей торговали фарфором в специальных фарфоровых лавках [175, 16].

В «Даогуан Фулянсянь чжи» говорится, например: «Цзиндэчжэнь протянулся с севера на юг и с запада на восток более чем на 10 ли... Купцы с четырех сторон приезжают за фарфором. Частные печи в 200—300 местах. Мастеров и хозяев не менее 100 тыс. Множество людей кормятся за счет фарфора» [132, V, 12a—13a].

Во многих сочинениях XVIII в. также приводятся сообщения, что в это время в Цзиндэчжэне было 200—300 частных печей [162, I, 186—19a; 65, VIII, 34a]. И все же трудно установить степень достоверности этого числа, так как, по-видимому, все авторы пользовались одним и тем же первоисточником.

³⁸ Этот текст предположительно датируется концом XVII — началом XVIII в.

³⁹ Словом «раздача» обозначаются подарки китайского императора особо отличившимся чиновникам и послам вассальных государств, находившимся при его дворе.

При изучении техники и технологии фарфорового производства встречается трудность совершенно особого рода: говорить об уровне развития техники и технологии производства можно лишь при условии сравнения с производством других стран или смежными отраслями. Здесь же мы имеем особый случай — производство, единственное в своем роде, ни с чем не сравнимое, сложившееся в течение столетий на основе китайской культуры, существовавшее в одной стране, тщательно охранявшей секреты этого производства. Поэтому изучение уровня техники в фарфоровом производстве — задача чрезвычайно сложная.

О технологическом процессе мы можем составить представление на основании двух источников: «Тяньгун кайу» (XVII в.) и описания Тан Иня (XVIII в.). Процессу производства фарфора предшествовала добыча сырья — глины и фарфорового камня.

В XV—XVI вв. основными сырьевыми районами были Уюань и Цимэнь (область Жаочжоу). С годами запасы сырья в прежних месторождениях истощались, цены на глину росли. В конце XVI — начале XVII в. глину добывали уже в Фуляне и в Умэньто, Мочуане, Синьчэн-чжоу и других местах [86, XXVII, 13a].

Истощение запасов сырья вокруг Цзиндэчжэня и привоз из отдаленных районов сырья более низкой кондиции не могли не сказаться на качестве позднеминского фарфора.

При переходе на сырье других пластических свойств китайские «фарфоровые мастера» вынуждены были искать и находили новые способы его обработки, новые приемы декорирования сосудов и т. д.

В XVIII в. сырье добывали уже не только в Цзянси, но и в соседней Цзяннани [115, т. 1, 19]. Его обычно доставляли в Цзиндэчжэнь на лодках или по суше в одноколесных тачках.

Весь процесс изготовления фарфорового сосуда отличался сложной многоступенчатой технологией и включал в себя четыре большие операции (приготовление массы для фарфора, изготовление сосуда и глазури, декорирование сосуда, обжиг), каждая из которых в свою очередь подразделялась на несколько более мелких.

Первая операция — приготовление массы для фарфора.

В технической литературе процесс заготовления массы обозначается терминами: размалывание в ступе, просеивание, отмучивание, фильтрование, проминка, вылеживание. Эти термины мы и будем употреблять в дальнейшем.

Заготовление массы в XVI—XVII вв. происходило вручную: и размол, и просеивание, и проминка [140, II, 139]. Только к XVIII в. в этой операции произошли некоторые изменения: ручной размол массы не мог обеспечить производство, и на смену ступе пришла водяная мельница.

Вторая операция — изготовление сосуда (или формовка черепка из сырой массы) и приготовление глазури.

В «Тяньгун кайу» описываются два способа формовки сосудов — обминание в формах сосудов неправильной формы и формовка на деревянном гончарном круге [140, II, 139], а в источниках XVIII в. к ним добавляются еще и прессование, отливка, выдавливание. В токарном методе (на гончарном круге) к XVIII в. также произошли изменения: если Сун Ин-син описывает гончарный круг строго определенных размеров [140, 139], то в «Цзиндэчжэнь таолу» есть сведения о кругах самых разнообразных диаметров, в зависимости от формы изделия. После формовки и обсушки сосуд подправляли, обтачивали и покрывали жидкой глазурью.

Высокого мастерства достигли китайские ремесленники в формовке фарфоровых сосудов: в собраниях китайского фарфора, особенно в кол-

Рис. 19. Формовка фарфора на круге [140, III, 136]

лекции Гугуна, встречаются изделия, поражающие красотой и совершенством форм и линий. Китайские мастера постигли такое трудное искусство, как формовка сосудов больших размеров. Так называемые драконовые котлы и аквариумы достигали метра в диаметре. В императорских мастерских из фарфора формовались кровати, садовые скамьи, большие декоративные лодки и т. д. Вот как Сун Ин-син описывает формовку.

«Работа достигла большого совершенства. Берут кусок массы и всеми пальцами обрабатывают его. Мастерство так велико и работа так искусна, что тысячи и десятки тысяч вещей получают похожими на одну модель» [140, 139].

Сформованные сосуды подвергались сушке прямо на воздухе, после чего они либо расписывались краской по подсушенному черепку, с последующим глазурованием и обжигом, либо глазуровались белыми для дальнейшей надглазурной росписи. Качество исходного сырья, тонкость помола и плотность приготовленного фарфорового теста позволяли китайским ремесленникам обходиться без обжига перед росписью — необходимой операции в европейском фарфоровом производстве. Истинной виртуозности достигли цзиндэжэньские мастера в декорировании фарфора (третья операция). XVI—XVIII века дали необычайное богатство видов декора, начиная от монохромных глазурованных сосудов типа «селадон», «бычья кровь», «потёчная глазурь» до многоцветных полихромных расписных сосудов типа «фенцай», «гуцай» и т. д.

Во второй половине XVI—первой половине XVII в. были созданы совершенно новые типы глазури: красные — «жертвенно-красная» (она же цвета куриной крови, курино-красная), ало-красная, рубиново-красная, «оленья печень», «лошадиные легкие», «коралловая» и т. д.; с зелеными пятнами — «яблочный зеленый», «пьяная красавица» и т. д. [272, 199—202]; желтые — «порошка чайного листа», «желтая, как угорь», «желтая, как икра», «куриный жир», «одежда старого монаха».

В XVII в. появились легкоплавкие глазури: красные, сиреневые, белые («чистая белая», «сладкая белая», «белая, как зубы», «белая, как рыбий пузырь»).

До конца XVI в. изделия с потёчными глазурями, в особенности «яобяньхуа»⁴⁰, считались только случайной шуткой огня, большую часть таких изделий разбивали. И только со второй половины XVII в. овладели этой техникой [272, 204] — стали на черепок сосуда налеплять кусочки окислов различных металлов, которые при сильном обжиге «текли» по сосуду, создавая декоративные «пламенеющие глазури» сиренево-красных, сине-фиолетовых тонов. Каждое десятилетие истории Цзиндэжэня приносило новые устойчивые стили декорирования фарфора. Кроме того, цзиндэжэньские ремесленники постепенно овладели техникой изготовления всех форм и видов фарфоровых изделий, выпускавшихся в других мастерских Китая как в более ранние периоды, так и в XVI—XVIII вв.

Для Минского времени также характерен многоцветный (трехцветный и пятицветный) фарфор. Палитра этого периода состояла из желтых, зеленых, баклажанных, пурпурных, коричневых, бирюзовых тонов. Иногда встречалась комбинация подглазурного кобальта с надглазурной росписью эмалями (доунай, цзяцай).

⁴⁰ «Я о б я н ь х у а» означает «измененная в печи». В искусствоведческой литературе ее называют «пламенеющей глазурью». Изучению декорировки императорского и частного фарфора периода Мин посвящена работа Т. Б. Араповой [179а].

Рис. 20. Роспись фарфора [140, III, 146]

В это время цзиндэжэньские ремесленники научились формовать тонкостенные изделия, называвшиеся «тотай» (бестелесными) или «ботай» (тонкотелыми). В годы правления Ваньли они получили также название «яичной скорлупы». «Яичная скорлупа» — тончайшие чашки и колокольчики из фарфора — ценилась очень высоко. Производили их преимущественно частные мастерские [132, III, 4а—4б].

В Минское время фарфор украшали копиями с картин (чаще сунских) и узоров на шелковых тканях [272, 206—207].

Большие различия существовали и в изделиях казенного и частного фарфорового производств. Работа на императорский двор, существование канонных и стандартов определяли характер императорского фарфора — много крупных изделий, их чистота и белизна, богатство, тонкость и тщательность декорирования и в то же время сравнительное однообразие форм. Частный фарфор шел на широкий рынок — внутренний и внешний — и отличался гораздо большим разнообразием видов: иногда это были совершенные по форме и по черепку сосуды, не уступавшие императорским, иногда же — изделия из грубой массы для повседневного употребления. Для частного фарфора в большинстве случаев характерны более мелкие изделия. В его декорировании больше своеобразие, так как фантазия художника ничем не была здесь стеснена. В росписи кобальтом, например, мы находим много бытовых сюжетов: здесь и игра в мяч, и играющие крестьянские дети, и отдыхающие на скамейке у дома горожане — старик и старуха, и фигура ученого на мосту Лунцяо, и двойные чаши с растительным орнаментом для подогревания пищи (экспозиция Шанхайского художественного музея, 1967).

В XVII в. частные мастера нередко пытались выдавать свои изделия за казенный фарфор, чтобы подороже продать их, и ставили марки и клейма императорских печей [132, VIII, 14б].

На частном фарфоре Цинского периода часто встречались иероглифы минских императоров; в 1677 г. последовал императорский указ, запрещавший частным мастерам ставить на своих изделиях имена императоров или другие священные знаки под угрозой уничтожения сосудов.

В XVIII в. продолжала развиваться техника сине-белого расписанного кобальтом фарфора. В росписи фарфора большое место занимали «красавицы» (мэйжэнь), «цветы и птицы» (хуаняо), «дикие звери» (ешоу), сосна, классические стихи, образцы каллиграфии.

При Цяньлуэ возник стиль «Тысяча цветов» — сложнейшая по цвету и композиции роспись цветами на бело-желтой, черной или золотой основе [272, 215—230].

В «период правления трех императоров» (Канси, Цяньлун, Юнчжэн) совершенствовалась техника многоцветного фарфора: зеленого, розового, черного «семейств» и, как высшее достижение этого времени, — рисование непрозрачными, многоцветными, легкоплавкими эмалями. В расписном фарфоре сложились два типа декорирования — нанесение красок ровным плоским слоем, одинаковым в пределах одного контура (уцай или гуцай) и передача оттенков одного цвета путем нанесения порошковых, свинцовых красок (фэнцай). В результате широкой торговли с Европой в XVIII в. в декорировании фарфора появились европейские сюжеты. Возникновение в Гуанчжоу мастерских по росписи белого цзиндэжэньского фарфора на экспорт положило начало и новому стилю в декорировании фарфора — «гуанцай».

Для стиля «гуанцай» характерно обилие сочного зеленого цвета и золота и самое тесное переплетение «мэйжэнь», «хуаняо», «шаньшуй» и т. д. в медальонах одного изделия. «Гуанцай» представлял собой уступку дурному вкусу, смешение разных стилей в одном. Ложная пыш-

Рис. 21. Нанесение глазури на фарфор [140, II, 15a]

ность за счет утраты былой изысканности по существу свидетельствовала о распаде стиля.

Европейцы не очень интересовались черепком фарфора и формой сосудов, поэтому из Цзиндэчжэня в Гуанчжоу сбывали второсортные изделия, на которые в Гуанчжоу наносили броскую роспись, рассчитанную на европейский вкус.

Четвертая операция технологического процесса производства фарфора — обжиг. Источники уделяют ему особое место, считая самым главным и трудным во всем фарфоровом деле: «Работа мастеров, ведущих обжиг, самая тяжелая и трудная» [91, XXVII, 17]. Она требовала великого умения, многолетнего опыта старшего у печи (бачжуана) (41), так как степень готовности фарфора определялась им «на глазок»⁴¹. И Тан Инь и Лань Пу подробно описывают устройство печей, топливо, самый процесс обжига и т. д. Для исследователя это также очень важно, так как именно здесь наиболее объемно выступают и изменения в технике и различия между частным и казенным производством.

«Тяньгун кайу», как самый ранний источник, дает нам очень краткое описание, не выделяя различий в устройстве печей: «После росписи сосудов их складывают в капсулы для обжига. Больших сосудов помещается в капсулу один, маленьких — больше десяти. Капсулы бывают плохими и хорошими — одни выдерживают 10—12 обжигов, а другие раскалываются со второго раза. После того как наполняют капсулы, их складывают в печь и обжигают. В печи имеется 12 отверстий, которые называются „небесными окнами“. В эти отверстия добавляют дрова во время обжига. Обжиг продолжается двенадцать часов. В первые десять часов огонь идет снизу, из топки, а в последние два часа ведут обжиг через верхние отверстия. Огонь сначала снизу поднимается вверх, а потом сверху опускается вниз» [140, II, 3а].

Печи делались из кирпича, нередко огнеупорного. На внутреннюю обкладку печей шел огнеупорный кирпич или камень. Широко применялись огнеупорные глины, из которых формовались и капсулы.

Основной вид печи в Минское время — печь, изображенная на рисунке «Тяньгун кайу». Это — невысокое кирпичное сооружение с большим отверстием, через которое закладывают дрова и капсулы с фарфором, и высокой трубой, около которой находится верхнее смотровое окно. Ход в печь закрывается: во время обжига подача дров и наблюдение происходят через боковые смотровые окна. Никаких приспособлений для определения готовности фарфора нет; она устанавливается только бачжуаном.

Преимущество этого вида печи состояло в том, что она загружалась полностью изделиями самых разнообразных размеров и форм, что позволяло максимально использовать всю площадь пода и различные температурные режимы в разных ее частях. Такая печь существовала и в Цинское время; в почти неизменном виде она дошла до наших дней.

Кроме нее в Минское время было еще несколько типов казенных печей юйяо (42), небольших по размерам, — для обжига драконовых котлов⁴², экранов, крупных аквариумов и т. д. Эти печи были очень неудобны и неэффективны, так как за один раз обжигалось не более трех изделий, помещавшихся в центре; пространство вокруг них ничем не за-

⁴¹ Автор книги наблюдал в Цзиндэчжэне (1959 г.) работу старейшего бачжуана: он плевал в отверстие печи и по цвету испаряющегося плевка определял режим обжига.

⁴² Драконовые котлы — самые крупные из фарфоровых сосудов, толстостенные, обычно с подглазурной росписью кобальтом. Поверхность сосуда была украшена извивающимся драконом. Использовались для ритуальных целей, для украшения дворцов и императорских парков, как погребальная утварь в императорских могилах.

Рис. 22. Печь для обжига фарфора (начало XVII в.) [140, II, 13а]

полнялось. В Цзиндэчжэне число печей для обжига драконовых котлов в XVI в. доходило до 60. Остатки их и сейчас можно видеть в окрестностях города.

Казенные печи были, как правило, приспособлены для обжига только одного вида фарфора; переход на другую продукцию требовал перестройки печей. Многие источники приводят сообщение о том, что при минском императоре Чжэндэ (1506—1521) половина всех печей, обжигавших драконовые котлы, была перестроена для обжига посуды [132, V, 2].

Казенные печи строились по нормам и размерам, раз навсегда записанным в «цзишуй» — особом документе казенного управления [132, VIII, 2], и какие-либо новшества вводились крайне редко и медленно.

Например, печь для обжига драконовых котлов должна была быть шириной в 6 чи, с круглым сводом; можно было вести обжиг только одного сосуда. Только в конце Минского времени в печь была вделана специальная решетка для обжига двух сосудов одновременно [132, V, 86].

К концу XVII — началу XVIII в. в технике обжига произошли изменения. Было создано несколько новых типов печей.

«Цзиндэчжэнь таолу» называет пять видов: «цинъяо» — для обжига посуды емкостью в 500—600 изделий; «лунганъяо» — для обжига больших драконовых котлов; «фынхоя», «сеяо», «лухоуан» — для обжига многоцветных художественных изделий различных видов [132, I, 5а], соответствующих определенным категориям изделий и составам глазурей.

«Печи бывают высокие и низкие, широкие и узкие, большие и малые, глубокие и мелкие, с разным подом и разным топливом, с разными отверстиями топки; системы всевозможные и совершенно непохожие друг на друга», — писал Тан Инь (65, V, 12а—12б).

Источники XVIII в. обозначают печи двумя терминами: «яо» (43), высокотемпературная печь для обжига фарфора, и «лу» (44) — муфельная печь для обжига легкоплавких эмалей и глазурей, появившаяся только в XVIII в. вместе с надглазурной росписью.

В «Цзиндэчжэнь таолу» сообщается: «В чжэне производятся разноцветные сосуды. Прежде они не были слишком распространены. Но с первого года Цяньлуна (1736—1795. — Э. С.) казенные и частные печи стали наперебой производить их. Поэтому они день ото дня становились все известнее.

Никто из них не использовал старых методов постройки открытых печей, а строили из кирпича круглые печи, похожие на колодцы, высотой в 3 чи с лишним и 2—3 чи в ширину. Отверстие делается внизу, разноцветный фарфор помещается в середине, а огонь — наверху. Называется это „шаолу“» [132, IV, 5б].

К XV—XVI вв. цзиндэчжэньские мастера достигли высокого мастерства в определении сроков обжига, регулировании температуры и атмосферы в печи.

Процесс обжига подробно излагается в «Цзиндэчжэнь таолу» и в «Фулянсянь чжи»: «Печи по форме... похожи на положенный на бок кувшин. Высота и ширина — чжан с лишним. Глубина и длина вдвое больше. Сформованные из массы сосуды ставят в капсулы и помещают в печь. Капсулы расположены рядами, так что между ними три прохода для пламени. Печь разделена на три части.

Помещая в печь необожженные сосуды, необходимо учитывать, мягкая или твердая у них глазурь, и в зависимости от этого определять их место в печи. Когда огонь разгорится, дверь печи закладывают кирпичами, оставляя только загрузочное отверстие, в которое подбрасыва-

ют дрова. После того как огонь погаснет, необходимо выждать сутки, прежде чем открывать» [132, I, 286, 306].

В «Фулясянь чжи» кроме описания устройства печей и процесса обжига приводятся и нормы загрузки и количество топлива в казенных печах. Казенная печь ганъяо «спереди шириной 6 чи, сзади на 5 цуней больше, высота в 6 чи, сверху круглая. В печах, где обжигают аквариумы первого и второго размеров, можно обжигать только по одному сосуду. Если взять третий размер и соорудить две подставки, то можно обжигать по два; медленным огнем обжигают семь суток, сильным огнем обжигают двое суток, после этого огонь прекращается и печь закрывают наглухо; еще через десять дней, когда печь остынет, открывают.

Еще имеются печи „се“ по устройству своему круглые и более узкие, в каждой печи можно обжигать мелкого фарфора 300 с лишком вещей, требуется дров 80—90 ган (ган — вязанка, которую переносили на коромысле.— Э. С.). Печи „цин“ — спереди шириной 5 чи, сзади 5 чи и 5 цуней, высота 4 чи и 5 цуней, за-раз можно обжечь блюд, тарелок, сосудов среднего размера более 200 предметов; если печь чуть больше, то 156 предметов, больших чаш 24, чашек для риса 30, больших кувшинов при сыром обжиге 67, маленьких чашек для вина 500—600, на медленном огне обжигают сутки и на быстром — сутки... Когда огонь прекращается, закрывают топку и снимают верхнюю крышку, поэтому печь легче остывает. Через пять дней можно доставать фарфор.

На каждый обжиг требуется 60 ган дров. Если в печи обжигать большие чаши, кувшины и другие сосуды большого размера или в том случае, если долго шел дождь и печи сырые, то нужно добавить еще 10 ган хвороста» [65, цит. по: 236, 10]. Регулирование температуры и атмосферы в печи достигалось путем добавления в печь определенного количества сырых веток. Взаимодействие водяного пара с раскаленными углями давало так называемый водяной газ ($H_2 + CO$) — смесь водорода и угарного газа. Образование в печи угарного газа (CO) вместо углекислого (CO_2) затрудняло процесс горения и обеспечивало восстановительный процесс, в результате чего изменялась окраска фарфора и глазурей. Кроме этого, по-видимому, были попытки по каналам для огня пускать в печь воду [132, I, 76], однако неизвестно, нашел ли этот способ широкое применение.

В XV—XVI вв. и казенные и частные печи работали на смешанном топливе. В конце XVII в. в связи со все увеличивающимся разнообразием изделий произошло разделение печей и по топливу: одни работали исключительно на хворосте, другие — на дровах.

В XVI—XVIII вв. существовали различия в устройстве частных и казенных печей. Они отличались как оборудованием (размеры печей, их футеровка, топливо), так и его использованием (способ загрузки, метод ведения обжига). Изучение различий в устройстве частных и казенных печей и процесса взаимодействия и взаимовлияния частной и казенной техники представляет большой интерес.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают возможность изучить этот вопрос лишь частично.

Наши материалы позволяют предполагать, что в XVI—XVII вв. существовало влияние казенного производства на частное, а с конца XVII в. начался обратный процесс.

В «Цзянси тунчжи» сообщается, например, что в XV—XVI вв. казенные печи по устройству своему были более совершенными, чем печи частные, — они делались из более прочного кирпича, их внутренняя обмазка (футеровка) была более огнеупорной [86, XXVII, 156].

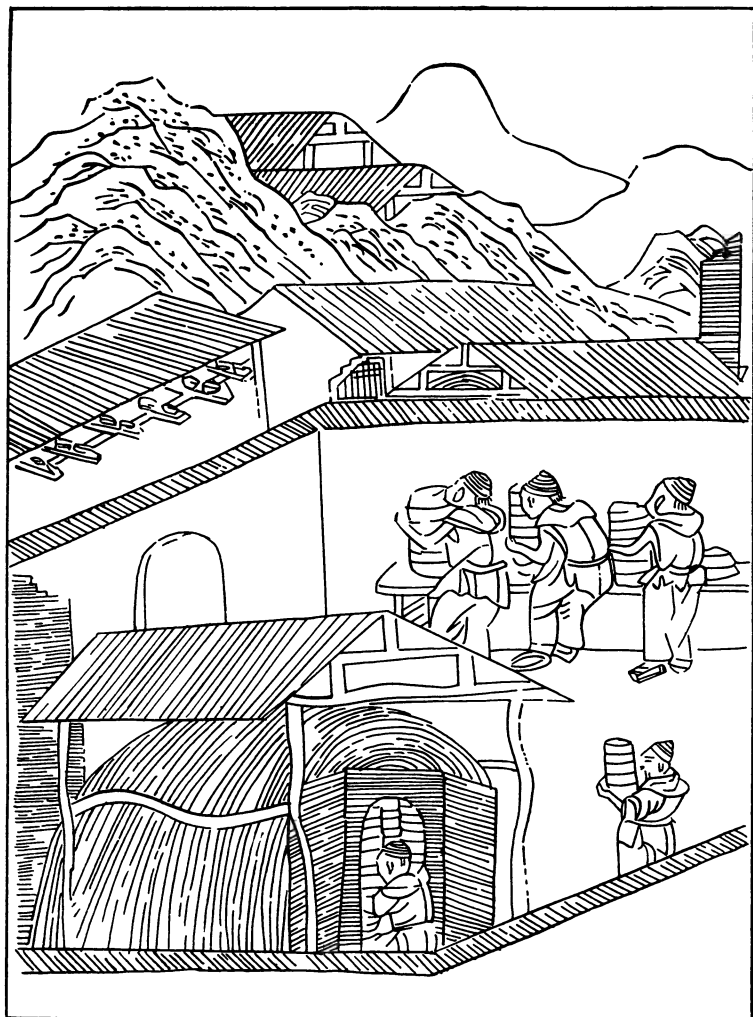

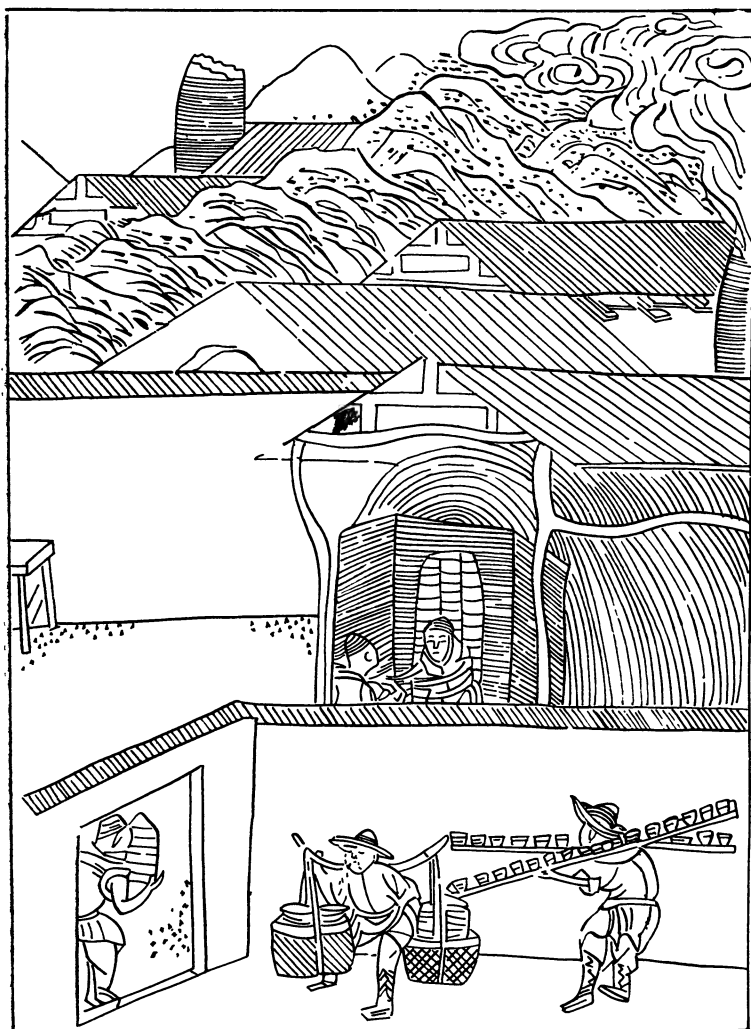
Рис. 23. Загрузка печей капсулями

Однако работа на потребности двора была связана с повторением одних и тех же форм изделий и обуславливала застой производства. Поэтому с конца XVII в. мы встречаемся с обратным явлением: казенные печи стали менее совершенными по конструкции, меньше размером, чем частные, требовали больше топлива, людей и материалов. Отсюда и более низкая производительность труда.

В «Цзянси тунчжи», например, сообщается следующее: «Частные и казенные печи неодинаковы по топливу... частные печи изготовляют сосудов вдвое больше, чем казенные. При заполнении частных печей устанавливают внутри девять рядов: в первый ряд помещают самые грубые изделия, чтобы защитить те ряды, где стоят хорошие сосуды...

В частных печах все сосуды разнообразны и перемешаны, а в казенных они однородны, поэтому и устройство различно» [86, XXII, 156].

То же отмечают «Канси Сицзян чжи» и «Даогуан Фулянсянь чжи»: «Казенные и частные печи неодинаковы... на казенных печах все де-

с фарфором [132, I, 276 — 28a]

лают очень поспешно, и продукция получается плохая. Частные печи делают все очень тщательно, так как не могут напрасно расходовать силы. Строгая экономия (частных печей) и расточительство (казенных) совершенно отличаются друг от друга» [91, XXVII, 16—17].

Сравнение описаний казенной и частной техники в «Цзиндэчжэнь таолу» Тан Иня и «Даогуан Фулянсянь чжи» дает основание полагать, что частная техника в XVIII в. в некоторых отношениях была уже выше казенной.

Отсутствие каких-либо норм и ограничений при постройке печей, сравнительная свобода в выборе образцов, а следовательно, их многообразие,— все это определило и конструкцию частных печей. Изменения вводились значительно быстрее, при меньших затратах топлива обжигалось значительно больше фарфора, чем в печах казенных. Поскольку за один раз в частных печах обжигались самые разнообразные сосуды, можно было более рационально и выгодно использовать все слои печи.

Рис. 24. Фарфоровое блюдо с кобальтовой подглазурной росписью (XVI в.)
[Коллекция ГМИНВ]

В «Цзянси тунчжи» есть указание на то, что казенные мастерские нередко перенимали более высокую технику частных — они начали, например, выстилать печи камнем [86, XXVII, 156].

Итак, техника изготовления фарфора непрерывно развивалась. Изменения происходили во всех перечисленных операциях, но по преимуществу в третьей — декорировании фарфора. Китайские мастера чутко реагировали на запросы широкого и разнообразного рынка.

На протяжении XVI—XVIII вв. различным было и соотношение между частным и казенным производством — брало верх то одно, то другое. В разное время они опережали друг друга и по уровню техники и технологии, влияли друг на друга, заимствуя технические нововведения и новые приемы.

Изучение остальных видов керамических производств в Минское и Цинское время — задача чрезвычайно трудная, так как до нас дошло мало письменных источников. Печи для обжига гончарных изделий были главным образом частными, продукция их не попадала к императорскому двору и, следовательно, не вызывала интереса у официальных авторов. Только «Тяньгун кайу» и краткие записи в местных географических описаниях дают нам некоторые сведения о гончарном

Рис. 25. Изготовление черепицы [140, II, 106]

производстве. Дополнительные сведения дают археология и изучение изделий соответствующих мастерских.

В XVI—XVIII вв. почти каждая провинция имела свой центр гончарного производства, откуда изделия поступали на местные рынки, свой стиль, глубоко связанный с традициями местного народного творчества: в Хэбэе создавали белую с черным узором посуду, в Юньнани — темно-коричневые, полированные, как кокосовый орех, сосуды с легким «бамбуковым» узором и т. д.

В нашей работе рассматриваются три центра гончарного производства: динчжоуский (уезд Исин пров. Цзянсу); шиваньский в Фошане (пров. Гуандун); юнчанский в Сычуани.

Как показали археологические раскопки местных исследователей (1957—1958 гг.), исинское керамическое производство возникло в начале нашей эры, а в VI—VII вв. там встречается уже и фарфоровидный черепок. К XIV в. наступил новый этап в развитии Исина — массовое производство «каменной керамики» (шитао) (45) из цветных глин. Это производство развивалось на прекрасной сырьевой базе: вокруг поселка Динчжоу на протяжении 8—10 км находились мощные пласты цветных глин: коричневых, белых, желтоватых, зеленых, синих, красных. Особенность динчжоуских глин состоит в том, что они дают очень тонкий плотный черепок, спекшийся как фарфор, по виду похожий на камень. Поэтому-то изделия из них получили название каменного товара или каменной массы.

В «Янсянь минтаолу» [«Записки об известных керамических изделиях из Янсяня (Исина)»] [151] говорится о светлой красной глине, белом песке и глине цвета туши, шедших на изготовление керамики [151, 121]. В том же источнике сообщается, что в начале правления Минской династии к юго-востоку от уезда Исин жило десять семейств, которые существовали за счет добычи глины — «углублялись в гору не менее чем на десять чжанов» [151, 122].

Подлинного расцвета исинское керамическое производство достигло к концу XV в. В начале XVI в. особой красотой и изяществом выделялись работы Гун Чуня, основавшего целую школу мастеров-керамистов. В конце XVI — начале XVII в. жили мастера Оу Цзы-мин, Шин Да-бинь, Ли Чжун-су, Сюй Ю-цюань, прославившиеся своим искусством изготовления чайников и художественной посуды.

Любопытно, что именно с Минского времени в церемонии чаепития стал употребляться чайник. Раньше чай заваривали в чашках, и их формы изменялись на протяжении веков параллельно с изменениями в сортах чая, способах его заваривания и т. д. [270, 12—13].

В XVI в. сложилась традиция лепить сосуды (чашки, вазы, тушечницы, чайники и др.), напоминающие по форме растения, цветы, плоды, мифических птиц. Тогда же началось изготовление посуды в подражание древним образцам. В Исине изготавливались художественные изделия: чайники, чаши, вазы, подставки для кистей и огромное количество самой разнообразной посуды и домашней утвари. В «Исинсянь цзючжи» («Старое описание уезда Исина») сообщается: «В местечках Шушань и Чуаньбу очень много цветочных ваз, сосудов для разведения туши и других вещей такого же рода. Прежде использовали коричневую глину и делали простые вещи, а сейчас используют цветные глазури и очень тонкие орудия и получают чрезвычайно искусные изделия» [131, I, 50а—60б].

Самую тонкую посуду лепили вручную, без применения гончарного круга, и ручная техника достигла высокого совершенства. В этом — особенность исинской керамики.

Рис. 26. Формовка керамических чайников на гончарном круге [140, II, 11a]

Исинские изделия рано попали в Европу. Европейцев так поразила тонкость, легкость и твердость исинской посуды, что ее называли красным фарфором (*red porcelain*). В 1690 г. братья Элерс в Брадвелле (Англия) пытались создать сосуды в подражание исинским. Такие же попытки предпринимались братьями Веджвудами на заводе «Этрурия»⁴³.

Частное керамическое производство Исына достигло огромных размеров, о чем свидетельствуют остатки печей в районе бывших мастерских. В настоящее время обследована только часть района, и тем не менее уже обнаружены остатки 50—60 печей, работавших в разное время.

В исинском производстве сложились два, в общем сходные между собой, типа печи — «лунъяо» (драконовая печь) (46) и «оуяо» (47). Вторая печь, служившая для обжига исключительно художественных изделий, — называется, очевидно, по имени создавшего ее мастера Оу Цзы-мина.

Оба типа — это очень большие по размеру печи — около 50 м в длину. Печь строилась на горе и была вытянута, как тело лежащего дракона, — с вершины горы до ее подножия (отсюда и название печи). Входные отверстия делались у основания печи и по бокам в двух-трех местах для загрузки капселей и топлива. Над сводами находилось несколько дымовых труб и смотровых окон.

В драконовой печи за один раз можно было обжечь 2,5 тыс. капселей — в среднем 25 тыс. изделий. Если же учесть, что печей было несколько десятков, то можно предположить, сколь значительными были размеры исинского производства. Одна печь вполне могла обслуживать до 2,5 тыс. местных мастеров, и много десятков тысяч местных жителей были заняты производством керамики. Драконовые печи в неизменном виде существуют в Исыне и поныне. Они почти ничем не отличаются от тех, описания которых мы встречаем в «Тяньгун кайу»; в них только несколько спрямлена внешняя поверхность свода за счет наружной засыпки⁴⁴.

Другим значительным по масштабам и самым южным центром гончарного производства был Шивань, предместье Фошаньчжэня. Кроме бытовой посуды, использовавшейся населением юго-востока, в Шиване производили декоративную керамику, близкую по типу к майолике. Она служила нередко украшением зданий, из нее делали барельефы и горельефы для храмов и богатых строений. Особенность шиваньской керамики: крупные, тяжеловатые изделия с почти белым черепком и с густо-синими, темно-фиолетовыми, голубыми и бирюзовыми глазурами, закрывающими обычно всю поверхность изделия.

Художественная продукция Шиваня находила сбыт и за границей. Купцы, приезжавшие за железом и шелком, увозили с собой и синие шиваньские вазы. Особенным успехом пользовались шиваньские изделия в Италии, по гамме красок как бы перекликаясь с итальянскими поливными изразцами и горельефами мастерских Л. делла Роббиа.

⁴³ Изделия братьев Веджвудов, сделанные в подражание исинской «каменной керамике», но с ампирическим декором (амуры, богини, геометрический орнамент), попали в Моравию, и моравские керамисты стали изготавливать посуду из желтой каменной массы в подражание изделиям Веджвудов, но с напечкой из коричневых глин в форме растений, плодов, цветов, очень сходную с первоначальной моделью — исинской керамикой (Чехословацкий национальный музей прикладного искусства. Экспозиция 1967 г.).

⁴⁴ В «Тяньгун кайу» эти печи фигурируют под названиями «пинъяо» (48) и «лян-цзеганъяо» (49) [140, II, 12а; 262, 149].

Огромных успехов достигли шиваньские мастера в изготовлении глазурей⁴⁵ и особенно в технике обжига глазурованных изделий в небольших открытых муфельных печах. С конца XVI в. это производство непрерывно развивалось вплоть до начала XX в.

Центрами производства керамики в Сычуани в конце Минского — начале Цинского времени были Юнчан и уезд Юньсинь. Сведения об этом встречаются в «Миньго Хуаянсянь чжи» («Описание уезда Хуаян в годы Республики»): «В Сычуани прежде было производство кирпича, черепицы и керамических сосудов. К востоку от Чэнду расположены старые керамические печи». «В Юньсиньсяне были керамические мастерские, построенные при Канси. В настоящее время в запустении» [74, XXXIV, 386—39а].

Археологические находки показывают, что бытовая сычуаньская керамика находила широкий сбыт во многих областях Юго-Западного и Западного Китая.

Производство бумаги

С XI—XII вв. совершенно новую роль стала играть бумага. С образованием Минской империи увеличился поток деловых бумаг — огромное число указов и распоряжений направлялось ежедневно во все концы страны. Укрепление экономических связей между областями империи, а также между империей и внешним миром привело к увеличению числа коммерческих документов, векселей, деловых писем и т. д., на которые требовалось множество бумаги.

Расцвет торговли, ремесел, рост городов обусловили и развитие науки, культуры, новые достижения в самых различных отраслях знаний. А это вызвало небывалое распространение книгопечатания как официального, так и частного. С начала правления династии Мин параллельно с подготовкой официальных сводов «Мин ши», «Мин хуй дянь», «Мин хуйяо» шла подготовка многотомного издания подневных записей династии — «Мин ши лу», создавался уникальный энциклопедический словарь «Юнлэ дадянь», во всех провинциях, областях и уездах издавались местные географические описания.

В XV—XVII вв. было создано много специальных книг по самым различным отраслям знаний: сельскому хозяйству, ремеслу, географии, астрономии, живописи, поэзии и множество частных записок, дневников, трактатов, исторических и литературных сочинений. Наряду с казенным книгопечатанием императорского двора и правительственных учреждений существовали и частные книгоиздатели и типографии. Значительное количество народной литературы в конце правления Мин вышло в свет благодаря деятельности известного книгоиздателя Фэн Мэн-луна. Все это сделало бумагу предметом насущной необходимости — она вышла из императорских дворцов, домов знати и ученых в самые широкие слои города.

Книгопечатание продолжало развиваться и с установлением новой династии, однако литература оказалась под контролем реакционного маньчжурского чиновничества. При Цяньлуне было предпринято переиздание множества литературных, исторических, философских трудов с целью изъятия из них всех материалов, хоть в какой-то мере направленных против чужеземной Цинской династии.

Трудно перечислить все пункты производства бумаги в XVI—XVIII вв. — о них говорится в географических описаниях Цзяннани, Цзянси, Чжэцзяна, Шэньси, Шаньси, Хубэя.

⁴⁵ Секреты производства шиваньских глазурей в начале XX в. были утрачены.

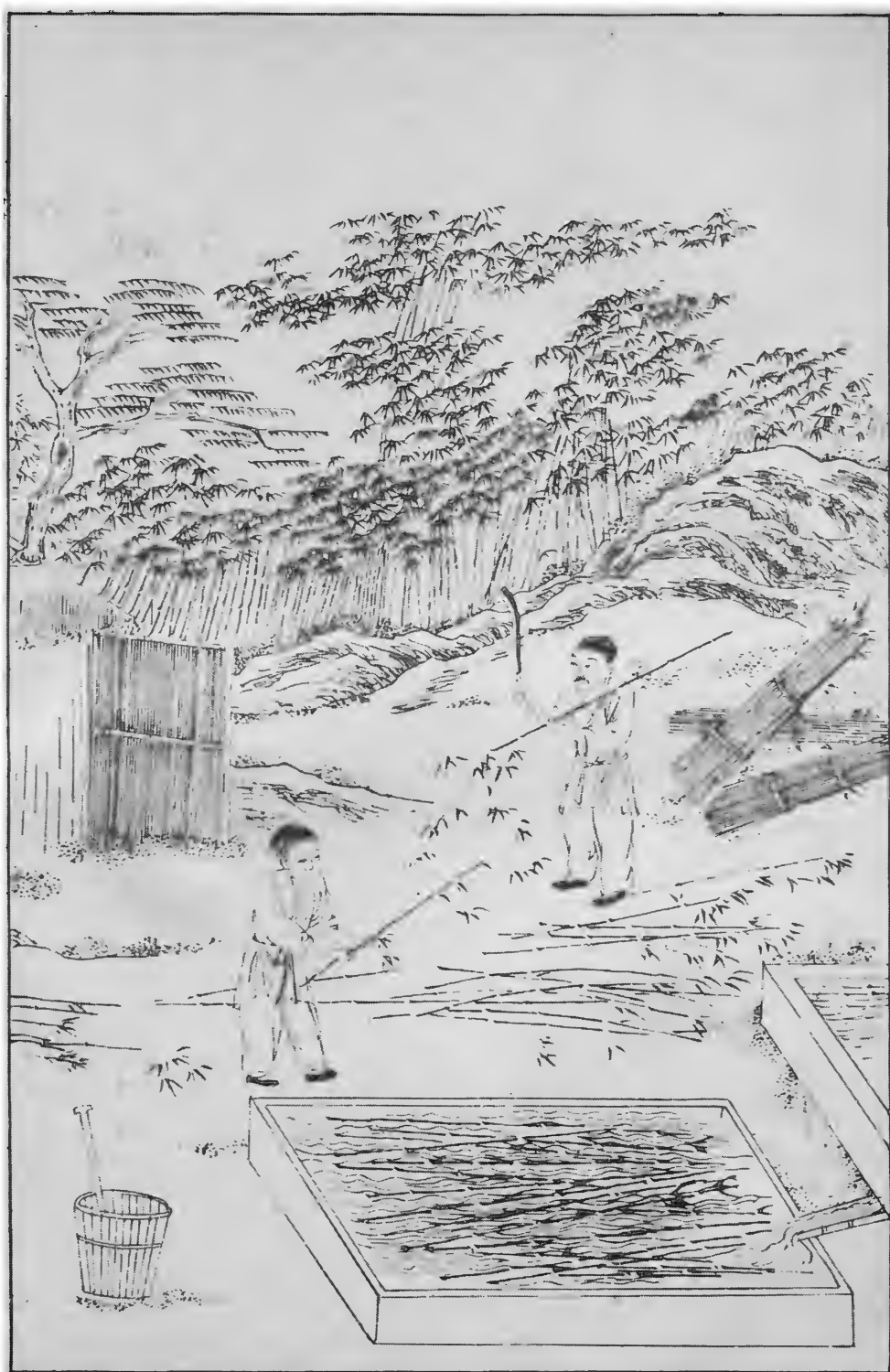

Рис. 27. Резка бамбука [140, II, 5a]

Основным сырьем для изготовления бумаги в это время были молодой бамбук и бумажное дерево; из них путем вымачивания и обработки известью получали целлюлозную массу, которая и шла на изготовление бумаги.

Описания бумажного производства, приводимые в «Саньшэн бяньфан бэйлань» (XVIII в.) и других источниках, дают возможность довольно отчетливо представить весь технологический процесс. Вот что пишет Янь Жу-и: «В северо-восточных уездах (пров. Шэньси, обл. Гуансиньфу.—Э. С.) широко распространено производство бумаги. В некоторых местах растет бумажное дерево. Хозяева нанимают людей, которые и делают из него бумагу. При этом трудности неисчислимы. Пословица говорит: „Клочок бумаги очень нелегок — прошел через 72 руки“. А в местности Шитань делают бумагу „бяочжи“ — толкут для этого бамбук» [165, IX, 6].

В «Тяньгун кайу» сообщается: «В сезон манчжун (июнь.—Э. С.) забираются на гору, рубят ветви бамбука, разрезают их на отрезки в 5—7 чи. Тут же в горах устраивают водоем и погружают их в воду. Через сто дней начинают колотить по ветвям, чтобы отделить твердую кору и зеленую кожу. Ветки становятся мягкими и волокнистыми, как рами. Растворяют в бочках известь высшего сорта и кладут туда ветви» [140, II, бумага, 1a]. «На каждый желоб нужно четыре человека: один поддерживает желоб, другой проверяет массу, третий сушит бумагу. Ежедневно выпускается бумаги 8 ба (кип)» [80, II, 36], — говорится в «Цяньлун Цзиньшаньсянь чжи» («Описание уезда Цзиньшань в годы правления Цяньлун») (XVIII в.).

На основании этих текстов мы можем судить о том, что в бумажном производстве существовало разделение труда. При технике крайне примитивной — нескольких вырытых канавах и деревянных желобах — китайским мастерам удавалось получать множество сортов тонкой, прочной, белой и эластичной бумаги, хорошо выдерживавшей тушь и сохранявшей свои свойства на многие столетия.

В бумажном производстве отчетливо проявилась та общая особенность производительных сил феодального Китая, с которой мы встречались выше, — высокие трудовые навыки при примитивной технике производства. Существовали все объективные условия для совершенствования этой техники. Простейшие, известные издавна приспособления могли быть применены при очистке бамбука, перемешивании целлюлозы и т. д. Однако рабочей силы было так много и она была так дешева, что в этом не было насущной необходимости.

Плавка и обработка металлов

Ко второй половине XVI в. некоторого прогресса достигли и такие отрасли, как горное дело, плавка железа, обработка цветных металлов; состояние этих отраслей является обычно показателем уровня развития производительных сил.

Состояние горного дела и плавильного производства определяло не только уровень развития производительных сил в XVI—XVIII вв., но и характер и тенденции их развития в последующий период. Однако в рассматриваемое время в Китае эти производства никогда не поднимались до таких высот, как пять описанных выше «легких» ремесел Китая.

Анализ рисунков и текстов «Тяньгун кайу» дает некоторое представление о состоянии горнодобывающей промышленности и плавильного производства в конце XVI — начале XVII в. Развитие сельского хозяйства и ремесел, расцвет внешней торговли требовали увеличения

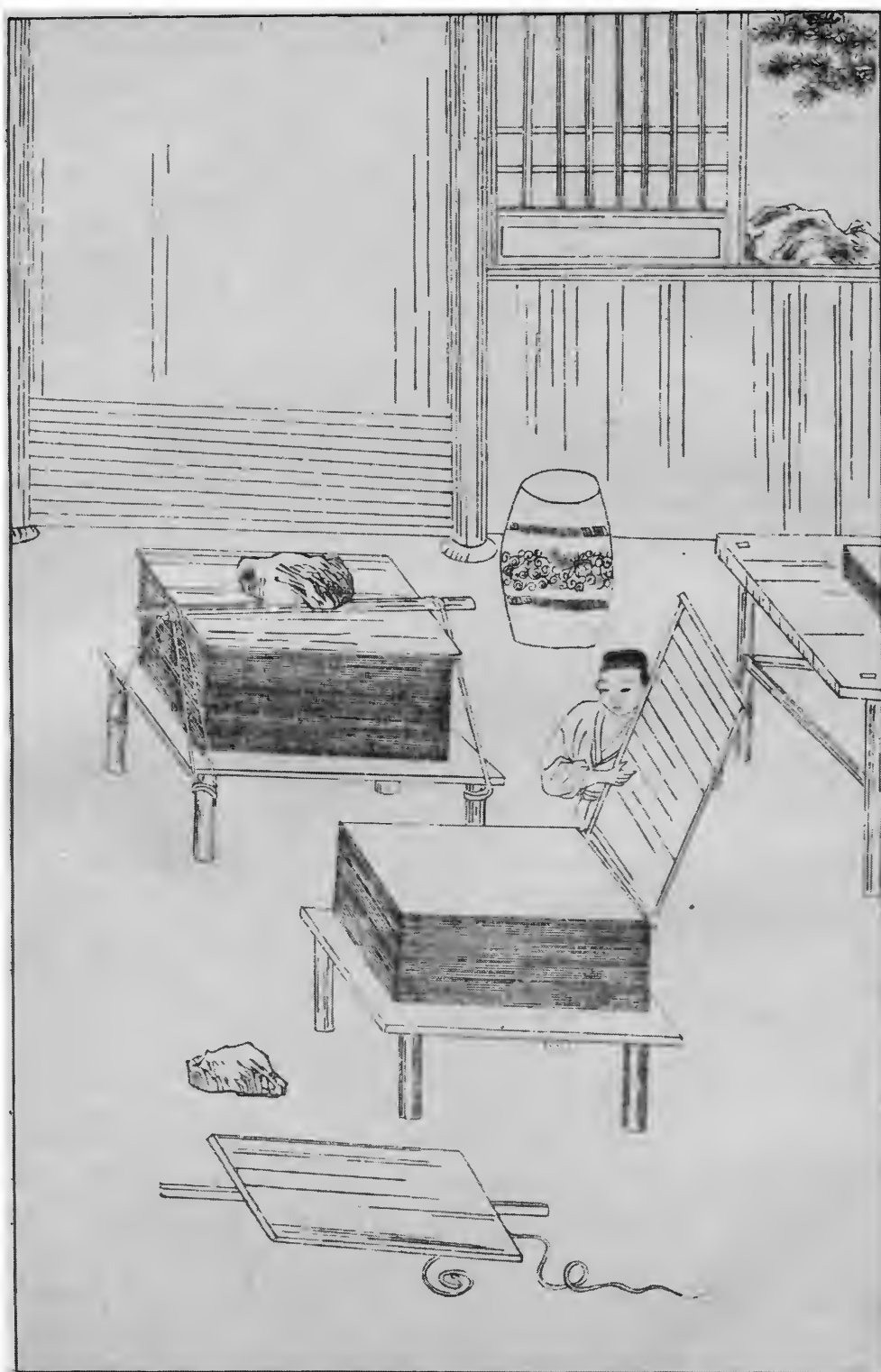

Рис. 28. Прессование бумаги [140, II, 66]

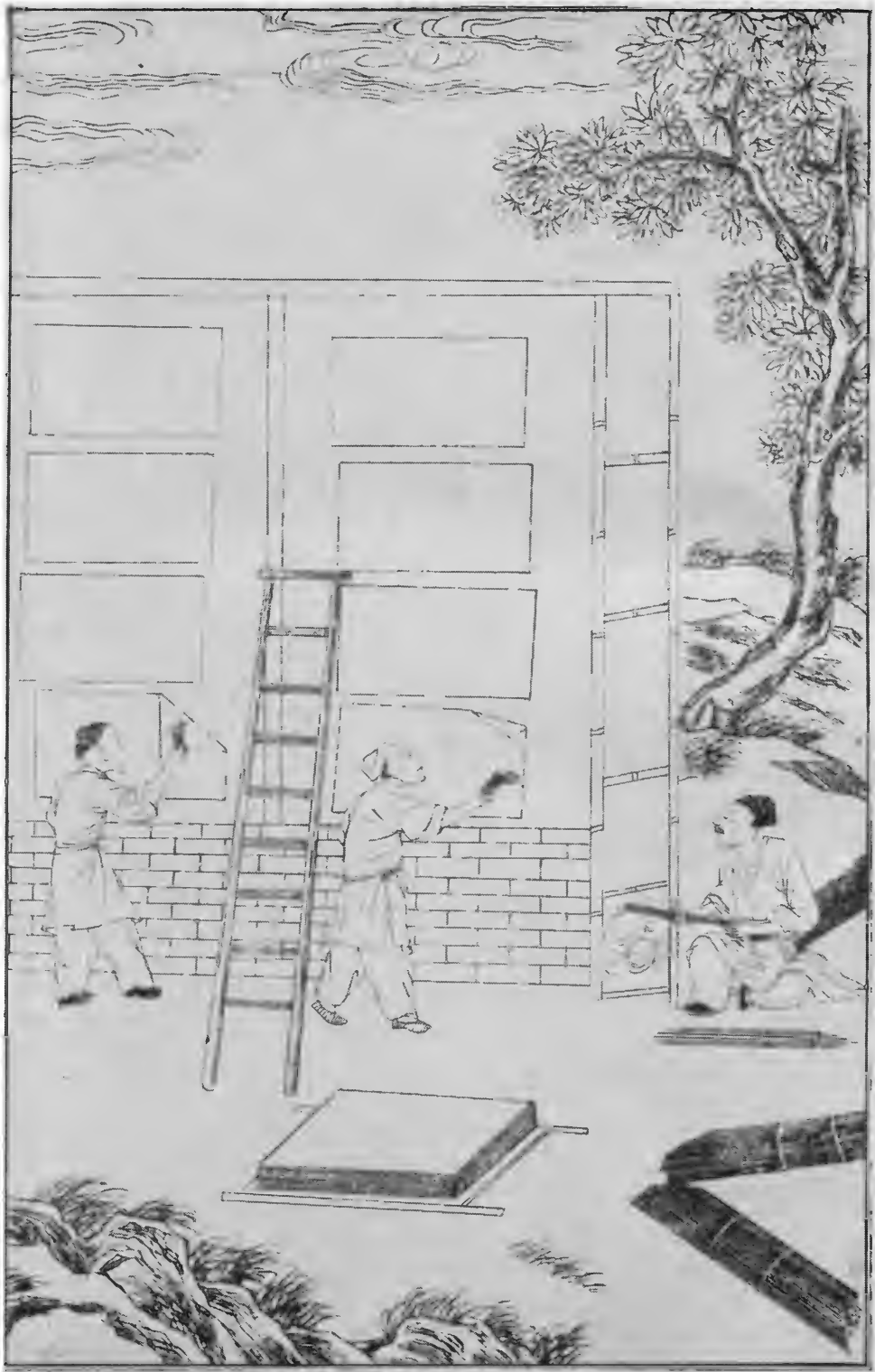

Рис. 29. Сушка бумаги [140, II, 7a]

добычи металлов: железа для сельскохозяйственных орудий, кораблей, котлов для выварки сахара и соли, изготовления гвоздей, проволоки и т. д.; меди и серебра — для литья монеты; золота — для удовлетворения растущих потребностей знати и императорского двора в украшениях, богатой утвари, златотканых одеждах.

В Шаньси (Пинсян), Северной Чжили (Цзуньхуа), Гуандуне, северо-западных провинциях добывали и плавили железо; Юньнань была традиционным районом богатейшей добычи и переработки олова и меди; в Хэбэе, Цзяннани, Шаньси, Сычуани добывали уголь; во многих провинциях были вновь заложены медные и серебряные рудники; на горных реках шла промывка золота и т. д.

В «Тяньгун кайу» описывается и иллюстрируется процесс обработки и добычи железа, серебра, меди, свинца, олова, железа [140, II, 3—12]. На рисунках показана добыча полезных ископаемых открытым способом, отмывка серебра и золота, обогащение и промывка руды, выплавка олова и свинца; добыча угля из вертикальных, с горизонтальными отводами, глубоких шахт, где есть система креплений и простейшие механизмы (вороты) для подъема руды в корзинках на поверхность [140, II, 8a]. Схематичность рисунков, незнание самим Сун Ин-сином многих вопросов техники и технологии производства (что сказалось на характере объяснительных текстов), различие терминологии при описании указанных производств в более поздних, чем «Тяньгун кайу», источниках не позволяют конкретно рассмотреть технику и технологию в период, описанный Сун Ин-сином, и мы можем судить лишь о некоторых новшествах в горном деле и плавильном производстве ⁴⁶.

Из текстов договоров угольщиков, собранных китайским историком Дэн То в районе Мэньтоугоу, около Пекина, видно, что в угледобыче уже существовала дренажная система, позволившая восстанавливать заброшенные, заполненные водой шахты, вводилась система блоков для подъема руды и угля из шахт [231].

Еще до XVI в. в Китае существовал способ отвода рудничного газа из шахт с помощью системы бамбуковых трубок [140, II, 8a], тогда как в Англии вплоть до XVIII в. шахты очищали от рудничного газа «кающиеся грешники» ⁴⁷.

Китайцам издавна было известно несколько сортов каменного угля: светлый (дымный) уголь, мелкий уголь, уголь в кусках (бездымный) и др.

В плавильном производстве в XVI в. использовалась уже смесь каменного и древесного угля. Формы для металла изготавливались из

⁴⁶ Описание горного дела дается также в статье Этьена Балаша: «Мы имеем описания шахт, датированные 1600 годом, из которых мы узнаём, что шахты тянулись на глубину 1000 футов и использовались бамбуковые трубки для дренажа, подачи свежего воздуха и откачки газа». Однако ни на какие источники Э. Балаш не ссылается [см. 299, 45]. Некоторое сопоставление техники горного дела Китая и Европы можно сделать при помощи миниатюр и фресок, изображающих добычу серебра в Кутной горе в XV—XVI вв. В Кутной горе были расположены серебряные рудники и находился монетный двор чешских королей. На одной из больших фресок изображен рудник с горизонтальными и вертикальными шахтами. Отбитую руду перетаскивали в шахтах в деревянных и плетеных корытах и поднимали при помощи простейших подъемников, ничем не отличавшихся от изображенных в «Тяньгун кайу». Размельчали руду на специальных жерновах, приводившихся в движение лошадьми, более мощных и больших по размерам, чем в горном деле средневекового Китая. [Экспозиция Кутногорского музея 1967 г.; 308, «Горное дело», № 147—159].

⁴⁷ «Кающиеся грешники» — рудокопы, которые продавали себя на смерть, чтобы обеспечить семью. Они пробирались в отсек, заполненный рудничным газом, и с помощью рудничной лампы вызвали взрыв газа, погибая при этом.

Рис. 30. Добыча каменного угля [140, II, 8a]

бамбука, в производстве применялись флюсы (CaCO_3) и другие вещества [140, III, металлы].

Изучение железоплавильного производства затруднено тем, что китайцы называли одним и тем же словом «те» и железо, и чугун, и сталь. Однако сравнение двух текстов с описанием плавки железа, из которых один относится к концу XVI в., а другой — примерно к середине XVII в., позволяет установить, что в печах для плавки железа произошли некоторые усовершенствования.

В описании местности Цзуньхуа конца XVI в., вошедшем в энциклопедию «Гуцзинь тушу цзичэн», сообщается следующее: «В Минское время в Цзуньхуа (современный Хэбэй.— Э. С.) была большая железоплавильная печь глубиной в 1 чжан 2 чи, шириной впереди 2 чи 5 цуней, сзади 2 чи 7 цуней, справа и слева по 1 чи 6 цуней; впереди широкая, в несколько чжанов, площадка для выпуска железа, выложенная камнем. Отверстие для выхода расплавленного железа закрывается простым каменным щитом. В центре [печи] находится камень величиной с коровью голову, на дно [печи] помещается руда; каменные шары, имеющие вспомогательный характер, постоянно вращаются. В качестве топлива используется древесный уголь, для поддувания установлены два кузнечных меха. Железо получают четыре раза в день. Камни добывают в Шуймэнькоу. Они имеют красновато-белый цвет и немного похожи на цветы персика. Большие — как мера зерна, маленькие — как кулачки. Их разбивают и размельчают, а когда бросают в огонь, то они расплавляются. Благодаря тому что бросают эти камни, из руды получается чугун. Для получения чугуна требуется 6 часов, а если его переплавлять пять раз, то получается железо; если железо переплавить девять раз, то получается сталь. Эти печи непрочны в работе и быстро разрушаются. Выдерживают самое большее до 20 дней работы» [113, разд. 32, т. 781, VIII, 386].

А вот как описана плавка железа в тексте середины XVII в.: «Печь по своей форме напоминает бутылку, отверстие печи идет вверх, размером больше чжана. Дно — 3 чжана 5 чи шириной, высотой в половину этого. Стенки толщиной 2 чи с лишним. Утрамбовывают стену смесью из золы, песка, соли и уксуса, обвязывают бесчисленными стволами лиан, подпирают стволами терновника. Печь прислонена к обрыву и поэтому очень прочна...

Сзади отверстие, за ним земляная стена, а в ней ворота с двумя створками высотой 5—6 чи, шириной 4 чи. Четыре человека приставлены к воротам, чтобы закрывать и открывать их, когда по ходу работы требуется ветер.

Оба отверстия выложены камнем „шуйши“, который, если его не обжигать, держится очень долго. Наполняют печь твердым углем вперемешку с железной рудой, бросая их с горы в печь при помощи механического приспособления. Пламя освещает небо, грязный черный воздух распространяется на 10 ли вокруг и не рассеивается. Руда расплавляется и стекает в квадратный резервуар, где железо и застывает. Всего за сутки получают 12 плавок, каждая плавка дает 1 бань железа весом в 10 цзуней. А если за плавку получают 10 баней железа, то называют это „шуангоу“ (двойной нагрузкой.— Э. С.); печь при этом нагревается очень сильно и повреждается» [157, XV, 9а—9б].

Из сравнения этих двух текстов видно, что к XVII в. процесс стал менее прерывистым⁴⁸, число плавок увеличилось до 12 в день, хотя выход готового металла по-прежнему невелик: 1—2 баня (150—300 кг) за одну плавку.

⁴⁸ В Европе домна с непрерывным производством появилась в XV в.

О размерах железоплавильного производства, о числе занятых в нем людей мы можем судить по данным «Гуандун синьюй» (XVII в.) и «Саньшэн бяньфан бэйлань».

«Печь для плавки железа высотой в 1 чжан 7—8 чи... сбоку используется кузнечный мех. Более десяти человек опускают и поднимают его. Работа идет непрерывно с утра до вечера. На дне печи есть решетка. Металл и шлак выходят по отдельности. Та часть, которая превращается в железо, вытекает и становится железным слитком.

Каждую печь обслуживает более десятка мастеров и наемных работников, один из которых специально следит за плавкой и по цвету различает составные части металла. Больше всего людей используется на подвозке дров из Хэшаня и перевозке руды из Хуншаня.

А для обеспечения одной печи углем нужно сто человек — они везут уголь из дальних и ближних мест. Так что на 6—7 печей приходится не менее тысячи мастеров и наемных работников» [165, IX, 4—5].

«Вокруг того места, где плавят железо, населения триста семейств, более двухсот человек работают у печей; более трехсот человек добывают железную руду; более двухсот человек качают воду и обжигают уголь; рабочего скота двести голов, лодок для перевозки грузов пятьдесят штук. Если подсчитать расходы на производство железа, то они превосходят 10 тыс. цзиней на каждый тэчан (тэчан — железоплавильное производство с печью и всеми подсобными помещениями.— Э. С.).

Если ежедневно получают железа 20 с лишним баней, то имеют прибыль, а если получают 7—8 баней — то убыток. Самое лучшее железо — в Лодине и Датане (пров. Гуандун.— Э. С.). Оно дороже, чем в других местах. Полученную продукцию все везут в порт Фошань» [157, XV, 9а—9б].

Высокого мастерства китайские ремесленники достигли в обработке металлов.

В «Тяньгун кайу» в специальных разделах описано изготовление котлов, весов, топоров, колоколов, зеркал, мечей, жертвенных сосудов, оружия, денег, иголок, гвоздей, проволоки, железных листов, якорей и деталей кораблей [140, III, плавка железа, 1—10].

Китайские изделия из металла находили постоянный спрос не только на внутренних рынках, но и далеко за пределами Китая. Китай был поставщиком металлических изделий в соседние страны, прежде всего в государства Юго-Восточной Азии. Особенно славилась на внешнем рынке фошаньские изделия, отличавшиеся прекрасным качеством металла, красотой форм, искусной чеканкой, ковкой или литыми украшениями⁴⁹.

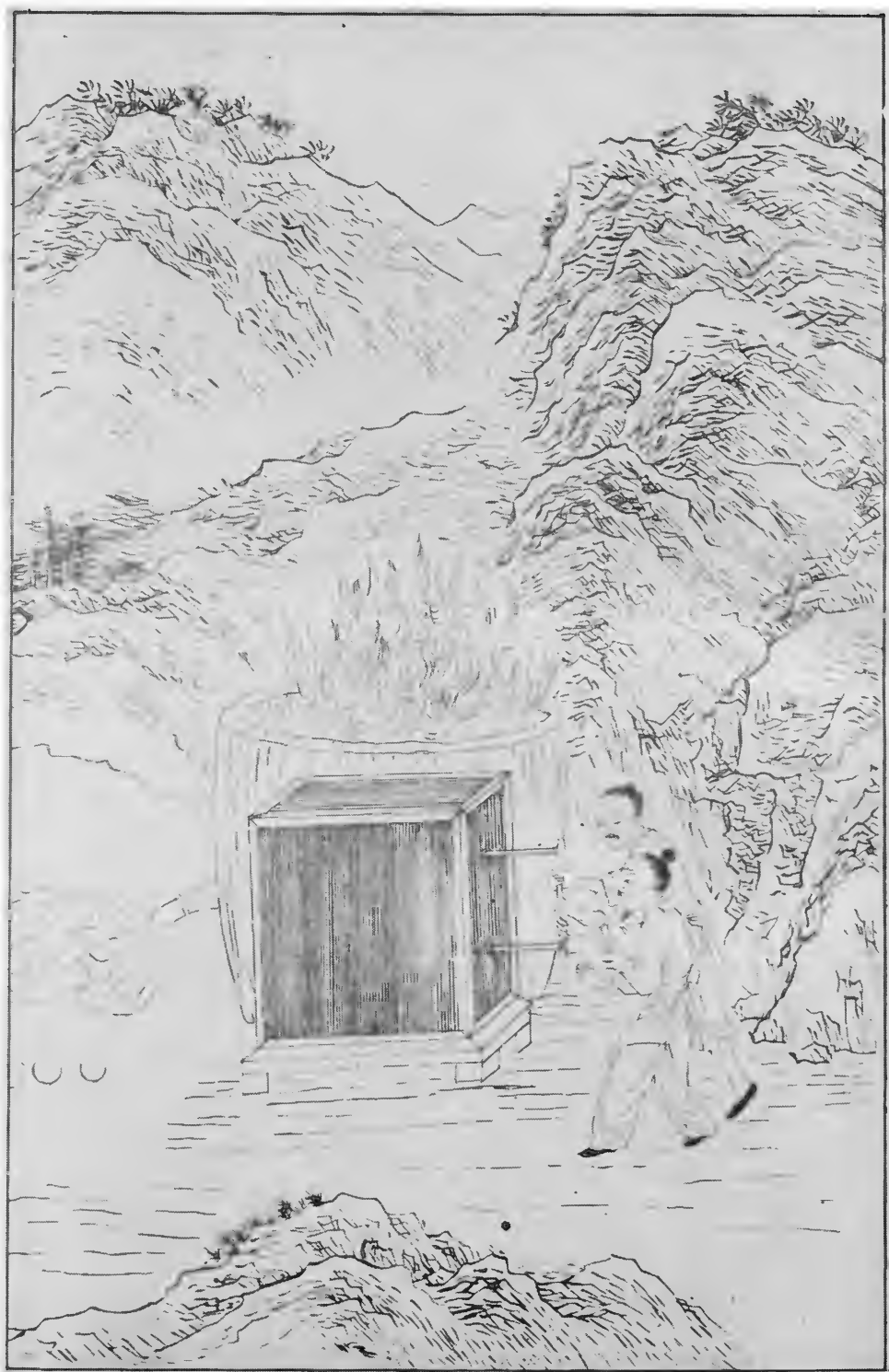
«Железные котлы, железная проволока,— сообщается в «Цяньлун Фошань чжунъи сянь чжи»,— являются продукцией только этой местности и нигде в других местах не умеют их делать. Среди котлов, производимых здесь, есть нюго, динго, котлы с тремя отверстиями и с пятью отверстиями; есть котлы большие и маленькие. Из железной проволоки делают толстые канаты и канаты средней величины, проволоку среднюю и тонкую, похожую на нити для вышивания...

Продают котлы в Цзяннани, Чжэцзяне, Хубэе, Хунани; что касается железной проволоки, то также нет ни одного места, где бы она не

⁴⁹ Интересная их коллекция находится в Фошанском и Сычуаньском исторических музеях. В Сычуаньском музее представлены, например, железные котлы и печки для благовоний, украшенные металлом и чеканными орнаментами в виде нероглифов, драконов и фениксов, искусственные декоративные горы из железа с фигурами божеств и т. п.

Рис. 31. Печь для плавки

железа [140, II, 196 — 20a]

требовалась, со всех четырех сторон приезжают купцы с повозками.. чтобы купить, а затем переправить и перепродать в других местах.

Таким образом, жители данного уезда и кормятся за счет этих двух занятий» [63, VI, 126—13a].

В Фошане создавалось также огромное количество изделий из бронзы, меди, серебра и золота: скульптура, золотая и серебряная фольга, зеркала, храмовая утварь, украшения и т. д.

Другим центром производства металлических изделий был Тэлу-чуан (пров. Шэньси), славившийся своими сельскохозяйственными орудиями.

Описание железоделательного производства дается в книге Янь Жу-и: «Чугун передают в ближайшую мастерскую, где делают котлы и сельскохозяйственные орудия. Мастеров требуется тысяча с лишним. Поскольку в Тэлучуане и других местах были крупные мастерские, на роду постоянно было 2—3 тысячи» [265, 117].

Чрезвычайно подробное описание китайских якорей Минского времени приводится в романе Ло Мао-дэна о плавании Чжэн Хэ в страны Южных и Западных морей⁵⁰: «Старейшина ответил, что якоря не должны быть слишком большими, иначе они будут громоздкими, но не должны быть и слишком легкими, а то будут болтаться (на поверхности). Все якоря можно грубо разделить на три категории — высшую, среднюю и низшую, а затем уже в каждой из них выделить три сорта... всего девять видов. В первой категории у якорей высшего сорта веретено 7 чжанов 3 чи длиной, рога 3 чжана 5 чи длиной, якорная скоба высотой 8 чжанов 5 чи⁵¹; у якорей второго сорта веретено 4 чжана 3 чи длиной, рога 1 чжан 2 чи длиной, якорная скоба высотой 3 чи 5 цуней. У якорей третьего сорта веретено 5 чжанов 3 чи длиной, рога 2 чжана 2 чи длиной, якорная скоба высотой 5 чи 5 цуней. У остальных якорей размеры увеличиваются или уменьшаются соответственно категории. А еще понадобится несколько сот канатов из пальмового волокна. Они должны быть достаточно прочными, чтобы выдержать вес бадьи. Продеваются они в нос якоря».

Техника обработки металла была весьма примитивной — при помощи наковальни, молота и нескольких ручных ударных орудий создавались не только железные листы, котлы и плуги, но и художественные изделия.

Развивалась эта техника крайне медленно и в некоторых ремеслах сохранилась неизменной до настоящего времени (например, производство золотой и серебряной фольги в Фошане).

Кузнечное производство, изготовление разного рода изделий из железа, подробно описано в «Гуандун синьбуй»: «Существует кузнечное дело. Кусок чугуна помещают в печь, нагревают докрасна и кладут на наковальню. Один человек держит щипцы, два других бьют молотом, а более десятка подростков обмахивают их веерами и при этом беспре-рывно поют. Из горячего железа делают котлы... Всего насчитывается несколько десятков мастерских по получению железа из чугуна — людей в них несколько тысяч. В одной мастерской десять наковален, у каждой более десятка людей... Нагревают железо и делают листы. Всего насчитывается несколько десятков кузниц, а людей в них несколько тысяч. В каждой кузнице несколько наковален, у каждой наковальни свыше десятка людей» [137, XV, «Железо», 9—10].

⁵⁰ («Саньбао тайцзянь ся сянь тунсу яньи», IV, гл. 17, стр. 11). Текст приводится по рукописи перевода, любезно предоставленной переводчиком — Н. Е. Боровской.

⁵¹ Н. Е. Боровская предполагает, что в тексте допущена ошибка; должно быть «8 чи 5 цуней», так как в других случаях эти размеры меньше, чем размеры рогов.

Рис. 32. Изготовление проволоки [140, II, 76]

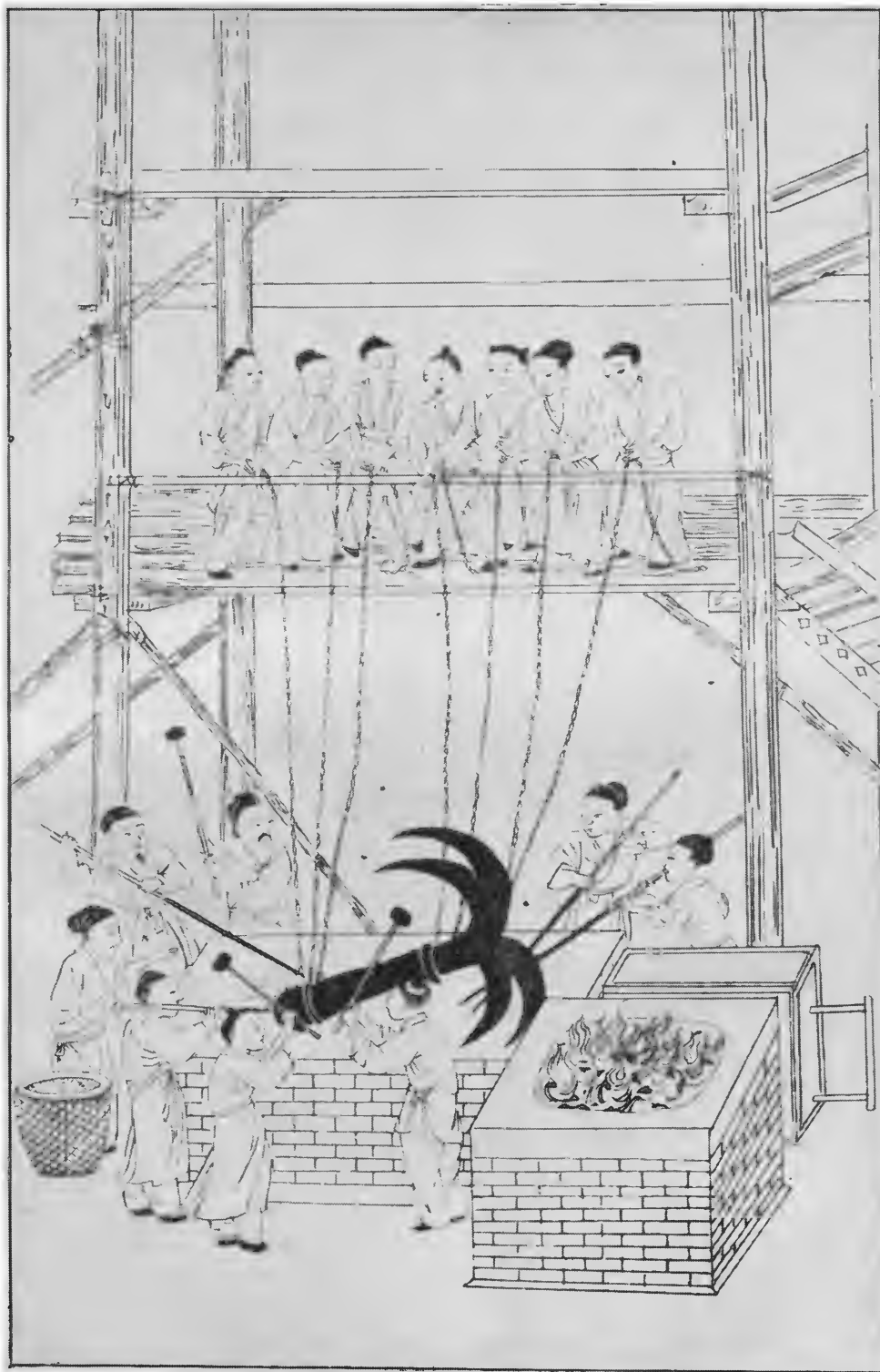

Рис. 33. Ковка якоря [140, II, 6а]

Далее эти цифры (1000 человек, 10 наковален, свыше 10 людей) повторяются в описании производства гвоздей, иголок и т. д. и свидетельствуют о больших размерах этих производств⁵².

Хотя приведенные тексты и позволяют судить о разделении труда в мастерских по обработке металла, однако нельзя забывать, что оно в значительной степени диктовалось техническими условиями и не являлось показателем уровня социально-экономического развития данного производства.

* * *

В XVI—XVIII вв. техника ремесленного производства в целом достигла относительно высокого уровня. Сравнение техники и технологии производства с более ранним временем (XII—XIV вв.) позволяет утверждать, что существенные изменения произошли в основных орудиях и в основных производственных операциях шелкового, хлопкового, фарфорового, железоплавильного, бумажного производств.

Были изобретены сравнительно сложные ручные машины и приспособления, опередившие европейские открытия и изобретения: хлопкоочистительный станок, многоверетенная прялка, станок для тканья узорчатых шелков, отвод рудничного газа из шахт и др.

Для китайского ремесла позднего средневековья характерны два вида техники — один складывался в казенном ремесле, специфика которого определила не только виды продукции, но и виды орудий производства, а другой — в ремесле частном, где развитие техники соотносилось с потребностями внутреннего рынка.

Некоторые китайские ученые впадают в ошибку, рассматривая изолированно казенное и частное ремесло. Выполнение повинностей частными мастерами в казенных мастерских, раздача казенных заказов частным мастерским, работа в одном месте и на одном сырье определили взаимное влияние и взаимопроникновение частной и казенной техники.

Однако китайская ремесленная техника застряла на стадии ручного труда и не сумела дать толчок развитию машинной техники: на рубеже XVIII—XIX вв. Китай не перешел от ручного станка к машине, а от ремесленного производства и первых мануфактур — к мануфактурному производству и фабрике.

Принципы, положенные в основу технических приспособлений, не были разработаны и сосуществовали с общей примитивной конструкцией деревянных станков, неразработанностью второстепенных операций, почти полным отсутствием железных деталей и, в конечном итоге, низкой производительностью труда. Значительные достижения на одном этапе производственного процесса сочетались с крайней отсталостью и примитивностью техники и технологии на соседних операциях.

⁵² Небезынтересно сравнение кузнечного дела в Китае и Европе. На европейских миниатюрах XIV в., изображающих кузницу, коваль в мастерской всегда один. В религиозном трактате из Чешского Крумлова (начало XV в.) помещена миниатюра, изображающая ковку железа. Из трех персонажей, изображенных у наковальни, двое куют, а третий играет на музыкальном инструменте [308, «Ремесло», № 78, № 79, № 80].

Характерно, что на рисунках, помещенных в «Тяньгун кайу», в кузницах занято больше людей.

Обращает на себя внимание и еще один факт: в описаниях фошаньского железоделательного промысла неоднократно сообщается, что работа сопровождается пением. Может быть, и пение и игра на музыкальном инструменте создавали какой-то ритм, необходимый в работе кузнецов.

На протяжении всего рассматриваемого периода станкостроение носило ручной, домашний характер. Потребности в новых станках у хозяев ремесленных мастерских были столь невелики, что не позволяли станкостроению выделиться в самостоятельную отрасль.

Существенная черта позднесредневекового ремесла заключалась в том, что во многих отраслях уровень мастерства превышал уровень развития техники.

Тонкость, искусность, изящество изделия часто зависели не от технических качеств приспособления и станка, а от личного умения мастера, сказывающегося не только в чисто «ручных» художественных ремеслах, но и в плавке и обработке металла, обжиге фарфора.

Это было одной из причин строжайшего сохранения ремесленных секретов, особенно в художественных ремеслах.

Китайское ремесленное производство — классический образец того ремесленного труда, о котором К. Маркс сказал следующее: «Труд сам еще наполовину искусство, наполовину самоцель... Особым навыком к труду обеспечивается обладание и орудием и т. д. и т. п. При этом существует в известной мере наследование способа труда вместе с организацией труда и вместе с орудием труда»⁵³.

Одним из моментов, ограничивавших развитие техники рассматриваемого периода, была неравномерность развития производительных сил в отдельных отраслях и районах: такие важнейшие отрасли, как горнодобывающая, плавильная, обработка металлов и др., по уровню техники стояли значительно ниже, чем шелкоткачество, производство керамики, фарфора и т. д.

Если шелкоткачество и хлопкоткачество XV—XVII вв. превосходили по уровню развития производительных сил европейские страны, то горнодобывающее и плавильное производства к XVII в. остались далеко позади. Это крайне отрицательно сказалось на экономическом развитии Китая как в рассматриваемый период, так и позднее.

⁵³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, — «Вестник древней истории», № 1, 1940, стр. 26.

Глава 2

РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ И ЦЕХОВОЙ СТРОЙ В ГОРОДАХ

ПОЛОЖЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ

В китайском феодальном городе сложилось несколько форм ремесленного производства: цеховое ремесло; частная мануфактура, централизованная и рассеянная; казенная мануфактура; мелкотоварное индивидуальное ремесло пригородных ремесленников; кроме того, существовали еще ремесленники бродячие. В предлагаемой главе исследуются ремесленные мастерские и цеховое ремесло городов.

Городское цеховое ремесло обозначается в источниках термином «сы» (50) (частный) [125, III, 14] в отличие от казенных мастерских, обозначаемых словом «гуань» (51) (казенный).

Ремесленники работали в мастерских и были объединены в цеховые организации или землячества, называемые в источниках «хан» (52), «бан» (53), «хуйгуань» (54).

Одна из важнейших задач историка, изучающего феодальный город на Востоке,— исследование цехового строя и цехового ремесла китайских городов, выяснение положения ремесленника, определение характера и особенности китайских цехов, изменений, происшедших в цеховой системе за XVI—XVIII вв. под влиянием сдвигов в экономической жизни феодального Китая. Документы и частные сочинения XVI—XVIII вв. содержат многочисленные сведения о развитии цехового ремесла и численности городских ремесленников. На первом месте по объему производства и числу занятых ремесленников, как указано выше, стояли шелкоткачество и хлопкоткачество. В этих двух отраслях было занято преобладающее большинство ремесленников Сучжоу, Наньцзина, Ханчжоу, Хучжоу, Сунцзяна, Цзядина, Чэнду, Уси. Однако, говоря о размерах цехового ремесла, мы ни в коем случае не должны забывать о численности городского населения Китая.

Обычные представления о населении средневекового города, размерах ремесленных мастерских, емкости внутреннего рынка, масштабах применения наемного труда, которыми оперируют исследователи русского или европейского средневековья, сплошь и рядом неприменимы для Китая.

Огромная численность городского населения — причина того, что в Китае мы сталкиваемся с ремесленными мастерскими гораздо больших

размеров, разделением труда более детальным, применением наемного труда, более широко распространенным, чем это нам известно из истории западноевропейских городов той же эпохи. В китайском городе все как бы гипертрофировано — и число жителей, и емкость рынка, и количество ремесленников. Не помнить об этом — значит впасть в ошибку, преувеличивать значение многих явлений и фактов.

То, что по европейским масштабам составляло бы централизованную капиталистическую мануфактуру, в китайских условиях иногда оказывается просто мастерской средних размеров.

* * *

Говоря о цеховом ремесле и цеховом строе Китая, необходимо прежде всего учитывать положение ремесленника в китайском феодальном городе: его обязанности по отношению к феодальной администрации и феодальному государству.

В положении цехового ремесленника существенны следующие моменты. Как и китайский крестьянин, он был постоянно прикреплен к месту жительства, занесен в специальные списки, не имел права покинуть мастерскую и свободно передвигаться. Он был обязан вносить налог государству. Его мастерская, как и хозяйство крестьянина, считалась «ху», т. е. двором, единицей налогообложения. Ремесленник выполнял трудовые повинности. Являясь членом цеха, он имел ряд обязанностей по отношению к этой корпорации. Профессия ремесленника передавалась по наследству.

Отличие цехового ремесленника в китайском городе от цехового ремесленника в городе европейском заключается, на наш взгляд, в том, что первый был гораздо больше скован всевозможными феодальными институтами, испытывал гораздо более сильный гнет и эксплуатацию феодального государства.

Источники позволяют нам довольно точно представить себе положение городского ремесленника.

При Минской династии все ремесленники считались зависимыми от государства. Они были занесены в специальные списки «цзянцзи» (55) и находились под строгим контролем феодальных властей. Для обозначения ремесленников употреблялись термины «цзян» (56), «гунцзян» (57), «цзянху» (58). Цзян и гунцзян обозначали чаще всего ремесленника, работавшего в одной из мастерских. Теми же терминами в цеховых уставах названы полноправные мастера, члены цеха (в отличие от подмастерьев и учеников). В официальных документах термин «гунцзян» употреблялся тогда, когда речь шла о распределении среди ремесленников трудовых повинностей, а «цзянху» — об обложении налогами.

В городе существовала строгая и тщательно разработанная система приписки к месту, надзора за городским населением. Реестры, составленные для налогообложения и выполнения трудовых повинностей, служили одновременно и списками для надзора за городским населением.

Контроль за городским населением при маньчжурах стал еще более строгим, чем он был в Минский период. В городах были учтены не только цеховые ремесленники, но и вся неквалифицированная рабочая сила, бродячие торговцы, нищие, бродяги. Никто не мог самовольно уйти из города или остаться в городе на ночь без разрешения властей.

Города и крупные чжэни были разделены на административные единицы — «ли», куда входило определенное число дворов.

В «Юнчжэнь Цзянси тунчжи» сообщается: «Обследовали территорию Цзиндэчжэня и прилежащих уездов. Приезжих людей и торговцев

скопилось так много, что трудно различить хороших и плохих... среди них нередко появляются грабители». «Необходимо в каждом из 13 ли установить 4 должности чиновников — юэ, фу, бао, цзуна, и все дворы, входящие в каждое из 13 ли, проверять каждые полгода, а разбойников вылавлять и передавать властям» [86, XXVII, 136, 14а—146].

В Цинское время в городах, как и в деревнях, была вновь введена традиционная в Китае система поручительства и круговой поруки — «баоцзя» (59)¹, прикреплявшая работника к месту жительства. (В Цинское время она называлась также фанцзя и сыюэ.)

При входе в город и уходе из него работник должен был регистрироваться у властей. 1-го и 15-го числа каждого месяца проводились проверки и сверка реестров с записями имен, сверка ремесленников в мастерской и в ямыне.

В каждом объединении, состоящем из десяти семей (бао), властями назначался старший — баотоу (60) из состоятельных горожан, в обязанности которого входило наблюдение за соседями.

Многочисленные записи о системе баоцзя находим мы на стелах второй половины XVII — начала XVIII в.

Так, в стеле, установленной в 1702 г., говорится о восстановлении старшин — баотоу и усилении системы баоцзя в ремесле, о том, что вводится книга для записей прибывающих и покидающих город, что производится запись ремесленников, рекомендовавших кого-либо на работу, что 1-го и 15-го числа ямынь обменивается данными со старшим в мастерской [10, № 24]. Подобная система установлена была и в провинции Чжэцзян. Ремесленникам запрещалось устраивать какие-либо сборища, ночевать в храмах, передвигаться в городах ночью. В случае совершения преступления виновными объявлялись и все жители соседних дворов.

Даоским и буддийским монахам вменялось в обязанность представлять доклады и делать доносы о настроениях ремесленников [10, № 3, № 24; 90а, III, 7а].

В Чунцине ремесленникам было запрещено во время праздников собираться в храме Юванмяо во избежание беспорядков; они должны были молиться у своих домашних алтарей [22].

В докладе одного из маньчжурских чиновников (XVIII в., годы правления Юнчжэна) говорилось, например: «В Сучжоу все ремесленники, изготавливающие хлопковую ткань, — пришлые. Их и прежде было 7—8 тыс., а сейчас [их число] увеличилось на 2 тыс. Среди них очень много преступников. Чанмэнь — место очень оживленное. Ремесленников каждой специальности несколько десятков тысяч. Необходимо произвести строгую проверку и установить казенное управление» [121, XLII, 23—24].

Особенно тщательный контроль устанавливался за людьми, пришедшими в город из других мест [10, № 24]. В той же стеле 1702 г. сообщается: «Ремесленники-красильщики — все люди сильные и дерзкие, все это простой народ, у которого нет домов и который не является местным. Они разбрелись в беспорядке, и невозможно усмотреть за ними... Таким образом, много пришлых людей смешались и живут вместе... Мы (т. е. 76 торговцев тканями. — Э. С.) выбрали людей надежных, имеющих дом и семью, которые специально отдают ткани красить в мастерские, что и является основой существования ткачей. Если же

¹ Система «баоцзя» существовала и в более раннее время, упоминания о ней встречаются в сунских источниках. Поэтому в документах конца XVII — начала XVIII в. говорится не о введении баоцзя вновь, а о ее усилении, возобновлении, о том, что существует она с давних пор [см., например: 10, № 24].

с товарами что-нибудь и случается, купцы не имеют к этому никакого отношения. За каждым ремесленником (цзян) следит старший (баотоу).

А так как ремесленники-красильщики часто одиноки и ничего при себе не имеют, то баотоу арендуют фанзу, в которой и живут мастера. □□□□□² должны вносить 3 цзян 6 фэней, это и является условием (получения орудий и фанзы.— Э. С.).

Если же ремесленники-лощильщики будут наносить вред, бесчинствовать или убегать, возложить ответственность на баотоу».

Система ограничений по отношению к ремеслу была частью общей экономической политики маньчжуров. Городская политика маньчжуров была продиктована также постоянным страхом перед выступлениями городского населения против чужеземной династии.

Обращает на себя внимание тот факт, что в источниках нет никаких упоминаний об уходе ремесленников из города в деревню на сезонные работы.

Даже в таком производстве, как фарфоровое, где работа прекращалась на весь дождливый сезон, мастера не расходились, а оставались жить по постоянным дворам. По-видимому, основной причиной был избыток рабочей силы в деревне; отсутствие свободы передвижения ремесленников также способствовало полному отрыву китайского ремесленника от земли.

Насажение административно-фискальных объединений обеспечивало сбор налогов и выполнение повинностей, предотвращало в какой-то степени частые в XVI—XVIII вв. выступления городских низов.

Все ремесленники, жившие в городах, должны были вносить ежегодные налоги продукцией своего ремесла.

Мы, к сожалению, не располагаем данными, позволяющими исчислить соотношение между готовым продуктом ремесленника и собираемым налогом. Однако источники постоянно сообщают, что налоги эти были очень обременительны³.

Положение ремесленника отягчалось еще злоупотреблениями чиновников при сборе и особенно при пересчете налогов.

О них сообщается в докладе одного из чиновников императору Ваньли: «Даже если не имеешь копей, считают, что ты добываешь руду, даже если не торгуешь, с тебя все равно взимают налоги» [119, XXXIII, 23, доклад Тянь Да-яня].

В докладе другого минского чиновника мы находим выразительную характеристику положения наньцзинских ремесленников-шелкоткачей: «Живущие в городе бедные ткачи думали о том, как бы расстаться со своими станками и челноками» [120, X, 7].

Иногда феодальные власти принуждали ремесленников продавать оставшуюся после внесения налога часть изделий в казну, устанавливая при этом низкие закупочные цены.

Маттео Риччи в своем дневнике писал о казенных закупках ремесленных изделий: «Чиновники платят ремесленникам по собственной прихоти, не считаясь с действительной ценой покупаемой вещи» [174, 19].

О насильственных закупках ремесленных изделий читаем мы и в уставе трепальщиков хлопка г. Чунцина: «В настоящее время по-

² Квадрат обозначает дефектный, неразборчивый иероглиф.

³ В «Хуанмин цзинши вэньбянь» («Сборник сочинений об управлении, написанный при минских императорах») [120] говорится о налогах в Сучжоу следующее: «Наша местность не достигает и сотни квадратных ли, однако налога собирается 300 тыс. с лишним. Кроме налогов соляных, с печей, с красок, дорожных сборов в области и в городе взимают налоги еще со 100 тыс. ремесленников» [120, XXIII, 26].

«сылаемые правительством чиновники насильно производят закупки, поэтому наживаются и обогащаются на этом, а мы имеем двойные тяготы и продаем в убыток» [19].

В некоторых случаях ремесленников заставляли вместо натуральных налогов вносить серебро. Чиновники наживались при этом на пересчете суммы налога.

Множество налогов ставило ремесленников в крайне тяжелое положение, что вело к разрушению производства, к разорению и бегству мастеров. В периоды наибольшего обострения противоречий внутри города и усиления налогового гнета со стороны государства ремесленники вместе с городскими низами поднимались на активную борьбу с феодалами и чиновниками.

Конец XVI — начало XVII в. — полоса многочисленных городских восстаний в Китае⁴. Восставшие горожане выступали против непосильных налогов с торговли, ремесла, горных разработок; против злоупотреблений и произвола феодальных чиновников.

Приведем два примера, свидетельствующие о тяжелом налоговом гнете в городах и борьбе ремесленников против высоких налогов и произвола чиновников.

В 1601—1603 гг. в Сучжоу вспыхнуло городское восстание⁵, вызванное высокими налогами с ткачества и добычи полезных ископаемых и злоупотреблениями сборщиков налогов.

«Народ убивает и грабит. Окружили ворота ткацкого управления, угрожали и требовали сократить сбор налогов», — говорилось в докладе тайцзяня Сунь Луна [118, CCCLX, 56].

Привилегия сбора налогов в Сучжоу принадлежала 12 семействам, которых источник называет «гуангунь» (61) (букв. «блестящая дубина», в переносном смысле «ловкий, удачливый проходимец». «бездельник»). По-видимому, это были ростовщики, купившие себе право и должность сборщиков казенных налогов и получавшие от этого огромные прибыли.

«Они были назначены правительственным чиновником для проверки налогов, самовольно и безрассудно решили увеличить поборы. С каждого станка собирали по 3 цзяня серебром. Народ был очень недоволен и повсюду высказывал негодование» [118, CCCLX, 6a].

«Скоро совсем нечего будет собирать, потому что ежегодно собирают 6 миллионов. А ведь эта область (Сучжоу. — Э. С.) является основной в сборе налогов», — писал тот же Сунь Лун [118, CCCLX, 66].

Непосильные поборы вели к сокращению ткацкого производства, торговли, горнодобычи. Хозяева мастерских бросали свои станки и бежали в другие области [см.: 118, CCCLX, 66]. «У ткачей становилось все меньше станков, а если добавить еще и непрерывные наводнения, то жизнь для простого народа стала совершенно невыносимой» [118, CCCLX, 56].

«Все хозяева станков закрыли ворота и прекратили занятия ткачеством, а ткачи все рассеялись и умирали от голода» [118, CCCLX, 6a — 66].

«Красильные мастерские закрылись, и несколько тысяч красильщиков разбежалось. Ткацкие мастерские прекратили работу, и несколько

⁴ Только в «Мин ши лу» в указанный период упоминается по крайней мере 26 городских восстаний. В действительности, их было значительно больше. Только за десять лет движения «миньбяней» (годы правления императора Ваньли) можно насчитать свыше 20 восстаний в разных городах.

⁵ Восстание это довольно обстоятельно описано в «Мин ши лу», куда почти целиком были включены доклады тайцзяня Сунь Луна, управлявшего в этот период сучжоуским казенным производством [118, X, 3—6].

тысяч ткачей рассеялось в разные стороны» [118, CCCLX, 6а — 6б].

Хозяева лавок и шахтовладельцы бросали предприятия и бежали на юго-запад, в Юньнань, где, укрывшись от налоговых инспекторов, набирали беглых крестьян и начинали новые разработки.

Рынки пустели, так как выручки торговцев не хватало для уплаты возросших налогов, и торговля прекращалась.

Непомерное увеличение налогов и произвол чиновников вызвали возмущение широких слоев горожан: в 1601 г. в Сучжоу вспыхнуло восстание⁶, направленное против злоупотреблений в сборе налогов, против произвола чиновников-сборщиков⁷.

Текст «Мин ши лу» не позволяет сделать какие-то вполне определенные выводы о составе участников восстания: в докладах чиновников говорится о «беспорядках среди простого народа Сучжоу» [118, CCCLX, 5б].

Мы можем лишь предположить на основании сопоставления с другими источниками, что понятие «простой народ» включало в себя ремесленников, владельцев копей, средних и мелких торговцев. Несомненно, к восставшим присоединились и городские низы: поденщики, кули, деклассированные элементы города, о чем свидетельствует запись в «Мин ши лу», сообщающая, что участниками восстания были «странные люди, которые утром не думали о том, что будут делать вечером: если имели занятие, то жили, если не имели, то умирали. Эти люди раздеты, а руки у них пусты» [118, CCCLX, 5б].

Вначале восстание возглавили некий Га Сянь⁸, Тан Ин и еще семь человек [118, CCCLX, 6б], а через год, после их гибели, во главе горожан встал Гуань Вэнь⁹.

В короткий срок восстание охватило Сучжоу, Чжунчжоу и некоторые соседние уездные центры¹⁰.

Императорский двор был напуган сучжоуским восстанием, тем более, что оно совпало с движением горожан в других провинциях (выступление горожан против высоких налогов и злоупотреблений чиновников на рубеже XVI—XVII вв. современники обозначают термином

⁶ Поводом к восстанию послужили злоупотребления чиновников и распространившийся в народе ложный слух о каком-то императорском указе, отменяющем все налоги с добычи полезных ископаемых. В такой накаленной обстановке чиновничий произвол выглядел в глазах народа как попытка чиновников скрыть указ «доброго императора».

⁷ В «Мин ши лу» сообщается о манифесте повстанцев, в котором говорилось: «Император не любит шутить, он может казнить даже тайцзяня, собирающего налоги» [118, CCCLXXII, 4а]. «Убили [чиновника] Хуан Цзянь-цзэ камнями, а Тан Синя и другие семьи [чиновников] бросили в бушующий огонь» [118, CCCLX, 6б]. В манифесте говорилось также: «Все чиновники крайне жестоко обращаются с народом. Народ хочет, чтобы эти чиновники были выданы ему, и тогда народ будет очень доволен. Другого мы не осмеливаемся и требовать» [118, CCCLX, 6б].

«В Сучжоу человек по имени Га Сянь и другие связали 6—7 чиновников и бросили в реку. Сожгли дом чиновника, в котором жили злодеи, собиравшие налоги» [118, CCCLX, 3а].

⁸ «Га Сянь бросил клич, и народ горячо откликнулся» [118, CCCLX, 6б].

⁹ О нем известно только, что он был человеком местным, сучжоусцем [118, CCCLXXII, 64а].

¹⁰ Восставшие имели, очевидно, какую-то организацию: у них был манифест, участникам восстания запрещалось присваивать себе имущество богачей и убитых чиновников, сдавшиеся чиновники подлежали помилованию.

«Грабежей не было... убивали воров, но не присваивали их богатств. Объявили, что все, кто падет ниц и признает свою вину, будут помилованы» [118, CCCLX, 6б].

И все же, несмотря на свою многочисленность и некоторую организованность, повстанцы были слабы: они почти не имели оружия («мечей у них не было») и не смогли осуществить своих планов, записанных в манифесте — выступить походом на Линшан и Бяньчэн (Кайфын) [118, CCCLXXIV, 4а].

«миньбянь»). Поэтому-то с самого начала феодальные власти старались расколоть силы восставших, оторвать народные массы от руководства движением¹¹.

К концу первого года властям удалось обезглавить выступление¹².

Однако гибель предводителей означала не конец восстания, а лишь его спад к концу 1602 г.

В начале 1603 г. движение вспыхнуло с новой силой и продолжалось еще около года. К горожанам на этом этапе присоединились войска, расквартированные в Хэнани, и восстание стало вооруженным и более организованным [118, CCCLXXII, 4a]. Восставшие издали новый манифест и отправили петицию императору, жалуюсь на злоупотребление чиновников и произвол военачальников.

Только к концу 1603 г. правительству удалось справиться с сучжоуским движением.

В страхе перед новыми выступлениями императорский двор вынужден был пойти на некоторые уступки: заменить часть чиновничьего аппарата, снизить размеры налогов¹³.

Через год после подавления сучжоуского восстания сильное движение вспыхнуло на угольных шахтах в Мэньтоугоу (около Пекина).

Движение было направлено против тяжелых налогов с частных шахт и произвола чиновника Ван Чао, ведавшего сбором налогов в Сишане (окрестности Пекина). В восстании приняли участие как хозяева частных угольных шахт, так и широкие слои рабочих-угольщиков, носильщики, чернорабочие. Их возглавил некий Ван Да-цзин.

Во время восстания на улицах Мэньтоугоу были построены баррикады. «Бедные люди в коротких одеждах перегородили улицы и заваляли дороги, кричали о несправедливых обвинениях» [118; цит. по: 231, 7]. Восставшие направили группу угольщиков в Пекин с петицией, где сообщали о злоупотреблениях Ван Чао, о сборе налогов с помощью вооруженных отрядов.

Восстание подавили, однако феодальный двор вынужден был пойти на уступки, отозвав наиболее ненавистных народу чиновников и фактически узаконив частные шахты, что способствовало развитию частной угледобычи в Мэньтоугоу.

Серьезно препятствовала развитию городского ремесла система трудовых повинностей. Повинности цехов по отношению к государству вводились еще в конце династии Тан и в период Пяти династий, однако оформилась эта система при Сун [234, 353].

В 1385 г. Минское правительство издало специальный «желтый» реестр, согласно которому устанавливались порядок выполнения повинностей и численность ремесленников каждой специальности, призываемых для несения повинностей.

В XV в. число ремесленников, выполнявших повинности, достигало 300 с лишним тысяч [290, 71—72]. В зависимости от места, срока и

¹¹ «Сюньаньгуаню было приказано зlostных людей, вызвавших несчастье,— Тан Иня, предводителя Га Сяня и других восемь человек,— наказывать по самым строгим законам Императору был послан доклад о том, чтобы всех остальных людей не наказывали. Поэтому в этом месте наступило спокойствие» [118, CCCLXXII, 4a].

¹² «Га Сянь бесстрашно явился к властям, объявил себя преступником и пожелал быть казненным самой жестокой казнью, чтобы других людей оставили в покое. Чувства его были поистине высоки» [118, CCCLXXII, 4a].

¹³ В докладе тайцзяня Сунь Луна императору говорилось: «Если император хочет, чтобы народ поддерживал его, нужно, чтобы законы были действенными. А для этого следует вернуть обратно сборщиков налогов, прекратить сбор налогов с разработки полезных ископаемых, повсюду даровать милости и проявлять милосердие» [118, CCCLXXII, 46].

характера выполнения повинностей все ремесленники (гунцзян) делились на три категории.

Ремесленники, получившие название «лунбаньгунцзян» (62) (букв. «мастера, перемещаемые для выполнения работы») или «цунъю» (63), выполняли повинности в обеих столицах или (значительно реже) в других местах, определявшихся ведомством работ (гунбу). Законом 1386 г. (19-й год правления Хунтэ) было установлено, что лунбаньгунцзян должны были выполнять повинности каждые три года в течение трех месяцев (впоследствии продолжительность работы и сроки выполнения неоднократно изменялись) [290, 70]. В действительности же выполнение повинностей затягивалось на целый год, так как путь в столицы из отдаленных провинций обычно занимал у такого ремесленника несколько месяцев.

Ремесленники, выполнявшие повинности постоянно в одном и том же месте, чаще всего по месту жительства, назывались «чжуцзо» (64) (букв. «сидящие там, где живут»). Эта категория повинностей была введена в годы правления Юнлэ (1403—1425). Особенно много чжуцзо было вокруг столицы и на судостроительных верфях. Срок работы чжуцзо был больше, чем у лунбань, а повинности — в пять раз тяжелее. Если лунбань работали в среднем 22 дня в год, то чжуцзо — от 10 до 20 дней в месяц, а то и больше. Они не в состоянии были прокормить себя сами и часть продовольствия ежедневно получали от местной феодальной администрации.

Ремесленники, набравшиеся из числа людей, призванных в армию, и работавшие на нужды армии (главным образом по производству оружия и снаряжения), назывались «цзюньцзян» (65), т. е. военные мастера. С перенесением столицы из Наньцзина в Пекин все пекинские ремесленники и торговцы были объявлены «пуху» — хозяевами лавок и занесены в казенные списки. Всего в Пекине насчитывались 132 ремесленные специальности. Эти ремесленники были разделены на три категории и девять рангов в зависимости от профессии и имущественного положения. Повинности их были самыми разнообразными: они предоставляли императорскому двору и войскам необходимые товары, а нередко и деньги; выполняли «воротную» повинность (мэньи) по охране городских ворот, пожарную (хофу) — по организации пожарной службы, извозную — в столице и столичной области и множество других [257, 49].

Система трудовых повинностей наряду с натуральными налогами и казенными мастерскими была формой обеспечения потребностей феодального государства в ремесленных изделиях и различного рода сооружениях в условиях натуральной экономики. Особенно широко эта система использовалась в тех случаях, когда необходимо было сосредоточить большое число рабстников в одном месте — на строительстве зданий, стен и гидросооружений, в горнодобывающем производстве, на судостроительных верфях.

При этом огромные партии ремесленников направлялись в столицы и к местам работы. Ткачи, бумажники, жестянщики и люди других специальностей выполняли повинности в казенных управлениях по месту жительства.

Однако система трудовых повинностей была малоэффективна. Много времени ремесленники тратили на дорогу — для выполнения повинностей им приходилось предельно длинный путь от места жительства в Пекин или Наньцзин. Частая смена мастеров отражалась на качестве продукции. Труд подневольных работников был малопродуктивным и не всегда высококвалифицированным.

В конце XIV и в XV в. китайское феодальное правительство предпринимало неоднократные попытки усовершенствовать эту систему, сделать ее более эффективной. В упомянутом выше законе 1386 г. было сказано, что ремесленник лунбань повинности двух лет мог выполнить за один раз и в одном месте.

В 1393 г. были введены, согласно потребностям различных ведомств, пяти-, четырех-, трех-, двухгодичные и одногодичные циклы выполнения повинностей. В 1454 г. двух- и трехгодичные сроки заменили четырехгодичными, а одногодичные и пятигодичные упразднили совсем.

В XV в. делались попытки перейти то на ежедневную, то на еженедельную выдачу денег и продовольствия на время работы. Однако все эти мероприятия не могли коренным образом улучшить систему феодальных повинностей. Ремесленники всячески уклонялись от выполнения повинностей, нередко спасались и бегством, несмотря на то что существовала строгая система учета, проверки и наказаний виновных.

Ремесленников контролировали не только в период отработки, но и все остальное время. Если не было работы в Наньцзине, их перегоняли в Пекин, в Сучжоу и другие места. Начиная с Минского времени занятия ремеслом передавались из поколения в поколение. По минскому законодательству изменение списков мастеров каралось 80 ударами палкой, а бегство ремесленника от выполнения повинностей — одной степенью выше [257, 47]. За каждый потерянный день ремесленник должен был отработать еще десять дней. Существовал жестокий закон, по которому подвергалась наказанию вся семья убежавшего ремесленника. Если ремесленник выполнял работу хуже, чем было установлено существовавшими правилами, то срок выполнения повинностей удлинялся.

В середине XVI в. в системе трудовых повинностей, основанной на натуральной экономике, произошли значительные изменения, вызванные развитием товарно-денежных отношений. Господствующий класс больше не довольствовался продукцией, изготовленной цеховыми ремесленниками в уплату налога или по повинности, он стремился часть изделий приобрести на рынке.

Феодальной знати нужно было серебро для приобретения оружия, тканей, предметов роскоши, привозимых купцами из других мест. Существовавшая система натуральных налогов и повинностей не давала для этого средств.

Усиление же эксплуатации ремесленников вызвало во второй половине XVI в. восстания, массовое бегство, уклонение от выполнения повинностей.

Со второй половины XVI в. (с конца правления императора Чэнхуа) началась замена повинностей и натуральных налогов денежным налогом, исчислявшимся в серебре.

Этот процесс начался в наиболее развитых отраслях ремесла и в системе лунбань, что отражало неравномерное развитие товарно-денежных отношений.

В «Мин хуй дян» приводится факт, свидетельствующий об отмене повинностей: в Минское время (при Юнлэ, 1403—1425) в Цзуньхуа была построена казенная железоплавильная печь, обслуживавшаяся 2500 ремесленниками, набранными по повинности. В 1582 г. печь была закрыта, а мастеров, ее обслуживавших, обязали вместо работы вносить налоги серебром, на которое предполагалась закупка железа для казны на рынке [290, 102].

Чэнь Ши-ци приводит сообщения источников о замене в 1529 г. натуральных налогов шелком — денежными¹⁴.

Во второй половине XVI в. почти повсеместно возникли условия для замены повинностей налсгом в серебре. В 1562 г. был принят закон, по которому ремесленники лунбаньцзян должны были за каждые четыре года вносить 1 лян 8 цяней серебра. В результате только пекинское ведомство работ (гунбу) собирало каждый год со 142 486 лунбаньцзян 64 117 лян серебра, а наньцзинское — около 110 тыс. лян [290, 104].

После правления Цзяцзина (1522—1567) 90% всех ремесленников было переведено на денежный налог.

Что же касается чжуцзо и цзюньцзян, то число их сокращалось с каждым годом, хотя они и сохранились до конца Минской династии. В 1615 г. насчитывалось всего 15 139 чжуцзо, тогда как в годы правления Юнлэ их было 27 тыс. [290, 105], а цзюньцзян в ведомстве работ в то же время было около 3 тыс.

Таким образом, в конце XVI — начале XVII в. произошли изменения в формах эксплуатации городских ремесленников феодальным государством: на смену повинностям и натуральным налогам пришел налог денежный.

Введение денежного налога было подтверждено и маньчжурами (указ Шуньчжи от 1645 г.).

Введение денежного налога и указы о полной отмене повинностей не означали, однако, их ликвидации, особенно в условиях господства Цинской династии. В XVII—XVIII вв. натуральные налоги собирались наряду с денежными. Поскольку в Китае города не завоевали самоуправления, там вплоть до нового времени существовали повинности, характерные для зависимого сельского населения¹⁵.

Отмена системы трудовых повинностей, конечно, расширила рамки развития ремесла, применения наемного труда, открывала некоторые возможности для развития частной инициативы.

Однако вряд ли можно согласиться с оценкой, которую дает факту отмены трудовых повинностей китайский историк Чэнь Ши-ци. По его мнению, отмена повинностей означала полное их упразднение; Чэнь Ши-ци пишет, что уже в конце Минского времени списки ремесленников составлялись лишь для сбора налога, а при Шуньчжи были отменены полностью [290, 101, 103]. На наш взгляд, Чэнь Ши-ци недооценивает феодальное угнетение Цинским государством всех слоев городского населения. При Цинах сохранились и списки и всевозможные другие формы прикрепления ремесленника к месту жительства, делались неоднократные попытки восстановления трудовых повинностей.

В Шаньси, например, в области Луань, во второй половине XVII в. еще существовали система лунбань и выполнение повинностей членами шелкоткацких цехов: «Повинности выполняли раз в десять лет в порядке очередности. Лица, выполнявшие повинности в определенный год, назывались данхан (66). Никто, конечно, не хотел быть данхан, так

¹⁴ «В 7-й год Цзяцзина ведомство работ выпустило указ, по которому Цзянси, Хугуан, Хэнань, Шаньдун не ткали ткань, а приказано было произвести пересчет. За каждый кусок златотканого шелка — 3 лян 5 цяней. За кусок блестящего гладкого шелка — также 3 лян 5 цяней. По-прежнему собирали 5 цяней за транспортировку каждого куска. За каждый кусок шаньдунского шелка вносили 3 лян. На каждые 100 лян дополнительно собирали еще серебра 5 цяней» [см.: 290, 102].

¹⁵ Упоминания о выполнении ремесленниками трудовых повинностей встречаются, например, в уставе чунцинских трепальщиков хлопка (начало XIX в.). «Совместно установили, что, когда подходит год, в который трепальщики хлопка должны направляться в казенное ведомство, дежурные по цеху (чжинянь) (68) должны устанавливать очередь отправки ремесленников на казенные работы» [19, 4].

как правительство иногда платило деньги, а иногда и нет. Выполнение этих повинностей и называлось пуи (67).

Много ремесленников и купцов было недовольно повинностями, они вносили деньги, чтобы избежать их. Но это было не везде, а в Шаньси повинности существовали» [33, XXIV, 2a]. В тех городах, где были казенные ткацкие мастерские и ткацкие управления, кроме ремесленников, записанных для выполнения повинностей в казенные списки цзянцзи (букв. «списки мастеров») (желтый реестр 1381 г.), сохранились особые категории ремесленников, числившихся в реестрах гуаньцзи (69) (букв. «казенные списки»). Среди китайских ученых существует спор по вопросу о различиях между списками цзянцзи и гуаньцзи. Многие китайские историки вообще не видят разницы между ними (Чэнь Ши-ци, например, упрекает в этом Сюй Да-лина). Чэнь Ши-ци считает, что положение ремесленников, входивших в списки гуаньцзи, было более благоприятно: они не выполняли повинностей так регулярно, как записанные в реестры цзянцзи, пользовались большей свободой. Однако и Чэнь Ши-ци не выясняет разницы между двумя группами ремесленников.

На наш взгляд, в списки гуаньцзи были занесены квалифицированные ремесленники, обслуживавшие только казенные ткацкие управления. Подтверждением нашей точки зрения может служить тот факт, что сведения о ремесленниках гуаньцзи встречаются в описаниях лишь тех городов, где были казенные ткацкие мастерские и ткацкие управления. Ткачи, занесенные в списки гуаньцзи, работали либо в казенных шелкоткацких мастерских, либо на дому выполняли заказы казенных управлений.

В пров. Цзяннань уже в конце XV в. создались условия для отмены повинностей, и в 1526 г. повинности в шелкоткачестве были заменены денежным налогом; тем не менее списки гуаньцзи сохранились и были пополнены после установления Цинской династии.

Восстановление системы трудовых повинностей через столетие после ее отмены объясняется прежде всего рецидивом натурального хозяйства в результате установления маньчжурского господства в Китае. В первые десятилетия этого господства не только был прерван процесс развития товарного хозяйства, но и наметился резкий поворот назад, в сторону разрушения системы коммуникаций, существовавших в первой половине XVII в. Эта натурализация хозяйства вызвала к жизни восстановление ряда социальных институтов: системы трудовых повинностей, расширения баоцзя и введения системы старшин, восстановления и закрепления уставов цехов.

Таким образом, положение ремесленников и торговцев в феодальном городе мало чем отличалось от положения крестьян: они должны были вносить тяжелые налсги, их отрывали от своих занятий для выполнения казенных работ, у них насильно закупали продукцию по низким ценам или принудительно устанавливали низкую плату за работу по найму. Они, как и крестьяне, были приписаны к определенному месту жительства, подвергались строгому контролю, а нередко и прямому произволу феодальных властей¹⁶.

¹⁶ Эпиграфические документы содержат и факты прямого произвола по отношению к купцам и ремесленникам. В 1766—1768 гг. сучжоуские купцы вели длительную борьбу с местными феодальными властями, насильно захватившими под свои квартиры торговые помещения Уцзянского хуйгуаня и много лет не освобождавшими его [10, № 15, № 16, № 17].

Такую же борьбу вели ханчжоуские купцы, как видно из запретительной стелы, установленной в Ханчжоу в начале XIX в. (оттиск с нее хранится в Чжэцзянском историческом музее в Ханчжоу).

Очень важно выяснить, что представляло собой предприятие цехового ремесленника в китайском городе, чем оно отличалось от мастерской европейского цехового мастера, работавшего обычно вместе с несколькими учениками и подмастерьями.

Существенная черта китайского городского цехового ремесла, определившая ряд специфических особенностей во всем строе китайских города и цеха, — это чрезвычайно стойкое соединение ремесла с торговлей.

Среди предприятий, обслуживавших китайский феодальный город, преобладали мастерские-лавки, находившиеся на рынке или в торговых рядах.

О существовании мастерской-лавки свидетельствуют тексты цеховых уставов¹⁷. Их изображения встречаются на многих «городских» рисунках XVI—XVIII вв.

Группа лавок-мастерских изображена на известном свитке «Карьера чиновника» (собрание ГМИНВ), фрагмент которого приведен на стр. 201.

Вместе с тем процесс отделения торговли от ремесла, начавшийся задолго до XVI в. (и не закончившийся в Китае вплоть до XX в.¹⁸), привел к тому, что в XVI—XVIII вв. в китайских городах кроме мастерской-лавки были предприятия только ремесленные или только торговые.

В книге «Чжунго пяньхуа шитулу», XVI в., например, нарисована лавка, торгующая тканями с вывеской «Вэйбянь чоудуань»¹⁹ («Шелка из местности Вэйбянь»). Лавка была занята исключительно скупкой и продажей шелка и тканей не производила.

Процесс отделения торговли от ремесла зафиксирован в уставе чунцинских мастеров, занимавшихся производством и продажей курительных принадлежностей. Торговцы и ремесленники состояли пока в одном цехе, но в уставе было записано: «Тем мастерам и подмастерьям, которые выходят торговать, запрещается потом быть ремесленниками» [21].

Наиболее интенсивно этот процесс развивался в ткацком, бумажном, фарфоровом производствах, где в XVI в. произошло уже окончательное разделение производства и сбыта изделий. Можно предположить, что оно не было стеснено никакими ограничениями, поскольку ни в одном из цеховых уставов мы не находим запретов, касавшихся разделения цеха на торговую и ремесленную группы.

В целом, однако, этот процесс происходил чрезвычайно медленно. В Фошане, например, в конце XVI в. в каждой отрасли насчитывались 15—30 ремесленников, имевших свои лавки и объединенных в ханы; только в семи отраслях наблюдалось отделение ремесла от торговли [66, VI, 1—10].

Другая характерная особенность цеховой системы XVII—XVIII вв. — совпадение разделения китайских ремесел и торговли по цехам с общественным разделением труда, существовавшим в то время в китайских городах. Сколь бы детально ни было это разделение, каждой трудовой операции или каждому виду торговли соответствовала

¹⁷ Устав чунцинских лавок по трепанию хлопка [19], гуандунских пуговичников [18, 52—53]; уставы столяров, плотников, портных, жестянщиков г. Чанша [115, т. I, 180—196].

¹⁸ В 20-х годах нашего века китайский историк Цзянь Бо-цзянь подсчитал, что в Пекине, в районе Сиданя, две трети всех мастеров были одновременно и хозяевами лавок; кроме того, были еще крупные купцы, которые их эксплуатировали.

¹⁹ Экспозиция Наньцзинского исторического музея (1959).

своя цеховая организация. И если европейский цех зачастую был препятствием общественному разделению труда, то китайская ремесленно-торговая система складывалась и развивалась параллельно этому процессу.

Интересно разделение труда в фарфоровом производстве Цзиндэ-жэня: каждому новому этапу в технологическом процессе соответствовал свой хан: были ханы формовщиков, рисовальщиков, лепщиков и т. д. Среди мастеров, загружающих печи, были два хана: члены одного работали у печей с дровами, а другого — у печей с хворостом [65, IV, 7 а].

Единый процесс изготовления фарфора был разделен между несколькими самостоятельными цеховыми производствами. Из одной цеховой мастерской в другую сосуды переходили в результате акта купли-продажи, совершавшегося между хозяевами мастерских — членами различных цехов.

Чрезвычайно подробным было разделение по ханам в керамическом производстве Исина и Фошаня. Население, занятое производством керамики, было столь многочисленно, что каждому виду изделия тут соответствовал свой ремесленный хан.

Совершенно очевидно, что разделение ремесел затянулось на десятилетия; наши попытки найти какие-либо единовременные акты о разделении ремесел и цехов заранее были бы обречены на неудачу. И вместе с тем по мере приближения к началу XVIII в. разделение труда становилось все более и более детальным, а вслед за ним и цеховые организации шли по пути дальнейшей специализации.

Таким образом, в XVI—XVIII вв. в китайском городе шел процесс обособления, изолирования и развития ремесел, который, по словам К. Маркса, послужил «материальной предпосылкой мануфактурного периода»²⁰.

Следует отметить, однако, что такое дробное разделение ремесел и соответствовавшее им деление на ханы имело и отрицательное влияние на развитие производства. Закрепленное цеховой феодальной организацией, это разделение способствовало в значительной степени консервации старых производственных отношений, укрепляло и корпоративную узость и изолированность цехового ремесла.

Цеховые уставы и исторические источники XVI—XVIII вв. позволяют выделить в городском ремесле несколько видов ремесленных предприятий и следующие категории цеховых ремесленников.

Одну группу составляли индивидуальные ремесленники, работавшие на рынок в одиночку или с помощью членов своей семьи. Множество их было занято в ткацком, фарфоровом, керамическом деле (особенно в формовке, лепке, декорировании изделий).

В одном только Чэнду в XVIII в. насчитывалось 7 тыс. таких индивидуальных ткачей-ремесленников, работавших на широкий рынок Сычуани, Шэньси, Ганьсу, Юньнани [74, XXXIV, 35 б].

В «Яньсянь минтаолу» сообщается о том, что в Минское время в Динчжоу жили известные ремесленники Оу, Шао, Инь. Они работали у себя дома, в одиночку, тщательно охраняли секреты ремесла, и изделия их славились по всему Китаю [151, 123].

Подобные же сведения приводятся в «Сунцзянфу чжи», где рассказывается об индивидуальных ремесленниках, продукция которых особенно ценилась на рынке.

²⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 371.

«За восточными воротами, у Моста двух кумирен, жил человек по фамилии Дин. Дин так умел очищать хлопок, что он становился белым, как цветы. Из этой воздушной массы он ткал белую и мягкую ткань, получившую название „фэйхуабу“ (ткань летящих цветов)» [39, VI, 206].

«Был человек по фамилии Цзинь Чэнь. Он взял двойную основу и двойной уток и соткал ткань, получившую название „буцзичоу“» [39, VI, 216].

Другую группу составляли цеховые ремесленники, у которых кроме самого мастера и членов его семьи трудились еще подмастерья и два-три ученика. Многочисленные сведения о таких мастерских содержатся в цеховых уставах Чанша [115, т. I, 179—180], Сучжоу, Чунцина и других городов.

Третью группу цеховых ремесленников составляли те, чьи предприятия по размерам были несколько больше обычной мастерской с подмастерьями и учениками. В «Миньго Фошань чжунъи сянь чжи» сообщается, что «в Минское время (более точную дату установить невозможно.— Э. С.) в Фошане было 20 с лишним мастерских по окраске тканей, называвшихся „цзя“ (70) [семья]» [66, I, 11a]. Можно предположить, что в этих мастерских уже применяли наемный труд. Наше предположение основывается на характере технологии — вряд ли можно было выполнять процесс крашения силами одной семьи (топку нескольких котлов, перемешивание, развеску и т. п.) — и подтверждается описанием красильных мастерских XVIII в. в Пучуане (пров. Чжэцзян).

В «Пучуань совэнь цзи» сообщается о мастерских, куда отдавали варить и отбеливать купленные шелковые ткани. «Каждая мастерская по отбеливанию имела несколько наемных работников. Назывались они ляншоу (71). Одни варили, другие отстирывали, третьи отбеливали на солнце, четвертые сушили ткань над огнем» [138, III, 91 б].

Мастерские, в небольших размерах применявшие наемный труд, встречались и в других отраслях производства.

В Жунцяне (пров. Гуанси) в конце XVII — начале XVIII в. было более сотни мастерских по производству бумаги, в каждой из них насчитывалось около десяти работников [26, III, 27]. Несомненно, что какая-то часть из этих десяти работников была взята со стороны, и не в ученики, а в работники, так как процесс производства бумаги был весьма несложным.

В «Миньго Фошань чжунъи сянь чжи» также упоминаются мастерские-цзя по обработке цветных металлов, серебра и золота, изготовлению проволоки [66, III, 13—15]. И в этом же источнике указывается, что в Минское время «были большие и малые (разрядка наша.— Э. С.) мастерские-цзя по обработке меди и изготовлению медных изделий» [66, VI, 146].

Таким образом, и в красильном производстве и в обработке меди за термином «цзя» или «сыцзя» скрывалась, на наш взгляд, уже не просто мастерская одной семьи, как это должно бы следовать из самого термина, а предприятия более значительных размеров, в ограниченных масштабах использовавшие наемных работников.

В то же время словом «цзя», очевидно, продолжали называться и более мелкие мастерские, обслуживавшиеся членами одной семьи — иначе трудно объяснить выделение больших и малых цзя.

В процессе дифференциации ремесленников и выделения более крупных мастерских, по-видимому, не сразу появлялись новые термины для определения новых явлений: мастерская с десятком работников все еще называлась словом «цзя», а разорившегося ткача, работавшего по

найму, продолжали называть «цзиху» (72) (хозяином станка); этим термином его именуют и исторические источники.

Чрезвычайно интересно проследить, как отражен в документах и сочинениях современников процесс дифференциации ремесленников и рост размеров мастерских.

В фарфоровом производстве конца XVII — начала XVIII в. отчетливо прослеживается деление на мелких, средних и крупных хозяев.

Хозяева крупных предприятий в цзиндэчжэньском фарфоровом производстве появились уже во второй половине XVI в. Это были собственники нескольких печей, обслуживавшихся исключительно наемным трудом. Под их контролем находилось множество мелких производителей, не имевших своих собственных печей для обжига фарфора. «Цзиндэчжэнь таолу» называет первых терминами «дапэй яоху» (73), что значит «хозяева печей, обжигающих фарфор» [132, III, 16], или «цзюйху» (74) — «большими хозяевами» [132, VIII, 26].

Средние хозяева были собственниками небольшой мастерской или печи, где они обжигали свой собственный фарфор, иногда (особенно в летний сезон) нанимая двух-трех работников.

«Цзиндэчжэнь таолу» обозначает таких средних хозяев термином «шаолунь яоху» («хозяева печей, целиком обжигающие [свой фарфор]») [132, III, 16].

Третьей группой были «сяоху» (75) — мелкие хозяева, представлявшие собой мелких производителей (главным образом лепщиков, формовщиков, живописцев), работавших в своих домашних мастерских. Как правило, они не имели своих печей и обжигали фарфор в чужих за соответствующую плату; в лучшем случае несколько сяоху на паевых началах строили одну печь.

Показательно, что в Исинском керамическом производстве дифференциация в среде мелких производителей происходила в тех же формах.

Различные категории хозяев в Исине обозначались терминами «даху» (76) (крупный хозяин), «чжунху» (77) (средний хозяин), «сяоху» (мелкий хозяин) [233].

Индивидуальные мастера, входившие в цехи, лепили изделия на дому, а потом продавали их хозяевам печей. Исинские печи были так велики, что хозяева крупнейших предприятий (даху) имели одну-две печи и нанимали 25—40 работников. Термином «чжунху» обозначались пять-шесть хозяев, имевших на паях одну печь. Что же касается сяоху, то несколько десятков дворов строили коллективно одну печь [233] или обжигали сосуды в печах даху.

Вероятно, разделение на сяоху, чжунху и даху произошло в Исине позднее, чем в Цзиндэчжэне, не ранее конца XVII — начала XVIII в., потому что в «Янсянь мин таолу» упоминаются просто хозяева печей и мастерских (чжужэнь) (78) без разделения их на категории [151, 121—123].

Дальше всего дифференциация цеховых ремесленников зашла в ткацком производстве, особенно в шелкоткацком, где мы встречаем особенную пестроту в организации ремесла — от мастерской индивидуального производителя до мастерской мануфактурного типа с детальным разделением труда.

В конце XVI в. в шелкоткачестве существовало уже деление на хозяев мастерских — даху и наемных ткачей — сяоху.

В Сучжоу «даху» живут за счет того, что имеют станки, на которых ведут производство, а сяоху живут за счет того, что ткut для других. Каждое утро сяоху, сто с лишним человек, собираются у храма Сюань-

мяогуань. Можно слышать, как даху призывают людей на работу: за работу каждый день выдают деньги, на которые и кормятся сяоху. Если же станки у даху хоть один день не работают, тогда они оказываются беспомощными. Если же сяоху в какой-то день не найдут себе хозяина, то остаются голодными. И те и другие проводят жизнь, полагаясь друг на друга» [156, 4], — сообщает писатель минского времени Цзян И-хуа, автор «Записок в местности Ситай».

Как видно из приведенного текста, в конце XVI в. в Сучжоу уже существовали ткацкие мастерские, применявшие наемный труд.

Характерно, что терминология, употребляемая автором «Записок...», не вполне отражает отношения, сложившиеся в ткачестве. Разорившегося, не имеющего своих средств производства ткача автор по-прежнему называет сяоху (мелким хозяином), хотя в действительности процесс дифференциации превратил уже бывшего хозяина станка в наемного работника.

В источниках же XVIII в. упоминания о хозяевах больших мастерских и найме работников в Сучжоу, Ханчжоу, Наньцзине встречаются очень часто.

«В Наньцзине из 10 домов 9 являются богачами, имеющими ткацкие мастерские (цзифан) (79)» [154, VIII, 106].

«Сильные дома нанимают ткачей, а бедные ткнут сами» [93, XXV, 156].

Все ткачи, входившие в конце XVII и в XVIII в. в казенные списки гуаньцзи, делились на «ху» (хозяев) и «гун» (работников): были чжиху (81) (ткачи-хозяева), жаньху (80) (хозяева-красильщики), цзигун (82) и чжигун (83) (ткачи-работники), жаньгун (84) (красильщики-работники), чуайгун (85) (лощильщики-работники).

Цзигун, как правило, представлял собой ткача без станка: либо разорившегося цзиху, либо молодого подмастерья, прошедшего курс обучения, но еще не имевшего своих орудий производства.

Термином «цзиху» обозначались, как правило, ткачи, имевшие свои орудия производства (хотя иногда это название сохранялось и за разорившимся ткачом). Число станков у цзиху могло быть различно — от одного до нескольких десятков. В зависимости от этого он выступал то как наемный ткач, то как хозяин мастерской²¹.

Имущественная дифференциация в среде цеховых ремесленников происходила и в других отраслях ремесла, хотя, может быть, в меньшей степени, чем в ткацком и фарфоровом производстве.

В «Даогуан Гуандун тунчжи» сообщается о частных печах XVIII в., изготовлявших железные котлы, сельскохозяйственные орудия и т. п. общим весом в десятки тысяч цзиней [24, CLXVII, 12].

В «Юнчжэн Цзянси тунчжи» говорится о крупных частных бумажных мастерских цаофан (86) и их хозяевах чжиху (87) [86, XXVII, 78].

Сотни таких мастерских в XVIII в. были также в Шэньси, Гуанси и других провинциях [165, XIV, 7—8].

В Сычуани в конце XVII в. в сахароварении были частные мастерские с наемным трудом [32, VI, 31—32; 37, I, 29]. Процессы, происходившие в ремесле рассматриваемого периода (имущественное расслоение, возникновение филиальных организаций в других местах, применение наемного труда и т. д.), получили отражение и в цеховой терминологии. Попытаемся рассмотреть термины, которыми обознача-

²¹ Особенно четко прослеживается этот процесс в Сучжоу: в источниках XVIII — начала XIX в. термин «цзиху» обозначает не только хозяина ремесленной мастерской, но включает в себя и самые различные другие понятия — от мануфактуриста до наемного ткача [см.: 10, № 1—26; 55, VII, 1].

ются члены цехов в уставах второй половины XVIII — начала XIX в. В отличие от обычных для европейского цеха терминов — мастер, подмастерье и ученик — терминология китайских уставов весьма пестра: мы находим около 20 терминов, обозначающих самые различные категории людей — членов цеха или лиц, вступавших с цехом в непосредственные экономические отношения.

В уставах употребляются следующие термины: чжу (88), чжужэнь (хозяин) [22; 115, т. I, 180] (Чунцин и другие города); лаобань (89) (подрядчик) [20] (Чунцин); пуху (хозяин лавки) [84; 115, т. I, 188] (уезд Цзяннин); гунцзян (мастер, работник) [10, № 10] (Сучжоу); ши (90) (учитель, мастер) [21] (Чунцин); ю (91) (товарищ, помощник) [20] (Чунцин); пэнью (92) (помощник, компаньон) [записано со слов старых сучжоуских мастеров]; шоуи (93) (владеющий мастерством) [20; 115, т. I, 188] (Чунцин и другие города); сюэту, сюэтуди (94) (ученик) (термин встречается почти во всех уставах); саньгун (95) (наемный работник) (устав фошаньских керамических мастерских, Гуанчжоуский архив); саньцзян (96) (наемный работник) [10, № 10]; саньшу (97) («третий дядя» — наемный ткач) (сучжоуский шелковый хан; термин местный, в других источниках и других шелковых производствах не встречается); гугун (98) (наемный работник) [18; 115, т. I, 189] (Чунцин и другие города); цзянтоу (99) (глава мастеров) [10, № 40] (Сучжоу); хантоу (100) (глава хана) [132; 42, XXI, 70] (Цзиндэчжэнь, Сучжоу); яху (101) (маклер, хозяин лавки) [10, № 7] (Сучжоу); цзинци (102) (маклер) [20] (Чунцин); туди (103) (ученик) [115, т. I, 188; 10, № 40] (Сучжоу и другие города); юнгун (104) (наемный работник) [115, т. I, 188; 10, № 40]; гунжэнь (105) (работник) [115, т. I, 181; 107, III, 49] (Чанша, уезд Шуньдэ) и др.

При анализе этих терминов мы обязательно должны принимать во внимание тот факт, что подобное многообразие является в некоторой степени результатом диалектальности — происхождения терминов из различных районов страны.

В уставах разных провинций ученик, например, обозначается терминами «сюэту», «туди», «сюэтуди».

В цеховых уставах встречается термин «чжу», «чжужэнь» (хозяин) [22; 115, т. I, 190]. Им обозначался обычно хозяин, имевший мастерскую, по размерам превосходившую предприятие обычного цехового мастера, с наемными работниками или большим числом учеников; меняльную лавку или торговое дело. Таким образом, термин весьма широк и объединяет различные понятия.

Очень часто в источниках встречается термин «ху» (106) (двор, хозяйство) с обязательным указанием вида собственности: «луху» (107), «яоху» (108)²² — собственник печи; «цзиху» — собственник станка; «жаньху», «чжиху» — собственники красильной или бумажной мастерской, «пуху» — хозяин лавки, и т. п.

Эти термины, так же как «чжужэнь», обозначают категории людей, неоднородные по составу. Иногда яоху, цзиху, пуху близки по своему положению к цеховому мастеру классического европейского цеха: они ведут работу силами своего семейства или имеют одного-двух подмастерьев и учеников. Однако теми же терминами назывались нередко и хозяева предприятий, нанимавшие работников или раздававшие работу в другие семьи.

Основной производитель, квалифицированный мастер в цеховых документах именуется «гунцзян» [20], «цзян» [21] (мастер, ремесленник),

²² Встречается во всех описаниях фарфорового производства XVII—XVIII вв.

«шоуи» [20; 115, т. I, 188] (владеющий мастерством), «ши» [21] (мастер, учитель).

Под термином «ши» преимущественно подразумевается мастер, имевший учеников или работавший с подмастерьем.

Это видно из чунцинских уставов, где термин «ши» употребляется в статьях об ученичестве или вместе с термином «ю» (товарищ, помощник).

Термин «гунцзян» наиболее употребителен и также обозначал категории людей, неодинаковые по своему экономическому положению: это могли быть и ремесленник, работавший в одиночку, и ремесленник, не имевший своих орудий производства и становившийся компаньоном другого мастера, и просто наемный работник.

В сложной структуре цеховых организаций довольно трудно четко охарактеризовать такую фигуру, как подмастерье. В некоторых уставах подмастерья называются просто «бан» (помощник) [115, т. I, 188—189].

Во всех чунцинских уставах почти каждая статья начинается со слов «и ши ю». Очевидно, термины «ши» и «ю» обозначают мастера и подмастерья; слова эти следует переводить: «мастера и подмастерья установили». Лишь в уставе лавок Чанша, изготовлявших и продававших благовония (конец XVIII в.), мы находим два пункта, определявшие положение подмастерьев.

«Людям, не являющимся членами цеха, а также наемным работникам (гугун) не позволяется быть подмастерьями (банцзо) (109), а кто нарушит это правило, платит штраф в одно театральное представление»²³ [115, т. I, 189].

«Подмастерью не позволяется обучать учеников, а кто нарушит это правило, подвергается штрафу размером в одно театральное представление» [115, т. I, 189]²⁴.

Что требовалось для перехода из подмастерьев в мастера — определенная ли степень профессионального мастерства, денежный взнос в цех или кроме этого наличие своих орудий производства²⁵, — ответить пока трудно из-за почти полного отсутствия источников.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что цеховая терминология была не вполне дифференцирована: одним и тем же термином обозначали большой круг лиц, различных по своему имущественному положению. Это отражало недостаточно высокую степень дифференциации.

²³ Подобная система штрафов была обычной в китайских цехах: с виновного взимали штраф в сумме, необходимой для приглашения труппы актеров (чаще всего местной оперы) в один из ближайших праздников или торжественных празднеств данного цеха, а также заставляли виновного устраивать в эти дни за свой счет угощение для цеховых старшин или определенного количества членов цеха. Нам не известно точно, велика ли была эта сумма. Можно лишь предположить, что она была довольно значительна, так как труппу актеров приглашали в праздники на целый день, ставили им угощение, подносили вино.

²⁴ Последняя запись представляет значительный интерес. В уставе обычного средневекового цеха нет подобных статей, как не встречалось и случаев содержания учеников подмастерьями. Очевидно, в данном случае запрещение опиралось на практику содержания учеников подмастерьями было одним из проявлений разложения цеха, его внутренней дифференциации.

²⁵ Для выяснения положения подмастерьев значительный интерес представляет термин «пэнью» (близкий к чунцинскому «ю»), бытовавший в Сучжоу во второй половине XIX — начале XX в. Этим словом обозначался ткач-помощник, работавший на верху станка, на хуалоу. В пэнью обычно шли ремесленники, закончившие обучение, но не имевшие своего станка, или ткачи, утратившие свои орудия производства. Пэнью — неравноправный ткач, но это и не просто наемный работник. Он участвовал в работе на каких-то паевых началах. Можно предположить, что в более раннее время положение пэнью было близко к положению подмастерья.

Однако в текстах цеховых уставов мы встречаем термины, неизвестные европейскому цеховому ремеслу: подрядчик, наемный работник, маклер. В функции подрядчика входил наем мастеров, а также набор нецеховой и неквалифицированной рабочей силы в большие по размерам мастерские.

В уставе чунцинских красильщиков сообщается, что мастера и подмастерья (цзюи ши ю), хозяева лавок (пуху), подрядчики (лаобань) собираются на общее собрание у храма Юванмяо для обсуждения общих дел [20, § 2]. В этом же уставе говорится, что мастера и подмастерья при поступлении в мастерскую «цзя» должны договариваться с лаобанем о сроках [20, § 12].

Подрядчик — лаобань — фигура, свидетельствующая о внутренних изменениях в структуре цеха.

О появлении внутри цеха новых отношений говорят такие цеховые термины, как «яху» (маклер, хозяин меняльной лавки), «цзинцзи» (маклер); дифференциация внутри цеха происходила при активном участии ростовщиков.

Сочетание цехового строя с наемным трудом — одна из особенностей ремесла позднего средневековья. Обилие цеховых терминов для обозначения найма работников свидетельствует о новых явлениях в цеховой системе. «Саньгун», «саньцзян», «гугун», «юнгун» — вот термины, обозначающие наем в уставах второй половины XVIII — начала XIX в. А ведь эти уставы лишь фиксировали положение, складывавшееся на протяжении многих десятилетий.

Применение наемного труда в цеховых мастерских XVII — XVIII вв. наряду с трудом учеников и подмастерьев — явление столь же распространенное, как и цеховая организация «в чистом виде». Отношения найма проникали внутрь цехов. Цеховая дифференциация приводила к тому, что хозяева мастерских, входившие в цехи, нанимали на работу разорившихся ремесленников, подмастерьев, не имевших еще своих орудий производства, и т. д. Ремесленники лунбань и чжуцзо в те периоды, когда были свободны от выполнения повинностей, зарабатывали себе на жизнь мелкими поделками или нанимались на короткое время в цеховые мастерские [257, 47].

Сведения о найме работников в цеховые мастерские встречаются в уставах гуандунских пуговичников и чунцинских трепальщиков хлопка: «Пришлые мастера (кэши) (110) должны заключать соглашение на один год и не должны прекращать работу на полдороге. Если же кэши проработает больше, то нужно платить ему по числу прошедших месяцев, и после этого другие лавки могут нанимать его» [18, § 10].

«Работник обязан полностью выполнить работу. Хозяин обязан полностью выдать плату. Если работник совершил проступок, плата не выдается, и другим членам хана не разрешается вновь нанимать этого работника. Хозяева тоже не должны совершать проступки по отношению к работникам», — записано в уставе чунцинских трепальщиков хлопка [19, § 10].

Сведения о цеховых мастерских с наемной рабочей силой встречаются в документах многих крупных ремесленных центров: в уставах Чанша, например, неоднократно повторяются сообщения, что члены торгово-ремесленных ханов нанимают одного-двух мастеров [115, т. I, 190—192].

«Миньго Фошань чжунъи сянъ чжи» приводит сообщение минских географических описаний, где говорится, что особенно много народа в Минское время занималось производством головных уборов. «Каждая лавка (дянь) (111) нанимала мастеров (гу) или раздавала работу жен-

щинам на дом... Занимались этим 20 с лишним мастерских-цзя» [66, LI, 2].

В описании Чжэнцзэчжэня (XVIII в.) говорится, что «ремесленники, имеющие возможность, нанимают людей, а бедные работают сами» [94, I, 106].

«Каждый мастер мог в мастерской нанимать ткачей для работы», — сообщает о Сучжоу XVIII в. [55, LI, 2].

Иногда наем происходил внутри одного цеха, иногда это были отношения между восточными и западными цехами или между хуйгуанем, ханом или гунсо, с одной стороны, и работниками цихана данной отрасли или пришлыми внецеховыми мастерами (это делалось в обход уставов и преследовалось) — с другой.

Чрезвычайно интересен текст, вошедший в географические описания Сучжоу (начиная со второй половины XVII в.) и приводимый многими китайскими историками, участвовавшими в дискуссии о зарождении капиталистических элементов в экономике Китая.

«В восточной части города большинство народа занимается ткачеством. [Имена циху записаны в казенных реестрах (гуаньцзи)]... хозяева нанимают работников (гугун чжижэнь), подсчитывают дни и по-денно начисляют заработную плату. Каждый мастер (гунцзян) имеет постоянного хозяина, а те, которые не имеют, приходят рано утром и ждут на мосту Уминцяо. Ткачи атласа стоят на мосту Хуацяо, ткачи газа — на мосту Гуанхуасы. Есть еще люди, с помощью колеса скручивающие шелк. Называются они „мастерами у колес“ и стоят в квартале Ляньсифан. Всего толпа в сотни человек, съедают кашу и расходятся. На каждом мосту есть хантоу (глава хана), для того чтобы распределять работников. В настоящее время ткацкое управление (чжи цзао цзюй) (112) запретило хантоу» [42, XXI, 7; 110, X, 7а; 55, LI, 1] ²⁶.

Приведенный текст позволяет установить разделение по ханам, соответствовавшее уровню разделения труда в одной отрасли, а также дифференциацию внутри цехов: в одном и том же цехе находились и циху — наниматели — и гунцзян — работники, которые нанимались ими.

В тексте отчетливо прступает организация найма и оплаты: наем не был вполне свободным, он происходил под контролем главы цеха (хантоу). А это ставило мастера в зависимость от цеховой верхушки, не позволяло ему скрыть какую-то часть своего заработка от цехового обложения.

Цеховые уставы XVIII в. и другие, более ранние (XVII в.) документы употребляют несколько терминов для обозначения найма членов цехов и внецеховых работников: «чангун» (113) (долгая работа), «чаньянь» (114) (долгий год), упоминавшиеся выше саньцзян и саньгун.

Два первых термина употреблялись при найме на продолжительный срок; саньцзян и саньгун — при краткосрочном найме.

Материалы не позволяют полностью выяснить положение и той и другой категории работников. Между хозяином и работником (особенно при долгосрочном найме) заключался договор, где определялись сроки работы, ее условия и оплата ²⁷.

²⁶ Слова, взятые в квадратные скобки, приводятся только в самом позднем тексте — описании уезда У [55], а фраза, напечатанная вразрядку, — только в описаниях времени Канси и Цяньлуна [42; 110].

²⁷ Так, в уставе сапожников и шляпников г Чанша (начало XIX в.) записано: «Совместно установили, что если мастер в лавке нанят на долгое время (чаньянь), то в весенний и летний сезоны хозяин не может отказать мастеру от работы, а осенью и зимой мастер не может уйти с этой работы.

Если между ними случаются какие-то споры, то должны приглашать дежурных

Таким образом, в период позднего средневековья в цеховом ремесле под влиянием развития товарно-денежных отношений произошли существенные изменения. Эти изменения выражались в дифференциации ремесел, в дальнейшем отделении торговли от ремесла, в росте размеров мастерских, разорении мелких товаропроизводителей, увеличении масштабов применения наемного труда.

ЦЕХОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В китайском городе XVI—XVIII вв. господствующей экономической формой организации ремесленников был цеховой строй.

Упоминания о цехах-ханах и туанях встречаются уже в сунских²⁸, танских²⁹ и даже суйских источниках (начало VII в.) [246, 30].

В ранние периоды существования цехов у них не было писаных, строго фиксированных уставов: в практике цехов складывалось обычное право, существовавшее в виде устных, нигде не записанных правил. Поиски уставов в ранние периоды существования цеха, гипотезы о гибели ранних уставов во время войн и т. п. кажутся нам бесплодными. Писанные уставы стали возникать много позже — с конца XIV в., когда происходило возрождение цеховых организаций, получившее в источниках отражение в виде сообщений о возникновении цехов в Минское время [66, VI, 11a].

Но традиционная цеховая система не могла быть восстановлена в прежнем виде: под влиянием сдвигов в экономике происходила детализация цеховых уставов, появились организации нового типа (хуйгуани, баны, гунсо), возникли новые цехи, связанные с новыми отраслями ремесла и торговли.

Немногочисленные материалы, которыми располагает современный историк, не позволяют детально исследовать этот интереснейший процесс изменений в цеховом строе. Имеющиеся источники позволяют установить лишь то, что во второй половине XVI в. цеховой строй в китайских городах представлял собой весьма сложную и разветвленную систему, имевшую тенденцию к разложению.

Прежде всего необходимо отметить огромное число разного рода ремесленных организаций и их повсеместное распространение: в Сучжоу, например, было свыше 550 ханов и хуйгуаней³⁰. Сюй Да-лин приводит названия 34 пекинских ханов, оговариваясь при этом, что называет только самые главные отрасли (шелкоткацкий, прядильный, красиль-

по цеху (чжинянь), чтобы разбирать, а мастера не должны, воспользовавшись этим, прекращать работу и уходить в помощники в другую лавку.

Хозяин лавки тоже не должен, пользуясь этим предложением, отказывать от места мастеру. Если же они не будут уважать этого права, то штраф — 2 лян серебра» [115, т. I, 188].

Аналогичную запись мы находим в уставе красильщиков Аньхуа: «Работникам, нанятым в красильные мастерские, устанавливается плата на один год и не позволяется уходить с работы. Если же не доработают года, то не позволяется людям из этого цеха нанимать их» [115, т. I, 188].

²⁸ В трактате писателя XVII в. Мэн Юань-лао «Дунцзин мэнхуалу» [«Яркие сны в восточной столице» (Кайфыне)] есть такая запись: «Продавцы вина и пищи, мастера различных специальностей — все они имеют главу хана» [130, III, 22].

²⁹ Материалы о существовании ханов в Танское время приводятся в книге Цзюй Цин-юаня [275, 167—169].

³⁰ По данным китайских историков, подсчеты производились по уставам цеховых организаций, вошедших в «Сборник надписей...» [10], по другим письменным источникам, а также на основании обследования построек, принадлежавших цехам и хуйгуаням XIX, XVIII и даже XVII вв. и в большом числе сохранившихся в Сучжоу вплоть до 50-х годов нашего столетия.

ный, хлопковый ханы; хан вышивок, жемчуга и яшмы, яшмовых сосудов; ханы чая, соли, сладостей, вина, благовоний, лекарств; хан продовольствия, мукомольный хан; зонтов, вееров, мебели, железных и медных изделий, красок и др.) [257, 52]. В Пекине, особенно в районе Люличана, постройками хуйгуаней были заняты целые кварталы; появляется множество этих объединений в Наньцзине, Луане, Фошане [66, VI, 1—10], Чэнду, Чунцине ³¹.

На основании данных, собранных Пэн Цзэ-и в специальный свод и приведенных в первом томе «Материалов по истории кустарного производства в Китае в новое время» [115, т. I, 186—187], нами составлена таблица, в которой учтены 33 корпоративные постройки (главным образом хуйгуани) с указанием отрасли, времени и места возникновения, названий и назначения (в тех случаях, где это указано в китайском оригинале) (табл. 1).

Хотя эта таблица охватывает лишь несколько районов, однако и в ней насчитывается 19 отраслей ремесленного производства, имевших свои хуйгуани с храмами, постоянными дворами, помещениями для решения общих дел и т. д. Из 33 хуйгуаней, вошедших в табл. 1, 2 возникли в конце XVII — начале XVIII в., 13 — в середине XVIII в., остальные — в конце XVIII — начале XIX в. [115, т. I, 187].

Показательно, что во второй половине XVII — начале XVIII в. выросло число ремесленных цехов в основных отраслях ремесла (обработка металлов, шелкоткачество, производство орудий производства).

Из 200 различных цехов, существовавших с Минского времени в Фошане, свыше 20 были связаны только с производством тканей, 26 цехов заняты обработкой металлов и изготовлением различных орудий, 7 цехов вырабатывали бумагу и изделия из нее; появились цехи по производству ткацких станков. В остальных отраслях было не более чем по 2—3 цеха [64, III, 14; 66].

Цехи по своему положению не были равноправны: одни были богаче, другие бедней, одни пользовались большими правами, другие находились в подчиненном положении.

Различия между цехами зависели от отрасли ремесла и от уровня экономического развития местности, где этот цех находился.

В фарфоровом производстве самыми влиятельными считались ханы строителей печей, а также мастеров, загружавших печи, и бачжуанов [132, IV, 12a].

В этих цехах ценилось высокое мастерство, существовали строгая охрана секретов производства и высокая оплата труда. Доступ в них был чрезвычайно затруднен.

В шелкоткацком производстве цех ткачей и в особенности мастера, изготавливавшие тяохуа, находились в более привилегированном положении, чем красильщики или шелкокрутильщики. Это видно хотя бы из того, что среди мастеров шелкоткацкого производства, принимавших участие в волнениях городских низов в конце XVII — начале XVIII в., не встречается ни один мастер тяохуа [10, № 8, № 9].

Рост производительных сил, развитие товарно-денежных отношений, расширение рынка, имущественная дифференциация в среде цеховых ремесленников не могли не отразиться на характере цеховой организации в китайских городах. По словам К. Маркса, «привилегии,

³¹ Трудно сказать, каких организаций было в этот период больше — собственно ханов или хуйгуаней. В Исине, например, где основное население составляли местные ремесленники, работавшие главным образом на местном сырье, в Уси, где ткачество приходило в упадок и рынок перемещался в соседний Сучжоу, основным видом организации оставался хан.

Ремесленные корпорации и корпоративные постройки в XVIII — начале XIX в.

Отрасль ремесленного производства	Город, чжень	Время основания корпоративной постройки	Название	Назначение	Кем основана
Строительное дело	Пекин	—	хуйгуань — «Девять императоров»	—	столичные плотники и укладчики черепицы
	Хубэй, Ханькоу	годы правления Канси	хуйгуань — Палата Лю Бана	—	плотники, пришедшие из четырех местностей
	Хунань, Сянтань	—	хуйгуань — Храм Лю Бана	—	местные и пришедшие мастера, разделенные по двум корпорациям (хуй)
Поргняжное дело	Шанхай	1817	хуйгуань — Павильон Сюаньхуаньдянь	—	гунсо по изготовлению одежды
	Сычуань, Дацзу	—	хуйгуань — храм Сюань Хуаня	совершение молений	ткачи и портные
	Хунань, Чанша	годы правления Цяньлуна	хуйгуань — павильон Сюаньхуаньдянь	—	хан портных
Сапожное дело	Хунань, Чанша	1783	хуйгуань — Цяньюаньгун (Дворец Неба)	совместные моления хозяев лавок	союз (хуй) Суньцзу
	Хубэй, Ханькоу	годы правления Цяньлуна	хуйгуань — Палата Суньцзу	—	—
	Гуандун, Фошань	1743	Фулюйтан и Жулюйтан (Залы счастья и благополучия)	—	сапожники
Чулочное дело	Хубэй, Ханькоу	начало правления Цяньлуна	гунсо	—	союз (гунхуй) чулочников
Красильное дело	Сычуань, Дацзу	1791	хуйгуань — Эрсяньгун (Дворец двух святых)	совершение молений	мастера-красильщики
	Хунань, Чанша	—	хуйгуань — Цяньюаньгун	совместные моления и жертвоприношения	красильщики

Продолжение табл. 1

Отрасль ремесленного производства	Город, чжень	Время основания корпоративной постройки	Название	Назначение	Кем основана
Шелкомотальное дело	Хунань, Чанша Цзянсу, Усянь	1818 1834	цеховая постройка цзянинское гунсо	— —	шелкомотальный хан мастера, занятые размоткой шелка, совместно с ма- стерами, занятыми изго- товлением золотых нитей
	Цзянсу, Сучжоу Чжэцзян, Ханчжоу Цзянсу, Наньцзин	годы правления Канси годы правления Канси —	хуйгуань — Палата Шэнь- фан, обычно называе- мая храмом Цзуши Храм Цзишэньмяо (бога — покровителя ткачества) задний павильон храма Цзянгунмяо с изобра- жением женщины-тка- чихи и небесной девы Дворец Сюаньньюй (чистой девы); назывался также Цзишэньмяо (храм бога, покровителя ткачества)	совместные . моления совместные моления место молений ткачей место молений ткачей	ткачи и хозяева станков ткачи и хозяева станков — —
Шорное дело	Сычуань, Дацзу Хунань, Чанша	1812 годы правления Цяньлуна	цеховая постройка	обсуждение цеховых правил и общих дел	хозяева шорных лавок
Производство фарфора	Цзянси, Цзиндэ- чжень	годы правления Цзяцина	цеховая постройка сою- зов (хуй) Таочэн и Тао- цин	обсуждение общих дел	хозяева фарфоровых лавок из Лучанского и поян- ского банов
Производство изделий из железа	Хубэй, Ханькоу	1831	гунсо	место решения общих дел	восемь хозяев из союза (банхуй) мастеров, изго- товляющих изделия из разных металлов
	Гуандун, Фошань	1837	таоцзиньский хуйгуань	—	хань мастеров, занятых про- изводством изделий из зо- лота, меди, железа, олова

Продолжение табл. 1

Отрасль ремесленного производства	Город, чжень	Время основания корпоративной постройки	Название	Назначение	Кем основана
Литье из серебра	Хубэй, Ханькоу	годы правления Цяньлуна	хуйгуань — дворец цин	место совместных сборищ	бан мастеров, занятых литьем из серебра
Изготовление вина	Хунань, Чанша Гуандун, Фошань	годы правления Цяньлуна 1831	храм Дукан хуйгуань	— —	сахароваренные мастерские виноделы
Сахароварение	Хунань, Чанша	годы правления Цзяцзина	цеховая постройка	место совместных жертвоприношений	шаньхуанские сахароваренные мастерские
Обрушивание риса	Хунань, Чанша	годы правления Цяньлуна	Павильон Шэньчуна	—	рисоочистительные мастерские
Изготовление курительных принадлежностей	Хунань, Иян	годы правления Цяньлуна	хуйгуань — храм Лью-цзумаю	совместные моления	мастера по изготовлению курительных принадлежностей
Изготовление благовоний	Хунань, Чанша	годы правления Цзяцзина	хуйгуань — дворец Гэсяньгун	совместные моления	хозяева лавок, торговавших благовониями
Изготовление бумажных хлопущек	Хунань, Сянсян	1834	цеховая постройка	обсуждение общих дел	хан по изготовлению бумажных хлопущек
Вырезывание досок для печатания	Цзянсу, Усянь Хунань, Чанша	1739 годы правления Цяньлуна	гунсо цеховая постройка — мастерская	— для работы	мастера, вырезавшие иероглифы сообща построена резчики ками
Изготовление изделий из драгоценных камней	Цзянсу, Усянь	1820	гунсо		мастера, занятые обработкой драгоценных камней

учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшим состоянию общества, из которого эти учреждения вышли»³².

Особенности структуры цехового строя в китайских городах XVI—XVIII вв. нашли отражение, в частности, в терминологии: в китайском языке нет термина, совершенно адекватного западноевропейскому понятию «цех», поэтому нам придется анализировать несколько выступающих под разными наименованиями видов ремесленно-торговых организаций, каждая из которых содержит те или иные существенные признаки цеха.

Старейшей из таких организаций являлся хан. Он был наиболее близок к европейскому цеху, так как объединял в себе ремесленников одной профессии, живших преимущественно на территории одного города, чжэня или уездного центра. Но поскольку для китайского города, как и для других городов Востока, характерны были тесное соединение ремесла и торговли (причем торговля на рынке местном, региональном, где ремесленник являлся одновременно и продавцом своего товара), хан на протяжении всего средневековья представлял своего рода «цехогильдию». В деятельности члена этой «цехогильдии» объединялись функции хозяина мелкой мастерской и продавца произведенных изделий. Такая организация ремесла весьма напоминала ту западноевропейскую ее форму, при которой, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «промышленник был одновременно и купцом»³³.

Хан XVI в. отличался от цеховой организации более раннего времени.

Ханы и туани XI—XII вв. были связаны с определенной территорией в пределах города (торговый ряд на рынке, улице или в квартале), вступление в них было принудительным. Обязывая всех ремесленников вступать в цехи, феодальные власти использовали эти организации в качестве фискальных, как орудие контроля над ремесленниками, уподобляя их системе «баоцзя».

К XVI в. термин «хан» окончательно утратил свое территориальное значение; он стал обозначать социальную организацию, формировавшуюся по профессиональному признаку.

Сравнение нарративных источников XII и XVI вв. позволяет установить, что функции ханов стали более разнообразными — на основе обычного внутрицехового права возникла детальная регламентация ученичества, охрана цеховых секретов. Хань консолидировались как организации в борьбе с возрастающей конкуренцией других цехов и внецеховых ремесленников. Они вносили налоги, выполняли повинности; для открытия нового хана требовалось разрешение властей.

В указе второй половины XVII в. записано: «Снова упразднили яханы³⁴, основанные частными лицами... для установления яхана в торговле необходимо получить разрешение от казны» [114, XXXII, 5145].

Однако в XVII в. уже нет упоминаний о принудительном вступлении в хан — он становится самостоятельным организмом городского социума, утрачивает сходство с системой «баоцзя».

Попытки маньчжуров ликвидировать ханы и заменить их системой «баоцзя» успеха не имели [10, № 23].

³² Письмо К. Маркса П. В. Анненкову, Брюссель, 28 декабря 1846 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, 1948, т. II, стр. 424.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 23.

³⁴ Я хан (115) — объединение маклеров, комиссионеров, торговых посредников. Иногда термин употреблялся для обозначения торговых объединений.

Вместе с тем в условиях расширения рынка хан как узкая корпоративная организация уже не был способен осуществлять контроль над местным рынком. Превращение филиальных организаций хана в самостоятельные ячейки свидетельствовало о слабости центральных цеховых организаций: не обладая политическим влиянием в городах, они не могли воспрепятствовать возникновению новых параллельных организаций. Но одновременно оно являлось и доказательством устойчивости, живучести цеховых форм организации ремесленников. В каждом крупном городе сотни приезжих купцов вели торговлю независимо от ханов и вопреки им. Эти купцы были уже так сильны, что смогли противопоставить местным ханам свою организацию — хуйгуань.

Хуйгуань — постоянный двор, на котором останавливались купцы и ремесленники, прибывавшие из других местностей. Сначала выходцы из одной и даже двух-трех местностей группировались вокруг одного подворья, но со временем хуйгуанями стали называть территориально-земляческие филиальные организации цеховых ремесленников и торговцев одинаковой специальности, прибывших из одной местности.

По сообщению Г. Г. Авенариуса, в хуйгуань, в отличие от ханов, никогда не допускались местные уроженцы [177, 93].

Обычно хуйгуани присваивали себе либо имя бога-покровителя, либо название местности, откуда вышли их члены: например, хуйгуань гуандунских купцов в Цзиндэчжэне, хуйгуань строителей при храме Лю Бана в Чанша. Первые хуйгуани возникли, очевидно, на рубеже XVI—XVII вв. в центрах пересечения торговых путей, в городах с обширными рынками и скоплением ремесленников (Пекин, Сучжоу, Фошань, Цзиндэчжэнь, Ухань и др.).

«Установление хуйгуаней началось со столицы, а затем распространилось повсеместно; особенно много их основано в Учане [Сучжоу. — Э. С.]» — записано на сучжоуской стеле 1766 г. [10, № 15, № 24].

«Пекинские каменщики и плотники большей частью происходят из мест к востоку от столицы. Все они являются либо мастерами, либо учениками и образуют хуйгуани» — сообщает Цзы Чао-цзы [155, XXXIX, 32].

В «Цяньлун Фошань чжунъи сянъ чжи» сообщается об учреждении в городе хуйгуаней (1627 г.) [63, X, 41а — 426].

Таким образом, превращение хуйгуаня из подворья в самостоятельную земляческую организацию происходило постепенно и не ранее 20—30-х годов XVII в.

Для хуйгуаней (в отличие от ханов и банов) обязательно подворье, служившее складом для товаров, постоянным двором, местом собраний, поклонения божествам и пр.

Но роль подворья не только в этом. Феодалы города являлись на подворье, чтобы проверять приезжих купцов и ремесленников.

Как держатель земли под общественным зданием-подворьем хуйгуань был зарегистрирован властями, ответствен перед ними. Власти требовали, чтобы управляющие хуйгуанями избирались из числа наиболее надежных, давно проживающих в этом месте купцов [234, 363].

Параллельно с хуйгуанями возникали и другие земляческие торгово-ремесленные организации, называвшиеся бан. Банами считали себя союзы мастерских из других провинций: например, союзы мастеров, изготавливавших фарфор в Цзиндэчжэне, назывались банами дучанцев и поянцев, новыми и старыми банами (XVIII в.) [165, XXI, 30]; баном считали себя гуандунские пуговичники, обосновавшиеся в Чунцине [18], союзы шелкоторговцев из Наньцзина, Хуйнина (пров. Шаньси), действовавшие в Чжэцзяне [253, 82] и др.

Нам представляется, что бан был понятием более широким, чем хуйгуань; в баны объединялись не только торговцы, но и внецеховые работники более низких профессий, пришлые мастеровые, кули. Баны чаще были организациями ремесленными и ремесленно-торговыми, тогда как среди хуйгуаней было значительное число объединений купеческих, гильдийских [253, 82]. Однако возникшие наряду с ханами и, вследствие слабости последних, хуйгуани и баны все же конституировались как цехи: присваивали их функции, копировали уставы ханов, в документах называли себя ханами³⁵ — создавалась система земляческих цехов. Так, в надписи Умэньского храма союз шелкоткачей называет себя банханом [128, стела банхана].

Появление банов и хуйгуаней отражало процесс разложения цехового строя. Но процесс этот еще только зарождался. Новые организации возникли в противовес цеховому строю и феодальному ремеслу, но еще не способны были оформиться в объединения принципиально нового типа и конституировались снова как организации узкокорпоративные, скованные феодальными традициями и гнетом государства.

Эта внутренняя общность всех ремесленно-торговых организаций сказалась и в терминологии: в одном и том же уставе слова «хан», «бан» и «хуйгуань» часто употреблялись как равнозначные — в процессе изменений в цеховой системе еще не возникли устоявшиеся термины³⁶.

Дифференциация среди цеховых ремесленников некоторых наиболее экономически развитых городов (Сучжоу, Фошань) привела к созданию организаций хозяев и предпринимателей.

В Фошане, например, возникла система двойных цехов: «западных» (их постройки были расположены в западной части города) — объединения бедноты, непосредственных производителей — и «восточных» (занимавших богатые восточные торговые ряды) — объединения купцов, хозяев и подрядчиков; для «восточных» цехов членство людей, лично не участвовавших в производстве, было обычным явлением [66, I, 116]³⁷.

Выделилась прослойка людей, настолько богатых, что они сами не работали, а состояли в хане как хозяева мастерских. О разложении цехов свидетельствует, например, наличие подрядчиков-лаобаней и управляющих в больших мастерских-лавках. Очевидно, размеры производства тут были значительны и сам хозяин не справлялся с его организацией.

Устав лавок, изготовлявших и продававших ножи (1767 г.), гласит: «Если лавка имеет управляющего и отказывает ему в работе, то нужно подробно обсудить с ним все денежные счета, и только после этого он может уйти в другое место» [115, т. I, 188].

В процессе экономической дифференциации внутри ханов и хуйгуаней и выделения из них организаций хозяев появляется и специальный

³⁵ Это относится и к организациям городских низов — циханам (116) и сыханам (117), которые будут рассмотрены ниже.

³⁶ На это указывал еще Г. Г. Авенариус: «Землячества, цехи и гильдии до такой степени близки между собой по задачам своим, по внутренней своей организации, что не всегда можно определить, какие черты преобладают в данном объединении — земляческие или профессиональные» [177, 94].

³⁷ Согласно устной традиции, деление на «восточный» и «западный» цехи произошло при минском императоре Цзяцзине (1522—1567), однако пока нет возможности документально это подтвердить. Несомненна связь между терминами «дунхан» (118) — восточный цех, цех предпринимателей — и «дунханцзя» (119) (или «дунцзяхан») — хозяин, вкладчик капитала. Возможно, территориальное разделение внутри города на западную, бедную часть города, и восточную, богатую, дало название восточным цехам, а затем термины «дун», «дунцзя», «дунцзяхан» превратились в нарицательные для обозначения любого хозяина, богача, вкладчика капитала.

термин, обозначающий эти организации, «гунсо» (120) (букв. «общее или общественное присутственное место, или помещение»).

Термин «гунсо» первоначально употреблялся для обозначения места, где решались общие дела, или просто в значении «решать общие дела» в хуйгуане. Позднее гунсо стала называться одна из уездных организаций хуйгуаня³⁸.

Многие хуйгуани в конце XVIII — начале XIX в. были преобразованы в гунсо или же, оставаясь по названию хуйгуанями, превращались в гунсо³⁹.

В «Цзянсушэн Мин Цинилай бейкэцзыляо сюаньцзи» («Сборник избранных надписей с каменных stel, установленных в провинции Цзянсу в Минское и Цинское время») вошло более 300 различных документов о гунсо: уставы, записи цен, стелы, фиксирующие подавление борьбы наемных работников и др. Наиболее ранние из этих документов датированы началом XIX в. [10, № 66, № 69, № 289 и др.].

В Сучжоу из 162 цеховых организаций Минского и Цинского времени, зафиксированных исследователями к 1959 г. по письменным источникам и данным эпиграфики, 122 организации оказались гунсо, возникшими в конце XVIII — начале XIX в. [10].

Отличительной особенностью гунсо была их организация по профессиональному (а не территориальному, как хуйгуань) признаку и их ярко выраженный классовый характер: они защищали интересы предпринимателей, были численно небольшими. Гунсо можно определить как гильдии торговцев и предпринимателей, созданные по профессиональному признаку. Уставы их лаконичны, регламентация изделий, сроков ученичества, техники — не обязательна.

При открытии нового предприятия, при поступлении в ученики преобладали денежные обязательства. Все регламенты гунсо касались главным образом предпринимателей, определяли условия открытия частных мастерских и лавок; строгие правила вступления заменены в них двойными и тройными вступительными взносами⁴⁰. Гунсо защищали инте-

³⁸ В начале XIX в. сюаньчжоуский хуйгуань делился на несколько гунсо [10, № 383]. В улиньском хуйгуане были три различных гунсо [см.: 246, 25].

³⁹ Лю Юн-чэн приводит данные о преобразовании сяньсийского хуйгуаня в гунсо по производству бумаги, а дунъюйского хуйгуаня — в гунсо по производству свечей. Динчжоуский и сюаньчжоуский хуйгуани, хотя и не изменились по названию, фактически превратились в гунсо хозяев бумажных мастерских и предпринимателей по производству курительных принадлежностей [246, 25]. Сун Бо-ин пишет, что в конце XVIII в. в результате разложения сучжоуского хана по производству парчи юньцзинь возникло гунсо [см.: 253, 79]. Сучжоуские старые рабочие рассказывают, что в конце XIX в. в производстве парчи были уже три различных гунсо: для предпринимателей [дашу (121), т. е. «старший дядя»]; для подрядчиков и богатых мастеров [эршу (122), т. е. «второй дядя»] и для наемных рабочих (санышу, т. е. «третий дядя») (записано автором в 1959 г.).

⁴⁰ В нашей книге не дается анализа уставов гунсо, так как все имевшиеся в нашем распоряжении (их свыше десяти) датированы XIX в. и хронологически выходят за рамки темы.

Из имеющихся уставов видно, что гунсо были немногочисленными и все их регламенты, как правило, очень короткие — шесть-семь пунктов, определяющих условия открытия предприятий, ежегодные отчисления в гунсо, установление договоров с компаньонами. В уставе по обработке дерева говорится, например: «Если все члены и компаньоны имеют большие дела, касающиеся устава, нужно собирать гунсо и обсуждать» (ст. 2). «Если люди из другого хана открывают дело, то нужно сначала внести согласно уставу хана 4 лян 8 цянй. Если пришедшие из других мест компаньоны (хою) открывают дело, — взнос 4 лян 8 цянй» (ст. 4).

«Если кто-то, не сделав взноса, самолично откроет дело, согласно уставу увеличить взнос до 9 лян» (ст. 8).

«[Тому], кто вновь становится хозяином мастерской [кай цзоху], нужно получать разрешение от хана на открытие предприятия» (ст. 9). Устав подписан 63 хозяевами [10, № 66, 107—109].

ресы предпринимателей не столько от конкурентов, сколько от собственных работников. Однако и гунсо конституировались по типу цехов — называли себя в уставах ханами, хуйгуанями, заимствовали некоторые их функции: взаимопомощи, религиозные и др.

В эпиграфических памятниках пров. Цзянсу (XVII—XVIII вв.), отражающих волнения мастеровых, неоднократно встречаются термины «цихан» — хан сообщников и «сыхан» — тайный или частный хан [10, № 7, № 23]. Различий между этими терминами по существу нет.

В XVII в. в некоторых крупных городах (Наньцзин, Сучжоу, Ханчжоу) количество свободных рабочих рук намного превышало спрос — создавалась резервная рабочая сила. В городах обитали бродячие мелкие торговцы и мастеровые; бедные ремесленники, не имевшие своих орудий производства и жившие случайными поденными заработками; не занятые в производстве работники; разнорабочие, занимавшиеся всякой подсобной работой; грузчики, разносчики, кули.

Эта часть городского населения не входила ни в один из признанных властями цехов. Выступая с требованием повышения заработной платы, выдачи ее полноценной монетой, мастеровые боролись за право создания своих собственных союзов — циханов и сыханов, в противовес цехам, признанным государством.

Цихан отличался от союза немецких подмастерьев, например, тем, что включал людей не из цеха, а со стороны. Однако все это были люди одной специальности, организованные по типу феодального цеха.

В эпиграфических документах XVII—XVIII вв. содержится множество сведений о том, что городские низы вели ожесточенную борьбу за создание своих собственных организаций [10, № 3, № 7, № 9, № 23, № 24, № 25].

Хозяева мастерских и богатые купцы вместе с феодальными властями неоднократно устанавливали стелы со строгими запрещениями; именно из этих запретов мы узнаем о движении за создание циханов и сыханов.

В стеле, установленной в 1677 г., было записано: «Запрещается бродягам, мелким служащим и другим людям устраивать беспорядки и основывать сыхан» [10, № 7].

Из надписи 1693 г. видно, что в Сучжоу существовал цихан лошильщиков и красильщиков, члены которого требовали повышения платы за окраску и лощение тканей, уничтожали правительственные указы и объявления [10, № 23].

Из стелы 1715 г. мы узнаём о том, что некое объединение лошильщиков (источник называет их бродягами, принадлежащими к одной группировке) собирало деньги для постройки собственного хуйгуаня и тайно хотело купить участок земли [10, № 25]. Подобные примеры (весьма многочисленные в источниках) раскрывают явление чрезвычайно любопытное, свидетельствующее об устойчивости цеховой структуры.

Создавая в борьбе с хозяевами тайные, запретные союзы (циханы, сыханы), мастеровые имитировали уставы узаконенных ханов, хуйгуаней, банов, невольно копируя тип той самой организации, которой они пытались противостоять.

Незрелость и непоследовательность борьбы городских низов выразилась в том, что они не могли еще выдвинуть своих собственных требований и форм организации; бессознательно повторяли типы объединений, сложившиеся в феодальном обществе, строя свою организацию как традиционный феодальный цех и земляческий союз.

Появление нескольких типов цеховых организаций, возникновение цехов хозяев и объединений городской бедноты, существование найма

рабочей силы и подрядчиков внутри цеховой системы позволяет говорить о начале разложения цехового строя в китайских городах. Но этот процесс был прерван в 40-х годах XVII в. маньчжурским вторжением. Только в конце XVII в. началось возрождение китайских городов, ремесел, торговых путей, но этот процесс проходил уже в условиях жесточайшего экономического гнета со стороны цинских феодалов.

К концу XVII в. началось и постепенное возрождение цеховых организаций, происходившее в чрезвычайно сложных условиях.

Продолжались внутренняя дифференциация, разложение цеха, начавшиеся в XVI в. Но реставрация цехового строя в Цинское время происходила в условиях сокращения внутреннего рынка, ограничения и даже полного прекращения внешнеторговых связей. Свертывание товарно-денежных отношений, рецидивы натурального хозяйства порождали затруднение в сбыте ремесленных изделий, рост конкуренции среди ремесленников и стремление ограничить ее с помощью жесткой цеховой регламентации.

Кроме объективных условий на реставрацию цехового строя оказывала влияние и политика феодального цинского правительства, заключавшаяся в искусственном разобщении районов и областей Китая, консервации старых производственных отношений, принудительном насаждении разных видов цеховых и земляческих организаций в торговле и ремесле с целью прикрепить горожан к определенному месту и обеспечить постоянный контроль над ними.

Поэтому в цеховых уставах и документах XVIII в. отчетливо прослеживаются две тенденции: в каждом цеховом статуте XVIII в. встречаются элементы, свидетельствующие о разложении цеха, его внутреннем перерождении, и признаки консервации старых, феодальных форм организации.

УСТАВЫ ЦЕХОВ

Уставы и регламенты цехов, безусловно, могли бы дать больше всего сведений для изучения эволюции цехового строя. В официальной и частной средневековой литературе есть упоминания о том, что в XI—XVI вв. существовали цеховые регламенты. Однако ни в известных нам сборниках документов, ни в работах китайских и европейских исследователей не приводится ни одного текста ранних уставов. Поэтому исследователь оказывается в положении гораздо более трудном, чем историк европейского средневекового города.

Пытаясь объяснить отсутствие писаных цеховых уставов, некоторые историки КНР высказывали предположение, что большинство записанных цеховых статутот и каменных стел с вырезанными на них уставами погибло или было уничтожено в результате многочисленных войн и восстаний. Нам эти гипотезы представляются лишеными оснований. Если такое предположение и правомерно для севера, то вряд ли юг, не подвергавшийся разрушительным нашествиям, не сохранил хотя бы нескольких стел, если они действительно существовали.

По нашему мнению, вплоть до конца XVII в. цехи функционировали на основе обычного цехового права, нигде не записанного. Письменные уставы возникли много позже, с появлением признаков разложения цеха. Повсеместная запись цеховых статутот в конце XVII в., установление каменных стел с записями цен, цеховых постановлений и объявлений — это выражение стремления сохранить, законсервировать ранее существовавшие внутри цеха отношения.

Вряд ли сами цехи были инициаторами установки каменных стел и надписей в храмах: очевидно, феодальные власти в целях предотвращения самостоятельности цехов вынуждали их записывать свои регламенты, чтобы проводить политику ограничения ремесла и принуждения ремесленников, опираясь на писанные документы самих цехов.

Первоначально некоторые уставы существовали в виде временных регламентов, и только во второй половине XVIII — начале XIX в. были высечены на камнях или вырезаны на деревянных пластинах уже с учетом изменений, происшедших в цехах. Указания об этом мы находим в текстах уставов.

В уставе объединения хозяев мельниц и мастерских, обрушивающих зерно (Чанша, начальные годы правления Гуансюя), записано: «Хотя прежние поколения и имели уставы, в настоящее время они устарели и трудно избежать злоупотреблений. Начиная с 4-го года Цяньлуна в соответствии с приказами высших властей совместно установили новые уставы» [115, т. I, 183].

В уставе сахароварен тоже сообщается, что уставы мастерских были составлены во время правления Цяньлуна [115, т. I, 183].

Таким образом, современный исследователь китайского цеха пока не имеет достаточно данных для того, чтобы проследить весь процесс изменений в структуре цехов на протяжении XVI—XVIII вв. В нашей работе дается лишь анализ цеховых документов (всего их около 30) позднего периода: наиболее ранние из них записаны не раньше начала XVIII в. (уставы ремесленников Чанша); другие датированы концом XVIII — началом XIX в.

В эту группу документов входят уставы г. Чанша, включенные Пэн Цзэ-и в «Материалы по истории кустарного производства Китая в новое время» [115, т. I, 179—188], четыре устава чунцинских цехов (конец XVIII — начало XIX в.) [18; 19; 20; 21] и тексты стел, найденных в пров. Цзянсу, вошедшие в «Сборник избранных надписей с каменных стел, установленных в провинции Цзянсу в Минское и Цинское время», среди которых есть уставы гунсо и хуйгуаней, записи цен, сообщения о подавлении восстаний ремесленников.

Первая и существенная составная часть цеховых уставов — ограничительная политика цехов, борьба против конкуренции, за право полного распоряжения местным рынком, а в уставах хуйгуаней — борьба против другой группы пришлых купцов или ремесленников, за установление своего экономического влияния в данной местности, на данном рынке.

Важнейшее место во всех уставах занимали статьи о членстве в цехе или хуйгуане. Несмотря на разнообразие деталей, они в основном одинаковы: заниматься данным видом ремесла или торговли разрешалось только членам цеха и под его контролем⁴¹. Цех строго наказывал своих членов за предпринимательство, скрытое от цеховых старшин, и всячески препятствовал деятельности лиц, не входивших в данный цех, но занимавшихся тем же видом деятельности.

В цех обычно вступал глава семьи, но ремеслом могла заниматься вся семья. После смерти главы семьи права члена цеха передавались по наследству, иногда, в случае особенно строгой охраны цеховых секретов, только старшему сыну (например, в производстве наньцзинской парчи юньцзинь, в резьбе по слоновой кости в Гуанчжоу и др.).

Для вступления в цех необходимо было сделать денежный взнос. Взнос бывшего ремесленника или купца был значительно больше, чем

⁴¹ Г. Г. Авенариус ошибочно утверждает, что в китайских цехах никогда не было запрещений лицам, не входящим в цех, заниматься ремеслом [178, 57].

местного (в два — шесть раз); иногда кроме денежных взносов мастер должен был принести жертвы божествам, устроить на свои деньги угощение для старшин (или для всех членов цеха) или пригласить актеров и устроить театральное представление.

Чтобы начать свое собственное дело, недостаточно было просто являться членом цеха, — для этого требовались дополнительные взносы в цеховую казну. «Чтобы открыть вновь дело — лавку (пу) (124), нужно внести управляющим 30 лян серебра, устроить представление и угощение в один зал. Если дело открывает не член хана — то вдвое больше», — записано в уставе гуандунских пуговичников [18, 4, 5]. «Открывающий вновь мастерскую (цзофан) должен внести управляющим 10 лян, а если это не член хана, тогда вдвое больше» [18].

В статутах цехов Чанша (пров. Хунань), записанных в годы правления Цяньлуна, вступительные взносы при открытии мастерских и лавок пришлыми людьми составляли от 6—8 до 16 лян серебра [115, т. I, 183—186].

Хотя некоторые корпорации сохраняли свой торгово-ремесленный характер, в их уставах уже отражался процесс разграничения ремесла и торговли: ремесленникам запрещалось (полностью или частично) вести торговлю произведенными изделиями.

«Чтобы торговать, мастера и подмастерья должны вносить в цех 1 тыс. взней». «Тем мастерам и подмастерьям, которые выходят торговать, запрещается потом быть ремесленниками» [20, ст. 5; 18, ст. 6; 19, ст. 5].

Запретительная политика цехов сказывалась и в том, что они не разрешали своим членам торговую деятельность помимо цеха. Ремесленник не мог взять заказ или купить сырье на стороне, минуя цеховые власти.

Анализ цеховых уставов XVIII в. показывает, что в это время цеховая система уже не охватывала всего городского ремесла и торговли: в городах существовали предприниматели и хозяева, не являвшиеся членами цеха, но вступавшие с цехом в экономические отношения. Это были, без сомнения, люди богатые, владельцы мастерских или хозяева торговых дел. Цех больше не мог включать их в свою орбиту и заботился только о том, чтобы сохранить над ними хотя бы частичный контроль или иметь какие-то денежные выгоды.

В уставах цехов Чанша мы встречаем сведения о том, что члены цеха при открытии новой лавки или мастерской вступали в пай с нецеховыми ремесленниками, цех же только взимал с них денежные взносы (как правило, большие, чем при открытии лавки членом цеха) [Устав цеха по изготовлению одежды, 115, т. I, 198].

«Кто вступает в компаньоны с нечленом хана, вносит денег вдвое больше» — говорилось в уставе гуандунских пуговичников, работавших в Чунцине [18, ст. 8].

Интересно, что и у пуговичников и у красильщиков поводом к пересмотру устава послужило появление группы «ту» (здесь — мошенников. — Э. С.); прикрываясь чужими именами, ту тайно вели торговлю или промысел и не входили в цехи.

Целью пересмотра цеховых уставов и было либо усиление запретов на внецеховую деятельность, либо ее частичное допущение при условии значительных денежных взносов в пользу цеха.

Пересмотр уставов — признак реставрации цехового строя при Цинах, его организационного укрепления. И в то же время включение в цеховые уставы такого рода записей — признак разложения цеховой системы. Если цех начал бороться с такими явлениями, значит, они не

были случайными, единичными; чтобы бороться с ними, цеховой верхушке нужны были специальные регламенты.

Частью запретительной политики цеха являлась охрана торговых привилегий городских ремесленников от конкуренции сельских. В уставах того же города Чанша были статьи, запрещающие торговлю людям, не состоявшим членами цеха, и торговлю цеховых мастеров изделиями, добытыми на стороне [115, т. I, 196, устав лавок, изготавливающих и продающих ножи].

Однако даже в Чанша, городе значительно менее развитом в XVIII в., чем Сучжоу, Гуанчжоу, Наньцзин, цех уже не мог противостоять расширению торговли, не мог удержать за собой право абсолютного контроля над рынком, и вместо запретов торговать появляются ограничения торговли, денежные взносы в цехи и т. д. [115, т. I, 196].

Если же говорить о таких городах, как Сучжоу, Ханчжоу, Наньцзин, Сунцзян, Хучжоу, Фучжоу, то там, по-видимому, цех постепенно терял право контроля над городским рынком. Все описания этих городов, относящиеся к XVII—XVIII вв., полны сведениями о том, что жители окрестных сел ежедневно приносят на городские рынки огромное количество хлопчатобумажной пряжи, шелка-сырца и готовых некрашенных тканей [см.: 144, 707; 81, 76; 161, 9; 113, разд. 6, т. 115, гл. DCLXXVI, 246 и др.].

Значительное число статей цеховых уставов посвящено определению статута ремесленника, утверждению и закреплению равных условий в работе и положении членов цеха ради предотвращения конкуренции.

Цеховыми уставами определялось число свободных дней. Работать в праздники запрещалось. Цех строго следил за тем, чтобы мастер не изготовил изделий больше установленного цехом количества.

«В нашем цехе мастеров очень много, и нужно строго наблюдать и не позволять никому в одиночку работать быстрее остальных» — записано в уставе мастерских, изготавливавших и продававших курительные принадлежности [115, т. I, 188].

«В течение дня можно изготавливать ремесленную продукцию одного дня и нельзя изготавливать продукцию двух дней. Никто из членов хана не имеет права подменять других людей. Если же найдутся люди, которые будут нарушать порядок, то необходимо всем вместе обсудить это и подвергнуть наказанию», — гласит устав чунцинских красильщиков [20, ст. 7].

В цеховых уставах г. Чанша [115, т. I, 195] встречаются ограничения, касавшиеся открытия лавок и мастерских и их числа. Так, по уставам лавок, изготавливавших ножи (1767 г.), и лавок, делавших весы, разрешалось открывать новую лавку на расстоянии 7—8 или 10 домов одна от другой.

В уставе лавок, изготавливающих роговые изделия, записано, что нельзя открывать новую лавку справа, слева и напротив уже открытой (начало XIX в.).

В уставе лавок, торговавших углем и черепицей, говорится, что на одной улице может быть только одна лавка; обучившиеся и ставшие мастерами ремесленники имели право открыть только одну лавку. Если же они воспользуются чужим именем для открытия нового дела, их следовало подвергать наказанию [115, т. I, 195].

Были ограничения, касавшиеся сырья и готовой продукции. Так, чунцинским трепальщикам хлопка разрешалось работать либо только со старым, либо с новым хлопком [19, ст. 1]. Во всех мастерских были определены продажные и закупочные цены, единые разновесы [19, ст. 3].

Особенно тщательно регламентировалась оплата мастеров: устанавливалась точная плата за разные виды изделий и точное количество еды для мастеров, для подмастерьев и учеников; размер чаевых, выдававшихся по праздникам, и т. д.

В записи на сучжоуской стеле, установленной в 1735 г., сообщалось, что оплата сучжоуских ткачей производилась поштучно и в зависимости от качества продукции. Раз в год выдавались дополнительные деньги «на вино» — всего 1 цянй на ткача [10, № 3].

В Сучжоу и в Чунцине, например, были найдены специально установленные стелы, где точно фиксировалась сумма платы за определенные виды работы. За работу устанавливались цены в соответствии со степенью ее сложности⁴².

Особенность китайских цехов позднего средневековья — почти полное отсутствие в их уставах статей, направленных против новых изобретений, точно устанавливавших формы и виды готовых изделий или требовавших от ученика представления шедевра⁴³.

Одна из причин очень высокого развития китайских ремесел с их замечательным искусством, разнообразием видов и форм заключается в том, что цех не отнимал у мастера возможности создать нечто новое. В уставах китайских цехов нет и статей, регламентировавших технику, устанавливавших формы и виды орудий производства. В этом смысле китайский цех не являлся серьезным препятствием в совершенствовании техники и технологии производства.

Особенно большое место в уставах занимали статьи, связанные с ученичеством. Это, пожалуй, самая обширная и наиболее тщательно разработанная часть уставов. Тут запретительная политика цехов выступала особенно ясно.

Почти во всех документах ученик обозначался термином «сюэту», «ту» (за исключением уставов г. Чанша, где для этого употреблялись термины «туди» или «сюэтуди»). Уставы определяли численность учеников, сроки обучения, взносы в цех за право быть учеником. Чем сложнее ремесло, тем продолжительней были сроки обучения, чем богаче цех и доходней дело, тем больше сумма вступительного взноса.

В уставе чунцинского цеха, изготавливавшего и продававшего курительные принадлежности, в уставе кукольников Уси совсем нет статей об ученичестве и термина «ту», так как для начала работы вовсе не требовалось проходить курс обучения. При поступлении ученика в цех кожевников вступительный взнос был невелик, так как обучение продолжалось всего один год [253, 18]. В уставе чунцинских красильщиков говорится, что одна семья могла иметь только одного ученика. За нарушение этого правила подвергали штрафу в размере одного театрального представления и десяти столов угощения [20, 10].

Продолжительным был срок обучения в сучжоуских ткацких цехах. Если мастер брал ученика из числа людей посторонних, не имевших родственных отношений с членами цеха, то вступительный взнос повы-

⁴² В тексте стелы в Чунцине (1802 г.) записаны размеры оплаты за разные виды работ в ткацком производстве. За изготовление тяхуа — 9 лян 6 цяней, за хуэйлин (содержание работы неясно. — Э. С.) — 9 лян 6 цяней, за тяжелый шелк — 8 лян, за крупный шелк — 6 лян 4 цянй, за средний шелк — 4 лян 8 цяней, за повязки на голову — 4 лян 8 цяней, за крупный шелк «чоу» — 2 лян 8 цяней, за мелкий шелк «чоу» — 2 лян 4 цянй [22].

⁴³ В «Сборнике материалов по истории кустарного производства...» специальный раздел посвящен регламентации видов и качества изделий. Однако в одном из приведенных в нем трех текстов записано требование хорошо красить ткани и не делать брака. В другом — указан вес пачек курительных принадлежностей, предназначенных для транспортировки [115, т. I, 195]. Вряд ли на основании этих примеров можно сделать вывод о существовании в китайских цехах строгой регламентации.

шался (иногда вдвое) (устав сапожников и шляпников, Чанша, начало XIX в.) [115, т. I, 181].

Характерной особенностью уставов позднего времени были имущественные ограничения при наборе учеников. В шелковом производстве Чэнду ученика мог держать хозяин, имевший не менее четырех станков. При восьми станках можно было иметь двух учеников. При трех станках держать учеников не разрешалось⁴⁴.

В производстве восковой бумаги в Сучжоу правила были еще более строги: мелкие мастерские были поставлены в такие условия, что мастера десяток с лишним лет не могли никого взять к себе в обучение. В уставе цеха говорится: «Каждый человек, занятый в ремесле, каждый месяц вносит 50 вэней. После того как внесет 13 тыс. вэней, ему позволяется иметь учеников, но не позволяется вносить денег больше установленной суммы и не позволяется, чтобы вместо него (мастера) вносил деньги хозяин. В результате мастерские, которые имеют всего одного-двух мастеров, должны вносить деньги и только после этого могут приглашать учеников» [17].

Условия ученичества были чрезвычайно тяжелыми.

В шелкоткацком производстве Чэнду в ученики поступали дети 12—13 лет. При этом составлялся договор, где был указан срок обучения. Учились 4—6 лет. Первые полгода ученики обслуживали хозяина. В год они получали 16 медных цяней. Ученик не мог никуда уйти до истечения срока; во время болезни хозяина он должен был ухаживать за ним; после окончания учения полгода работать без оплаты. Для постижения более сложных узоров требовались еще два года работы за половинную плату⁴⁵.

В уставе гуандунских пуговичников записано: «Ученик обязан быть у хозяина четыре года. Если не добудет до конца срока хоть один день, не считается окончившим» [18, ст. 11].

Одной из специфических особенностей китайского цеха был порядок вступления в цех после окончания срока ученичества. Если европейский цех требовал от кандидата представления шедевра, то в китайском цехе позднего средневековья требовался только денежный взнос, правда, в таких размерах, что ученик часто не мог его внести [20, ст. 3].

По уставу чунцинских красильщиков после окончания учебы ученик обязан был внести в цех 2 лян: откладывать внесение платы не позволялось [20, ст. 10].

Определить реальную стоимость этого взноса довольно трудно. По-видимому, в XVIII в. он был равен месячной оплате квалифицированного мастера⁴⁶.

С запретительной политикой цехов, с их узкой корпоративностью связана и охрана цеховых секретов, порожденная все той же боязнью конкуренции, стремлением держать в своих руках местный рынок.

Некоторые китайские ученые считают, что в XVII—XIX вв. шел процесс рассекречивания искусства и техники не только отдельных мастеров, но целых цехов и групп [237, 6].

Вряд ли можно согласиться с таким категорическим утверждением. Если этот процесс и шел, то крайне медленно и главным образом в тех отраслях, где обладание секретами ремесла не предоставляло особых преимуществ. В Наньцзине, например, секреты производства парчи

⁴⁴ Записано автором со слов старых потомственных ремесленников в 1959 г.

⁴⁵ Записано автором со слов потомственных ремесленников в 1959 г.

⁴⁶ [См.: 115, т. I, 180—181]. В начале XIX в. вступительные взносы ученика иногда вдвое превышали месячную оплату мастера (в то время в Чанша взнос составлял 2 тыс. вэней, а месячная оплата мастеров — 800—1200 вэней) [см. 115, т. I, 189—190].

охранялись до создания КНР. Мастера, изготавливавшие тяхуа, не имели даже своего цеха, а работали каждый в одиночку, чтобы лучше сохранить свои ремесленные тайны.

С подобным же явлением мы встречаемся и в цзиндэжэньском фарфоровом производстве. Искусство кладки печей было там одним из самых сложных. Оно сосредоточилось в руках немногих семей, строго охранялось и передавалось по наследству. В «Фулянсянь чжи» приводится рассказ Тан Иня: «В Цзиндэжэне жил некий Вэй, хорошо владевший кладкой печей. Он сосредоточил эту работу в своих руках и хранил секрет учителя. Так было без изменений с Юань и Мин и до настоящего (Цин) времени. Поэтому только работники, занятые приготовлением глины и песка, не были постоянными, строительство же и ремонт печей находились в специальных руках, и посторонних к этой работе не допускали» [236, 10].

То же семейство Вэй упоминается в «Цзиндэжэнь таолу» и «Цзянси тунчжи». Лань Пу приводит отрывок из не дошедшей до нас книги «Юйчжан дашуцзи», свидетельствующий об охране секрета кладки печей: «Печи „сюаньяо“ дают прекрасный фарфор. Среди них было несколько особенно хороших. Однако люди чаще всего разрушали или срывали их, но не хотели передавать секрет по наследству» [132, III, 136].

Ремесленные секреты скрывали не только от однотипных чужих цехов (близких по ремеслу, одинаковых, но расположенных в другой местности и т. д.), но и от своих ближайших соседей, мастеров того же цеха.

В книге Фань Дуань-яна «Аочжун цзяньвэнь» [«О виденном и слышанном в Ао (Гуандуне)»] говорится: «Вельвет ткут и стригут одновременно. Этот способ строго секретен. Среди ткачей Гуанчжоу не более десяти умеют делать эту работу» [152, XXIII, 23].

В гуанчжоуском цехе резчиков по слоновой кости семейство Вэнь сто с лишним лет назад изобрело многослойный резной шар и четыре поколения передавали это искусство по наследству⁴⁷.

Именно охраной цеховых секретов объяснялось столь долгое сохранение тайны китайского фарфора.

Столь же тщательно охранялись секреты производства знаменитых исинских чайников из «каменной массы»: местонахождение глины различных оттенков, способы формовки и обжига.

Сложность положения цехов в феодальном городе заключалась в том, что, с одной стороны, цех противостоял феодальным властям, охраняя права своих членов, но, с другой, одновременно существовал в рамках феодального государственного организма, находился под контролем и юрисдикцией этих властей. Эта органическая, заложенная внутри цеха двойственность была присуща и китайской корпоративной организации.

Только степень вмешательства государства в цеховые дела была значительно сильнее в Китае, чем в средневековой Европе, а в цинский период сильнее, чем при Минах. Поэтому для китайского цеха характерны крайне узкие судебные функции и строгие принудительные меры. Цех не имел юридических прав в городе. Его юрисдикция распространялась только на сугубо внутренние дела; за более серьезные проступки цех должен был передавать виновного феодальным властям округа или уезда для расследования и наказания. В этом смысле права китайского

⁴⁷ Записано автором со слов старых мастеров в гуанчжоуской косторезной мастерской в 1959 г.

цеха были, пожалуй, более ограничены, чем права любого европейского цеха. Видимо, именно соображениями самозащиты объясняется то обстоятельство, что мастера даже за незначительные проступки подвергались высоким денежным штрафам, а за более серьезные — и изгнанию из цеха с потерей права на дальнейшее занятие данным ремеслом.

Может быть, именно отсутствие юридических прав было причиной и стимулом значительного развития внутрицеховых функций: административных, религиозных, функций взаимопомощи, благотворительности. Самозащита и взаимопомощь особенно усилились в гунсо и «восточных цехах», защищавших себя от посягательств и выступлений цеховых низов и внецеховой бедноты⁴⁸.

Все цеховые мероприятия, а в больших цехах и содержание некоторого административного аппарата, осуществлялось за счет денежных средств, собиравшихся с членов цеха (включая регулярные отчисления, всевозможные денежные штрафы, вступительные взносы, взносы при открытии новых мастерских и лавок и т. д.). Эти сборы были источником бесконечных злоупотреблений цеховой верхушки.

На обязанности цеховой администрации лежала забота о цеховых помещениях, складах товаров, а там, где члены цеха жили все вместе (в Цзиндэчжэне, например), и о жилищах.

Эта деятельность особенно развилась в земляческих организациях (хуйгуанях и банах), которые возникали на территории областей и провинций. Записи о хуйгуанях всегда содержат сведения о постройках новых помещений, ремонте, покупке земли для постройки общественных зданий и т. д.

Цех проводил общие празднества, жертвоприношения, театральные представления, на нем лежала забота о больных и престарелых членах, похороны и т. д.

В помещениях цехов, хуйгуаней и гунсо были установлены изображения божеств, покровительствовавших данному ремеслу: Конфуция, Лю Бана, Небесной девы-ткачихи, Хуандаопо и др. (см. табл. 1).

В местах, где были сосредоточены богатые цеховые организации, нередко строились храмы в честь покровителей ремесел. Храмы были местом сборищ в дни празднеств и местом собраний членов цеха для решения общих дел. Так, в Сунцзяне, например, был построен храм в честь Хуандаопо. В уставе каждого цеха содержались статьи, касавшиеся религиозных культов и празднеств цеха.

Гуандунские луговичники записали: «Совместно установили, что после смерти пришедших мастеров, не являющихся членами нашего цеха, цех должен выделять 1 тыс. вэней для устройства жертвоприношений и похорон... Совместно установили, что, когда происходят праздники — во 2-й месяц, и в 5-й месяц, и в период Юланьхуй (10 июля.— Э. С.), — цех должен готовить вино, яства и одежду и приносить жертвы умершим мастерам и подмастерьям цеха» [18, статьи 12, 13].

Чунцинские красильщики «сообща постановили, что во время принесения жертв божествам в храме нашего союза („хуй“) нужно молиться в тишине и покое; запрещается во время богослужения шуметь, вести непристойные разговоры, угощаться вином и бесчинствовать, а кто будет нарушать это, взимать 1 лян серебром в пользу союза» [20, ст. 13].

⁴⁸ Г. Г. Авенариус, исследуя цехо-гильдии начала XX в. и основываясь на том, что некоторые гильдии предпринимателей обладали значительными защитными функциями, приходит к неправильному, на наш взгляд, выводу, что все китайские цехи во все времена пользовались большими политическими и юридическими правами, что «ни городской, ни правительственной опеки над цехами в Китае не существовало» [178, 53].

Весьма важная задача для исследователя — выяснение отношений цеха с местными властями и государством.

Феодалный город неизменно связан с типом феодализма, существующим в данном регионе, и особенностью китайского позднесредневекового города была его подчиненность централизованному деспотическому государству, прочность вертикальных связей — соподчинения города, городских организаций, местных феодальных властей высшим феодальным инстанциям.

А это определило такую особенность города, как отсутствие городского права. Китайское феодальное законодательство, вообще не выделявшее города в противовес деревне, фиксировало только обязанности подданных и наказания за их невыполнение⁴⁹.

Устойчивость и прочность вертикальных связей были причиной слабости связей горизонтальных, корпоративных, связей между отдельными ячейками феодального города — цехами и гильдиями. Сильная политическая власть феодального правительства препятствовала развитию цеховой автономии, ограничивала цеховую юрисдикцию. Феодальное правительство через местные власти облагало цехи налогами, присваивая часть цеховых прибылей [10, № 7], через цехи распределялись трудовые повинности на казну и императорский двор [33, XXXII, 1a]. Политика ограничения цехов сказывалась и в том, что именно феодальным властям принадлежало право утверждения цен на ремесленную продукцию и размеров оплаты мастеров. Иногда власти навязывали свои установления цехам, несмотря на сопротивление цеховых низов [10, № 23]. Нередко плата мастерам устанавливалась цеховой верхушкой совместно с местными властями или с их ведома, как это было в начале XVIII в. в сучжоуских бумажных мастерских [10, № 39].

Были и другие средства отчуждения движимой собственности горожан. Власти через цех взимали арендную плату за землю, на которой были расположены лавки и мастерские [115, т. I, 186]. Тяжелым бременем ложилась на цехи закупка товаров местными властями по заниженным ценам. Нередко ханы и хуйгуани становились жертвами открытого произвола феодальных властей. Так, в Сучжоу в 1765 г. местные чиновники захватили помещение хуйгуаня, построенное союзом ханчжоуских купцов, под свои квартиры и не возвращали его долгое время, несмотря на протесты купцов [10, № 15]. Каждая мастерская находилась под строгим надзором. При проверках лавок и мастерских, проводившихся цеховыми старшинами, неизменно присутствовали представители феодальной администрации. Политика цинских властей по отношению к ремеслу и торговле определялась формулами «цянбэнь ивэй» («усиливать ствол, ограничивать ветви») и «оуминь жунун» («заставлять народ идти в сельское хозяйство») [246, 28], которые представляли собой не что иное, как продолжение и интерпретацию традиционной доктрины «земледелие — ствол, торговля, ремесло — ветви»⁵⁰.

Известно, что цинское правительство использовало, например, политическую власть и даже военную силу, чтобы ограничить частную добычу полезных ископаемых [249, 29—60].

Власти стремились затормозить возникновение новых цехов. Сучжоуские хозяева лощильных мастерских, например, с середины XVII до конца XVIII в. вели непрерывную борьбу за установление собственного хуйгуаня. Такую же борьбу пришлось вести до начала XIX в. ханчжоуским купцам [246, 28]. Кроме того, правительство часто принуждало

⁴⁹ Подробнее об этом см.: [217a.]

⁵⁰ Подробнее об этом см. работу З. Г. Лапиной [192].

ремесленников заниматься только определенными ремеслами, например ткачеством. Именно под влиянием сопротивления купцов и ремесленников правительство было вынуждено уже с конца XVII в. проводить политику «жань минь цзы кай» («позволить народу самому вести разработку»); оно обязало местных чиновников собирать купцов для добычи полезных ископаемых, сделав, таким образом, уступки развитию частной инициативы в ремесле [12].

Отношения между властями и цехами, давление со стороны феодальных властей не везде были одинаковыми. По-видимому, в конце XVII и в XVIII в. самыми свободными в Китае были гуанчжоуские цехи — там были особенно сильны «восточные» привилегированные цехи и купеческие объединения [271].

Противодействуя в целом развитию цехов, цинские власти в то же время неизменно выступали союзником цеховой верхушки в борьбе против низших слоев цеха и внецеховых ремесленников; так складывался своеобразный союз, основанный на том, что государство пользовалось цехом в интересах своей фискальной политики, а цеховая верхушка искала у властей защиты от выступлений эксплуатируемых ею мастеров. Свидетельства такого союза содержатся в многочисленных надписях на стелах. Этот союз обусловил, с одной стороны, внутреннюю слабость цеха, его неспособность к самостоятельным политическим выступлениям, а с другой — его продолжительное существование не только в рассматриваемый период, но, с известными модификациями, и после «опиумных» войн и вторжения иностранного капитала вплоть до середины XX в. Политическая слабость китайских цехов, землячеств и других подобных объединений сделала их впоследствии очень удобной формой эксплуатации наемного рабочего на капиталистических предприятиях полуфеодального, полуколониального Китая самыми отсталыми, кабальными, феодальными методами.

Внутреннее развитие китайского феодального города определялось взаимодействием двух сил: феодальной государственной организации и социальных организаций города (ханов, хуйгуаней, гунсо). Позиции государства в городе были весьма сильны как в административной сфере, так и в экономической. Века государственного вмешательства, постоянный произвол чиновников, насильственное отчуждение движимой собственности приводили к тому, что в городе не было свободы предпринимательства. Равнодействующая этого процесса была такова, что китайский город так и не высвободился из-под феодального пресса, в нем не сложилось условий для появления городских институтов и правовых норм.

Глава 3

КАЗЕННОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В китайском феодальном городе кроме цехового ремесла существовало еще казенное ремесленное производство, предназначенное для удовлетворения потребностей господствующего класса. Казенные мастерские, как правило, возникали в тех местах, где действовали печи или мастерские, созданные по частной инициативе; правительство подчиняло их и эксплуатировало. Организация казенных мастерских носила феодальный характер — они были основаны на труде зависимых ремесленников гунцзян, выполнявших трудовую повинность.

В середине XVI в. в казенном ремесленном производстве Китая насчитывалось семь основных отраслей: строительное дело (строительство императорского города, дворцов, ворот и т. п.); выплавка металлов, литье монеты; производство военного снаряжения и оружия; ткачество; керамическое производство, производство кирпича, черепицы, извести; кораблестроение (постройка и ремонт кораблей и лодок); производство жертвенных сосудов, предметов религиозного культа и пр.

Существовали также казенные промыслы — добыча соли и полезных ископаемых, ловля жемчуга и некоторые другие.

Казенное производство было сосредоточено в обеих столицах, крупных ремесленных центрах, местах добычи полезных ископаемых и ценного сырья: в Пекине и Наньцзине, Сучжоу, Ханчжоу и Цзиндэчжэне. В Цзуньхуа (Хэбэй, к северо-востоку от Пекина) действовали казенные печи по выплавке железа и железоделательные мастерские, на берегах Янцзы и на морском побережье — многочисленные государственные верфи.

Размеры казенного производства были огромны.

Сотни мастерских обслуживали армию, которая в Минское время насчитывала 1200 тыс.— 1500 тыс. человек [290, 43]. На казенных верфях строились императорские суда — военные, торговые, рыболовные, для борьбы с разбойниками, для перевозки продовольствия. Императорский флот состоял из кораблей парусных, весельных, с лошадиной тягой и многочисленных лодок разной величины. Только для перевозки продовольствия ежегодно нужно было более 12 тыс. лодок [290, 45].

Огромное число ремесленников работали для удовлетворения личных потребностей императора. За один только 1606 г. ремесленники соткали 16 тыс. кусков атласа для одежды императора и 9600 кусков

для одежды императрицы [290, 44]. В 1542 г. было изготовлено 39 тыс. ритуальных и жертвенных сосудов. При бракосочетании императора использовалось одновременно 5626 таких сосудов.

Система руководства казенным производством была разработана в Минское время. Она предусматривала, что все казенное производство находилось в ведении различных ведомств и управлений¹: гунбу (ведомство работ, одно из шести центральных ведомств Китая); нэйфу уцзяньцзюй (одно из дворцовых управлений); хубу (ведомство финансов); дусывэйсо (военное управление); дифан гуаньфу (местные управления).

В эту систему были включены учреждения для контроля и наказаний.

В функции ведомства работ (гунбу) входило, например, следующее: строительство дворцов, стен, храмов, императорских колесниц; управление мастерами, записанными в списки отбывающих повинность; обеспечение и доставка в столицу строительных материалов; распределение преступников на строительные работы.

Ведомство делилось на несколько отделов—сы, имевших различные функции. Некоторые виды работ были разделены между гунбу Пекина и Наньцзина.

Нэйфу управляло той частью казенного производства, которая обслуживала потребности императора и императорской фамилии. Это была специальная область производства со своими тайнами, особой техникой и т. д., имевшая особые мастерские и мануфактуры. Во главе нэйфу стояли тайцзяни и высшие чиновники, принадлежавшие к 24 ямыням.

Ведомство финансов обеспечивало казенное производство требующимся сырьем. Ему подчинялись управления соледобычей, десятью государственными хранилищами и некоторые другие управления.

В ведении военного управления находилось производство оружия и военного снаряжения.

Некоторые виды казенного производства подчинялись местным канцеляриям и управлениям.

В XVI—XVII вв. управление казенным производством представляло собой сложную, разветвленную, громоздкую систему, длительное время неподвижную, что обуславливало огромные непроизводительные расходы.

Основной рабочей силой в казенном производстве и на транспортировке готовых изделий были зависимые ремесленники (гунцзян), выполнявшие повинности лунбань и чжуцзо.

Сырье для казенного ремесленного производства поступало в результате взимания с крестьян налога сырьем (тугун) (125); путем выполнения крестьянами трудовой повинности по добыче и доставке ремесленного сырья; путем принудительного изъятия сырья у населения и производства сырья лицами, отбывавшими воинскую повинность как наказание.

Денежные средства казенное производство получало из государственной казны, от таможен, от специального налога с прибыли купцов и торговцев.

Казенное производство середины XVI—начала XVII в. в значительной степени исследовано современным китайским историком Чэнь Ши-ци. Что же касается последующего периода (с середины XVII в.), то он еще недостаточно изучен в современной исторической литературе. Между тем в это время в казенном производстве происходили важней-

¹ Организационная структура казенного производства приводится по: [290, 42—43].

шие изменения, являвшиеся следствием развития товарно-денежных отношений и складывания единого рынка.

Наиболее полно отражены в источниках XVII—XVIII вв. шелкоткацкое и фарфоровое производства², поэтому процессы, происходившие в казенном ремесле XVI—XVIII вв., будут рассмотрены на примере этих двух отраслей.

ФАРФОРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В конце XIV в. в Цзиндэчжэне были построены казенные мастерские по производству фарфора и создано специальное управление мастерских.

Рабочую силу для казенных мастерских обеспечивало специальное учреждение — цяньху; кроме того, в каждом из 13 ли области Жаочжоу, на территории которой находился Цзиндэчжэнь, установлено было по четыре должности чиновников (фу, бао, цзун, юэ). Эти чиновники должны были следить за отправкой работников в Цзиндэчжэнь и каждые полгода производить проверку населения, приписанного к цяньху, чтобы «охранять порядок и выявлять разбойников»³ [86, VIII, 14a].

Инспекторы фарфоровых мастерских имели обычно высокие чиновничьи звания и состояли на должности в дворцовом управлении нэйфу или в ведомстве работ.

В Минское время (и при первых цинских императорах) казенные мастерские существовали за счет средств, присылаемых из столицы.

Продукция, производимая в фарфоровых мастерских, направлялась в дворцовые управления Пекина и Наньцзина. Некоторая ее часть не доходила до столиц и попадала в руки управляющих чиновников; они тайком переправляли ее приезжим купцам и маклерам. Казнокрадство в Цзиндэчжэне принимало нередко катастрофические размеры, несмотря на ежегодное инспектирование и отчетность управляющих: чиновники набирали неполный контингент рабочих, вносили в списки вымышленные фамилии, а деньги присваивали.

«Среди чиновников есть и нерадивые, которые вымогают у народа деньги, посылают подложные отчеты о своей работе, а в действительности дела у них идут плохо, а они посылают императору доносы на других людей», — сообщается в «Цзянси тунчжи» [86, XXVII, 136]. В целях борьбы с казнокрадством в 1523 г. был издан указ, вводивший ежегодную смену чиновников и дополнительную должность наблюдателя — тунпаня [86, XXVII, 136].

В географических описаниях приводятся многочисленные факты смещения или заключения в тюрьму чиновников из казенного управления после проверки их деятельности.

В период маньчжурского нашествия цзиндэчжэньские мастерские подверглись почти полному уничтожению: печи были разрушены, мастера перебиты, постройки сгорели.

Сразу же после установления Цинской династии императорский двор попытался восстановить разрушенное производство. Указом императора Шуньчжи (1644—1661) было создано казенное управление по производству фарфора, на которое возлагалось обеспечение императорского двора фарфоровыми изделиями.

² Такое внимание именно к этим производствам объяснялось в значительной степени тем, что шелкоткацкие и фарфоровые мастерские более тесно, чем другие отрасли, были связаны с обслуживанием персоны императора.

³ Словом «разбойники» (цзэй, фэй) китайские официальные историографы называли участников крестьянских и городских волнений.

Однако в первые десятилетия эти попытки успеха не имели. Только с 80-х годов XVII в. началось активное восстановление фарфорового производства⁴.

Следует указать, однако, что при первом же знакомстве с литературой о цинском казенном производстве мы встречаемся с серьезным противоречием.

Во всей европейской и советской литературе при описании цинского казенного производства говорится о больших казенных мануфактурах [см., например, 189, 44—46; 304, 73—74], о большом числе мастеров, работавших в казенных мастерских, о разделении труда, о печах, построенных будто бы при инспекторах Тан Ине, Цан Ин-сюане и Нань Си-ло и названных их именами, даются ссылки на «Цзиндэчжэнь таолу», «Таошо», «Фулянсянь чжи» и т. д.

Однако ознакомление с топографическими планами Цзиндэчжэня, приводимыми в тех же сочинениях, и исторической топографией города показывает, что на огороженной стеной территории, которую принято считать местом расположения казенных мастерских, печей не было, как не было их и за стенами этого внутреннего города. За стенами располагалось лишь казенное управление с ямынями, помещением для солдат, жилыми домами, храмом, тюрьмой, складами для самого ценного сырья (глазури, краски) и несколькими мастерскими, где, по-видимому, производились наиболее сложные работы по формовке и росписи изделий, изготовлялись опытные и пробные образцы.

В действительности, в цинское время казенные мастерские так и не были восстановлены в том виде, в каком они существовали в период Мин.

Казенных печей и мастерских почти не было. Основная работа по производству казенного фарфора держалась на эксплуатации частных печей и мастерских казенным фарфоровым управлением. Именно эти частные печи описаны в «Цзиндэчжэнь таолу», «Таошо» и других сочинениях как производства казенные. Это ввело в заблуждение некоторых исследователей, изучавших организацию фарфорового производства.

Эксплуатация частных печей казенным управлением подтверждается многими письменными источниками. Ча Чжэнь-син пишет: «Когда встречаешься с казенным производством, видишь, что мастера на казенных печах часто передают свою продукцию частным печам для обжига, поэтому частные печи не в состоянии сделать работу в нужный срок» [91, XXVII, 16—17].

В «Цзиндэчжэнь таолу» говорится, что были люди, специально наблюдавшие за тем, чтобы владельцы частных печей исправно вносили фарфор в казенное управление [132, III, 2a]. Из Цзиндэчжэня по реке направлялись необожженные сосуды, которые обжигались в местечке Паньцзятун в печах семейства Паней, а затем возвращались обратно в Цзиндэчжэнь [132, IV, 13a].

Можно предположить, что здесь идет речь об обжиге сосудов казенного управления в печах частных предпринимателей. Наше предположение подтверждается и более поздними источниками. В «Фулянсянь чжи» приводятся сведения о том, как сосуды для рыб, предназначенные для императорского двора, были переданы для изготовления на частные печи [65, VIII, 76]. Во главе казенного управления в цинское время стоял главный инспектор (гуаньчацзунши), а большая часть средств

⁴ В европейской литературе период с 80-х годов XVII в. до середины XVIII в. считается полосой расцвета фарфорового производства, получившей название «блестящего века» фарфора.

поступала из доходов Цзюцзянской и Хуайхэской таможен и Жаочжоуского налогового управления [«Цзунгуань нэйуфу сянсин цэли», I, 25; «Гуансуй Дацин хуйдяньшили» (МСХС). Оба источника цит. по: 115, т. I, 105].

Суммы, затрачивавшиеся на производство фарфора, были огромны. В 1800 г. только с Цзюцзянской таможни было получено 7 тыс. лян серебра для нужд фарфорового производства («Цзунгуань нэйуфу...», I, 25—26) [цит. по: 115, т. I, 105].

Такие большие затраты объяснялись тем, что в Цзиндэчжэне по-прежнему, а может быть еще в большей степени, процветало казнокрадство, ибо новая система организации производства открывала для этого и более широкие возможности.

Самое существенное в изучении вопроса о казенном ремесле — его экономическая и социальная организация.

Сложность технологического процесса определила и довольно сложную экономическую структуру производства, так как создание подлинных произведений искусства требовало высококвалифицированных мастеров. Этим мастерам нельзя было часто менять или набирать произвольно. А такие работы, как добыча и первоначальная обработка сырья, транспортировка и т. д., требовали труда элементарно простого, людей без специального обучения. Таким образом, в фарфоровом производстве резко выступала разница между трудом квалифицированным и неквалифицированным.

В XV—XVII вв. в казенных мастерских были заняты три категории работников⁵.

Высококвалифицированные мастера, занятые формовкой, росписью изделий, обжигом, строительством печей, приготовлением красок (они обозначались обычно термином «цзян» с указанием специальности).

Работники, занятые на подсобной работе в мастерских: приготовлении и переноске массы, просушивании, переноске и упаковке изделий, заготовке топлива и т. д. Они обозначались термином «шангунфу» (126), т. е. подсобные работники более высокой категории.

Работники, занятые добычей глины и фарфорового камня и транспортировкой их в Цзиндэчжэнь. Источники называют их «шатуфу» (127), т. е. подсобные работники по добыче массы и камня.

Рассмотрим в отдельности каждую из этих категорий и ее эволюцию на протяжении изучаемого времени.

Сложные работы в казенных мастерских выполнялись цеховыми ремесленниками (цзян) по системе трудовых повинностей. Однако отработка происходила не поодиночке, а целыми цехами (ханами). В «Даогуан Фулянсянь чжи» приводится, например, такой текст: «В 6-й год Ваньли (1579) тунчжи из управления казенным производством по фамилии Цзян Цзянь увидел, что военные мастера чрезвычайно изнурены, и обратился с просьбой оказать им помощь. Тогда решили прекратить созывать ханы, и до 17-го года (1590) не созывали половину из них. Но с 19-го года прежняя система была восстановлена» [65, VIII, 106]. На наш взгляд, здесь идет речь о том, что фарфоровые ханы созывались на работу в порядке трудовой повинности и что система эта на 11 лет была частично отменена с целью использования ремесленников военного ведомства.

⁵ Приведенные ниже категории работников и термины, их обозначающие, прослеживаются по всем описаниям фарфорового производства.

Цехи фарфоровых мастеров находились под контролем казенного управления, и их главы ведали распределением повинностей среди всех членов этих объединений. Время выполнения повинностей определялось характером производства: в летний и весенний сезоны, в хорошую погоду мастера созывались значительно чаще, чем это было установлено законом для лунбань.

О хане мастеров, загружавших печи, говорится, например, что его члены живут в отдельном помещении: «Когда приходит время загрузки печей, то созывают ханы, когда загрузят полностью, возвращаются обратно на постоянный двор» [132, IV, 7а — 7б].

В отличие от других отраслей казенного ремесла в фарфоровом производстве члены ханов получали во время работы не только продовольствие, но и денежное вознаграждение; по форме их отношения с казной нередко выглядели как наем рабочей силы.

Денежная оплата при выполнении цехами трудовых повинностей была уже качественно новым явлением по сравнению с повинностями без оплаты. Однако в изучаемое время труд был еще стеснен множеством феодальных ограничений; происходило своего рода выполнение «повинностей по найму». Иногда членов цеха заставляли работать сверх всяких норм и сроков, прибегая к открытому принуждению, особенно в периоды срочных заказов или восстановления производства. Так, в 1548 г. «для изготовления сервизов розового фарфора насильно хватали и собирали мастеров высокой квалификации, обещая им высокие награды, и заставляли производить и обжигать фарфор» [86, XXVII, 19а].

Уже со второй половины XVI в., когда шел процесс замены повинностей денежным налогом, в описаниях казенного производства упоминания о найме мастеров встречаются все чаще. В «Мин ши лу» (1598 г.) сообщается, что «в провинции Цзянси люди из уезда Лэпин... приходили и нанимались на работу в уезде Фулян» [118, CCXLIX, 206—21а; 86, XXVII, 11б].

В тексте, относящемся к первой половине XVII в., говорится, что «различные мастера, которые расписывают, раскрашивают или гравировать рисунки: иней, птиц, рыб, воды, цветы, травы, или делают подглазурные росписи... все эти мастера являются наемными» [86, XXVII, 12б].

Однако этот «наем» оставался несвободным и в XVIII в. он по существу был продолжением системы «найма по повинности». В конце XVII и в XVIII в., когда огромные правительственные заказы передавались на частные печи, списки мастеров фактически сохранились, хан не мог отказаться от государственного заказа, даже невыгодного. Условия этого «найма» были кабальными, и без того низкая заработная плата выдавалась наполовину продовольствием (нередко недоброкачественным); работников строго контролировали.

О тяжелом положении ремесленников, выполнявших «повинности по найму» в казенном управлении, свидетельствуют восстания, неоднократно вспыхивавшие среди ремесленников, работавших на казну.

«В этом [1598] году,— говорится в „Мин ши лу“,— было плохо с продовольствием. Наемные работники в Фуляне не получали платы... Поэтому-то они и стали заниматься грабежом. Разбойники из двух уездов собрали группу более тысячи человек» [118, CCXLIX, 206 — 21а].

В описании уезда Фулян сообщается, что цзиндэжэньское восстание было вызвано злоупотреблениями тайцзяня Фань Хэ, управляющего казенными мастерскими: «Он жестоко обращался с народом в чжэне, и поэтому вспыхнуло возмущение. Народ сжег большие ворота» [65, VIII, 8а]. Текст дает основание полагать, что участниками восстания были работники казенных мастерских. Они боролись за регулярную выдачу

платы и улучшение качества продовольствия, против злоупотреблений чиновников, управлявших казенным производством.

Восстание было подавлено правительственными войсками, однако правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки, смещение и арест многих чиновников.

Другое упоминание о восстании ремесленников, работавших на казну, относится к 1674 г. В «Фулянсянь чжи» записано, что в этом году мастера на казенных печах Цзиндэчжэня вновь выступили против злоупотреблений казенного управления и до основания разрушили все казенные печи [65, VIII, 36]. «После мятежа казенный фарфор обжигали в частных печах» [30, III, 22].

Две другие категории работников — шангунфу и шатугу — набирались из крестьян.

Особенностью цзиндэчжэньского казенного производства было то, что в круг его влияния было включено значительное число крестьян, живших в соседних округах и уездах. Эти крестьяне, так же как и городские ремесленники, выполняли повинности «яои» (128) по обслуживанию казенных фарфоровых мастерских. Одна часть этих крестьян в соответствии со списками лунбань поочередно направлялась в Цзиндэчжэнь и становилась шангунфу. Другую часть крестьян — шатугу — оставляли в своих деревнях для добычи сырья, либо перегоняли в другие места добычи, либо использовали на транспортировке глины и фарфорового камня.

В «Чангунъянь цзючжи» сообщается, что 13 ли уезда Фулянь и 35 ли уезда Поянь были приписаны к мастерским для снабжения сырьем. Сюй Цзюнь, начальник уезда Поянь, представил доклад, где просил распространить повинности по обслуживанию цзиндэчжэньских мастерских еще на семь уездов, но в ответ на доклад было добавлено только 13 ли [132, I, 36].

Из приведенного сообщения можно сделать вывод, что существовали своего рода приписные уезды и деревни, жители которых по очереди выполняли повинности. Крестьяне одних уездов и деревень добывали и транспортировали сырье; других — поочередно направлялись в цзиндэчжэньские мастерские. «Каждый месяц во всех видах работ была установлена определенная очередность, и нельзя было этот порядок нарушать» [65, VIII, 96].

Шангунфу набирались преимущественно из уездов Жаочжоу, расположенных в непосредственной близости к Цзиндэчжэню.

«Необходимое число работников присылают из семи уездов, прилежащих к Жаочжоу. Необходимое для производства продовольствие исчисляют согласно приказу императора, а когда работа кончается, то всех отпускают» [30, III, 62].

В мастерских, где было сосредоточено большое число шангунфу, существовала строжайшая система надзора за ними.

В источниках часто упоминается надсмотрщик пэйфантоу (129), в обязанности которого входило также назначение на работы, прием готовой продукции, раздача продовольствия и небольших сумм чаевых денег.

«Работники... со всеми вопросами обращаются к пэйтоу» [127а, 8—9].

«Пэйфантоу наблюдает, кто усердный, а кто нерадивый, и на основании этого выдает шангунфу деньги...» [138, VIII, 38].

Однако, несмотря на жесткую систему надзора и принуждения, труд таких работников не был производительным. Оторванные от земли в весеннее и летнее время шангунфу нередко убегали из казенного управле-

ния. Поэтому уже со второй половины XVI в. казенные мастерские были вынуждены постепенно отказываться от нерентабельной системы повинностей, заменять ее денежным налогом. В первую очередь на денежный налог были переведены крестьяне, выполнявшие обязанности шангунфу. На собранные с них деньги казенное управление нанимало неквалифицированную рабочую силу. Это подтверждается текстами «Жаочжоуфу чжи» и «Фулянсянь чжи». «Среди людей, занимающихся фарфором, есть наемные работники (гуфу) (130), есть заготовщики массы (шатуфу). А прежде все они присылались из Жаочжоу» [30, III, 62]. «Есть наемные работники (гуфу), работники, добывающие массу (шатуфу), и работники, созываемые на работу (очевидно, здесь — члены ханов. — Э. С.)» [65, III, 9a].

Оба текста дают основание предположить, что термином «гуфу» стали обозначать работников, нанятых на средства, собранные с бывших шангунфу.

В 60-е годы XVI в. в мастерских работали по повинности только 30 шангунфу, а с остальных требовали уплаты серебра в казну [65, VIII, 9a].

По данным, приводимым в «Даогуан Фулянсянь чжи», в эти же годы около полутора тысяч работников выполняло в казенном управлении работу шангунфу; из них только 367 были набраны по повинности. т. е. около $\frac{1}{4}$ общего числа шангунфу⁶ [65, VIII, 9a—96]:

Местность	Число шангунфу, набранных по повинности
Дучан	97
Юйгайсянь	58
Лэпинсянь	72
Фулянсянь	50
Ваньяньсянь	30
Аньжэньсянь	30
Дэсинсянь	30
Итого . . .	367

В 60—70-е годы XVI в. правительство предпринимало неоднократные попытки полностью заменить систему повинностей в казенных мастерских денежным налогом, с тем чтобы на эти деньги нанимать работников. Сообщения о правительственных мероприятиях по замене трудовых повинностей налогом встречаются в «Даогуан Фулянсянь чжи»: «Был получен императорский указ, чтобы с каждого двора требовать серебро и вносить его в казну области Жаочжоу... Внезапно пришел императорский указ... производить наем работников для обжига и производства фарфора» [65, VIII, 10a].

О положении шатуфу в XVI в. известно гораздо меньше, чем о шангунфу, так как упоминания о них значительно реже; чиновников, ведавших фарфоровым производством, интересовали не крестьяне, а сырье, которое они привозили в Цзиндэчжэнь на своих одноколесных тачках. Однако именно записи о низком качестве этого сырья позволяют предположить, что подневольный труд крестьян на разработках каолина и фарфорового камня часто давал плохие результаты. Низкое качество добываемого сырья побудило правительство через полтора-

⁶ Фактически выполнявших повинности было еще меньше — всего 260 человек (вместо 367). Ревизия 1559 г. установила, что плату и продовольствие остальных 107 шангунфу чиновники присваивали [65, VIII, 96].

два десятилетия после введения денежного налога с шангунфу перейти к системе закупок сырья.

С конца XVI в. в положении шатуфу возникли некоторые изменения: вместо отработок они должны были вносить денежный налог, а на эти средства казенное управление закупало сырье — каолин и фарфоровый камень.

По данным «Даогуан Фулянсянь чжи», в 60-х годах XVI в. в семи уездах Жаочжоу набирали по повинности всего лишь 200 шатуфу: [65, VIII, 9а—9б]:

Местность	Число шатуфу, набранных по повинности
Дучан	74
Юйгайсянь	36
Лэпинсянь	38
Фулянсянь	18
Ваньяньсянь	7
Аньжэньсянь	10
Дэсинсянь	17
Итого . . .	200

«Закупки» сырья на деле не были свободной продажей и превращались в принудительное изъятие сырья у населения. Денежные налоги были очень велики, а цена поставляемого сырья крайне низка, поэтому бывшие шатуфу ежедневно снабжали мастерские сырьем в счет уплаты налога, получая на руки лишь самые ничтожные суммы медных денег. «Оплата серебром» существовала лишь в правительственных указах, а на практике цзиндэчжэньские власти расплачивались с поставщиками сырья медяками по самым низким ставкам.

В «Цзянси тунчжи» говорится, что «работники, занятые на добыче песка и каолина, приносят их из мест, отдаленных свыше чем на 100 ли от Цзиндэчжэня, но из каждой сотни работников только несколько наиболее сильных получают по два фыня» [цит. по: 265, 86].

Однако и в таком ограниченном виде замена повинностей налогом открывала уже некоторые возможности для развития частных сельских промыслов — добычи каолина и фарфорового камня.

В «Даогуан Фулянсянь чжи» приводится очень интересный факт. «Народ занимается добычей каолина и фарфорового камня и продает их каждый день не дороже чем за несколько фыней. В 32-м году Ваньли (1605.— Э. С.) местный маклер по имени Дай Чжэн предложил превратить добычу сырья в казенное производство за счет сокращения добычи частных лиц. Местные жители, жившие на средства от продажи сырья, были очень напуганы. Е Юн-чжэнь и начальник уезда Чжоу Ци-юань осудили [план Дай Чжэна] и отменили приказ» [65, VIII, 10а—10б].

Как видно из приведенного текста, в начале XVII в. местные богачи пытались ограничить добычу сырья частными лицами, превратить ее в казенное производство. Это мероприятие не имело успеха, так как означало возврат к старым, натуральным отношениям. А изменения, происшедшие в натуральной системе снабжения казенных мастерских, являлись неизбежным результатом развития товарно-денежных отношений и разложения натуральной экономики.

Процесс замены повинностей денежным налогом был прерван маньчжурским нашествием. За несколько лет непрерывной борьбы с пришельцами многие мастера разбежались или погибли, а те, что остались, были враждебно настроены по отношению к завоевателям.

Цинский двор, нуждавшийся в фарфоре и стремившийся быстрее восстановить казенное производство, вынужден был считаться с тем положением, которое сложилось в 40-е годы XVII в.; в 1680 г. он отменил систему повинностей и в Цзиндэчжэне⁷. В «Цзиндэчжэнь таолу» приводится сообщение, что в конце XVII в. все средства, необходимые для приобретения сырья и набора работников, выдавались из государственных фондов, а за работу платили деньги из казны [132, II, 16].

В Цзиндэчжэне, таким образом, была установлена система найма работников для работы в тех мастерских по формовке и росписи, которые находились на территории казенного управления, и для выполнения работ по первичной обработке сырья⁸.

И квалифицированные мастера и подсобные работники получали денежную плату. Но этот наем происходил на условиях более кабальных, чем наем в мастерские частных предпринимателей; он был очень далек от понятия свободного найма: феодальные методы эксплуатации широко использовались цинскими чиновниками. Так, например, работники в мастерских и на первичной обработке сырья по-прежнему находились под строгим надзором пэйфантоу, хотя к его обязанностям и прибавился наем работников.

Вот что пишет о роли пэйфантоу в казенных мастерских автор «Цзиндэчжэнь таолу»: «Работников, занятых приготовлением заготовок, очень много... Пэйфантоу увольнял работников и наблюдал за ними. Если среди формовщиков случались конфликты или споры, приказывали пэйфантоу разбирать и устанавливать спокойствие. Если были нерадивые, изготовлявшие брак работники, то отвечал за это пэйфантоу» [132, IV, 10—11].

О существовании экономического принуждения при найме в казенное управление свидетельствуют и формы оплаты труда: наемным работникам платили деньги не поденно и не помесечно, как в мастерских частных предпринимателей, а два-три раза в год. Это служило средством прикрепления работника к месту, по существу лишало его возможности покинуть мастерскую⁹.

«Пэйфан[тоу] давал работникам задание: одни готовили массу, другие формовали сосуды... Всем им в середине четвертого месяца выдавали плату, а в десятом месяце производили окончательный расчет. В конце года выдавали еще немного денег...

По всему [Цзиндэ]чжэню в первый день третьего месяца выдавали деньги на питание» [132, IV, 10—11].

Основным источником пополнения неквалифицированной рабочей силы были крестьяне соседних областей и провинций — разорившиеся, потерявшие землю или беглые, пришедшие искать заработка. Приходили наниматься и квалифицированные мастера, уходившие из других центров керамического производства и привлеченные слухами о богатстве Цзиндэчжэня.

⁷ «Император (Канси.— Э. С.) послал... ланьчжуна Сюй Тин-ли и чжуши Ли Тин-си из ведомства финансов. Они приехали в Цзиндэчжэнь, чтобы постоянно находиться там и наблюдать за мастерскими. Полностью был отменен принудительный набор работников в деревнях области Жаочжоу» [132, II, 16].

⁸ В книге «Цзиндэчжэнь таоэ цзинши» приводятся данные, что при Канси в казенное управление нанимали 300 работников; однако там не указывается, были ли это мастера из цехов или неквалифицированная рабочая сила; не назван также цитируемый источник [271а, 8].

⁹ О неоднократных волнениях среди работников казенных мастерских в конце XVIII — начале XIX в., вызванных злоупотреблениями в оплате, пишет Гун Юэ: «Из года в год в седьмом месяце пэйфаны занимаются разбором дел, связанных с прекращением работы. Рабочие-формовщики каждый год в июле бросают работу. Местные чиновники силой принуждают их начать работу снова» [127а, 8].

Основными центрами казенного производства шелковых тканей в XVI—XVII вв. были Наньцзин, Сучжоу, Ханчжоу, Чэнду, Луань (пров. Шаньси). Производили шелк и в Пекине.

Еще в конце XIV — начале XV в. в Наньцзине появились казенные мастерские, находившиеся в ведении казенных шелковых управлений: цзунжицзюй (131) (центральное управление) и чжижаньцзюй (132) (управление по ткачеству и крашению), обеспечивавшие поставки различных сортов шелка для внутреннего пользования императорского двора и всевозможных пожалований. На нужды императора использовался главным образом наньцзинский шелк, для раздач и пожалований — сучжоуский и ханчжоуский из провинциальных управлений [160, I, 15; 252, 34]. Казенные мастерские обозначались в источниках тем же термином, что и казенное управление, — «цзюй» [см., например: 71, XII, 6—7]; часто невозможно определить, идет ли речь об управлении или о мастерской.

Мы не можем выяснить точных размеров казенных мастерских, в особенности провинциальных. По данным «Ваньли Дамин хуйдянь», приведенным в статье известного китайского экономиста Пэн Цзэ-и [252], Наньцзинское ткацкое управление (так называемое внутреннее, или южное) имело в XVI в. (в годы Ваньли) 300 станков и более 3 тыс. мастеров. Ежегодная продукция мастерских этого управления составляла 50 тыс. кусков ткани: шелковые ткани (однотонно крашенные и многоцветные) — 20 тыс. кусков, белый шелк — 16 тыс., конопляные и льняные ткани — 14 тыс. кусков («Ваньли Дамин хуйдянь», CLXXXIX, Ведомство работ IX, стр. 52—53; CVIII, Ведомство работ XXVIII, стр. 11) [оба источника цит. по: 252, 34].

Кроме того, ткацкие работы в Наньцзине велись также в шэньцзинтан — специальных правительственных мастерских, преимущественно занятых изготовлением ткацких станков для казенного ткачества [117, шихо VI, 9]. В середине XVI в. там располагалось 400 станков и работали 1200 мастеров (к 1587 г. число мастеров увеличилось до 2000). Продукция шэньцзинтан в конце XVI в. в среднем составляла 1369 кусков шелка в год («Ваньли Дамин хуйдянь», CLXXXIX, Ведомство работ IX, стр. 52) [цит. по: 252; 34].

Пекинские казенные мастерские (так называемые внешние, или се-верные) были значительно меньше наньцзинских. В годы правления Юнлэ (1403—1424) в них работали по повинности 758 военных и гражданских мастеров, а к 1472 г. число их сократилось вдвое.

В 1528 г. было только 195 мастеров, созданных для выполнения повинности. Из них красильщиков — 86, мастеров, изготавливающих станки, — 2, ткачей — 2, мотальщиков — 62, помощников ткачей — 15 («Ваньли Дамин хуйдянь», CLXXXIX, Ведомство работ IX, стр. 52) [цит. по: 252, 34].

Эти числовые данные позволяют предположить, что значительную часть работы составляла окраска и отделка тканей, сотканых в других мастерских, и что большая часть ткачей (13 из 15) работала не по повинности, а на каких-то других условиях. Ежедневная продукция составляла в среднем 15 тыс. кусков. Кроме столичных ткацких управлений и мастерских существовала еще местная система казенного ткачества. В начале XVI в. 19 казенных ткацких управлений (чжижаньцзюй) было рассредоточено в четырех провинциях. Самыми крупными из них были сучжоуские и ханчжоуские. По данным, приведенным в «Материалах по истории кустарного производства...», в Сучжоу

в Минское время было 6 зданий казенных мастерских, где размещались 173 станка [115, т. 1, 90]. Но вряд ли эти данные точны, так как известно, что в XVI в. ханчжоуские мастерские (значительно меньшие по размерам, чем сучжоуские) занимали 220 помещений (цзянь)¹⁰, расположенных в северной и южной частях города [71, XII, 62].

Шелк, созданный в провинциальных мастерских, лишь частью использовался для нужд императорского двора, главным же образом употреблялся на награды и подарки властителям вассальных стран. Пэн Цзэ-и приводит следующие данные (к сожалению, их источники и датировка не указаны):

Управления	Количество ежегодно отправляемого шелка, куски	Удельный вес, %
Пекинское внешнее . . .	15 000	31,9
Наньцзинское внутреннее	2 000	4,3
Шэньцзинтан	1 369	2,9
Местные управления . . .	28 684	60,9
Итого . . .	47 053	100,0

Из них следует, что казенное ткачество Минского времени в значительной степени базировалось на провинциальных мастерских, дававших 60% продукции [252, 36].

Центральные же управления занимались преимущественно окраской и отделкой тканей.

В XVI в. во главе ткацких управлений в Наньцзине, Сучжоу и Ханчжоу стояли тайцзяни. Более мелкие мастерские находились в ведении местных властей.

Весь процесс ткачества и отправка шелка осуществлялись с помощью старшин — танчжанов (133). Каждое управление имело разное их число. В Сучжоу было 6 танчжанов, в Нингофу — 9 [252, 3].

Обязанности танчжана были одной из форм выполнения повинностей. Танчжаны чаще всего назначались из наиболее богатых хозяев частных мастерских (цзиху), имевших влияние в городах. Эта должность освобождала ремесленника от выполнения всех других повинностей.

В круг обязанностей танчжана входили организация труда ткачей, отбывавших повинности в мастерских, распределение сырья, отправка и транспортировка тканей в столицу. В некоторых областях, например в Сучжоу, танчжаны также ведали и установлением очередности в выполнении повинностей и распределением казенных заказов среди ткачей, работавших на дому.

Казенные управления регулярно, в установленные императорским двором сроки, отправляли шелковые ткани в Пекин и Наньцзин. Эти поставки были огромны¹¹. В «Мин ши лу» приводится доклад ведомства работ (гунбу) от 1606 г. (33-й год правления Ваньли), в котором говорится: «На одежду императора нужно 16 тыс. с лишним кусков атласа,

¹⁰ Цзянь — счетное слово для обозначения помещений. Словом «цзянь» обычно называлось расстояние между двумя вертикальными опорами дома. Фанза, имевшая 3 столба-опоры вдоль одной стены, состояла из двух «цзянь».

¹¹ В «Ханчжоуфу чжи» сообщается, что поставки шелка из Ханчжоу достигали в Минское время более 10 тыс. кусков в год [71, LIII, 10a]. Трудно полагаться на достоверность этой цифры, так как иероглиф «10 тысяч» мог быть употреблен просто в значении «множество». Тем не менее этот текст является свидетельством огромных поставок шелка.

и кроме этого 9600 с лишним кусков на одежду императрицы...» [118, CDV; цит. по: 290, 44].

В том же источнике сообщается, что в 25-м году Ваньли (1597 г.) «в соответствии с государственным порядком было соткано не более 30 тыс. кусков шелковой ткани» [118, CLXXXVII, 4].

Начиная с 40-х годов XVI в. потребности казны в шелковых тканях непрерывно увеличивались: в провинциальные ткацкие управления посылались чиновники с распоряжениями об увеличении норм выработки тканей, отпускались новые средства. В 1544 г. на ткацкие работы в Чжэцзяне было отпущено 300 тыс. лян серебра.

В 1551 г. отправлено распоряжение увеличить производство шелка разных сортов в Сучжоу, Ханчжоу и других областях на 86 300 кусков. В 1554 г. последовал новый указ казенным мастерским в Чжэцзяне, Фуцзяни, Южной Чжили и Цзяннань — ткать 30 150 кусков разноцветного шелка [118, CCCLXXVIII, 1; CDXIV, 8].

С 80-х годов XVI в. производство шелковых тканей увеличивалось непрерывно. В 1587 г. из провинциальных ткацких управлений единовременно было отправлено в столицу 127 315 кусков шелка, на что израсходовано 160 тыс. лян серебра [118, CMLXXIII, 3].

Ежегодное производство шелка в столичных и местных мастерских составляло в это время 90 тыс. кусков. В последующие два десятилетия потребности двора в шелковых тканях все возрастали.

В 1606 г. «дворцовое хранилище (нэйку) послало человека, чтобы увеличить [количество шелка] до 180 тыс. кусков. И хотя впоследствии милостиво сократили вполтину, все-таки требовалось серебра 100 тыс. с лишним [лян]» [118, CDV; цит. по: 290, 44].

Однако казенные мастерские не справлялись с выполнением правительственных заказов, были в постоянном долгу перед двором и ведомством работ, просили о сокращении установленных норм поставок.

Императорская казна также не могла обеспечить необходимых для этого ассигнований. Об этом свидетельствуют многочисленные доклады гунбу на имя императора. Уже в 1544 г. гунбу сообщало: «Области, где производятся ткацкие работы, из года в год предоставляют огромное множество [шелковых тканей]. Если еще раз заставить их увеличить [отправку], возникнут большие затруднения с расходами» [118, CCLXXXV, 1].

В свою очередь, с конца XVI в. из местных ткацких управлений шли ко двору многочисленные просьбы сократить поставки шелка.

Наряду с казенными мастерскими существовала и другая форма казенного производства шелковых тканей (получившая развитие еще в Сунское время) — казенное управление получало шелковые ткани от ткачей, работавших на дому. Такие цзиху, работавшие на казну дома, были во всех шелкоткацких центрах. В Сычуани и Шаньси работа на дому была основной формой казенного производства.

В «Луаньфу чжи» сообщается, что в конце Минского времени в обл. Луань (Шаньси) на учете в казенном управлении числилось более 3 тыс. ткацких станков в уездах Чанчжи, Гаопин и Лучжувэй. Управление каждые десять лет должно было сдавать в казну 4970 кусков шелка. Разделялось все это на три отправки. Цена каждого куска в серебре составляла 4 лян 9 цяней 5 фыней¹² [33, IX, 10a]. Совершенно очевидно, что в тексте идет речь не о казенных мастерских, а о ткачах,

¹² Сопоставление этого текста с другими источниками показывает, что сумма 4 лян 9 цяней 5 фыней означала плату, получаемую ткачом за каждый кусок сотканного шелка.

работавших на дому,— иначе трудно объяснить размещение ткацких станков в трех уездах обл. Луань.

В тех центрах шелкоткачества, где были казенные мастерские, также были ткачи, работавшие на дому и состоявшие на учете в казенном управлении. В «Ханчжоуфу чжи» сообщается, что в 1577 г. в уезд Линъань¹³ послан был документ, по которому линъаньские цзиху должны были направляться в уездный ямынь и сообщать количество тканей, которые они соткут и смогут внести [69, LIII, 10a].

Цзиху, работавшие на дому, получали в казенном управлении все необходимое сырье и образцы рисунков.

Уже с середины XVI в. казенные мастерские не справлялись с ежегодными заданиями. Рыночные закупки, производимые ткацкими управлениями, также не устраняли дефицита.

Из несоответствия между потребностями двора в шелке и производительностью казенных мастерских возникла такая форма организации казенного ремесла, как баоланьлинчжи (134)— система принудительной работы ткачей, записанных в списки лунбань, по казенным заказам.

Первоначально эта система возникла в Цзяннани, в областях Сучжоу и Ханчжоу. Ткачи, работавшие по системе баоланьлинчжи, получали из ткацких управлений сырье, 4 доу продовольствия в месяц и денежную плату за ткани.

В разное время и в разных местностях плата была различна. В Цзяннани в конце XVI в.— 3 лян 8 цяней за кусок. В Сычуани почти в то же время— 4 лян 9 цяней. В 1646 г. была установлена плата 5—6 лян за кусок (в зависимости от вида ткани) [252, 48].

Непосредственные производители, выполнявшие казенные заказы, именовались сяоцзян (135), цзюйцзян (136), миньху (137). В «Сунцзянфу чжи» сообщается, что «сяоцзян— это ткачи из народа, которых заставляют ткать, потому что они [записаны в списки] цунъю. Однако их не направляют в мастерские, а заставляют работать у себя дома. Они получают в месяц 4 доу продовольствия, как прежде ткачи, трудившиеся в [казенных] мастерских» [39, XV, «ткачество»].

Распределение работы, продовольствия и серебра, надзор за выполнением и отправкой заказов осуществляли старшины, назначенные из наиболее зажиточных ткачей в порядке выполнения повинностей.

В разных областях они назывались по-разному: цзюаньтоу (138)— старший над шелком (Ханчжоу), лянчжан (139)— старший над продовольствием (Ханчжоу), танчжан— старший в мастерской (Сучжоу)¹⁴, баоланьжэнь и др. Восемь терминов, обозначающих старшин, приводит Пэн Цзэ-и, не определяя, однако, места их бытования [см. 252, 47].

В 1535 г. чиновник из ведомства наказаний цзишичжун Ван Чжэн, посланный в Сучжоу и Ханчжоу с ревизией, докладывал двору, что в этих областях распространилась система линчжи. Ткачи, записанные в казенные списки, были разделены на две категории в зависимости от размеров их мастерских.

Ван Чжэн обращал внимание двора на выгодность и жизнеспособность этой системы и предлагал распространить ее на другие районы шелкоткачества [118, CLXXII, 4—5].

В 30—40-е годы XVI в. система линчжи распространилась повсюду и в некоторых областях стала основной формой в казенном шелкоткацком производстве [см. 118, CCXCVII, 1; CCCLXXXI, 6].

¹³ Линъань — старое название Ханчжоу.

¹⁴ В Сучжоу для названия старшины сохранился термин «танчжан» (старший в мастерской), обозначавший первоначально старшину в казенных мастерских.

Мастерские же при управлениях в это время постепенно приходили в упадок, и в 1628 г. последовал указ о полном прекращении ткачества в Сучжоу и Ханчжоу.

Двумя десятилетиями позже система баоланьлинчжи была использована уже маньчжурами для обеспечения шелком цинского двора.

В XIV—XV вв. основной рабочей силой в шелкоткацком казенном производстве были городские ремесленники, записанные в казенные списки «цзянцзи» и «гуаньцзи» и выполнявшие повинности лунбань (цунью) один раз в четыре года. Источники называют этих ремесленников терминами «гунцзян», «цзянчжицзян», «цзиху» или «данхан» (в период выполнения повинностей).

До конца XV в. казенные управления получали шелк в виде налога с крестьянских хозяйств, занимавшихся разведением тутового шелкопряда и выращиванием тутового дерева. Такие поборы давали с опозданием разносортное, разнохарактерное, недоброкачественное сырье и разоряли крестьян, так как нестандартный шелк взимался в количествах, превышавших норму. Часть шелка поступала с казенных земель, обрабатывавшихся крестьянами в период выполнения повинностей.

Упоминание о таких казенных посадках тутового дерева (гуань сан) встречается в «Цзинчжэнь чжи» («Описании Цзинчжэня»)[60, VII, 14a].

В шелкоткачестве значительно раньше, чем в других отраслях, уже с XV в., начался процесс замены трудовых повинностей денежным налогом. Основной рабочей силой в XVI—XVIII вв. были ткачи, состоявшие в списках гуаньцзи и за плату работавшие в казенных мастерских. В производстве казенного шелка, так же как в фарфоровом производстве, сложилась форма «найма по повинности»¹⁵. Цзиху, работавшие по найму на дому, находились под надзором властей и казенного управления; они отдавали ткани по ценам, установленным казной, получали заказы, которые не всегда могли выполнить. В «Луаньфу чжи» сообщается, что денег, которые цзиху получали от казны, было недостаточно. Поэтому производство приходило в упадок. Цзиху разрушали свои дома (цзя) и уходили [33, XXXIV, 16].

В том же источнике сообщается, что в области Луань в 1661 г. вспыхнуло возмущение ткачей-цзиху, работавших на казну. Они «сожгли станки и прекратили работу. В это время гуаньпiao (140) на покупку шелка было много, как рыбьей чешуи. Люди из шелкового хана, Цзяо Мань-фу, Ван Хао-шань и другие, сожгли станки и подали прошение, где жаловались на тяжелую жизнь. Сюньань по фамилии Бай установил стелу со строгим запрещением» [33, XI, 44a—44b].

Итак, ткачи из шелкового цеха обязаны были работать на казну. Изъятие у них шелка по низким ценам происходило по предъявлении казенных распоряжений — гуаньпiao (очевидно, они имели вид табличек с указанием числа кусков шелка); требования казны превышали во много раз возможности луаньских ткачей.

Несмотря на отмену повинностей, все занесенные в списки «гуаньцзи» мастера привлекались иногда к выполнению временных дополнительных повинностей (цянбань) (141) [10, № 1, § 8].

С конца XV в. произошли изменения и в снабжении казенного управления сырьем. Крестьянские дворы, разводившие тутовые деревья и шелкопряда, должны были вносить налог серебром, на которое казенные

¹⁵ Сюй Да-лин считает, что в минском законодательстве термин «гугунжэнь» обозначал работника, который по своему правовому положению находился между крепостным и юридически свободным человеком (фаньжэнь), но приближался к последнему [256, лекция 6].

власти приобретали шелк-сырец. Однако закупки сырья на рынке составляли лишь очень незначительную часть. Бóльшая же часть шелка изымалась у крестьян в счет уплаты денежного налога или принудительно закупалась по очень низким ценам в сроки, удобные для казенного управления.

Развитие этих новых явлений в казенном производстве было прекращено надолго в результате разрушения производства в 40-х годах XVII в.

Из текста стелы, установленной в 1647 г. в сучжоуском казенном управлении, мы узнаем, что в это время в Сучжоу сохранились лишь фанзы управлений чжижаньцзюй и цзунчжицзюй. «Все цзигун (ткачи-работники — Э. С.) разбежались, а мастерские у цзиху пришли в упадок», — сообщается в тексте стелы [10, № 1].

Были уничтожены и остатки ханчжоуских мастерских, подвергнувшихся разрушению еще в XV в. в результате набегов японцев [262, 124].

Катастрофически сократилось луаньское производство: вместо 3 тыс. станков при Мин, во второй половине XVII в. их было всего 200—300 [33, XXXIV, 16].

Однако новому императорскому двору шелка требовались еще в большей степени, чем прежде: цинские императоры ни в чем не хотели уступать блеску двора своих предшественников. Они должны были делать подарки китайским феодалам, чтобы привлечь их на свою сторону, и одаривать служилую маньчжурскую знать. Много шелка требовалось для отправки в Тибет на одежду местной знати.

Поэтому с первых же лет правления новой династии предпринимались попытки возродить казенное шелкоткацкое производство. Однако восстановление проходило в трудных условиях: ткачи либо разбрелись, либо погибли, либо были настроены враждебно. Поэтому цинские власти боялись собирать в одном месте большие группы работников. Другая трудность заключалась в том, что правительство не имело средств для восстановления казенных мастерских. Поэтому в первые годы правления Шуньчжи производство восстанавливалось на следующих основах: казенные управления раздавали ткацкие станки наиболее состоятельной части городского населения: мелким помещикам, шэньши, богатым ремесленникам. Этим людям вменялось в обязанность нанимать ткачей (или ткать самим) и изготавливать шелка по определенным образцам. Власть же в установленные сроки собирали ткани и выдавали небольшие суммы денег, составлявшие только половину стоимости произведенной работы.

Вот что сообщает об этом источник середины XVII в.: «Богатые дома (фуцзя) очень страдали от ткацкого производства при Цинской династии... [власти] велели богатым людям (фуши) и шэньши становиться цзиху. Власть распределяли станки: наиболее богатым (шанху) (142) ¹⁶ по восемь станков. Остальным уменьшали в соответствии со степенью. Самые малосостоятельным давали только один станок. Возмещение за работу они получали по казенным ценам, что составляло только половину стоимости сотканного. Поэтому цзиху должны были добавлять половину своих денег, чтоб выполнить работу. Был установлен твердый срок для сдачи работы. Для изготовления наиболее дорогих и красивых тканей, отправляемых в Пекин императорскому двору, нанимали ремесленников-ткачей (гуцзицзян) (143)» [131, VII, 11].

Большая часть людей, насильно превращенных в цзиху, не имела никакого опыта в шелкоткачестве, производимые ими ткани были низ-

¹⁶ Ш а н х у — букв. «высшие дворы».

косортными. Закупочные казенные цены были крайне низки, что разоряло значительную часть новых цзиху.

Политика цинского двора в шелкоткачестве была попыткой искусственно затормозить процесс ликвидации повинностей и разложения натуральной экономики, переложить бремя расходов с казенных мастерских на плечи городского населения. Уже через два-три года стало совершенно ясно, что политика эта успеха не имела. В 1652 г. правительство было вынуждено отказаться от нее [142, I, 3—4].

Проблема обеспечения столицы тканями оставалась по-прежнему острой, поэтому правительство восстановило казенные управления в Пекине, Наньцзине, Сучжоу, Ханчжоу и других городах почти в том же виде, в каком они функционировали в XVI—XVII вв., только придав им двойное управление — маньчжурское (чжижаньцзюй) и китайское (цзунчжицзюй). Началось также восстановление казенных шелкоткацких мастерских [131, VII, 11].

В «Гуансюй Дацинь хуйдянь шили» содержится императорский указ о создании ткацких управлений в Наньцзине, Сучжоу, Ханчжоу для изготовления одежды императору, императрице и императорским родственникам. По указу начальник ткацкого управления назначался императором; местные власти должны были относиться к нему как к императорскому посланцу [МСХС, цит. по: 115, т. 1, 74].

В сочинениях второй половины XVII в. содержатся многочисленные сведения о расширении штатов казенных управлений, увеличении денежных отчислений из казны и т. д., которые отражали процесс постепенного восстановления и расширения казенного шелкоткачества [115, т. I, 74]. Императорские указы определили, что Наньцзинское шелковое управление должно доставлять ко двору продукцию «юаньдуань», Сучжоуское — «лодуань» и Ханчжоуское — «хуадуань» [105, т. 2, XII, 1021]¹⁷.

Общее количество шелка, отправляемого к императорскому двору и в различные ведомства, в XVII—XVIII вв. было огромно. Только для официальной переписки ведомств в XVIII в. изготовлялось 2 тыс. кусков шелка ежегодно [50, XI, 3].

В 1709 г. были установлены нормы производства шелка для личных нужд императора: ежегодно 38 больших кусков многоцветного атласа и газа, 200 кусков зеленого шелка, 40 темно-красных ковров. Кроме шелка в кусках изготовлялась еще шитая золотом и шелками императорская одежда [115, т. 1, 71—72]. В 1735 г. для императора было соткано уже 100 кусков только многоцветного атласа чжуандуань и для чиновников — 20—30 кусков.

В XVIII в. только для Синьцзяна ежегодно вырабатывали 1000 кусков шелка стоимостью 4 тыс. лян [115, т. 1, 85]. В годы правления Цяньлуна, несмотря на постоянное расширение казенного производства, ежегодный дефицит составлял более 2 тыс. кусков шелка [44, XVII, 34].

Возросшее потребление казенного шелка вынуждало власти принимать меры, направленные на расширение казенного производства, строительство новых мастерских, увеличение числа станков.

Что же представляло собой казенное производство шелка во второй половине XVII и в XVIII в.?

У китайских ученых нет единства мнений относительно организации этого производства.

Большинство историков КНР, изучавших сучжоуское шелкоткацкое производство, и в особенности историки местные, сучжоуские, склонны считать, что термин «цзюй» (144) во второй половине XVII и в XVIII в.

¹⁷ Юаньдуань, лодуань и хуадуань — сорта узорных шелков.

употребляли для обозначения казенного управления. Они полагают, что в Цинское время в Сучжоу была только территория, занятая постройками управления с ямынем, храмом, жилыми помещениями и т. д. Никаких мастерских, где работало бы большое число ткачей, по их мнению, не существовало. Они полагают, что статистические данные источников о количестве мастеров (и станков), ошибочно принимаемые некоторыми историками за штат казенных мастерских, в действительности обозначали городских ткачей, выполнявших заказы казенных шелкоткацких управлений.

В доказательство своей точки зрения сучжоуские историки приводят топографические данные о расположении цзюй: действительно, там почти не оставалось места для рабочих помещений.

Другая группа китайских историков утверждает, что ткани для казны с конца XVII в. производились в больших казенных мастерских.

Сун Бо-ин, например, на основании текстов стел, установленных в Сучжоуском казенном управлении (и датировемых 1652, 1653, 1776 гг.) [см., например: 10, № 1, № 2, № 4], пришел к выводу, что во второй половине XVII в. в Сучжоу была казенная мануфактура, где размещалось 800 станков (в чжижаньцзюй и цзунчжицзюй вместе); их обслуживали 3 тыс. работников [254, 32—35].

На наш взгляд, казенное производство шелковых тканей в этот период было организовано следующим образом.

Во второй половине XVII в. в Наньцзине, Сучжоу и Ханчжоу были восстановлены казенные мастерские. Увеличение производства и расширение мастерских, а также постройка новых помещений происходили постепенно — вплоть до конца XVIII в. Большие мастерские не были сосредоточены в одном месте, а находились в различных частях Наньцзина, Сучжоу, Ханчжоу.

Кроме этих мастерских существовала также раздача сырья и государственных заказов ремесленникам цзиху и жаньху, состоявшим на учете в казенном управлении.

Нам представляется, что значительное расширение производства в XVIII в. достигалось не столько за счет расширения казенных мастерских, сколько за счет увеличения числа цзиху, выполнявших казенные заказы¹⁸.

Что же касается данных о числе станков и ткачей в чжижаньцзюй и цзунчжицзюй, то они представляют, по всей вероятности, общее число ткачей и станков (как в казенных мастерских, так и в мастерских цзиху).

Существование казенных шелковых мастерских в Наньцзине в Цинское время бесспорно. Оно подтверждается рассказом в «Фэнлу сяочжи» о том, что император Канси во время путешествия на юг посетил ткацкое управление. Из окна он увидел множество людей с обвязанными головами и в коротких штанах. Они двигались и работали очень быстро. Приближенные объяснили императору, что это ткачи (цзицзян),

¹⁸ В описании ткацкого управления в Сучжоу есть интересные сведения о том, что в 24-м году Канси (1686) в северных (пекинских) и южных (наньцзинских, сучжоуских, ханчжоуских) цзюй вместе остановлено 48 станков и прекращен отпуск 2800 лян серебра, предназначавшихся на закупку продовольствия. В четырех категориях наиболее трудных работ (крашение тканей, изготовление шелкомотальных колес, тканье бархата, тканье златотканой парчи) сокращение числа мастеров не производилось. Можно предположить, что эти четыре вида работ и производились в казенной мануфактуре при ткацком управлении как наиболее сложные и требующие постоянного надзора. Остальные же, более простые, раздавались цзиху, работавшим на дому [142, I, 3—4].

и Канси, смеясь, назвал их ткацкими лепешками (цзибаоцзы)¹⁹ [68, III, 7a].

В «Цзяцин Цзяннинфу чжи» приводятся сведения о том, что в 1769 г. у народа купили фанзы и использовали для расширения наньцзинских казенных мастерских [846, XII, 11]. В «Сысю бицзи» сообщается, что в наньцзинских казенных мастерских в 1755 г. (2-й год Юнчжэна) было 565 станков [160, I, 15], а в «Шоуду чжи» — для XVIII в. говорится о 1120 станках и 33 807 ткачах [105, т. 2, XII, 1021]. Вероятно, разница (между 1120 и 565) составляла число станков, находившихся в мастерских цзиху, зарегистрированных в управлении.

Восстановление мастерских в Ханчжоу началось уже в 1648 г. [70, XVII, 2—3]. Было восстановлено 95 старых помещений казенных мастерских (цзифан), построено 245 новых, восстановлены старая стена и ров вокруг них; в XVIII в. всех помещений и мастерских стало 302 [115, т. I, 83]. В «Сысю бицзи» называется общее число станков в Сучжоу — 770 [160, I, 15], а в «China Maritime Customs» говорится только о 200 станках [цит. по: 115, т. I, 84]. Хронологически обе последние цифры относятся почти к одному времени: в «Сысю бицзи» говорится о правлении Юнчжэна (30-е годы XVIII в.), а в «China Maritime Customs» — о конце правления Канси (20-е годы XVIII в.). При этом указывается, что общее число станков не достигало и половины того, которое было прежде, в период расцвета Ханчжоу. Число 200 (даже если оно не вполне точно), по-видимому, отмечает число станков в казенных мастерских, а 770 — общее число станков, состоявших на учете в Ханчжоуском управлении в первой половине XVIII в.

Наиболее полно описаны в источниках сучжоуские казенные мастерские. Чрезвычайный интерес представляет прежде всего текст стелы (установленной в 1647 г. в Сучжоу), излагающий план восстановления мастерских, предложенный начальником ткацкого управления Чэнь Ю-мином [10, № 1].

Чэнь Ю-мин предлагал начать производство на следующих основах. Закупить сырье у частных лиц на деньги, полученные от налогов с крестьян, бывших поставщиков сырья. Освободить ткачей от всевозможных дополнительных поборов и повинностей (цяньбань). Установить строгий надзор и контроль за работой.

План организации производства был изложен в девяти пунктах этой надписи²⁰.

1. В чжижаныцзюй должно быть 350 станков, в цзунчжицзюй — 450 станков.

2. В чжижаныцзюй должно работать 1050 ткачей и помощников, 120 вышивальщиц и наблюдателей за производством (каньшоу) (145). Продовольствия должно быть 500 с лишним даней. В цзунчжицзюй должно работать 1250 ткачей и помощников, 120 вышивальщиц и каньшоу²¹. Продовольствия 500 даней (200 мастеров в этом управлении не должны получать продовольствия).

¹⁹ На территории управления был павильон, в котором останавливались высокопоставленные лица. Он сохранился до настоящего времени; из его окна хорошо видны фанзы мастерских. «Цзибаоцзы» — производное от «тубаоцзы». Последнее — простонародное выражение, переводимое на «деревенский баоцзы» (баоцзы — крупный пирожок с начинкой, приготовленный на пару) в значении «простолюдин», «деревенщина». В тексте в таком же значении употребляется «цзибаоцзы».

²⁰ Здесь приведено краткое изложение содержания стелы. Полный перевод текста, сделанный автором настоящей книги, см.: [224, 610—613].

²¹ В обязанности каньшоу входило наблюдение за всем технологическим процессом, инструктирование мастеров и т. п. Назначались они из старых опытных ткачей.

3. Численность мастеров устанавливается в соответствии с числом станков. Мастера освобождаются от выполнения повинностей и получают сырье, деньги и продовольствие.

4. Цзиху освобождаются от обязанности самим закупать шелк. Сырье необходимо закупать на рынках и в деревнях в определенное время года. Средства для этого (деньги и продовольствие) собирать с крестьян в виде налога.

5. Хозяева станков (цзиху), красильщики (жаньцзо) (146), ткачи (чжицзян) (147) — каждый отвечает за свою работу и имеет ответственного (юсы) (148).

Если основа и уток не тонкие и не чистые или работа приостановилась из-за нехватки материалов, то за это ответственны цзиху, руководящие производством (гуаньши цзиху) (149). Если цвета не яркие и не чистые — отвечают за это красильные мастерские (жаньфан) (150). Если ткань соткана редко, перепутаны цвета и неверны размеры, ответственные за это ткачи.

6. Для сдачи каждого вида ткани установить определенные сроки. За работу выдавать гунпяо²² (151).

7. За хорошо выполненную работу награждать серебряными табличками (пай). За плохо выполненную работу подвергать наказанию.

8. Освободить гуаньшицзиху, цзиху и цзицзян (152) от выполнения всех других повинностей (яои), чтоб они были заняты исключительно ткачеством.

9. Поскольку работа трудна и сложна, а мастеров тысяча с лишним, среди них могут быть ленивые и нерадивые. Поэтому необходимо установить должности наблюдателей — 3 дьяньчи и 11 гуаньши, а также 12 человек гаошоу²³ (153), чтобы давать указания ткачам и помощникам на хуалоу.

«Тогда вся работа будет иметь строгий порядок».

Как видно из более поздних материалов, этот план был осуществлен. По данным «Сысю бицзи», на учете в сучжоуских управлениях было 800 станков, из них 420 ткали атлас для императора и 380 — шелка для ведомств [160, I, 15].

Эти же данные подтверждаются и материалами, извлеченными из различных источников составителями «Материалов по истории кустарного производства Китая в новое время» (табл. 2).

Данные нескольких источников позволяют утверждать, что статистика сучжоуских ткацких управлений дает суммарные данные о числе станков и ткачей для казенных мастерских и мастерских частных, работавших по заказам казны.

Сообщая о восстановлении казенного производства, Чэнь Ю-мин указывает, что казенных станков (гуаньцзи) было 300, частных (миньцзи) (154) — 160, мастеров тяохуа — 14. Чэнь Ю-мин говорит о мастерских частных лиц (сыцзя) и о цзиху, которыми управляют чиновники (гуаньли) [115, т. I, 83]. В «Записках Чэнь Ю-мина о ткацком управлении цзунчжицзюй», включенных в книгу Сунь Пя, также сообщается, что в первые годы правления Цинов «производство было рассеяно по многим местам, где жил простой народ (сань чу миньцзюй)» [142, III, 2]. В том же источнике сообщается, что казенные мастерские были построены значительно позже. «Станков было 450, а фанз — 196. И только позже были куплены у народа фанзы и перестроены под помещения казенных мастерских» [142, III, 4—5].

²² Гунпяо — талоны или специальные бирки, по которым выдавалась плата за работу.

²³ То же, что и каньшоу.

Таблица 2

Размеры казенного производства в Сучжоу в Минское и Цинское время *

Управление	Минское время		Цинское время			
			число			
	помещений (тан **)	станков	помеще- ний (тан **)	наименова- ний мастер- ских (хао **)	станков	мастеров
По ткачеству и кра- шению (чжижань- цзюй)	6	173	19	19	400	1170
Центральное (цзун- чжицзюй)	—	—	3	23	400	1160
Всего	6	173	22	42	800	2330

* [См. 115, т. I, 90].

** Иероглифы «хао» (133) и «тан» (134) при династиях Мин и Цин одинаково обозначали помещение.

Позднее, в конце правления императора Канси, эти мастерские расширились. Число цзифан (фанз со станками) сильно выросло за счет постройки мастерских в районе Фэнмэнь (на площади в 60 му) [254, 32—33].

Шелкоткацкое казенное производство, так же как и производство фарфора, несло в себе некоторые признаки мануфактуры: большое число одновременно занятых работников, детальное разделение труда, дифференцированная оплата. Эти особенности развивались, хотя и очень медленно: в казенной мастерской в конце XVII и в XVIII в. разделение труда было гораздо более детальным, чем в XVI в. Сюй Да-лин приводит сообщение «Мин хуй дянь» о том, что в наньцинских ткацких мастерских были работники 32 различных специальностей [257, 46]. В Сучжоу в начале XVII в., по данным «Сучжоу чжицаоцзюй чжи», в мастерских управления чжижаньцзюй насчитывалось 16 специальностей (11 из них занято непосредственно в производстве). А в Цинское время в том же управлении была 121 специальность (из них 19 производственных) [142, X, 1—5].

Каждый ткач ткал какой-нибудь один вид одежды или ткани: были мастера по изготовлению драконовой одежды, пятицветной ткани, парчи, атласа, газа, тафты, шелка для картин, хлопковой ткани, по шитью зимней одежды, одежды без рукавов и т. д. [44, XVII, 33—34]. Были крутильщики, сновщики, мастера тяохуа, красильщики, рисовальщики, изготовители поясов [115, т. I, 72].

Оплата работников зависела от специальности, квалификации, количества и качества выполненной работы. По данным «Сучжоу чжицаоцзюй чжи», наиболее высоко оплачивалась работа изготовителей тяохуа и художников: они получали два лян в месяц. Мастер тяохуа, помощник ткача на хуалоу, получал 5 цяней в месяц, мастера по ремонту станков — 1 лян 5 цяней (конец XVII в., до 1686 г.).

Аналогичные данные приводятся в «Гуансюй Дацин хуй дянь ши-ли»: при Цяньлуне в казенных мастерских мастера получали ежемесячную плату в 2,5, 2 и 1,5 лян серебра [цит. по: 115, т. I, 72]. Ткачи за выполненную работу получали особые жетоны гунпяо, по которым

в конце месяца получали деньги. Эта система была источником постоянных злоупотреблений со стороны чиновников и средством дополнительной эксплуатации. Кроме помесечной оплаты была еще поденная [254, 35]. Ее обычно получали ткачи, искавшие в местах найма кратковременную работу в качестве помощников.

В шелкоткачестве не встречалось кабальных форм оплаты, подобных фарфоровому производству. Одна из причин — отсутствие такого большого количества неквалифицированной рабочей силы, как в фарфоровом производстве. Тем не менее в казенном шелкоткацком производстве, как и в фарфоровом, оплата была низкой. Связь с рынком и денежные закупки сырья играли в шелкоткачестве большую роль, чем в фарфоровом, особенно в таких экономически развитых областях, как Сучжоу, Фучжоу, Хучжоу, Ханчжоу. В источниках, особенно конца XVIII в., встречаются записи о том, что сырье закупалось на рынке или у сельских жителей.

В описании Сучжоу начала XIX в. сообщается, что «шелк, который требуется для производства императорских тканей... чиновники покупают на рынке, а затем передают простому народу, чтобы он ткал, красил и сдавал в хубу» [44, XVII, 34].

В «Шан Цзян лянсянь чжи» сообщается, что казенное управление производило покупки деревенского шелка [103, VII, 10a].

Закупка сырья производилась обычно на средства, полученные от налогов с крестьян и от таможенных сборов на двух таможах.

Шелкоткацкая мануфактура, так же как и фарфоровая, по целям производства и методам эксплуатации непосредственного производителя оставалась феодальной. Особенно отчетливо сущность казенной мануфактуры проявляется при изучении характера найма работников. Наем работников в казенные шелкоткацкие мастерские существовал уже в Минское время. В тех случаях, когда мастерские испытывали недостаток в ремесленниках высокой квалификации, их нанимали в других центрах шелкоткачества, чаще всего в Сучжоу и Ханчжоу.

В докладах, присланных в 1535 г. из ткацких управлений в Цзиньхуа, Вэньжоу, Гайчжоу, Чанчжоу, Чжэньцзяне, сообщается, что, поскольку ремесленники в этих ткацких мастерских «не были искусны в ткачестве (работа помощника ткача на хуалоу.— Э. С.), нанимали мастеров из других мест» [118, CLXXII, 5]. Источники обозначают этот наем термином «гуи» — «повинности по найму». Уже сам термин дает основание предполагать, что это не был свободный наем, ремесленник не мог от него отказаться. В официальных документах Цинского времени употребляются различные термины для обозначения набора работников в мастерские: «муцзян» (157) (созывать мастеров) [142, I, 3—4], «чжао-му миньцзян» (158) (созывать мастеров из народа) [115, т. I, 72], «чжао-му цзянъи» (созывать мастеров для выполнения повинностей) [115, т. I, 83], «гуцицзян» (нанимать ткачей) [131, VII, 11].

Следует, однако, полагать, что даже в тех случаях, когда употребляются термины найма, речь идет о найме работников, которые не могут отказаться от работы в казенных мастерских.

Каждый ткач, состоявший в списках, находился под строжайшим надзором: за ним следил начальник бао на той улице, где ткач жил, он был под контролем надсмотрщика в казенной мастерской или цзиху, нанявшего его.

В тексте одной из стел начала XIX в. записано: «Все ткачи-цзицзян, прежде чем начать работу, должны явиться в управление мастерскими (цзифандянь) (159) и заключить контракт, который затем передать цзиху. И после того как возьмут станки, получают от цзиху плату соглас-

но исполненной работе. И нельзя использовать станки и материалы, чтоб втихомолку ткать для себя» [10, № 8].

Система надзора, контроля и кабального найма распространялась не только на чжигун (ткачей-работников), не имевших своих средств производства, но и на собственников станков — цзиху.

В цепи — цзюй (управление) — цзиху (ткач — хозяин станка) — цзигун (ткач-работник) — хозяин станка, эксплуатируя ткачей, сам подвергался эксплуатации и контролю феодального государства через казенное управление по ткачеству²⁴. Имена цзиху выбиты на специальных стелах²⁵, на основании которых производилась проверка. Для цзиху были установлены строгие сроки сдачи готовой продукции и определенный объем работы.

«Когда цзиху не успевают сделать казенную работу к установленному сроку, они должны нести ответственность перед властями. Но такое положение, когда люди не могут выполнить и не могут дать никакого возмещения, является обычным» [109, цит. по: 55, LII, 1].

Можно предположить, что норма эксплуатации цзиху была неодинакова в различных центрах ткацкого производства. Она была значительно выше там, где товарно-денежные отношения не получили достаточного развития. В Луане, например, феодальные власти неоднократно пытались свести цзиху на положение зависимых, выполнявших повинности ремесленников. В период маньчжурского вторжения, а затем мятежа Цзян Ана шелкоткачество в Луане подверглось разрушению, «станки были поломаны и сожжены, а ткачи убиты или захвачены, из них не осталось и нескольких человек» [33, IX, 106].

Количество шелка, требуемое казной, во много раз превосходило возможности оставшихся ткачей. Поэтому вся их продукция забиралась почти бесплатно, что вызывало разорение, бегство, возмущение ткачей.

«В Лучжувэе совсем не выдают платы серебром», — сообщалось в докладе одного из чиновников (1648 г.) [33, IX, 106].

«Вплоть до Канси происходила закупка шелка у населения — тысяча кусков ежегодно. Чиновники браковали шелк и насильно закупали его по цене даже ниже той, которая была установлена государством, и цзиху терпели убытки» [33, IX, 11а].

Такая политика привела к разорению цзиху и упадку луаньского производства²⁶: после 6-го года Канси (1668) оттуда поступало в казну 200—300 кусков шелка [33, IX, 116—12а] (вместо 3 тыс. кусков при Мин) [33, IX, 106].

Шелкоткачество, так же как и фарфоровое производство, постепенно выходило из сферы натурального хозяйства, устанавливало связи

²⁴ Отношения, существовавшие между казенным управлением, цзиху и наемными ткачами в конце XVIII — начале XIX в., нашли отражение в тексте стелы, установленной в Сучжоу в начале XIX в. «Проверили в народе каждого цзиху, чтобы в будущем отдавать ткачам основу для ткачества. Их (цзиху) капитал поистине огромен. Однако выгода, которую от них получают, очень невелика, так как у цзиху часто есть преступные мастера, вымогающие более высокую плату» [10, № 8, 13—14].

²⁵ В тексте стелы, найденной на месте бывшего центрального управления в Сучжоу, перечислены фамилии 321 цзиху, находившегося под контролем управления [10, № 6, 9—10].

²⁶ В «Луаньфу чжи» приводится доклад одного из местных чиновников: «Цзиху до конца года усердно работают, не прекращают работы даже ночью, вместе с ними работают женщины и дети. Шелка всех цветов они должны приобретать из своего кармана. Изо дня в день не могут они погасить долгов, из месяца в месяц несут убытки — как же может так продолжаться дальше?»

В этом году в 4-м месяце человек из моей деревни пришел сообщить, что несколько цзиху сожгли станки, на которых ткали шелк чоу, распрощались перед уходом, разбили свои таблички (пай) и, горюя и плача, разбежались, так как не могли погасить убытки и заплатить долги» [33, XXXIV, 16—2а].

с рынком. Система повинностей изживала себя; на смену ей приходили отношения найма, хотя и не свободного, стесненного различными видами внеэкономического принуждения.

Цинские феодальные власти неоднократно пытались вернуться к старой системе натуральных отработок, возродить систему «яои».

В конце XVII в. правительство восстановило шелкоткацкие мастерские в Пекине на основе выполнения повинностей лунбань ремесленниками, насильно набранными в южных областях (наньцзинской, сучжоуской и т. д.). Мастерские эти просуществовали недолго. Если в конце XVII в. в них насчитывалось 800 работников, то на протяжении следующих 50 лет один за другим следовали указы о сокращении числа работающих ежегодно на 50, 100, 128 [160, I, 16—17; 115, т. I, 71].

Попытка восстановления казенного производства в Пекине окончилась неудачей [115, т. I, 71], потому что оно было экономически невыгодно, означало возвращение к старому, уже отжившему порядку, в основе которого лежала натуральная экономика, неразвитость товарно-денежных отношений.

* * *

Анализ фарфорового и шелкоткацкого казенного производства в XVI—XVIII вв. позволяет утверждать, что оно обладало некоторыми чертами, приближавшими его к мануфактуре: возрастало применение наемного труда, существовала дифференцированная оплата рабочей силы; в казенных мастерских значительное число работников было сосредоточено в одной мастерской, их труд был разделен на множество операций.

Однако по своим целям (не извлечение прибылей, а лишь получение потребительской ценности), по применению методов внеэкономического принуждения это производство оставалось феодальным. Высокая степень разделения труда и наем рабочей силы не становились исходными моментами превращения казенной феодальной мануфактуры в мануфактуру капиталистическую.

Казенная мануфактура, являвшаяся естественным дополнением натуральной экономики, препятствовала разложению цеховой системы и развитию частного предпринимательства, выступала как один из факторов, тормозивших разложение феодальных отношений.

В XVI—XVIII вв. в казенном ремесле под влиянием развития товарно-денежных отношений произошли значительные изменения, выразившиеся в замене трудовых повинностей денежным налогом, в увеличении масштабов применения наемного труда. Казенная мануфактура, постепенно устанавливая связи с рынком труда, с сельскими побочными промыслами, начала медленно выходить из орбиты натуральной экономики.

Но все эти процессы тормозились множеством феодальных институтов, и прежде всего тем обстоятельством, что казенная мануфактура работала не на широкий рынок, а для удовлетворения потребностей феодального класса.

В условиях господства реакционной Цинской династии наем превращался в «повинности по найму», закупки сырья — в уплату налогов натурой. Казенная мануфактура дольше всех других видов ремесленного производства оставалась в системе натурального хозяйства. Она поглощала значительную часть сырья и квалифицированной рабочей силы, контролировала широкий рынок, эксплуатируя, таким образом, и город и деревню, препятствовала развитию процесса первоначального накопления капитала в китайских городах.

Глава 4

ЗАРОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В результате многолетнего изучения ремесленного производства в Китае в распоряжении автора книги оказались некоторые материалы, свидетельствующие о разложении цехового ремесла и появлении в городской экономике Китая новых форм организации производства, близких по своему характеру к мануфактуре¹.

Мануфактурное производство не является предметом специального исследования в предлагаемой работе. Для определения уровня развития мануфактуры необходимо комплексное изучение и сопоставление групп экономических районов. На основании собранного автором материала можно говорить лишь о тенденции развития мануфактуры, поставить проблемы, которые могут стать предметом дальнейшего исследования: возникновение мастерских мануфактурного типа, разделение труда в производстве, использование наемной рабочей силы.

В позднесредневековом Китае, как и в других странах, мануфактуры не были распространены повсеместно, а возникали лишь в наиболее развитых отраслях (ткачество, металлургия, фарфоровое производство) и наиболее развитых в экономическом отношении районах (нижнее течение Янцзы, приморские провинции Юго-Востока, Сычуань) и отражали лишь тенденцию развития, а отнюдь не уровень всего китайского городского производства.

К состоянию городского производства в Китае в этот период применимо ленинское высказывание о том, что «мелкое товарное производство и мануфактура характеризуются преобладанием мелких заведений, из которых выделяются лишь немногие крупные»². «Обилие мелких заведений, сохранение связи с землей, сохранение традиций в производстве и во всем строе жизни, все это создает массу посредствующих элементов между крайностями мануфактуры и задерживает развитие этих крайностей»³.

Примечателен тот факт, что большое внимание во всех географических описаниях и частных записях о ремесле уделялось не цеховому ремеслу, а крупным мастерским, принадлежавшим частным предпринимателям. Причину нужно искать вовсе не в том, что большие мастер-

¹ Некоторые сведения о частных мануфактурах конца XVIII в., почерпнутые главным образом из русских архивных материалов, приводятся также в статье А. Н. Хохлова [221б].

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 544.

³ Там же, стр. 545.

ские стали повсеместными, распространенными, а скорее всего в обратном — в их исключительности, в необычности самого явления. Именно это привлекало многих минских и цинских писателей, в разных местах и разными словами сообщавших часто об одном и том же единичном, локальном явлении. Так, многочисленные хроники пров. Цзянсу, областные, уездные, окружные описывают все те же несколько крупных мастерских, существовавших в Сучжоу; и «Гуандун синьей», и «Географическое описание Фошаня», и хроники Гуандуна сосредоточивают свое внимание на нескольких крупных металлообрабатывающих мастерских Фошаня.

Работа городских ремесленников на внутренний и внешний рынки, производство на продажу тканей, сельскохозяйственных орудий, посуды и других предметов первой необходимости способствовали дифференциации в среде ремесленников, возникновению новых форм городского производства.

Изучая экономическую организацию городского ремесленного производства, мы не должны забывать о численности населения Китая. Ведь даже производство пуговиц, чулок, курительных принадлежностей, ритуальных предметов требовало массовых масштабов, занимало множество людей — отсюда и возможность существования крупных мастерских с большим числом одновременно занятых людей.

В то же время на возникновение и развитие новых форм производства тормозящее влияние оказывали разрушение городов, разорение ремесла и торговли в середине XVII в., реакционная политика и тяжелый экономический гнет цинского феодального правительства.

Если производство в таких провинциях, как Цзянсу, Цзянси, Гуандун, в начале XVIII в. было восстановлено и даже быстро развивалось по сравнению с началом XVII в.⁴, то Сычуань, где во время антиманьчжурской войны погибла значительная часть населения, вплоть до середины XVIII в. находилась в состоянии экономического упадка, а Луань и Уси, бывшие центры шелкоткачества, так и не восстановили своей былой славы.

Для выяснения вопроса о зарождении мануфактур и степени их развития необходимо установить, кому принадлежали крупные предприятия с наемной рабочей силой, как велики были их размеры и на чьи капиталы они основывались.

В Китае XVI—XVIII вв. можно выделить три вида частного предпринимательства: 1) капиталистическую кооперацию, 2) капиталистическую работу на дому и рассеянную мануфактуру, возникшую главным образом в результате деятельности купеческого капитала, 3) централизованные мануфактуры, принадлежавшие богатым хозяевам.

Простая капиталистическая кооперация с наемным трудом и зачатками детального разделения труда существовала во многих промыслах Китая: горном деле и обработке металлов, соледобыче, сахароварении, выжимании масла, производстве бумаги и др.

В «Саньшэн бяньфан бэйлань» сообщается, например, что в XVII в. в провинции Шэньси, в Хэлучуане и соседних уездах — Хэшане и Хуншане — было несколько железоплавильных производств; каждое из них насчитывало от 1 тыс. до 2—3 тыс. мастеров и наемных работников.

⁴ В начале XVIII в. в одном только Сучжоу было не менее 10 тыс. красильщиков и лошильщиков [10, № 24]. В 1786—1821 гг. в Наньцзине было 30 тыс. станков; впоследствии наступил упадок и их число сократилось до 17—18 тыс. [68, III, 2a]. В конце XVIII в. в Юньнани на 48 копей по добыче меди было не менее нескольких сотен наемных работников [228, 15]. В 1798 г., по данным, приведенным современным китайским экономистом Гуань Мэн-цзяо, в Хубэе, в Ханькоучжэне, было 10 мастерских по плавке железа, а в них было свыше 5 тыс. наемных работников [228, 15].

Каждое производство состояло из трех-четырех или шести-семи печей, а для обслуживания одной печи требовалось сто с лишним человек [165, XI, 4—5]. Эти сто человек занимались добычей, промывкой и транспортировкой руды, изготовлением тиглей и выжиганием угля, обслуживали плавильни и кузницу.

В описании уезда Уху (пров. Аньхуй) в годы правления Цзяцзин приводятся сведения о том, что в уезде в конце XVII в. несколько десятков семей владело плавильными печами и ежедневно использовало несколько сотен работников [58, I, 18].

В Фошане и Наньхайском уезде в середине XVIII в. было несколько десятков мастерских по обработке железа, в которых работало несколько тысяч человек [63, VI, 2; 157, XV, 9—10]. Железоплавильные производства были и в Амое, откуда в 1722 г. увозили за один раз до 300 котлов общим весом до 5 т [121, LII, 4], в пров. Чжэцзян, в Тунсянсяне [49, I, 47]; в Хэнане и в других местах.

Со второй половины XVI в. простая капиталистическая кооперация существовала и в бумажном производстве. Бумажные мастерские значительных размеров, обслуживавшиеся трудом наемных работников, возникали не только в таких экономически развитых провинциях, как Цзянси или Сычуань, но и в Шэньси, Гуанси, Хубэе. Янь Жу-и писал, что в указанный период в области Гуансиньфу (пров. Шэньси) «размеры производства были значительны, но ничто так не было распространено, как выделка бумаги. Хозяева нанимали работников для изготовления бумаги из бумажного дерева» [165, IX, 6—7]. В «Юнчжэн Цзянси тунцжи» сообщается, что в XVI—XVII вв. «мастерские по производству бумаги были сосредоточены в трех уездах и назывались цаофан, хозяевами их были богатые чжиху, нанимавшие работников» [86, XXVII, 7, 8, 10].

В конце XVII в. возникли мастерские по производству бумаги в уезде Жунсянь пров. Гуанси. А в XVIII в. в этом уезде насчитывалось уже 100 с лишним навесов (пэн) для сушки бумаги, которые обслуживались тысячей с лишним наемных работников [26, III, 27].

В XVI—XVIII вв. в горнодобывающем, угольном, соляном и других производствах существовали предприятия, основанные на паевых началах несколькими предпринимателями. В качестве пайщиков выступали либо купцы, вкладывавшие капиталы и являвшиеся лишь организаторами производства, либо мелкие предприниматели, которые сами участвовали в работе и вели дело за счет объединения средств нескольких мелких пайщиков.

В конце XVI—начале XVII в. в пров. Гуандун, уездах Гуйань и Хайфын (обл. Хуйчжоу), несколько богатых предпринимателей занимались добычей серебра, используя труд беглых преступников. В «Тянься цзюньго либин шу» сообщается, что «несколько богачей из местности Шуньдэ привлекли на свою сторону влиятельные семейства, собрали вокруг себя беглых преступников и разбойников, подделали разрешение правительства⁵ и стали добывать серебро в Гуйане и Хайфыне» [129, С, 106].

⁵ О существовании предприятий, основанных самовольно, не подлежавших императорскому фиску, свидетельствует императорский указ 1593 г., в котором говорилось: «Разрешить добычу ископаемых простому народу, с тем чтобы оказать помощь в хозяйстве. Если же вокруг есть богатые люди, которые произвели захваты и сопротивляются, необходимо провести дознание и доложить» [цит. по: 231, 6]. В XVI—XVII вв. в Китае шла ожесточенная борьба между различными политическими группировками по вопросу о государственной монополии на добычу полезных ископаемых; в результате правительство разрешило добычу и ввело систему жесточайших налогов на горное дело и плавку металлов [231, 6].

Сведения об организации производства союзом купцов-пайщиков мы находим и в «Саньшэн бяньфан бэйлань», где говорится, что «купцы сообща вкладывают средства и нанимают работников для поднятия целины, производства бумаги, добычи и обработки металлов» [165, XI, 21].

На паевых началах велась добыча угля в Мэньтоугоу [231, 8] (пров. Хэбэй) со второй половины XVII в. Цинское правительство в целях развития горного дела оказывало поддержку компаниям предпринимателей и купцов, восстанавливавшим старые, заброшенные при Минах шахты и разрабатывавшим новые месторождения. Иногда в таких компаниях принимали участие и сами маньчжуры. По данным, собранным известным китайским историком Дэн То, в Мэньтоугоу в конце XVII — первой половине XVIII в. были лишь 2—3 казенные шахты, а все остальные принадлежали частным предпринимателям. Дэн То удалось разыскать 137 контрактов, заключенных между владельцами частных шахт доцзяньлуновского периода. 4 шахты построены не позже конца XVI в., 18 — в середине XVIII в.; 50 контрактов на постройку шахт датированы серединой XVII — 20-ми годами XVIII в., 38 — еще более поздним временем (20—50-е годы XVIII в.). Никаких сведений об этих частных шахтах официальная литература не содержит [231, 8].

Документы, собранные Дэн То⁶, позволяют утверждать, что в угледобыче существовали предприятия, основанные на паях несколькими предпринимателями. Прибыль от продажи угля делилась в зависимости от вложенных в дело паев (жи). Пайщиками являлись собственники земли, владельцы шахт и предприниматели, вложившие в дело капиталы. При распределении прибылей большая часть их приходилась на долю последних.

Значительные отчисления от прибылей — иногда они достигали половины всего добытого угля — поступали в казну⁷.

По своей экономической организации с горнодобывающими, плавленными и угольными производствами сходна добыча соли в Сычуани (XVI—XVIII вв.) и сахароварение в Гуандуне и на о-ве Тайвань.

Сравнение источников разного времени позволяет установить, что с конца XVII в. во многих районах Сычуани непрерывно возрастало число частных предприятий по добыче соли. По данным книги У Вэя «Сычуань яньчжэн ши» («История добычи соли в Сычуани»), в районе Тунчуаня в 1731 г. было 2390 колодцев, при Цяньлуэ их было более 3 тыс., а к концу XVIII в. — уже 10 тыс. Среди них 2990 колодцев облагалось налогами; многие хозяева колодцев уклонялись от этих платежей. В районе Цзяньвэя в конце XVII в. было 529 колодцев и 594 котла, а в конце XVIII в. — 1206 колодцев и 1650 котлов [150, II, 15; IV, 8]. В Фушуне в годы правления Юнчжэна было 58 колодцев и 103 котла для выпаривания, а ко времени Цяньлуна открыли еще 29 колодцев. К 1780 г. были уже 382 колодца и 565 котлов [67, XXX, 1—3]. В Кайяне при Канси было 120 мест выпаривания соли и 360 котлов [150, II, 14]. Частные солеварни и колодцы обозначались обычно терминами «чан» (160) — производство, дело, или «сычан» — частное производство, а хозяева — терминами «цзаоху» (161) — хозяин варницы и «цзинху» (162) — хозяин колодца [150, 5].

В «Тунчжи Фушуньсянь чжи» — описании уезда Фушунь в годы правления Тунчжи — сообщается, что при Минах и в начале правления династии Цин крупные соляные колодцы принадлежали семействам Ван, Дань, Сун, Суй [67, XXX, 5].

⁶ Сделанный нами перевод на русский язык некоторых из этих документов см.: [222, 54—56].

⁷ См. договор от 1646 г. [222, стр. 56].

Весьма подробное описание соледобычи в Сычуани в конце XVII — начале XVIII в. содержится в сочинении Ли Жуна «Цзылюцзин цзи» («Записки об артезианских колодцах»): «Мастеров трех специальностей⁸ приблизительно 10 тыс. Несколько сотен семейств вложили средства и ведут добычу соли. Всего же народу вместе с плотниками, каменщиками и [работниками] других специальностей — 40 тыс.» [цит. по: 163, I, 1].

Трудно предположить, что речь идет об одном предприятии. Скорее всего 10 тыс. работников обслуживали несколько солеварен и колодцев, функционировавших благодаря соединению небольших капиталов нескольких хозяев. Здесь же мы встречаемся и с элементарным разделением труда между работниками трех специальностей: солеварами, подносчиками соляного раствора, наблюдателями за котлами.

Простая капиталистическая кооперация с большим числом работников, основанная, по-видимому, также на паевых началах, описана в Янь Жу-и (конец XVII — начало XVIII в.): «На больших солеварнях (чан), таких, как в Цзяньфусяне, насчитывается несколько сотен тысяч человек, а в Кайсяне и Данине — несколько десятков тысяч. Много купцов приезжает торговать. Хозяева (ху) вкладывают капиталы и получают выгоду» [165, IX, 7].

Из таблицы, составленной Пэн Цзэ-и по материалам «Цзяцин Сяньфэн Нэйцзянсянь чжи» («Описание уезда Нэйцзянь, составленное в годы правления Цзяцин и Сяньфэн»), видно, что в годы правления Канси, Юнчжэна и Цяньлуна (1662—1750) было девять крупных предприятий по добыче и выпариванию соли; четыре из них принадлежали объединениям нескольких собственников. Между всеми пайщиками союза заключался договор, устанавливавший число паев каждого участника из расчета 30 жи (166) («жи», очевидно, обозначал продукцию предприятия за один рабочий день и был принят за единицу измерения паев). 3—4 жи получал хозяин земли, на которой находилось предприятие, остальные делились между пайщиками (кэ) (167). Предприниматели, основывавшие предприятие, считались арендаторами (дянь) (168) по отношению к хозяину земли. Вся система называлась обычно «кэцзин» (169), «кэжифын» (170) («колодец на паях») или «гофын» (171) («котел на паях»). Один из пайщиков считался старшим (шоу фэнь) (172); он следил за распределением паев и выполнением договора [115, т. I, 287—289].

В книге У Вэя «История добычи соли в Сычуани» приводятся сведения о том, что пайщиками были люди с очень незначительным состоянием: «Богатых хозяев в Дэншуге, Фушуге, Цзяньвэе (в начале правления династии Цин.— Э. С.) почти совсем не было. Хозяевами вновь возникающих предприятий часто были бедные люди, объединившиеся вместе для управления, — эти производства были небольшими, и выгода от них была незначительной» [150, I, 4].

Как видно из приведенных материалов, в соледобыче преобладала кооперация мелких пайщиков, часть которых и сама принимала участие в производственном процессе.

Предприятия, основанные на договорных началах, были также в сахароварении, в производстве бумаги, выжимании масла. В конце XVII — начале XVIII в. в Гуандуне и на Тайване через каждые 20—30 ли были расположены сахароварни. Они принадлежали нескольким хозяевам, объединившимся, чтобы основать мастерские [115, т. I, 264—265].

⁸ Яньцзян (163) — солевары; шаньцзян (164) — по-видимому, работники, добывавшие соляной раствор; цзаотоуцаоцзо (143) — работники, наблюдавшие за котлами.

Эта форма организации как единичное явление встречается и в ткацком производстве. Можно предполагать, что запись в «Мин ши лу» о шелкоткацкой мастерской, где «несколько хозяев станков вложили капитал» [118, CCCLXI, 5а — 6б], фиксирует именно такую форму кооперации нескольких пайщиков (в Цзянсу).

Таким образом в XVI—XVIII вв. в горнодобывающем, плавильном, соляном и некоторых других промыслах и отраслях ремесла возникли предприятия, основанные на договорных паевых началах несколькими купцами или частными хозяевами, объединившими свои капиталы. Чаще всего такие предприятия возникали вдали от больших городов и цехов, организация их была сопряжена с преодолением многих препятствий, которые феодальное государство чинило развитию свободного ремесла.

Нередко в целях охраны своих предприятий от произвола феодальных властей частные хозяева вступали в союз с феодалами, отдавая им за защиту и поддержку часть своей прибыли.

В «Мин ши лу» (в годы правления Ваньли) рассказывается о хозяевах железных рудников, которые вступили в родственные связи с двумя ванами — Лу Чэном и Син Нином и привлекли их к участию в деле [118, CCXXXVI; цит. по: 115, т. I, 415].

В XVII—XVIII вв. компании угольщиков привлекали в качестве пайщиков знатных и влиятельных маньчжуров, чтобы обеспечить себе надежную защиту и покровительство [231, 9—11].

Описанные выше предприятия являлись простой капиталистической кооперацией.

Дальнейшему их развитию и превращению в капиталистические мануфактуры мешали недостаток капиталов, высокие налоги, произвол феодальных чиновников, особенно усилившийся при Цинской династии.

Именно в результате этого возникла такая устойчивая, специфическая для Китая организация, как договорные предприятия, развившиеся впоследствии в китайские акционерные общества, столь распространенные в XIX — начале XX в.

Однако источники дают основание утверждать, что с XVII в., несмотря на трудности существования простой капиталистической кооперации, в некоторой части предприятий все же совершался процесс перехода к простейшим формам мануфактуры.

Цинская династия вплоть до 80-х годов XVII в. всячески тормозила развитие ремесла и торговли. В годы правления Шуньчжи было запрещено добывать железо, при Канси — полезные ископаемые в Шаньси и Шаньдуне.

В 1675 г. последовал указ, разрешавший частную добычу полезных ископаемых, но лишь на старых месторождениях и под контролем чиновников. 20% прибыли шли в уплату налога, 40% продукции покупались казной по низким ценам. Такая политика разоряла многих предпринимателей и купцов, занявшихся добычей полезных ископаемых, препятствовала развитию производства. Одним из показателей перехода от простой кооперации к капиталистической было появление «хозяина», доля которого в деле была значительно больше, чем у остальных пайщиков.

И хотя процесс этот затрагивал лишь некоторые предприятия и шел медленно, «хозяева», собственники самой большой доли паев, упоминаются в документах, касающихся угольного, соляного, горнодобывающего производств.

В «Мин ши лу» приводится сообщение о некоем хозяине железных копей Чжан Шоу-цине, имевшем 3 тыс. наемных работников [118, CCXXXVI; цит. по: 115, т. I, 415].

На основании упомянутой выше таблицы Пэн Цзэ-и можно установить, что из девяти крупных соляных предприятий в Сычуани (XVII—XVIII вв.) в пяти уже появились частные хозяева (Ли Пу-чуань; Гань Шоу-юань; Ван Лю-у; Цзо Жуан и Ван Ю-тяо), выделявшиеся из остальной массы пайщиков. О значительных размерах этих предприятий говорит сумма вносимых в казну налогов (соответственно 15 232, 21 504 и 7868 лян серебра) [115, т. I, 285].

Наличие хозяина меняло уже самую сущность указанных предприятий при сохранении их форм, так как обозначало капитуляцию мелкого производителя перед капиталом.

Другой путь зарождения капиталистических отношений в Китае в XVI—XVIII вв.—подчинение мелкотоварного производства купеческому капиталу, раздача работы на дом.

Эти отношения возникали лишь sporadически, в некоторых районах и отраслях производства, прежде всего в ткачестве, которое больше всего было связано с массовым сбытом и где были весьма прочны позиции купеческого капитала.

В городском ремесленном производстве XVI—XVIII вв. существовали разные формы деятельности торгового капитала. В шелкоткачестве уже с XIII в. была распространена наиболее простая, первичная форма торгового капитала—покупка изделий торговцем у мелких товаропроизводителей, функционировали комиссионные конторы и купеческие компании (яхан), перепродававшие сырье и скупавшие готовые ткани.

В «Фэнлу сяочжи» (XVIII в.) записано, что в Наньцзине было большое число купеческих компаний сыхан (шелковых ханов), занятых скупкой шелка-сырца и шелковых тканей у городских и сельских ремесленников.

Шелкоторговцы съезжались обычно в наньцзинский район Шавань. Здесь находились постоянные дворы, склады, постройки хуйгуаней, рынок оптовой торговли шелком и шелковыми тканями [68, разд. «Записки о ткачестве», VII, 5а; 105, 1029].

В описаниях уезда Пуюань, одного из развитых районов пров. Чжэцзян (XVIII в.), содержатся сведения о деятельности купцов, торговавших шелком.

И в «Пуюань чжи» и в «Пучуань совэнь цзи» сообщается, что в конце правления Южносунской династии (XIII в.) в Пуюане жил человек по фамилии Пу, занимавшийся разведением шелковичных червей и ткачеством. Во времена Юаньской династии на том месте, где раньше жил Пу, были основаны четыре больших торговых яхана, скупавших шелк и связанных со многими людьми, ведущими шелковое производство. К концу правления династии (XIV в.) эти яханы не только скупали шелк и продавали сырье, но и сдавали в аренду станки. С XVI в. все операции по торговле шелком проводились на специальном рынке Юнлэши, куда собирались купцы из дальних стран [38, XIV, 146; 138, III, 88а—91б]. В конце же XVIII в. яханы имели свои лавки на улицах Цяоцзе, Илуцзе, Ньюрсяоцзе [138, III, 90—91].

В описаниях Пуюаня не встречается прямых указаний на раздачу сырья купцам и капиталистическую работу на дому. Однако упоминание о раздаче станков в аренду указывает на определенные формы связи купца с товаропроизводителем, гораздо более тесные, чем простой акт купли-продажи готового товара.

В XVIII в. на рынках Хучжоу, Фучжоу, Ханчжоу целые торговые компании и отдельные богатые купцы наживались на скупке и перепродаже шелка-сырца купцам, приезжавшим из других мест. В «Уцин

Вэньсянь», например, говорится: «Когда период выкормки червей подходит к концу, торговцы приезжают отовсюду и обращаются в ханы с предложениями купить шелк. В обычное время хозяева станков цзиху из Чжэнцзэчжэня, Шэнцзэчжэня, Шуанлиньчжэня и других мест покупают основу и утók (т. е. сырье для ткачества.— Э. С.) и ткут. Поэтому многие торговцы занимаются тем, что скупают шелк и перепродают его в тех местах, где есть хозяева станков... Называются такие торговцы „фаньцзы“ (173) — перекупщики. В этой местности шелка немного и он дешевле, чем везде, поскольку нет своих цзиху» [59, V, 16].

На шелковых рынках XVIII в. значительное место занимал маклер — куай (174), перекупщик шелка, связанный с множеством мелких производителей и крупными торговыми компаниями других городов и провинций.

«На Ханчжоуском рынке известными семьями, имевшими лавки по продаже шелка, были Лю, Ли, Лу, Сюй — около Шуйсянкоу; Чай — около Санняоцзе. На расстоянии 7—8 ли от рынка на восточной окраине девять человек из десяти занимались скручиванием нитей. За спиной они несли сырой шелк и продавали маклерам у ворот Ганлань и Цинчунь. Утром они приходили на рынок, а вечером возвращались обратно», — сообщает «Ганшань цзачжи» [цит. по: 71, III, 96].

Подобные же сведения о посредниках между мелкими производителями и приезжими купцами мы встречаем в «Наньсюнь чжи» («Описание Наньсюня») и «Наньсюньчжэнь чжи» («Описание Наньсюньчжэня») (обл. Хучжоу), где такого рода посредники обозначались термином «хуа чжуан» (175) [35; цит. по: 122, IV, 136 — 14а; 36, XXXI, 28].

В XVII—XVIII вв. существовала и еще одна форма купеческого капитала — соединение торговых операций с ростовщическими.

В географическом описании местности Шуанлиньчжэнь (XVIII в.), в разделе «Обычаи», сообщается, что процветает только яхан, ведущий торговлю шелком, а все купцы, торгующие шелками, делятся на местных (имеющих лавки) и приезжих. «Многие богатые люди в Шуанлиньчжэне наживаются на том, что строят лавки и скупают у жителей соседних сел шелк и шелковые ткани, а также дают им деньги займы. Приезжие купцы привозят с собой тысячи и десятки тысяч денег» [106, XV, 8].

Можно предположить, что «предоставление денег в долг» происходило под залог готовой продукции и являлось не чем иным, как соединением скупки с ростовщичеством. В сферу деятельности торгового капитала попадали не только ткачи из города и пригородных районов, но и сельские жители, специализировавшиеся на разведении тутового шелкопряда и размотке коконов.

Выше уже сообщалось, что одним из крупных центров шелкоткачества был Шэнцзэчжэнь. Источники XVII в. описывают его как крупнейший рынок тканей, куда приезжали купцы с большими капиталами [167, т. 1, XVIII, 370—371].

В одном из поздних (начало XIX в.) описаний Шэнцзэчжэня приводится следующий текст:

Жители Шэнцзэчжэня «жили тем, что наматывали основу и ткали шелк. Занимавшиеся приготовлением основы покупали шелк у яханов — называлось это „деревенской основой“. Брали шелк у яханов, возвращали сделанную основу и получали плату. Называлось это „основой из чужого материала“... Чья работа искусней, тот получал плату более высокую» [94, I, 10а—11а]. Далее говорится, что такое положение существовало с Юаньского времени. Конечно, трудно полагаться на достоверность этого сообщения, так как семь веков отделяют автора от

описываемых событий, но вместе с тем оно дает основание полагать, что в ткачестве подобная обстановка возникла на несколько десятилетий ранее, т. е. в XVIII в.

В приведенном тексте дважды говорится об отношениях яхана и мелкого производителя: в одном случае упоминается купля шелка, в другом — получение шелка от яхана. Однако анализ текста в целом позволяет утверждать, что здесь речь идет о рассеянной мануфактуре, о начале перехода торгового капитала в капитал производительный: раздаче сырья и работе сельских производителей на скупщика, превращавшегося в мануфактуралиста.

Китайский историк Цянь Хун приводит запись из книги XVIII в. «Цинбай лэйчао» («Сборник неофициальных историй Цинского времени»), в которой также говорится о раздаче работы на дом индивидуальным ткачам — цзиху. «Происходит раздача шелковой пряжи хозяевам станков, которые получают плату в соответствии с кусками сотканного шелка» [цит. по: 278а, 80]. И в этом случае перед нами выступает капиталистическая работа на дому.

На раздачу материала в купеческие лавки, контролировавшие производство шелка в Чжэцзяне, Цзянсу и других провинциях, указывает и приведенный выше текст «Цинчао сюй вэньсянь тункао» [114, CCCLXXXV, разд. 9, 1138].

О развитии торгового капитала и подчинении им мелкотоварного ремесленного производства свидетельствуют и описания хлопчаткацкого производства.

В книге Чжу Го-чжэня «Юнтун сяопинь» (XVII в.) рассказывается, что жители г. Хучжоу и деревень, расположенных вокруг него, работали на покупном хлопке и продавали готовую пряжу и ткань на городском рынке.

«В этой местности хлопка очень мало, но здесь делают из него пряжу. Постоянным занятием многих семей является также ткачество. Такое положение встречается и в деревне и в городе. Множество приезжих купцов открывают здесь свои лавки. Простой народ (сяоминь) либо прядет, либо ткет и рано утром идет в город, чтоб обменять продукцию на хлопок, и возвращается, чтоб снова прядь и ткать» [159; цит. по: 61, XXIX, 23а—23б].

Из приведенного текста нельзя установить, функционировал ли торговый капитал в качестве скупщика готовой продукции или между купцом и товаропроизводителем были уже более тесные отношения, так как в тексте говорится об обмене, который мог быть либо просто продажей, либо актом раздачи сырья сельскому товаропроизводителю.

В этом, как и в других случаях, мы встречаемся с определенной трудностью: на основании текста невозможно установить действительную форму связи между купцом и производителем, ибо даже фактические отношения капиталистической работы на дому или рассеянная мануфактура внешне иногда сохраняют видимость акта купли-продажи: купец передает по определенной цене ремесленнику хлопок или шелк-сырец, покупая у него готовую продукцию.

Бесспорный пример постепенного перехода от скупки готового продукта к капиталистической работе на дому, от капитала купеческого к производительному находим мы в описании производства полотняных чулок в Сунцзяне (XVI—XVII вв.).

Производство чулок в Сунцзянской области достигло чрезвычайно широких размеров: они служили предметом вывоза во многие провинции Китая. Шан Юэ приводит текст из сочинения Фань Ляня «Юньцзянь цзюймушао» (XVI в.), в котором говорится, что все сунцзянские

ремесленники, шившие чулки, были связаны с сетью лавок, выдававших им полотно и скупавших продукцию. Оплата происходила по специальным биркам, выдававшимся лавками при сдаче продукции.

Сведения, приводимые Шан Юэ, подтверждаются и более поздним текстом (конец XVII в.) из энциклопедии «Гуцзинь тушу цзинчэн». «На западных окраинах города (Сунцзяна) было открыто более ста чулочных лавок. Мужчины и женщины из всей области жили тем, что шили чулки. Из лавок брали бирки и по ним получали плату... Женщины, которые не ткали сами, нанимались в лавки шить чулки и получали за это плату...» [113, разд. 6, т. 116, DXCVI, 49].

Этот текст дает основания предположить, что существовали две категории чулочных лавок-мастерских: в одних ткали полотно и шили из него чулки, в других — только шили. И в том и в другом случае работу раздавали на дом швеям-чулочницам. Отношения между нанятыми людьми и хозяевами лавок носили постоянный, регулярный характер. Оплата выдавалась в определенные сроки по биркам, полученным за готовые чулки.

Наиболее поздним по времени возникновения было гуандунское ткацкое производство. Но и в нем в конце XVIII — начале XIX в. существовали высокие формы организации ткачества, явившиеся следствием активной деятельности купеческого капитала в приморских провинциях. По данным англичанина М. Гринбери, отношения между подрядчиком-лаобанем и прядильщиками в гуанчжоуском хлопкопрядении строились на том, что прядильщики получали от лаобаня 1 цзинь хлопка и возвращали 1 цзинь пряжи, за что получали очень невысокую плату [311, 100]. Можно предположить, что лаобань выступал как посредник между владельцем рассеянной прядильной мануфактуры и основными производителями.

Из всего сказанного следует, что в таких отраслях ремесла, как хлопкоткачество, прядение, низшие ступени обработки шелка, в XVII—XVIII вв. деятельность торгового капитала привела уже к возникновению капиталистической работы на дому и простейших форм рассеянной мануфактуры.

Раздача работы на дом и рассеянная мануфактура чаще всего встречались в таких отраслях, как хлопкоткачество, низшие ступени обработки шелка.

Зарождение мануфактуры в Китае, так же как и в Европе, сопровождалось раздачей работы на дом, но особенность этого процесса в первом случае заключалась в том, что торговый капитал осуществлял контроль над ремеслами: рассеянная мануфактура и капиталистическая работа на дому часто не были отчетливо выражены и выглядели просто как скупка.

Торговый капитал, проникая в ремесло, эксплуатировал феодальные особенности ремесленного производства: разобщенность мелких товаропроизводителей, цеховые ограничения, недостаток капиталов. Господство торгового капитала в соединении с ростовщичеством создавало в ремесле застойные формы производства и было одной из причин медленного разложения феодализма в Китае.

Анализируя пути перехода от феодального способа производства к капиталистическому, К. Маркс указывал на важное историческое значение того пути, на котором «купец непосредственно подчиняет себе производство»⁹. Вместе с тем К. Маркс отмечал, что это «переходная ступень», что «этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом

⁹ К. Маркс, Капитал т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 367.

способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку... Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития»¹⁰.

Наиболее передовой формой организации производства, формой, которая в большей степени, чем другие, несла в себе зародыши нового уклада, была централизованная мануфактура.

С конца XVI в. в самых передовых отраслях ремесла, прежде всего в ткачестве и фарфоровом производстве, уже появились предприятия мануфактурного типа, применявшие наемную рабочую силу и разделение труда (хотя иногда еще довольно примитивное).

Рассматривая условия возникновения мануфактур, К. Маркс писал: «Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем»¹¹.

Первое из указанных К. Марксом условий — связь с внешнеторговыми пунктами и путями — действовало и в Китае: предприятия мануфактурного типа возникли на Янцзы, вблизи от Великого канала, на морском побережье. Второе же условие играло некоторую роль при развитии горного дела, плавильного, соляного, сахароваренного производства.

Что же касается шелкоткачества и фарфорового производства, то мануфактуры возникали в крупных ремесленных центрах с казенными мастерскими и прочно сложившимся цеховым строем, вступали с ним в соприкосновение, разлагали его.

Эта специфическая особенность двояким образом сказывалась на развитии мануфактуры. Она развивалась на той же сырьевой базе, что и традиционное ремесло. Ремесленники привносили в нее те же орудия производства. Одни и те же работники обслуживали нередко и казенные мастерские и мастерские частных предпринимателей. На Сучжоуских мостах нанимали ткачей и частники-лаобани и подрядчики из казенных мастерских. Семейство Вэй из Цзиндэчжэня, многие поколения которого занимались кладкой печей для обжига, обслуживало и казенные и частные мастерские. Но тот факт, что мануфактура возникла рядом с цехом, не полностью ушла из-под его власти и не могла разложить окончательно цеховую систему, губительно сказывался на ее развитии, был постоянным источником ее внутренней слабости, тормозом дальнейшего развития.

Исследование вопроса о возникновении мануфактуры в Китае затруднено тем, что источники чрезвычайно противоречивы и отрывочны; их нарративный характер не позволяет установить размеры капитала в централизованной мануфактуре; в период, когда процесс разложения цехового ремесла и выделения предприятий мануфактурного типа только начинался, не существовало какой-то общей терминологии для обозначения одних и тех же явлений, да и авторы записей не всегда правильно оценивали смысл происходящего.

В источниках XVII—XVIII вв. употребляется несколько терминов для обозначения ткацких и красильных предприятий сравнительно крупных размеров: это «фан» (176), «цзофан» (177), («мастерская»); «цзыхао» (178) («предприятие», «фирма»); «чжанфан» (179) («здание, где ведутся расчеты»); «цзюйчу» (180): («управление мастерскими»; «цзюй» («мастерская», «заведение»); «чан» («производство») и др.

¹⁰ Там же.

¹¹ К. Маркс, Капитал, т. I,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 760

В «Мин ши лу» приводится, например, описание сучжоуских ткацких и красильных мастерских начала XVIII в.: «Красильные мастерские (жаньфан) прекратили работу, и несколько тысяч красильщиков разбежались, ткацкие мастерские (чжифан) (181) прекратили работу, и несколько тысяч ткачей разбежались. Все это простой народ, который кормит себя своим трудом... Это странный народ, который не имеет постоянного источника существования, утром не знает, что будет делать вечером; если получает работу, то живет, если теряет, то умирает» [118, CCCLXI, 56—6а]. Текст не дает возможности представить размеры мастерских-фан, однако тот факт, что там нанималось несколько тысяч работников, уже дает основание отнести их к простейшим типам мануфактуры.

Лощильная мастерская с наемным трудом, существовавшая в Сучжоу в конце XVII в., также обозначается термином «фан». В стеле, установленной в Сучжоу (1694 г.), записано: «С объявлением о наказании преступников подробно ознакомились все купцы, хозяева мастерских (фанху) (182) и работники-лощильщики» [10, № 23].

В сучжоуских и наньцзинских источниках того же периода (XVII—XVIII вв.) употребляется термин «чжанфан», обозначающий обычное шелкоткацкое предприятие значительных размеров.

В «Фэнлу сяочжи» описаны наньцзинские шелкоткацкие мастерские, принадлежавшие частным хозяевам.

«Семьи, которые владеют станками, называются чжанфан. Люди, нанимающиеся на работу, очень бедны, и, нанимая их, им оказывают помощь и благодеяние... Работников, собравшихся вокруг станков, чрезвычайно много. Их работа является столь тщательной и искусной, что приносит доходы... После того как соткут, показывают хозяину (чжужэнь), который проверяет количество и смотрит, нет ли грубой, плохо сделанной ткани» [68, III, 26—5а].

Обслуживались эти чжанфан трудом наемных работников, собранных вместе в одном или нескольких помещениях со станками (иначе трудно объяснить фразу «работники, собравшиеся вокруг станков»).

В Сучжоу в XVIII в. были 54 шелкоткацкие мастерские — чжанфан, в которых насчитывалось 1524 станка, ткавшие ежегодно 40 тыс. кусков шелка [55, I, 226], т. е. в среднем на каждую мастерскую приходилось 26—27 станков и свыше 50 наемных работников.

Перед нами, безусловно, уже не цеховая мастерская, а предприятие мануфактурное, хотя мы и не знаем ничего о степени разделения труда внутри этого производства.

В «Миньго Усянь чжи», где приводятся эти цифры, сообщается также, что некоторые чжанфан имеют двухсотлетнюю историю [55, I, 226], что дает известные основания говорить о возникновении мануфактур в XVII в. (применительно к Сучжоу).

О мастерских-чжанфан, где есть хозяева и наемные работники, повествует и «Цинчао вэньсянь тункао» (XVIII в.): «Отношения хозяев и наемных работников в Цзянсу, Чжэцзяне и в других местах называются „чжанфан“» [114, CCCLXXXV, 1138].

В хлопкоткачестве существовали мастерские средних размеров, занимавшиеся аппретурой тканей и обозначавшиеся термином «бухао» (183).

Уже в первой половине XVI в. в Сунцзяне, Фэнцзине, Чжуцзуне было несколько сотен бухао — красильных и лощильных мастерских с наемным трудом [см.: 126, 13а].

Известный экономист Янь Чжун-пин приводит текст из «Гуансюй чунсюй Цзяшаньсянь чжи» («Описание уезда Цзяшань, дополненное

и исправленное в годы Гуансью», в котором те же мастерские в Фэн-цзине (уезд Цзяшань) в конце XVII в. обозначались уже термином цзюй, что, по всей вероятности, отражало процесс развития мастерских, увеличения их размеров [297, 42].

О хлопкоткацких мастерских, имевших по несколько десятков наемных работников, сообщается и в «Пучуань совэньцзи» — описании уезда Пуюань в XVIII в. (пров. Чжэцзян) [138, III, 89а—91б].

Закон императора Шуньчжи, изданный им в начале правления (50-е годы XVII в.), подтверждает существование централизованной мануфактуры в ткачестве [68, III, 2а]. Этот закон запрещал частным предпринимателям иметь более 100 станков. Необходимость подобного запрещения, очевидно, была вызвана тем, что в XVII в. существовали мануфактуры, нанимавшие около 200 работников (по два на станок).

Лю Юн-чэн пишет, что этот закон был упразднен в годы правления Канси, в результате протестов со стороны хозяев ткацких мастерских (цзиху), ссылаясь при этом на седьмой цзюань «Шаньюань Цзяннин лянсянь чжи» («Описание уездов Цзяннин и Шаньюань») изданное в годы правления Тунчжи [см.: 247, 108].

В XVIII в. в Сучжоу встречается и такая форма организации ткачества, которую можно определить как соединение централизованной мануфактуры с рассеянной. «Каждая чжанфан, помимо того что имела станки и мастеров, еще в большом количестве раздавала материалы ткачам (чжигун), чтоб они ткали. Каждая мастерская (цзюйчу) нанимала мастеров (цзян) для ткачества и называлась „цзиху“ (хозяева станков). Цзиху насчитывалось около тысячи, а цзицзян — приблизительно 3—4 тыс.» [55, LI, 226].

Перед нами усложненная организация, в которой большая мастерская чжанфан контролирует не только сеть мастерских мелких производителей — ткачей, но и несколько еще более мелких мастерских — цзюйчу, принадлежавших зажиточным ткачам цзиху, которые в свою очередь нанимали трех-четырёх работников.

Многообразие терминов отражало, таким образом, процесс длительного развития ткацкого производства от цеховой мастерской с одним-двумя подмастерьями до централизованной мануфактуры.

К сожалению, мы очень немного знаем о том, на какие капиталы создавались большие мастерские, кто был их хозяевами. Можно предположить, что часть владельцев мастерских вышла из среды цеховых ремесленников.

В связи с этим представляет интерес анализ конкретного содержания термина «цзиху». В сочинениях XV—XVI вв. этот термин обозначал просто хозяина станка, точнее, хозяина ткацкого двора, записанного в казенные списки как единица налогообложения, т. е. мелкого цехового ремесленника или сельского ткача [127, 8а].

Но процесс дифференциации цзиху, выделения из их среды богатых хозяев привел к тому, что в XVIII в. термином «цзиху» обозначался уже и предприниматель. Так, в тексте одной из stel сообщается, что ткачи в Сучжоу возмутились против богатого цзиху Ли Шэн-мао, ломали станки и устраивали беспорядки. «Проверили в народе каждого цзиху, чтобы в будущем отдавать ткачам (цзицзян) материалы для ткачества. Их (цзиху) капитал поистине огромен (разрядка наша.— Э. С.). Однако польза от них чрезвычайно мала, так как часто у цзиху есть преступные мастера, вымогающие более высокую плату. Если хоть в чем-нибудь не удовлетворяют их требований, они сразу же прекращают работу, чтобы оказать нажим на цзиху; используют всевозможные тайные методы, чтобы добиться выгоды.

Они даже отдают в заклад основу и уток (т. е. материалы для ткачества.— Э. С.) и растрачивают деньги, полученные от продажи ткани. Стоит хоть чуть-чуть напомнить им о правилах, они сразу же прекращают работу, призывают к этому других и идут работать к другим цзиху» [10, № 8].

Таким образом, среди цзиху выделились хозяева крупных частных мастерских, в которых работали наемные мастера.

Подобное же сообщение о цзиху-предпринимателях мы находим на сучжоуской стеле, относящейся к середине XVIII в.: «В Сучжоу много наемных работников занималось ткачеством. Цзиху вкладывали капиталы и осуществляли управление, а мастера-ткачи получали плату соответственно сделанной работе» [10, № 3].

Кроме мелких ремесленников и хозяев крупных мастерских цзиху назывались, как мы видели выше, и мелкие хозяева, нанимавшие одного-двух работников, и ткачи, работавшие в казенных мастерских, и мастера, арендовавшие станки, и ткачи, работавшие на дому, но связанные с крупными мастерскими чжанфан.

В среде мелких производителей шел процесс расслоения, разложения старых форм ремесла, постепенного превращения небольшой части ремесленников в хозяев мастерских и разорения большого числа непосредственных производителей. Выделение из среды ремесленников богатых хозяев мастерских нашло отражение в художественной литературе. Шан Юэ приводит отрывок из книги Чжан Ханя «Сунчуан мэнь-юй», написанной в конце XVI в., где рассказывается полуфантастическая история, как в годы правления Чэнхуа (1465—1488) виноторговец Чжан И-ань, предок Чжан Ханя, потерпевший убытки от наводнения, получил кусок серебра от незнакомого, сразу же исчезнувшего человека. На эти деньги он купил станок и стал ткать разноцветный шелк. Работа шла так успешно, что через 20 дней купил еще станок, а впоследствии число станков выросло до 20. К Чжанам приезжало множество купцов покупать шелка, и они превратились в настоящих богачей. Четыре поколения впоследствии занимались этим ремеслом, и богатство возросло до десятков тысяч золотом [292, 89].

В минских повестях «Синши хэньянь» («Слово вечное, мир пробуждающее») описывается ткач по фамилии Ши, который за несколько лет превратился из мелкого ткача (сяоху) в хозяина (даху) с четырьмя-пятью станками, а еще через несколько лет богатства семьи Ши возросли до нескольких десятков тысяч дин; они купили большой дом, где располагалась их мастерская с 30—40 станками [167, т. I, 370—371].

У Хай-чжо приводит пример из книги Шэнь Дэ-фу «Ваньли ехо-бянь», где рассказывается о богатом человеке Пань Би-чэне, предок которого был ткачом. Накопив денег, он приобрел несколько станков и получил прозвище «шоучжуань» (накопитель), а впоследствии его богатство возросло до миллиона [265, 100].

В 7-й главе романа «Цзинь, Пин, Мэй» рассказывается о городском богаче Яне, который имел красильные мастерские и постоянно держал до 30 красильщиков. Дом Янов состоял из пяти построек, тянувшихся вглубь от одной улицы до другой. Прямо перед домом шла бойкая торговля холстом, в особенности черным, из которого шили туфли¹².

Вряд ли можно вполне полагаться на эти материалы и отождествлять их с историческими фактами, как это делают китайские историки (Шан Юэ, У Хай-чжо). Однако подобные рассказы являлись в какой-то

¹² Приводится по рукописи русского перевода, сделанного В. С. Манухиным.

степени отражением процессов, происходивших в городской экономике XV—XVII вв.

Некоторые богатые цзиху или хозяева красильных мастерских, использовавшие наемный труд, выступали лишь в качестве посредников между купцами, хозяевами всего ткацкого «дела», и непосредственными производителями.

В Сучжоу в конце XVII в. крупное предприятие, занимавшееся апретурой тканей, принадлежало компании купцов. Эта компания установила каменную стелу, содержащую условия найма лошильщиков и подписи купцов — хозяев «дела». Сами купцы в производстве не участвовали, а лишь финансировали и контролировали хозяев лошильных мастерских. Последние арендовали камни для лощения (за что ежемесячно вносили 3 цзяня 6 фыней серебра) и нанимали красильщиков и лошильщиков, предоставляя им за определенную плату жилье в помещении мастерской [10, № 23].

Во второй половине XVIII в. в Сучжоу богатые купцы владели красильным предприятием, которое в «Цяньлун Чанчжоусянь чжи» называется «цзыхао». В цзыхао входило несколько десятков семей, владевших красильнями («жаньфан») и лошильнями («чуайбуфан») (184). Купцы, хозяева всего «дела», финансировали и контролировали эти семьи, которые в свою очередь нанимали работников, чтобы вести производство.

Вот как эти отношения описаны в «Цяньлун Чанчжоусянь чжи»: «Отбелка тканей, окраска тканей, выбор и продажа в других местах — все виды занятий имеют своих работников. В каждой цзыхао обычно несколько десятков семей занимаются изготовлением и окраской ткани (разрядка наша. — Э. С.). Из далеких и близких мест собралось особенно много людей, стоящих вне закона. А все это вместе называется чуайбуфан — мастерскими по лощению тканей» [90а, X, 7а].

Таким образом, купцы и купеческие компании в ряде случаев выступали в качестве хозяев мастерских, а зажиточные цзиху — лишь в качестве посредников. Создавались отношения, при которых «купец... кладет себе в карман большую часть прибавочной стоимости»¹³.

Проникновение крупного капитала в мануфактуру способствовало притоку капиталов, производству товаров на широкий рынок. Но вместе с тем оно задерживало возникновение более высоких форм мануфактуры, развитие более высоких форм капиталистической организации производства.

В качестве хозяев частных мануфактур нередко выступали представители господствующего класса, в особенности чиновники, занятые в управлении или контроле над казенным производством. Их общественное положение становилось надежной защитой их собственности, а знание производства давало возможность извлекать из дела наибольший доход. Так, в семье автора романа «Сон в красном тереме», начиная с прадеда Цао Си, деда Цао Иня и вплоть до дяди Цао Юна и отца Цао Фу, — все были потомственными владельцами шелкоткацкой мануфактуры в Наньцзине и в то же время занимали государственные должности: управляли казенными мануфактурами в Сучжоу и соляными промыслами на р. Хуай.

Предприятия мануфактурного типа возникали и в фарфоровом производстве. Работники научно-исследовательского института керамики и фарфора в Цзиндэчжэне на основании изучения марок и штампов на

¹³ К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 368.

изделиях, произведенных частными печами, установили, что в конце XVI — начале XVII в. в Цзиндэчжэне было несколько владельцев больших частных печей: У Вэй, Цуй Го-мао, Чжоу Дань-цюань, Чэнь Чунь-мэй и другие, вышедшие из среды мелких производителей. Количество изделий, обжигавшихся в их печах, было очень велико, а продукция выгодно отличалась по качеству от продукции более мелких печей и пользовалась широкой известностью.

Один из этих предпринимателей, рассказывается в «Цзиндэчжэнь таолу» был искусным мастером фарфора в годы правления Цзяцзина. Он отправлял свою продукцию в Сучжоу и Ханчжоу и сбывал ее там коллекционерам [132, V, 96].

Если в XVII в. в Цзиндэчжэне было 200—300 частных печей [28, CXCI, 1a], то в XVIII в. — уже вдвое больше. По данным П. Орлова, в конце XVIII — начале XIX в. там насчитывалось 600 печей и около 1 млн. работников [200, т. I, 413], а по данным Д. Филлипса, в XVIII в. было 500 частных печей и около 4 тыс. частных мастерских [317, 8].

В «Даогуан Фулянсянь чжи» приведен отрывок из описания XVIII в., где говорится, что «в уездах Юйгане, Дэсине, Лэпине, Наньяне, Ваньяне, Наньчане, Дучане, относящихся к Жаочжоу, все имеют печи и ведут производство, живут за счет того, что нанимают работников. Со всех пяти сторон стекается народ. Хозяев и купцов не менее ста тысяч с лишним» [65, VIII, 9].

Таким образом, в фарфоровом производстве Цзиндэчжэня существовали крупные мастерские и печи, работавшие для обслуживания местного и отдаленных рынков, хозяева которых нанимали по несколько десятков работников.

Мастерские мануфактурного типа, принадлежавшие частным предпринимателям, возникли в XVIII в. под влиянием внешней торговли фарфором и в Гуанчжоу, на берегу р. Чжуцзян, где многие сотни наемных работников трудились над росписью экспортного фарфора. Описания этих мастерских вошли в мемуары и дневники многих европейцев, посетивших Гуанчжоу в XVIII в. [317, 37], и приводятся в диссертации М. Н. Кречетовой [190].

К сожалению, мы мало знаем о хозяевах этих мастерских и размерах капиталов, на которые они были основаны.

Уже в главе о цеховом строе показано, что особенностью производства фарфора было детальное разделение труда между мастерскими. Эта особенность послужила реальной основой для создания мастерских мануфактурного типа.

Все авторы специальных трудов о цзиндэчжэньском фарфоре, и китайские и европейские, обращают внимание на детальное разделение труда. «Каждая чашка проходит через 72 руки, прежде чем стать готовым изделием», — сообщает Сун Ин-син в «Тяньгун кайу» [140, II, 86]. «Роспись сосредоточена в одной мастерской, но разделена между большим числом исполнителей (разрядка наша. — Э. С.): один делает цветную отводку по краям сосуда, другой выводит цветы, раскрашиваемые уже третьим человеком. Одному дают рисовать реки и горы, другому — птиц и животных», — рассказывает монах д'Антреколль в своих письмах о фарфоре [317, 9].

Нам трудно подсчитать, на сколько операций делился весь технологический процесс производства фарфора. В мастерских по росписи вся работа делилась на шесть операций: растирание красок, нанесение узора, рисование контура изображения, раскраска, заливка контура, обжиг в муфельной печи [132, VIII, 2a — 36]. Глазурование сосудов, производившееся в той же мастерской, было разделено между четырь-

ма мастерами: растирание материалов в ступе, приготовление жидкой глазури, разбрызгивание глазурной жидкости по поверхности изделий, погружение сосудов в жидкую глазурь [132, VIII, 2а — 3б].

Разделение труда по операциям приводило к тому, что мастер, всю жизнь трудясь над одной из них, достигал в работе совершенства.

Авторы сочинений о фарфоре постоянно обращают внимание на разделение труда, подчеркивая преимущества и достоинства такого рода организации производства. У Чжу Яня, автора «Таошо», есть, например, такая запись: «При росписи кобальтом круглых сосудов изготовляется множество предметов каждого образца. Если бы не было одинаковых подписей, тогда изделия совсем бы были отличны друг от друга. Поэтому тот, кто наносит узор, учится только этому, а не учится раскрашивать, тот, кто раскрашивает, учится только этому и не учится наносить узор. Для того, чтобы рука привыкла и внимание не рассеивалось, те, кто раскрашивают, и те, кто расписывают, находятся в разных помещениях, чтобы добиться единообразия» [162, I, 12]¹⁴.

Кроме разделения труда на несколько операций в мастерских существовала еще весьма узкая специализация работ внутри одной операции: формовки или росписи.

Мастера всю жизнь специализировались на формовке или росписи только одного типа изделий: были мастера кобальтового фарфора, многоцветного фарфора, черного графического рисунка [132, III, 5а]. В «Цзиндэчжэнь таолу» перечисляется 14 различных специальностей в одной только формовке сосудов: изготовление сосудов, похожих на древние императорские; изготовление сосудов, похожих на средневековые; глазурованных сосудов, похожих на древние; мелких сосудов, похожих на обычные древние; грубых сосудов; изготовление сосудов «тотай» (типа яичной скорлупы или «бестелесные»); граненых сосудов; сосудов для вывоза за океан; изготовление подделок под древности; белых сосудов, сосудов с кракелюрами, сосудов с золотым пурпуром¹⁵ [132, III, 3—4].

Разделение труда внутри мастерских и специализация работников на изготовлении отдельных сортов и видов изделий постепенно изменялись, развивались, росло число специальностей.

В «Тяньгун кайу», например, названы только основные операции процесса: формовка, роспись, глазурование, обжиг. Но в «Цзянси тунчжи», «Цзиндэчжэнь таолу», «Канси Сицзянчжи», «Тунчжи Жаочжоуфу чжи» (конец XVII—XVIII в.) уже приводится перечень 23 специальностей в фарфоровом производстве: отмучивание, формовка лепкой, формовка на круге, вытачивание изделий из сухих или полусухих масс, роспись, растирание в ступе глазурных масс, приготовление глазурей, глазурование, укладка изделий в капсулы, заполнение печей, топка печей и обжиг изделий, вскрывание печей, растирание красок и др.

Кроме этих специальностей было еще множество более простых работ и подсобных операций по обслуживанию основного процесса: заготовка дров и хвороста, подтаскивание фарфоровой массы и хвороста, изготовление капсул, кобальтовой краски, бамбуковых корзин, плотничьи, бочарные работы, ремонт форм, изготовление ножей и резцов и т. д. [30, III, 54; 91, XXVII, 12—13]. А такому большому числу специ-

¹⁴ Сходный текст содержится и в «Даогуан Фуляньсянь чжи» [65, VIII, 38].

¹⁵ Названия трех видов работ переводу не поддаются. Аналогичные тексты о специализации на изготовлении одного вида изделий приводятся в «Таошо», «Юнчжэнь Цзянси тунчжи», «Канси Сицзян чжи» [91, XXVII, 11—12] и в «Тунчжи Жаочжоуфу чжи» [30, III, 54].

альностей соответствовал, несомненно, и более высокий уровень разделения труда в одной мастерской.

В XVIII в. произошло территориальное разделение производственных операций: с развитием экспорта фарфора работы по росписи были перенесены к месту торговли — в Гуанчжоу, где возникли крупные мастерские, расписывавшие белый цзиндэчжэньский фарфор в соответствии со вкусами и заказами европейских покупателей.

Частные предприятия с разделением труда в процессе производства существовали также в бумажном и сахароваренном производствах.

В «Канси Цяншаньсянь чжи» («Описание уезда Цяншань в годы правления Канси») описана мастерская по производству бумаги в уезде Цяншань (пров. Цзянси), существовавшая во второй половине XVII в.; вся работа в этой мастерской делилась на несколько операций.

«В Шитане многие люди искусны в изготовлении бумаги из бамбука... У каждого водоема работают четыре человека; в ступе размалывает один человек, [...] — один человек (характер работы неясен. — Э. С.), проверяет материалы один человек, сушит один человек. Каждый день выпускают 8 кип бумаги» [91, XXVII, 9; 89а, II, 36].

У Янь Жу-и описана сахароваренная мастерская танфан (185а), где было занято 17 работников, а вся работа делилась на семь операций: были работники у печи, работники, смотревшие за вываркой сока, перетиравшие тростник в камнях, обрезавшие листья, сортировавшие тростник, разделявавшие сваренный сахар [165, II, 4—7; XI, 2].

Описание мастерских с разделением труда можно было бы продолжить.

Мастерские с несколькими наемными работниками и разделением труда не были еще мануфактурами в полном смысле этого слова и тем более не свидетельствовали о наступлении мануфактурного периода. Однако, говоря словами К. Маркса, они послужили его «материальной предпосылкой»¹⁶.

Особенность, отличающая китайское городское производство XVI—XVIII вв. от обычного феодального ремесла, — значительное использование в мастерских частных предпринимателей наемного труда¹⁷.

С наемным трудом как явлением единичным, ограниченным по масштабам и применению, мы встречаемся в Сунское [216, 416—419] и Юаньское время [147], а в XIV—XV вв. упоминания о нем довольно часты: на протяжении всего текста «Мин хуй дянь» встречаются сведения о работниках, не имеющих своих средств производства и работающих на других людей, — это так называемые чэньцзо (186) (искать работу), чэньгун (187) (брат работника), чэньчжи (188)¹⁸ (взять ткача). Ф. Энгельс отмечал подобные же явления в Западной Европе: «Первые капиталисты застали... форму наемного труда уже существующей»¹⁹.

Случаи применения наемного труда сами по себе еще не являются показателем возникновения элементов нового уклада в недрах феодального общества. Только применение наемного труда в значительных мас-

¹⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 371.

¹⁷ Некоторые проблемы применения наемного труда в городском производстве средневековья рассмотрены мною в специальной статье [216]. Там же дается историография вопроса [216, 408—413].

¹⁸ В библиотеках Советского Союза отсутствует экземпляр «Мин хуй дянь», поэтому мы лишены возможности дать ссылку на страницы.

¹⁹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 282.

штабах имеет, по словам В. И. Ленина, «едва ли не наибольшее значение» в вопросе о развитии капитализма²⁰.

В источниках, начиная с XVI в., встречаются сведения о применении наемного труда в значительных размерах.

В XVI—XVIII вв. в больших городах существовали уже определенные места найма рабочей силы. Это были специальные улицы, харчевни и чайные, хуйгуани, мосты, где на рассвете собирались незанятые работники. По утрам туда же приходили хозяева мастерских, подрядчики, хозяева станков и нанимали работников.

О нескольких примерах применения наемного труда в XVI — первой половине XVII в. можно судить по табл. 3. Из восьми приведенных там примеров только в двух случаях термины найма не упомянуты, хотя отношения найма и очевидны. В шести же текстах употребляется термин «гу» (189) (нанимать).

Таблица позволяет сделать вывод, что в этот период наиболее устойчивыми, часто встречающимися терминами становятся «гу» или «гуюн» (190).

Появляются и термины, обозначающие сроки найма, территориальную принадлежность работника и т. п.: «чангун» («наем на долгий срок»), «дуаньгун» (161) («наем на короткий срок»), «мангун» (192) («наем на период страды»), «сяньгун» (193 [«пришлый (не местный) работник»]).

Тексты 1, 6, 7 (табл. 3) дают основание полагать, что в отличие от предшествующих эпох (когда встречались единичные факты найма) в рассматриваемый период стали появляться отдельные частные мануфактуры и мастерские, нанимавшие до нескольких сотен работников.

Этот период характеризует появление наемного труда в самых передовых, высокоразвитых отраслях городского ремесла — шелкоткачестве, красильном, фарфоровом производстве, производстве бумаги (частично размещенном в городах). Применение значительного количества наемной рабочей силы в этих отраслях было обусловлено прежде всего их товарностью, работой на широкий рынок.

В большинстве приведенных в табл. 3 примеров ничего не сообщается о сроках найма. В тех же текстах, где говорится об этих сроках (табл. 3, тексты 1, 7), мы встречаемся с наймом поденным. Распространение поденных форм найма и поденной оплаты труда было, на наш взгляд, связано с тем, что в этот период наем не ушел еще из-под власти цеха и по-прежнему производился под строгим его контролем.

Долгосрочные и краткосрочные формы найма чаще встречались в тех отраслях, где было слабее влияние цеховой организации, а возможности применения неквалифицированной рабочей силы — шире: в фарфоровом, керамическом, бумажном производствах. Работа по найму в этот период в Китае великолепно иллюстрирует мысль В. И. Ленина: *«Роль наемного труда повышается параллельно с расширением размеров заведений»*²¹.

В нашей работе не изучается вопрос о правовом положении наемных работников в XVI—XVIII вв. Это потребовало бы не только изучения минского законодательства, но и привлечения документов, характеризующих фактические отношения хозяев и наемных работников, а они почти неизвестны современной синологии. (Имеющиеся данные касаются главным образом сельского хозяйства.)

²⁰ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 581.

²¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 345.

Наемный труд в городском ремесле XVI — первой половине XVII в.

№ п/п	Датировка текста	Город, уезд	Вид ремесла или занятий	Основное содержание текста	Термин и его перевод	Число лиц наемного труда	Источник	Наличие цеха	Куда нанимают	Оплата
1	Конец XI — начало XVI в.	Сучжоу	шелкоткачество	хозяева ткацких мастерских (даху) ежедневно призывали на работу около сотни ткачей (сяоху), собиравшихся у моста Сюаньмяогуань	гуюн — нанимать	около 100	[156, 4]	—	мастерские частных хозяев (даху)	поденная оплата
2	XV в.	Цзяшань, пров. Чжэцзян	ткачество	«... на сложные ткацкие работы [цзяшаньские хозяева] нанимали ткачей-сучжоусцев»	гу — нанимать	несколько	«Цзяшаньсяньчжи», XXV, цит. по: [297, 42]	—	частные мастерские	—
3	Конец XV — начало XVI в.	Шэнцзэ-чжэнь, обл. Сучжоу	шелкоткачество	«Состоятельные хозяева [ткацких мастерских] нанимают бедняков-ткачей...»	гу — нанимать	несколько	[56, XXXVIII, 126]	—	частные мастерские	—
4	Конец XV — начало XVI в.	Фулян, пров. Цзянси	производство фарфора	хозяева частных мастерских нанимали за плату мастеров из Лэпина, потом «задолжали им плату и выгнали»	юнгун — нанимать раб-ботника	несколько	[118, CCXLIX, 206—21a]	—	частные мастерские	—

продолжение табл. 3

№ п/п	Датировка текста	Город, уезд	Вид ремесла или занятий	Основное содержание текста	Термин и его перевод	Число лиц наемного труда	Источник	Наличие цеха	Куда нанимают	Оплата
5	Минское время (XIV—XVI вв.)	Фошань, пров. Гуандун	изготовление шляп	20 с лишним частных мастеров (цзя) «нанимали мастеров и раздавали рабобу женщинам на дом...»	гу — нани-мать	несколько	[66, VI, 106]	—	частные мастерские	—
6	Конец XVI — начало XVII в.	Сучжоу	шелкоткачество, шелкокрашение	ткацкие и красильные мастерские нанимали несколько тысяч работников	—	несколько тысяч	[118, CCCLXI, 56—6a]	—	частные мастерские	—
7	XVII в. (первая половина)	не указано	шелкоткачество	закон императора Шуньчжи (1644 г.) запрещал хозяевам иметь больше 100 станков... «Сновкой занимались женщины, получающие поденную плату»	—	свыше 200	[68, II, 2a]	—	частные мастерские	—
8	Середина XV в.	Чжэнцзэ-чжэнь, обл. Сучжоу	шелкоткачество	«... хозяева .. мастеровских на самые искусные работы нанимали ткачей из Сычжоу»	гу — нани-мать	не указано	[94, II, 11a]	—	частные мастерские	поденная оплата

Вместе с тем некоторые китайские историки приводят свидетельства официальных источников²², позволяющие утверждать, что начиная с 1577 г. в среде наиболее прогрессивных деятелей из феодального класса обсуждался вопрос о юридическом положении наемных работников [242, 67, 68; 247, 120; 256].

Можно предположить, что именно под давлением прогрессивного чиновничества минское правительство в 1588 г., впервые в истории средневекового Китая, издало закон, определявший положение наемного работника. Специальный документ, называвшийся «Син ти ли» («Новые правила»), гласил: «Семьи чиновников и нарсда, приглашающие людей на работу, должны составить письменный договор, в котором обсудить и записать сроки работы наемного работника (гугун). Того, кто нанимается на короткий срок (дуаньгун) за небольшую плату, по-прежнему считать свободным человеком (фаньжэнь) (194)» [118, СХСIV; цит. по: 147, 120].

Как видно из этого закона, к свободным людям были приравнены только работники, нанимавшиеся на короткий срок. Юридическое же положение работников при долгосрочном найме никак не определялось.

Нам также неизвестно, до какой степени этот статут «фаньжэнь» («свободного человека») соблюдался в обычной практике найма.

По мнению китайских историков Сюй Да-лина и Ло Яо-цзю, правовое положение наемных работников в Минское время было чем-то средним между положением свободного и раба; хозяин мог подвергнуть наемного работника наказанию, а за его убийство не подлежал смертной казни [243, 17—68; 256].

Однако и тот и другой историки говорят о Минском времени вообще, не оговаривая специально, относится ли их определение ко времени до издания закона 1588 г. или после него.

В конце XVII — начале XVIII в. упоминания о найме работников в крупные мастерские весьма часты. Эти сообщения встречаются в официальных документах, цеховых уставах, в надписях на каменных стелах.

Как видно из примеров, собранных в табл. 4, работников нанимали на горнодобывающие и плавильные производства, в бумажные и сахароваренные предприятия, ткацкие и керамические мастерские.

Приведенные тексты свидетельствуют о том, что с конца XVII в. употребление терминов «гу», «гугун» для обозначения различных видов найма становится более устойчивым и повсеместным; одновременно возрастает число терминов, отражающих сроки найма, появляется местная терминология.

Наемный работник обозначается терминами «гужэнь» («наемный работник»), «гунцзян» («мастер, работник»), «гун» (195) («работник»), «ляньшоу» («искусный мастер, тренированные руки»), «чанцзян» (196) («мастер, нанятый на длительное время»), «чаньянь» («долгосрочный наем»), «дуаньцзян» (197) («мастер, нанятый на короткое время»), «дуаньянь» (198) («краткосрочный наем»), «саньцзян» («поденщик»), «саньянь» (199) («наем на время», «наем на сезонные работы») ²³.

Однако, как видно из табл. 4, преобладающим является термин «гу» (в 10 случаях из 13). С конца XVII в. наемный труд применялся в товарных отраслях производства, работавших на широкий рынок. Возросли и масштабы его использования: шелкоткацкие и хлопчатобу-

²² Лю Юн-чэн, например, ссылается на сочинение Гун Да-ци «Тай ни чжи нань» [247, 120].

²³ Сезонные работы, «период страды», существовали не только в сельском хозяйстве, но и в ремесле. Во время больших дождей, например, невозможно было заниматься производством фарфора, изготовлением бумаги; размотка коконов приходилась на определенное время года.

Таблица 4

Наемный труд в городском ремесле второй половины XVII—XVIII в.

№ п/п	Датировка текста	Место	Ремесло	Основное содержание текста	Термин и его перевод	Число лиц, насмного труда	Источник	Частота упоминания в источнике	Наличие цеха	Куда нанимают	Оплата
1	XVIII в.	Цзинь-чжень пров. Цзянси	производство фарфора	«В Цзиньчэнь наемные работники собирались со всех сторон. Приходили лица, не имевшие постоянного места жительства, каждый день не менее нескольких десятков тысяч человек»	гу—нанять-ся	десятки тысяч (в значении множества)	[88, XLIX; цит. по: 265, 105—106]	—	—	—	—
2	XVIII в.	Обл. Жаочжоу пров. Цзянси	производство фарфора	«В семи уездах Жаочжоу все имеют печи и ведут производство, живут за счет того, что нанимают работников»	юнгун—нанимать мастера	много	[65]	—	—	на все печи, принадлежащие частным хозяевам	—
3	XVII в., 60-е годы	Наньцзин	шелкоткачество	Хозяева мастерских (чжанфан) нанимают бедняков-ткачей	гу—нанимать	—	[68, III, 26—5a]	—	—	в частные шелкоткацкие мастерские	—
4	XVII в., 2-я половина	Фэнцзин уезд Цзяшань пров. Чжэцзян	крашение и лощение хлопчатобумажных тканей	В цзяшаньские полотняные мастерские «толпам приходили нанять лощильщики и красильщики—все из Цзяннина»	гу—нанимать	много	«Гуаньшуй Цзяшань-сянь чжи», XXXV; цит. по: 297, 42]	—	—	в частные полотняные мастерские	—
5	XVIII в.	Сучжоу	шелкоткачество	Мастера-ткачи нанемались в мастерские цзиху—хозяев станков и «получали плату согласно сделанной работе»	гу—нанимать	много	[10, № 3]	один раз	—	в мастерские частных хозяев	сдельная

Продолжение табл. 4

№ п/п	Датировка текста	Место	Ремесло	Основное содержание текста	Термин и его перевод	Число лиц наемного труда	Источник	Частота упоминания в источнике	Наличие цеха	Куда нанимают	Оплата
6	XVII в.	Сучжоу	лощение и крашение тканей	лощильные мастерские «нанимали лощиков и красильщиков»	юн—нанить	—	[10, № 23]	один раз	—	в частные лощильные мастерские	—
7	XVII—XVIII вв.	Аньхуа	крашение тканей	работники-красильщики нанимаются на год в цеховые мастерские, по договору не могут уйти с работы	гуюн—нанять; гуцин—приглашать	—	[115, т. I, 188, устав красильщиков]	—	цех красильщиков	в цеховые красильные мастерские	годовая
8	начало XIX в.	Чанша	сапожное, шляпное	«...если пришлый мастер в лавке нанят на долгое время, то в осенние и летние сезоны хозяин не может отказать мастеру от работы, а осенью и зимой мастер не может уйти»	чаньянь—нанять на долгое время	—	[115, т. I, 188, устав сапожников и шляпников Чанша]	—	цех сапожников и шляпников	в цеховую мастерскую	—
9	1793 г.	Сучжоу	бумажное производство	36 хозяев бумажных мастерских установили общие для всех условия найма работников: оплату, сроки, правила ухода, общее число рабочих	сандзянь—нанятый на время мастер	800	[10, № 71]	—	цех бумажников	в частные мастерские 36 хозяев	—
10	1745 г.	Сучжоу	шелкоткачество	«...владельцы станков в большинстве случаев ведут работу с помощью наемных работников»	гужень—наемный работник	—	[115, т. I, 410]	один раз	—	в частные шелкоткацкие мастерские	сдельная оплата в соответствии с количеством изделий плюс

Продолжение табл. 4

Датировка текста	Место	Ремесло	Основное содержание текста	Термин и его перевод	Число лиц наемного труда	Источник	Частота упоминания в источнике	Наличие цеха	Куда нанимают	- Оплата.
11 1771 г.	уезд Гайшань область Фэнтянь	шелкоткачество	«...в семьях Цзян Эр-дао и Шао Чжи-оу занимаются размоткой коконов для других людей... наем (гу) происходит без всякого письменного договора»	гу—наем	—	[115, т. I, 411]	один раз	—	в частные шелкоткацкие мастерские	дополнительные деньги «на вино» по праздникам или дважды в месяц
12 1747 г.	пров. Гуандун	хлопкоткачество	«Ло Вэй-вань был нанят в лавку Су Го-чэна для трепанья хлопка...» По словам нанятого, плата была установлена на 300 вэней за 100 цзиней хлопка	гу—нанять	1	[115, т. I, 411]	—	—	в частную лавку	сдельная оплата—300 вэней за 100 цзиней трепаного хлопка; письменный договор отсутствует
13 1771 г.	уезд Цзяньвэй пров. Сычуань	хлопкоткачество	«Лю Цзун-вэнь открыл мастерскую (дэнь) по обработке хлопка и существовал на это. Работник Хэ Тай-шэн, нанятый на короткий срок, занимался трепаньем хлопка...»	дуаньгу—нанять на короткий срок	1	[115, т. I, 411]	—	—	в частную лавку	повременная оплата—600 вэней в месяц; никакого договора не заключалось

мажные, красильные, лошильные мануфактуры Наньцзина, Сучжоу, Ханчжоу нанимали до нескольких сотен работников; 3—4 тыс. наемных работников трудились в мастерских богатых цзиху, владельцев ткацких станков, состоящих в казенных списках «гуаньцзи» [55, LI, 226]. Если в годы правления Ваньли, по данным «Мин ши лу» [118, CCLXI], в Сучжоу было несколько тысяч красильщиков и лошильщиков, то при Юнчжэне, по сведениям «Юнчжэн чжупи юйчжи» [121, разд. 48, 101], число их превысило 20 тыс. Тысячи работников были наняты владельцами частных печей Цзиндэчжэня, 800 человек — в бумажные мастерские г. Сучжоу (табл. 4, тексты 1—4, 6, 9). Наемным трудом постоянно пользовались цеховые мастерские самой различной специализации в Чунцине, Чанша, Гуанчжоу и многих других городах: в г. Чанша (конец XVIII — начало XIX в.) многие члены торгово-ремесленных ханов нанимали в свои мастерские 2—3 работников [115, т. 1, 188—198].

В городском ремесле отчетливо заметно, что *«тенденция мелкого товарного производства клонится к все большему употреблению наемного труда...»*²⁴. Цеховая организация уже вынуждена признать существование такого явления, как наемный труд в цеховой мастерской, и уставы фиксируют эту практику (табл. 4, тексты 7—9). Наем происходил по-прежнему под строгим контролем цеха независимо от того, нанимались ли члены цехов или пришлые, внецеховые работники. Доказательством может служить весьма широко известный текст²⁵ о найме на сучжоуских мостах в XVII—XVIII вв. [42, XXI, 7; 113, разд. 32, т. 781, IX, 55a; 55, LII, 1].

Отличительной чертой наемного труда с конца XVII в. являлось такое деление на обученных и необученных работников, какого не знало цеховое ремесло. Если квалифицированный ткач входил в цеховую организацию, то массы лошильщиков, бумажников, подсобных рабочих на изготовлении фарфора, обладавших не столько квалификацией, сколько физической силой, были пришлыми наемными работниками, не связанными ни с какими организациями (табл. 4, текст 1, 4). Многочисленные данные эпиграфики свидетельствуют, что такие работники вели постоянную борьбу за право создания своих собственных организаций — циханов и сыханов [10, № 7, № 24].

Характер и состояние источников не позволяют определить степень распространения наемного труда и его удельный вес в общем количестве работников, занятых в ремесле. Однако есть возможность исследовать формы найма и оплаты труда, выявить степень зависимости наемного работника от нанимателя.

Один из важнейших вопросов — определение характера найма, степени его «несвободности».

Некоторые китайские ученые в период дискуссии о зарождении капиталистических отношений в Китае переоценивали степень «несвободы» наемного работника. Они считали, что с момента найма рабочий переставал быть свободным и «наем» в эпоху позднего средневековья был лишь формой крепостнического труда [236, 8; 242, 69—73].

Бесспорно, наем работников в XVII—XVIII вв. носил еще отпечаток феодального гнета. И явление это не было специфически китайским. Вся история возникновения мануфактуры полна примеров различных форм несвободности работников (приписка к мануфактуре, посессионная мануфактура в России и т. п.). В период разложения феодальных

²⁴ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 346.

²⁵ Русский перевод текста опубликован в «Хрестоматии по истории Китая в средние века» [222, 49].

отношений наемный труд и не мог быть иным. На эту его особенность в период существования мануфактур обращал внимание В. И. Ленин, указывая, что отношения нанимателя и работника никогда не достигали в мануфактуре той «законченности и чистоты, которая свойственна фабрике»²⁶.

Что же касается Китая, то не только в XVII—XVIII вв., но и в XIX в. в фабричном производстве встречались феодальные пережитки при наборе рабочей силы, ограничение свободы и различные формы зависимости работника от хозяина.

Наибольшая степень несвободы наблюдалась при долгосрочном найме (чангун, чанцзян, чаньянь). Здесь работники были прежде всего ограничены договорами с хозяином или союзом предпринимателей, заключавшимися на определенный срок (табл. 4, тексты 7, 8).

В какой форме существовали эти договоры?

Рассмотрим табл. 4, тексты 11, 12. Это документы, датированные второй половиной XVIII в. и извлеченные составителями «Сборника материалов по истории кустарного производства в новое время» из архива ведомства наказаний, представляют собой записи следственных дел или донесения следственных чиновников. В обоих документах отсутствие письменных договоров особо подчеркивается, так как, очевидно, именно их отсутствие давало хозяевам возможность нарушить условия найма; обращается внимание на нарушение некоего заведенного порядка. По-видимому, при долгосрочном найме была распространена практика составления письменных договоров с указанием срока найма, времени выдачи платы за работу, запрещения покидать мастерскую и пр. (табл. 4, тексты 7, 8).

При долгосрочном найме плата выдавалась не ежемесячно, а в установленное хозяином (иногда вместе с феодальными властями) время года и в соответствии со сводом цен и платы за работу (шихан) (200), которые также устанавливались властями [10, № 3]. Такая форма оплаты распространена была в фарфоровом производстве. «Одни работники готовили массу, другие формовали сосуды... все они получали плату в середине четвертого месяца (по лунному календарю.—Э. С.), а окончательный расчет производился в десятом месяце. В конце года им выдавали еще немного денег. Работникам, занятым росписью фарфора, выдавали плату в праздник драконовой лодки (5-й месяц по лунному календарю.—Э. С.)» [162, I, 11—12].

Сроки выдачи платы были различны — от ежемесячной (табл. 4, текст 11) до ежегодной (табл. 4, текст 7). Выплата денег через длительные промежутки, практика раздачи мелких сумм «на вино» по большим праздникам (табл. 4, текст 10) были распространенными формами удерживания нанятого работника.

При долгосрочном найме оплата была чаще поштучной, с учетом качества работы, что в условиях низкой производительности труда было невыгодным для работника, а «учет качества» открывал широкие возможности для злоупотреблений хозяев [94, I, 106]. Наем на короткий срок обозначался в документах и нарративных источниках терминами «дуаньцзян», «дуаньянь», «саньцзян», «саньянь», «дуаньгун». Термины эти абсолютно равнозначны (очевидно, они возникали в разных отраслях производства и разных провинциях).

При краткосрочном найме обычной была практика устного соглашения, письменного текста договора не составлялось (табл. 4, тексты 9, 13).

²⁶ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 435.

О положении работников, нанятых на непродолжительный срок, можно судить по надписи на камне, высеченной в 1793 г. хозяевами бумажных мастерских в Сучжоу [10, № 40, 69—71].

В мастерских, принадлежавших союзу 36 хозяев, насчитывалось свыше 800 работников, занятых на разных операциях. Они были обязаны жить в помещении мастерских, не имели права стучаться куда-нибудь на ночь («запрещается не возвращаться в мастерскую к ночи», — говорится в тексте стелы). Во время работы они находились под наблюдением надзирателей (фанцзя — главный в мастерской, старший), а вся их жизнь была под контролем старшины (цзянтоу).

Каждый работник получал ежемесячно 1 лян 2 цзяня.

Одинаковая плата для всех работников бумажных мастерских объяснялась, по нашему мнению, тем, что все семь-восемь операций требовали приблизительно одинаковой квалификации и одинаковой затраты физических сил. В бумажном производстве не было такого разрыва между трудом простым и сложным, как в шелкоткачестве и фарфоровом производстве.

Если работник делал больше нормы, то ему выдавали дополнительную плату. В тексте стелы несколько раз повторяется, что каждому, «кто работает до глубокой ночи», «не жалеет сил» и делает больше 600 листов бумаги, «выдавать дополнительные деньги и полфяня чаевых» [10, № 40, вступление к уставу].

В тексте стелы наемные работники обозначаются термином «саньцзян»²⁷. Среди правил, регламентирующих положение саньцзян, мы не находим таких, которые ограничивали бы свободу ухода от хозяина, перехода в другую мастерскую. В тексте дважды сообщается, что если мастера «не совершают преступлений... то могут перейти в другую мастерскую», если они «не присваивают чужих денег... то могут перейти в другую мастерскую и наняться на работу» [10, 71].

Это позволяет сделать вывод, что саньцзян, работники, нанятые на непродолжительный срок, имели право в любое время оставить работу или перейти к другому хозяину.

Еще менее был стеснен работник при поденном найме, как следует из уже известного текста о найме на мостах. В этом случае продолжительность занятости мастерового определялась только наличием работы в мастерской.

«Те, кто не имеет постоянного занятия, приходят рано утром и ждут на мостах... Если работа в ткацких мастерских сокращается, то этим людям нечего есть и не во что одеться» [42, XXI, 7а; 91].

Таким образом, степень несвободы при поденном и краткосрочном найме была значительно меньше, чем при долгосрочном. Мы встречаемся здесь с тенденцией уменьшения внеэкономической зависимости наемных работников, улучшения их юридического положения.

Чрезвычайно трудно установить соотношение между повременной и почасовой оплатой для этого периода.

При найме неквалифицированной рабочей силы преобладала повременная оплата (как и в бумажном производстве). В различных местностях существовали нередко неодинаковые формы оплаты за одинаковый труд. Так, во второй половине XVIII в. в Сычуани, в частных мастерских по обработке хлопка, была повременная оплата (табл. 4, текст 13), а в Гуандуне — сдельная (табл. 4, текст 12). При краткосрочном и поденном найме, особенно в ткачестве, была распро-

²⁷ С а н ь — разрозненный, свободный, распускать; в китайско-русском словаре И. М. Ошанина «саньгун» переведено как а) распускать рабочих, кончать работу, б) непостоянная работа, поденщик.

странена поденная плата за работу: «В зависимости от числа дней получают плату» [113, разд. 32, т. 48, 53].

Однако у свободы поденного найма была и обратная сторона — отсутствие какого-либо более или менее постоянного заработка, означавшее «свободу» умереть с голоду. Вместе с тем все большее распространение получает оплата поштучная (табл. 4, тексты 5, 10, 12). Источники неоднократно указывают на ее зависимость от умения и силы работника, интенсивности его работы.

«Плату подсчитывают в соответствии с работой, смотрят, высоко или низко качество изделий, искусный или неискусный мастер, и в зависимости от этого платят больше или меньше», — сообщается в стеле, установленной в Сучжоу (1735 г.) [115, т. 1, 411]. «Из каждой сотни только несколько наиболее сильных получали по 2 фыня», — говорится в «Цзянси тунчжи» [86; цит. по: 265].

Тан Инь пишет, что в фарфоровых мастерских «оплата каждый месяц 3 цяня. Если работают двумя руками и растирают краску сразу в двух ступах, то плата увеличивается вдвое» [162, I, 12].

Интересно, что в сочинениях конца XVII—XVIII в. реже встречаются упоминания о поденной оплате, столь характерной для более ранних периодов. Очевидно, с расширением масштабов применения наемного труда и распространением практики заключения устных (или письменных) соглашений обычай ежедневной оплаты труда наемного работника вышел из употребления.

Плата, которую получали наемные работники различных специальностей, была крайне незначительна и не обеспечивала даже самого низкого прожиточного минимума. В описании местности Пучуань (пров. Чжэцзян) (XVIII в.) о работниках шелкомотальных мастерских сообщается следующее: «За месяц работы с новым шелком едва зарабатывают на то, чтобы купить мужчине обувь, а женщине чулки» [138, III, 89a].

Кроме того, хозяева мастерских всячески старались урезать плату: выдавали часть заработанного продовольствием, расплачивались не полноценной монетой с низким процентом содержания серебра.

Имеющиеся материалы не позволяют более или менее полно выяснить степень экономической эксплуатации наемного работника. Однако мы вполне определенно можем говорить о продолжительном рабочем дне, о работе в ночное время и применении детского труда. Источники XVI—XVII вв. говорят нам не только о продолжительном рабочем дне, но и о работе в ночное время. В этом следует видеть одно из отличий ремесленного производства Китая от европейского цехового ремесла, как правило, уставом запрещавшего работу в ночное время. «Ткачи за день вырабатывают кусок полотна. Многие не спят даже ночью» [113, разд. 6, т. 116, DCXCVI, 49/2]; «люди работают и по ночам. Бросая челнок, они слушают, как поют дети» [138, III, 89a].

В керамическом и фарфоровом производствах, особенно летом и осенью, в период интенсивного обжига, рабочий день продолжался с 5—6 часов утра до 10 часов вечера (до второй стражи) [162, I, 11—12].

Совершенно обычным в мастерских было применение детского труда: в шелкоткачестве — на мотании шелка, в хлопкоткачестве — при очистке хлопка, в обработке металлов и в чеканных мастерских — на подсобных работах. «Дети работали до глубокой ночи вместе со взрослыми ткачами», — пишет Чу Хуа [161, 9]. В «Гуандун синьюй» описаны фошанские металлообрабатывающие мастерские; в каждой из них насчитывалось до десятка детей и подростков [157, XV, 9]. Вильям Хикей, посетивший в 1769 г. мастерские по росписи цзиндэ-

чжэньского фарфора в Гуанчжоу, пишет, что некоторые операции выполнялись там подростками и даже детьми шести-семи лет [317, 37].

И во всех этих случаях речь шла не об обычном цеховом ученичестве, а о широком применении детского труда. Дети работали наряду с наемными взрослыми рабочими.

В XVII—XVIII вв. возникли самостоятельные формы классовой борьбы наемных работников²⁸. В Сучжоу, Цзиндэчжэне, Чэнду и других крупных городах имели место выступления наемных работников, требовавших повышения заработной платы, увеличения процента серебра в выдаваемых деньгах, права на создание собственных цеховых организаций [10, № 7, № 23, № 25, № 40].

Для всестороннего изучения вопроса об источниках пополнения рабочей силы в частном ремесленном производстве необходимо прежде всего самостоятельное изучение процессов, происходивших в китайской деревне. В данной монографии приводятся лишь некоторые отрывочные данные, частью собранные автором, частью извлеченные из статей китайского историка Лю Юн-чэна.

Наши сведения о XVI—XVII вв. слишком скудны, чтобы делать какие-либо выводы. Источники второй половины XVII—XVIII в. позволяют предполагать, что разорившиеся крестьяне были основным источником формирования наемной рабочей силы в городах и составляли преобладающую ее часть; лишь незначительное число наемных мастеров составляли разорившиеся городские ремесленники, бывшие ученики и подмастерья.

Лю Юн-чэн приводит сообщения из шанхайской газеты «Шэньбао» за 1877 г. [247, 107] о распространении бродяжничества и концентрации бродяг в городах в начале правления Цинской династии. «Крестьяне из деревень к северу от Янцзы, как только наступает неурожайный год, поддерживая стариков и неся на руках детей, стремятся в город Су[чжоу] в поисках пропитания».

На севере в годы правления Канси «бродяги (люйминь) (201) из провинции Шэньси собирались в Жэньяне и других местах»; «бродяги из Шаньдуна устремлялись в Цзиньчэн (Пекин)».

Аналогичные тексты приводятся в ХЛ цзюане «Хуанцин цзинши вэньбянь» («Сборник сочинений об управлении, написанных при цинских императорах») за годы правления Юнчжэн. Было пять городов, где бродяги (люйминь) из провинций Чжили, Шаньдун, Хэнань «находили себе пропитание»; «в Хэцзяне, Тяньцзине и других местах все больше и больше становится людей, которые приходят туда в поисках пропитания» [247, 107]. Эти данные свидетельствуют о том, что экспроприированные крестьяне устремлялись в города в поисках средств к существованию. Официальные источники называют оторванных от земли, лишенных средств производства крестьян «люйминь» — бродягами.

Особенно широким этот поток обезземеленных и обездоленных становился в голодные, неурожайные годы, когда люди уходили целыми семьями, бросая дома.

Уход крестьян из деревень означал для феодальных властей сокращение числа налогоплательщиков, нарушение существующего порядка. Поэтому правительство самыми различными средствами пыталось приостановить этот процесс, воспрепятствовать притоку крестьян в города и места добычи полезных ископаемых. Оно запрещало

²⁸ О классовой борьбе в городах см. работу автора «Эпиграфика как источник для изучения волнений городских низов в конце XVII—начале XVIII в. в Китае» (тезисы доклада, прочитанного на IV научной конференции по историографии и источниковедению истории зарубежных стран Азии и Африки, ЛГУ), Л., 1967.

пришлым людям ночевать в черте городских стен и ограничивало число ткацких станков у хозяев мастерских, запрещало открывать новые разработки полезных ископаемых и неоднократно возвращалось к политике «земледелие — ствол, торговля и ремесло — ветви». Об этом свидетельствует, например, изданный в 1727 г. императорский указ: «В настоящее время многие люди стремятся иметь самую роскошную посуду, одежду и украшения и поэтому постоянно используют искусных мастеров. На рынке множество мастеровых, но зато на полях мало людей, обрабатывающих землю, поэтому среди невежественного народа гораздо больше людей, которые получают выгоду от занятий ремеслом, вместо того чтобы вкладывать силы в землю. Необходимо собирать их и побуждать к работе [на полях]» [цит. по: 247, 108].

Однако рост бродяжничества и усиление классовой борьбы в городах вынуждали правительство отказываться от этой политики. Уже в годы правления Канси был упразднен закон об ограничении числа ткацких станков, введены послабления в политике запрета горнодобычи, а на местных чиновников возложена обязанность привлекать купцов к горным разработкам [247, 108] и проводить политику «тин минь цзы кай» («позволить народу самому разрабатывать»).

Источники конца XVII—XVIII в. свидетельствуют, что хозяева мастерских нанимали работников из людей пришлых. О найме пришлых работников свидетельствуют тексты 1 и 4 (табл. 4). Сообщения об этом встречаются и в надписях на стелах из провинции Цзянсу: «В Сучжоу мастеров-лощильщиков не менее 10 тыс. Все они не местные, а пришли из других мест» (1718 г.) [10, 43]. В Сучжоуских бумажных мастерских свыше 800 мастеров; все они «из Цзяннина, Чжэньцзяна и других мест» (1793 г.) [10, 71].

«Мастера, занятые в плавильных мастерских Сучжоу, в большинстве из двух областей» (1740 г.) [10, 122].

В «Юнчжэн чжули юйчжи» («Императорские указы и постановления, изданные при Юнчжэне») записано, что в «Сучжоу люди, занимающиеся лощением полотна, все являются одинокими бродягами, пришедшими из других мест („вайлай ланшэнь люйминь“»)» [121, разд. 42, 23].

В «Цяньлун Гунфансянь чжи» («Описание уезда Гунфань, составленное в годы правления Юнчжэн») сообщается, что в этом уезде пров. Хэнань «на угольных шахтах собрались сотни и тысячи нанятых людей. Все это бедняки, пришедшие с четырех сторон» (в годы правления Цяньлуна) [115, т. I, 331].

Этот перечень примеров можно было бы дополнить данными, собранными Лю Юн-чэном [см. 247, 109—116].

Нам кажется, что даже эти разрозненные сведения уже позволяют сделать предположение, что источником пополнения наемной рабочей силы в значительной степени было пришлое население, которое современники называют «пришедшим со стороны» («вайлайди, вайлайди кэжэнь»), «не имеющим занятий» («уечже»), «бродягами» («люйминь»).

Таким образом, можно утверждать, что наемный труд в городском ремесле за XVI—XVIII вв. медленно претерпевал изменения: из второстепенных отраслей он проникал в основные, товарные отрасли ремесленного производства; росли масштабы его применения; выделялись различные виды найма, он получил юридическое оформление.

В мастерских практиковались дифференцированная оплата, ночная работа, использование детского труда. Труд этот не всегда был вполне свободным: работник был связан письменными договорами, его удерж-

живали кабальные формы оплаты труда. Однако основной тенденцией развития найма в этот период было уменьшение степени внеэкономической зависимости, в особенности при краткосрочном найме.

Положение наемного работника отягчалось и системой контроля и надзора, установленного феодальными властями.

В период, когда процесс перехода от эксплуатации феодальной к эксплуатации капиталистической только начинался, система принуждения и правительственного контроля ложилась дополнительным бременем на непосредственного производителя, препятствовала формированию классов, которые могли бы в дальнейшем стать основой капиталистического способа производства, и в совокупности с другими явлениями привела к тому, что применение наемного труда в XVI—XVIII вв., несмотря на свои значительные масштабы, так и не произвело переворота в способе производства.

* * *

В XVI—XVIII вв. в китайском ремесле возникали новые экономические формы организации производства. Это происходило в наиболее развитых районах и передовых отраслях ремесла как следствие начавшегося процесса разложения феодального строя и свидетельство формирования нового уклада. Однако последнее совершалось в Китае крайне медленно и в конечном счете не привело к радикальному преобразованию феодальных производительных сил и производственных отношений.

Состояние мануфактурного производства в Китае в XVI—XVIII вв. великолепно иллюстрирует мысль К. Маркса о том, что «мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»²⁹.

Возникшая рядом с цеховым строем, в условиях строгого контроля и притеснений со стороны феодальных властей, страдавшая от недостатка капиталов мануфактура была не в состоянии ни окончательно разложить цеховой строй, ни организовать в силу, которая смогла бы противостоять нажиму феодального государства.

²⁹ К. Маркс, Капитал, т. I,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 381.

Глава 5

СБЫТ ПРОДУКЦИИ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА

ВНУТРЕННИЙ РЫНОК

Некоторые процессы, характеризующие экономическую жизнь Китая XVI—XVIII вв.—переход от ренты натуральной к денежной, замена системы повинностей денежным налогом, увеличение количества серебра в обращении, расширение коммуникаций в результате реконструкции Великого канала и восстановления каботажного судоходства на севере (разрушенного в XV—XVI вв. набегами японцев),—способствовали интенсивному развитию внутренней и внешней торговли.

Торговля позднесредневекового Китая уже исследовалась и в русской дореволюционной, и в советской, и в европейской синологии.

Х. Трусевич в конце прошлого века изучил русско-китайскую сухопутную торговлю¹. Внешней торговле Китая со странами Южных морей и внешнеторговой политике минского правительства посвящена специальная глава книги А. А. Бокшанина [см.: 180, 139—182]. Автор этой интересной монографии собрал ценнейшие свидетельства китайских источников, что позволило ему раскрыть основные признаки и методы ведения китайской внешней торговли. Торговля фарфором с европейскими странами в XVIII в. исследована Д. Филлипсом [см.: 317].

Изучение средневекового производства дало нам возможность поставить и в какой-то степени исследовать одну из составных частей торговли — сбыт продукции городского ремесла на внутреннем и внешнем рынках.

В рассматриваемый период в орбиту китайского внутреннего рынка втягивались все провинции и области, города и ремесленные села. Существенная особенность городского ремесленного производства заключалась в том, что оно обслуживало не только местный рынок, но и отдаленные области и провинции.

Кроме того, значительно увеличилась емкость рынка. Вся продукция городского ремесленника за вычетом части, поступавшей в казну в качестве налога, шла на рынок.

В трудах историков XVI в. и более поздних мы уже почти не встречаемся с такой формой труда ремесленника, как выполнение индиви-

¹ Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.), СПб., 1882.

дуальных заказов чиновников и феодалов. Жители сел и деревень, расположенных вблизи ремесленного центра, постепенно втягивались в общую систему товарной экономики. Они постепенно превращались в профессиональных ремесленников, работавших исключительно на городской рынок.

Развивавшиеся товарно-денежные отношения постепенно проникали и в отдаленную от ремесленных центров деревню.

Уже описания конца XVI — начала XVII в. содержат сведения о продаже на городском рынке продукции сельских ремесленников: пряжи, тканей, циновок, корзин, изделий из бамбука и т. д. «В областях Фу и Хан сельские жители постоянно получают деньги от продажи шелковых и конопляных тканей», — сообщает, например, Сюй Гуан-ци [144, 707].

В источниках же XVIII в. подобные сообщения становятся еще более многочисленными. «В прошлом налоги, собираемые чиновниками, были очень тяжелыми и частыми. Поэтому многие шли в город и продавали хлопковую ткань» [81, II, 76].

«Хорошая пряжа очень дорога... Пряжа похуже свертывается в мотки в форме лепешек» [161, 9].

И в казенном ремесленном производстве часть продукции просачивалась на рынок и становилась товаром. Особенно заметно это в торговле фарфором: «Есть фарфор грубый и есть очень изящный, а есть такой, свободная продажа которого запрещена законом, так как его употребляют только правители; он красный, и зеленый, и золотой, и желтый. Кое-что из него продается, но очень немного и очень секретно», — сообщает Гаспар да Круз в своем дневнике [175, 126]. И действительно, уже во второй половине XVI в. распространяется тайная торговля императорским фарфором.

Позднее, в конце XVII и в XVIII в., на рынок поступала уже значительная часть казенной продукции — либо фарфор несортной, забракованный властями, либо полученный частными мастерами за их работу в казенном управлении [132, IX, 96], либо продаваемый чиновниками из казенных фарфоровых управлений [262, 248]. Последний в источниках называется бусянь (203) в отличие от цинсянь² (202), собственно императорского фарфора [262, 246].

Иностранцы, посетившие Китай в XVI в. (Галеот Перейра, Гаспар да Круз, Маттео Риччи), писали прежде всего о необычайном расцвете торговли в городах.

Городские ремесленники работали на удовлетворение потребностей самых различных слоев населения: горожан, крестьян, городских и сельских феодалов, чиновной знати. Так, среди металлических изделий Фошаня были литые, украшенные сложным орнаментом сосуды, предназначенные для знатных домов, и простая утварь и сельскохозяйственные орудия для крестьян. Шла торговля златотканой парчой и атласом — для феодальной знати и богатых горожан и простой хлопчатобумажной, некрашеными тканями, одеждой, набойкой для крестьян и городской бедноты.

В тексте XVII в., включенном в энциклопедию «Гуцзинь тушу цзи-чэн», сообщается: «Излишки ткани сразу же продают на городском рынке. Купцы скупают их и перепродают... Простые люди, чиновники, люди низких занятий — все они нуждаются в тканях... Торговля идет исключительно хлопком и тканью» [113, раздел 6, т. 115, DCLXXVI, 246].

² Б у с я н ь — срок, установленный ведомствами [бу]; ц и н с я н ь — срок, установленный императорской канцелярией.

Трудно перечислить все товары, поступавшие на рынок. Торговали преимущественно шелковыми и хлопчатобумажными тканями, изделиями из железа и меди (сельскохозяйственные орудия, проволока, гвозди, котлы), одеждой и обувью, домашней утварью, бумагой и т. д., ремесленным сырьем: шелком-сырцом, хлопком, пряжей, красителями, а также чаем, маслом, сахаром, табаком и др.

Из-за отсутствия в средневековом Китае статистики мы не можем судить о размерах товарных оборотов. Сюй Гуан-ци в главе «О хлопке» описывает широкую торговлю хлопком и хлопчатобумажными тканями в конце XVI в. [144, XXXV, 707—708]. В «Чжэцзян тунчжи» приводится описание, свидетельствующее, что в Пучуаньчжэне в XVIII в. существовала массовая торговля шелком. «В Пучуаньчжэне очень много лавок. Купцы специально приезжают из других мест, торопятся как лоси. К концу года торговые операции исчисляются в сотни тысяч золотом. Местные жители извлекают из этого выгоду» [138, III, 88a].

Вместе с тем и для этого времени характерна ненаполненность товарного потока, отмеченная К. Марксом как особенность общества с неразвитым производством. «Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение»³.

Описания городов XVI—XVII вв. иногда сообщают об оживленных ярмарках, о крупных торговых сделках. Но торговля при этом не шла дальше предметов религиозного культа, мелких дешевых украшений, бумаги, сладостей, галантерейных изделий и тому подобных мелочей. Размеры же купеческих капиталов, функционировавших на этих рынках, были нередко весьма значительными.

Во второй половине XVI в. не только в крупнейших городах Китая, но и во многих сравнительно мелких уездных центрах существовали большие, оживленные, постоянно действующие рынки, большая часть которых функционировала ежедневно. Одним из самых крупных в это время был рынок Хэцзяньфу в пров. Хэбэй: «На рынке были хлеб, соль, железо, дерево и пр. Отсюда люди ехали торговать в Наньцзин, Сучжоу, Линцин. Торговцы рисом направлялись в Цычжоу и по Великому каналу в Тяньцзинь. Торговцы железом стремились в Линцин, Баотоу... торговцы солью — в Тяньцзинь и Цанчжоу, торговцы лесом — в Чжэдин», — сообщается в «Хэцзяньфу чжи» [290, 13—14].

Крупнейшим торговым центром на Великом канале был Линцин. В «Мин ши лу» записано, что «город имел 30 ли в окружности. Товары собирались отовсюду. Шэньши, торговцев и простого народа было около 2 млн. В 20-м году Ваньли (1593) там были 33 лавки, торговавшие атласом, и 73 лавки, торговавшие полотном» [111, 923]. Крупными торговыми центрами Хэнани в Минское время были Чжэньдэ, Наньян, Жупин.

Значительная торговля шла на севере пров. Шаньси, где сосредоточилась в конце XVI — начале XVII в. большая часть китайской армии, также нуждавшейся в значительном количестве продовольствия и предметах обихода.

Чу Хуа приводит описание рынка в Гуанчжоу во второй половине XVII в.: «Стоят сотни и тысячи лодок, заваленные мешками с хлопком. Гуандунцы прядут и ткут. Каждый день с утра до полудня за воротами Сяодунмэнь кишит торговля. Крестьяне с тюками на спине спешат, чтобы продать хлопок» [161, 11].

³ К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 304.

Применительно к концу XVI — началу XVII в. можно говорить уже о существовании специализированных рынков — шелкового⁴, хлопкового, фарфорового, сахарного, железного.

Такие рынки возникали или непосредственно на месте производства (фарфоровый — в Цзиндэчжэне; шелковый — в Наньцзине, Ханчжоу; рынок металлических изделий в Фошане и др.), или в центрах внешней торговли (например, торговля фарфором в Гуанчжоу или лошадьми в Датуне). Существовали также специальные рынки, торговавшие только сырьем и возникавшие, как правило, неподалеку от центров ремесленного производства.

В «Цяньлун Фошань чжунъи сянь чжи» («Описание уезда Фошань при Цяньлуне») говорится о рынке, где торгуют железными изделиями: «Отовсюду спешат купцы с повозками, покупают железные изделия и перепродают их в другие места: жители уезда кормятся за счет этих двух занятий (изготовления и продажи железных изделий.— Э. С.)» [64, VI, 126—13а].

А в «Цзиндэчжэнь таолу» приводится описание фарфорового рынка: «Хуанцзячжоу — место, где расположены сучжоуский и хучжоуский хуйгуани. У самой реки теснятся лавки мелких купцов, торгующих фарфором. На площади в два с лишним ли разместился фарфоровый рынок, обращенный к реке. Повсюду идет торговля фарфором. Фарфор покупают и местные жители и крестьяне. Их не ограничивают ни в числе, ни в размерах сосудов» [132, IV, 12а].

«Улица довольно широка и длиной приблизительно в 200—300 шагов, находится она в полумиле от Хуанцзячжоу. По обеим сторонам фарфоровые лавки. И нет такого сорта фарфора, которого не было бы там. Весь этот фарфор приобретается у перекупщиков (фаньху), затем сортируется и выставляется для продажи» [132, IV, 12б].

Кроме рыночной торговли широкое распространение получила торговля вразнос. Бродячий торговец — весьма характерная фигура для Китая XVI—XVIII вв. Тысячи их проникали в самые отдаленные деревни и селения. Вряд ли их операции были велики по объему — не много мог унести один человек в двух корзинах на коромысле. И все же такая торговля была связующим звеном между рынком и потребителем, посредником между купцом, лавкой и покупателями.

Бродячие торговцы были самостоятельными, либо служили посредниками между лавками, торговыми компаниями, ремесленными мастерскими, с одной стороны, и покупателями — с другой.

Бродячий торговец, направленный купеческой компанией в дальние районы, был отдаленным предком современного коммивояжера: он информировал покупателя о товарах на больших рынках, приобщал его к торговле. Эта работа в какой-то степени была более важна, чем собственно торговая деятельность, так как необходимость торговой информации была в то время чрезвычайно остра.

Наиболее прочными торговые связи были в провинциях Цзяннань, Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь, в бассейне Янцзы и в районе Великого канала.

Значительного развития торговля достигла и на севере страны (за исключением ее северо-запада). Об этом пишется в книге Чэнь Ши-ци [290, 16—17]. На юго-западе, в Юньнани, где торговые отношения

⁴ В «Синши хэнъянь» описан шэнцзэчжэньский шелковый рынок конца XVI — начала XVII в. «В этом городе на обоих берегах сотни и тысячи яхан закупают и продают шелка и шелковые ткани. Весь шелк, производимый в ближних и дальних деревнях, привозят на продажу. Со всех четырех сторон купцы спешат покупать. Все это похоже на улей или муравейник» [167, т. I, XVIII, 370—371].

были менее регулярными, с конца XV в. все же шла торговля лесом, драгоценными и полудрагоценными камнями и металлами [290, 25].

В источниках постоянно встречаются сведения, что купцы из самых различных провинций приезжают в ремесленные центры и на крупные рынки для приобретения товаров. Повсеместная постройка зданий хуйгуаней, торговых помещений, постоянных дворов была вызвана именно развитием межобластных и межпровинциальных торговых связей. В «Фэнлу сяочжи» о деятельности торговцев шелковыми тканями сообщается следующее: «Приезжие торговцы и местные лавочники самым доходным и выгодным делом считали торговлю атласом. Все они собирались в южном и западном предместьях (Наньцзина.— Э. С.). Места там высокие и холмистые, сырости нет и шелк не портится. Многие приезжали из отдаленных мест» (XVIII в.) [68, III, 2a].

Весьма многочисленны также сведения о движении значительных товарных масс, о торговых компаниях, занимавшихся скупкой товаров в одних местах и перепродажей — в других. В «Юэ ши пянь» говорится о необычайно широком распространении торговли хлопковыми тканями в первой половине XVII в.

«При прежней династии (Мин) ткань бяобу (вид ситца.— Э. С.) была очень распространенной. Богатые купцы приезжали и закупали ее в огромных количествах, часто пускали в ход большие деньги — от десятков тысяч до сотен тысяч лян серебра, самое меньшее 10 тысяч» [116, VII, 56, 6a; цит. по: 222, 47].

«Состоятельные люди из Шаньси и Аньхуя торгуют тканями, шелком и солью, прибыль от которых значительна. Они приезжают (в Сучжоу) и останавливаются здесь на время» [113, разд. 6, т. 126, DCCXLVIII, 29a], — сообщает писатель конца XVII в.

В Цзяннани было мало хлопка, и его привозили с севера. Цзяннань же служила поставщиком шелка-сырца для Гуандуна, Цзянси, Фуцзяни, Сычуани. Область Сучжоу обеспечивала шелком-сырцом многие центры шелкоткачества.

«Когда подходит к концу период выкормки червей, купцы приезжают (в Сучжоу) из всех известных торговлей мест и обращаются в ханы, чтобы покупать шелк... Торговцы, покупающие шелк и продающие его в местах, где есть ткачи-цзиху, называются фаньцзы — перекупщики» [59, III, 16].

В «Описании Фошаня» (XVIII в.) неоднократно сообщается, что приезжие купцы обращались в торговые ханы, имевшие связь с ханами ремесленными [66, VI, 4—10].

В докладах чиновников, обследовавших Тайвань (1726 г.), говорится, что купцы из Цзяннани, Чжэцзяна и других провинций скупали сахар, а затем везли и продавали его в других провинциях [115, 265]. В «Цзиндэчжэнь таолу» приводятся сведения о купцах, покупавших кобальт в Юньнани, Гуандуне и продававших его в Цзиндэчжэне [132, I, 166].

С XVII в. торговля хлопком и хлопковыми тканями становится повсеместной.

«Ныне хлопок на севере дешев, а ткань дорога, а на юге наоборот. Поэтому хлопок грузят в лодки и продают на юге, а ткани везут и продают на севере», — писал Сюй Гуан-ци [144, XXXV, 707—708]. В «Гуцзинь тушу цзичэн» (конец XVII в.) сообщается: «Все, производимое сунцзянскими жителями, соответствует житейским нуждам; в набивной шелк и ткани одета вся Поднебесная» [113, разд. 6, т. 116, DCXCVI, 496]. «Летние чулки из хлопка юдунь развозят (из Сунцзяна.— Э. С.) во все стороны» [113, DCXCVI, 246]. «Купцы скупают хлопок в других

областях и продают в нашей местности» (пров. Чжэцзян), — говорится в «Юнчжэн Чжэцзян тунчжи» [95а, СII, 6].

Лю Юн-чэн на основе многочисленных источников составил таблицу движения товаров из провинции в провинцию (246, 33), из которой можно сделать вывод, что некоторые ремесленные изделия и сырье (в первую очередь хлопок, шелк, шелковые ткани, бумага) уже завоевали себе всекитайский рынок. Увеличение числа рынков, передвижение товарных масс из конца в конец страны, проникновение купеческих компаний в отдаленные районы — все это свидетельствует об упрочении экономических связей между провинциями, областями, торговыми центрами.

Процесс шел крайне медленно — на его пути стояли таможенные преграды, цеховая система ремесла, производ феодальных властей в сфере торговли. Раздел Китая на 10 наместничеств, введенный при Цинах, был актом децентрализации, а следовательно, ударом по торговле.

Самыми крупными торговыми центрами были Пекин и Сучжоу. Торговцы всех областей и провинций приезжали в эти города заключать сделки; торговые компании основывали свои хуйгуани и гунсо. Вокруг Сучжоу выросла целая сеть ремесленно-торговых чжэней и рынков: Чжэнцзэчжэнь, Пинванчжэнь, Шуанъянши, Яньмуши, Таньцюши, Мэйяньши, Шэнцзэчжэнь, Лиличжэнь, Уцзянсянь, Боцшиши, Тунцуньши [290, 18—19].

Реализация ремесленной продукции происходила в различных формах. Но главной чертой средневековой торговли, включая и рассматриваемый нами период, было соединение ремесла и торговли: территориальное (производство и продажа ремесленных изделий в пределах одного рынка, базара) и организационное — в цехо-гильдиях. Кроме того, торговец и ремесленник соединялись и в одном лице.

В последнем случае процесс выделения чисто купеческого капитала был замедлен. Производство и продажа продукции происходили в пределах одного рынка, и процесс $T-D-T_1$ не знал разрыва ни в пространстве, ни во времени. Поскольку деньги здесь выполняли мимолетную функцию, сразу переходя в T_1 , замедлялся и процесс аккумуляции капиталов, концентрации их в одних руках. Иными словами, соединение ремесла и торговли препятствовало процессу первоначального накопления капитала.

Это, в свою очередь, отражалось на развитии производства: капитал из сферы обращения крайне медленно переходил в сферу производства, лимитируя тем самым его расширение, возникновение кооперации и мануфактуры.

Если часть капитала и высвобождалась из процесса $T-D-T_1$, то шла она не на производство, а на ростовщические операции, дававшие более быстрые и ощутимые прибыли. А это создавало еще более застойные формы движения капитала, препятствовавшие развитию производства.

Объединение торговца и ремесленника в одном лице не было специфически китайским явлением. Базарная форма торговли существовала в Стамбуле, Багдаде, Каире, Дели, городах Средней Азии и т. д. Она сохранилась и в современных недостаточно развитых обществах Африканского континента.

Только развитие общественного разделения труда к концу XVI в. привело к некоторым изменениям в этой форме торговли. В это время усилилась деятельность торговых компаний, расширилась сфера их влияния на рынке или в определенном районе.

Рис. 34. Городские лавки. Фрагмент свитка Ван Цэня «Карьера чиновника» [Коллекция ГМИНВ]

От торгово-ремесленных цехов постепенно отпочковывались чисто торговые гильдии (обозначавшиеся также терминами «хан» или «бан»). В них входили либо местные купцы, занимавшиеся покупкой на местном рынке и продажей на стороне, либо купцы других провинций и областей, приезжавшие за товарами на отдаленные рынки, в места производства изделий и т. д. Торговые компании скупали шелковые и хлопчатобумажные ткани у городских ремесленников и жителей соседних ремесленных сел, пряжу и шелк-сырец у крестьян соседних деревень, фарфоровые, керамические, железные изделия, масло и сахар у хозяев маслобоек и сахароварен.

Источники содержат немало сведений о торговых компаниях, их деятельности, отношениях с непосредственными производителями и т. д.

«В полдень члены шелкового хана сами выходят на рынок покупать шелк... Все ханы покупают товары, требующиеся в их местности», — сообщает Пу Хуан [138, III, 916].

«Местные городские жители стараются сами покупать, где можно, и едут по воде в другие места продавать. Это так называемые шуйкэ (водные купцы). А еще есть торговцы, которые скупают понемножку, а потом продают другим приезжим людям. Они называются сяоцзин-ци (204)» [161, 10].

Таким образом, в сфере рыночного обращения все чаще и чаще происходил разрыв на процессы Т — Д и Д — Т₁. Ускорялись концентрация капитала на стадии Д, развитие торгового капитала.

Усиление деятельности торгового капитала приводило к тому, что некоторые торговые компании начинали монополизировать рынки, добиваясь для себя преимущественного права скупки или продажи определенных видов товаров, в особенности шелка, хлопка, тканей, продовольствия, на рынках одного района или области.

Существенный признак внутренней торговли этого периода — необычно широкое развитие разных форм посреднической торговли, коммиссионерства в чистом виде, расцвет деятельности комиссионных лавок и контор (хотя многие из них начали функционировать еще в конце Юаньской династии).

В Минское время мы встречаемся уже с разветвленной сетью комиссионных контор, обществ, лавок, организованных обычно по типу ремесленных цехов — якуай, ядянь (205), яхан, ханбан (206) и др. Они также вели между собой борьбу за монопольное овладение рынками, стараясь не допустить деятельности «нелегальных» — не входящих в их корпорации и не получавших разрешения феодальных властей — комиссионеров.

Следует обратить внимание на то, что и торговцы — посредники и маклеры, занятые только комиссионной деятельностью, обозначаются в источниках одними и теми же терминами — якуай, яхан, ядянь и т. п. Только из контекста можно определить, идет ли речь о посреднической торговле или о комиссионной конторе. Это совпадение терминов отражает, вероятно, тот факт, что вначале посредническая торговля и деятельность комиссионеров не были отделены друг от друга.

В описании округа Тайцан (XVI в.) говорится о маклерских конторах — ядянь. Однако из текста мы видим, что они же занимались и скупкой продуктов у сельских жителей.

«В Тайцане простому народу живется тяжело. В прошлом гуньту (207) (проходимцы) с пустыми руками создавали маклерские лавки — ядянь. Бедный народ приносит в город продавать рис, пшеницу, цветную ткань, но сам торговать не умеет. Они (маклеры) самовольно устанавливают цены и порядки, забирают то, что им нужно, и сколько

нужно. Теперь они уходят на несколько ли от города, собирают компанию мошенников и прямо на дорогах ожидают товаров.

Деревенские жители приносят товары, но не могут сами продать и попадают в руки к маклерам. Называется это „идти в лавку (дянь) получать деньги“. Некоторые, прождав до вечера, отдают [товары] за полцены, а иные возвращаются домой, совсем ничего не получив. Некоторые деревенские жители выражают возмущение, но тогда их бьют [маклеры]» [48, V, 5а—5б].

Таким образом, посредническая торговля превратилась в настоящее ограбление ремесленника.

Формы посредничества были весьма разнообразны: между городскими ремесленниками и торговыми компаниями; между сельскими ремесленниками и торговыми компаниями; между местными торговцами и приезжими.

В «Цзиндэжэнь таолу» описывается посредничество мелких скупщиков-посредников (люйбань) (208) между хозяевами печей и компаниями по торговле фарфором. «В чжэне есть люйбань с небольшими средствами... Они покупают у таоху (209) (хозяев фарфоровых мастерских) разнообразный фарфор и спешат в Хуанцзячжоу, где ищут удобного случая продать его ханам, торгующим фарфором» [132, IV, 13а].

В «Синши хэнъянь» рассказано, что мелкий ткач (сяоху) Ши Фу накопил четыре куска шелка и принес их продать к знакомому скупщику [167, т. I, XVIII, 370—371]. Чу Хуа в «Мумянь пу» повествует о своем предке, жившем в конце правления Минской династии, имевшем большое состояние, нажитое на скупке и перепродаже тканей, и получившем титул.

«Торговцы тканями из Шэньси и Шаньси приезжали и останавливались у него (предка Чу Хуа.— Э. С.), постоянно жило несколько десятков человек. Специально для них он открывал лавки и закупал ткани... Прибыль получал огромную. Именно по этой причине он был самым богатым человеком в уезде. В начале Цинской династии было такое же положение. Кроме того, он получал выгоду от сдачи домов в аренду приезжим купцам» [161, 10].

Кроме посреднической торговли широкое развитие получило и комиссионерство в чистом виде, когда маклеры не участвовали уже в акте купли-продажи, а наживали огромные капиталы на рекомендациях товара приезжим купцам.

Деятельность комиссионных контор охватывала многие области и провинции, на различных рынках имели они своих представителей. «Хитрые маклеры (я) (210) и дельцы (шикуай) (211) нередко жульничают: живут же они исключительно за счет торговли... Начинают заниматься этим с 17—18 лет. Уезжают в Чу, Вэй, Ци, Лу. И нет такого уголка, в который бы они не проникали. Некоторые из них не возвращаются по многу лет» [113, разд. 6, т. 115, DCLXXVI, 240].

В «Цзиндэжэнь таолу» дается описание сделки между городским ремесленником и торговым ханом с помощью маклера: «Торговые ханы, которые хотят купить фарфор, пользуются услугами маклеров. Обсуждается цена, и заключается сделка. Определяется срок для выбора товаров. Торговцем непременно составляется документ, где указано количество фарфора, которое должно быть доставлено. Если в доставленном фарфоре есть какие-либо повреждения или есть изъяны в росписи, тогда документ возвращается хозяину (таоху) и вносятся исправления. И исправленный документ и первоначальный документ пишут на простой бумаге. На нем ставится печать (торгового) хана и печать хозяина фарфора, и все это записывается тушью» [132, IV, 11б].

Подобное положение было и в торговле шелковыми тканями: все операции совершались с помощью рекомендующего цзешоу (212) (букв. «соединять руки». — Э. С.). За рекомендацию каждого куска шелка цзешоу брал 1 фынь или фынь с лишним [138, III, 886]. И все же, несмотря на свои богатства, комиссионеры стояли по положению ниже купечества. К такому выводу пришли китайские историки Лю Чжун-жи и Цзо Юнь-пэн в статье «Первоначальное исследование о комиссионерах и комиссионных конторах» [245].

С конца XV в. государство неоднократно пыталось прибрать к рукам комиссионные конторы и использовать их богатства. Члены императорской фамилии через подставных лиц создавали свои частные комиссионные конторы [245, 33—40], хорошо понимая, какие выгоды сулила такого рода деятельность.

Выводы китайских историков подтверждаются сообщением «Юэ ши пянь»: «Маклерские конторы (яхан) относятся к купцам, торгующим тканями, как к вanam и к хоу (т. е. как к знатым людям. — Э. С.), и соперничают друг с другом из-за тканей. Яханы не могут существовать без поддержки влиятельных (торговых) домов» [116, VII, 6a].

Кроме посредничества в торговле маклеры и комиссионные конторы, являясь одновременно и ссудными конторами, выполняли также ростовщические операции: предоставляли займы купцам, ссуды ремесленникам под будущую продукцию. Таким образом, существование маклеров и комиссионных контор вело к концентрации в их руках больших капиталов, исключавшихся не только из сферы производства, но и из торговли. Большая часть капиталов превращалась в капитал ссудный, ростовщический, непроезводительный. Ростовщичество нередко было делом значительно более доходным, чем торговля, и многие торговцы постепенно превращались в ростовщиков. Описание Шуан-линьчжэня, например, позволяет судить о положении торговых и ростовщических кругов феодального города XVIII в.: «В домах у бродячих торговцев (шан) (213) и торговцев местных, оседлых (гу) (214) обстановка очень простая. Они не одеваются в пестрые шелка и не едят сладкой и жирной пищи, а очень осторожно и осмотрительно ведут дела. Прощает только купеческая компания (яхан), ведущая торговлю шелком. В предыдущих трех поколениях богатых людей было не слишком много, а в наше время я вижу, что многие люди угнетают деревенских жителей, дают в долг деньги неимущим, открывают мелкие лавки, получают от всего этого большой доход и превращаются в богачей. Если посмотреть на их жизнь, то оказывается, что среди них уже нет настоящих купцов и торговцев» [106, XV, 3].

Таким образом, отделение торговли от ремесла, в целом прогрессивное, имело одним из своих последствий появление торговых монопольных организаций, развитие паразитической посреднической торговли и комиссионерства.

Торговля, принаравливаясь к господствующим феодальным формам производства, не содействовала появлению элементов более прогрессивного способа производства. Рассматривая влияние торговли на формирование капитализма, К. Маркс подчеркивал, что, хотя торговля и разлагает старые отношения, ее разлагающее влияние находится в значительной зависимости от природы производящего общества⁵.

Эта зависимость была особенно значительна в Китае.

Действовали и другие факторы, ограничивавшие, замедлявшие разлагающее влияние торговли, прежде всего тормозящее влияние казенной

⁵ См. К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, часть I, стр. 363.

торговли и казенных закупок. В стране существовала строжайшая монополия на торговлю железом, купоросом, полезными ископаемыми, чаем, солью, уксусом и т. д.

Со второй половины XVI в. в результате развития частного производства правительство уже не могло вести эту торговлю силами своего торгово-чиновничьего аппарата и отдавало монопольные виды торговли на откуп частным купцам. Это, безусловно, открывало возможности для развития частной инициативы и предпринимательства. В то же время происходило и перераспределение капитала — купец делил свою прибыль с государственными монополиями, значительная часть торговой выручки превращалась в собственность феодального государства, что также препятствовало накоплению капитала в руках частных предпринимателей.

Гнет феодального государства испытывали и те отрасли торговли, в которых не существовало официальной правительственной монополии. Феодальные власти облагали купечество налогами, нередко подвергая его прямому произволу. Вместе с цеховой верхушкой они диктовали цены на товары; цеховые уставы устанавливали правила и диктовали условия открытия лавок, указывали места торговли, расстояния между лавками, иногда ассортимент товаров. Цех строго охранял местный рынок от конкуренции: запрещал продавать товары, привезенные из других областей, ездить с товарами в деревни [115, т. I, 194, 196] и т. д. В уставе гуандунских пуговичников говорится, например: «Совместно постановили, что, когда ведется торговля, лавкам не разрешается излишне превышать или понижать цену. Приезжим купцам, которые останавливаются на постоялых дворах, необходимо приходить в лавки и покупать, и не разрешается подсылать людей и торговаться при закрытых дверях» [18, 52].

Приезжие торговцы и хозяева лавок должны были вносить ежегодные и всевозможные разовые налоги. В Пекине существовало шесть императорских канцелярий для сбора налогов с торговли. Чэнь Ши-ци приводит перечень товаров, с которых взимались налоги на пекинском рынке: «Ежегодно привозили 10 тыс. с лишним чжан кож, простой ткани 800 тыс. кусков, грубой ткани 400 тыс. кусков, хлопка 6 тыс. тюков, наньцзинского шелка 500 вьюков, северного шелка 20 тыс. цзиней, красного риса 30 500 даней, мяса 200 телег, шаосинского чая 200 тыс. ящиков, яшмы 500 цзиней, свиней 500 тыс., баранов 300 тыс., и со всего этого собирались налоги» [290, 13].

Купцы, ездившие в другие провинции, платили таможенный сбор на пограничных таможнях; кроме того, они вносили пошлины местным властям на тех рынках, где оставались торговать. Как уже упоминалось, Г. Перейра на одной из рек насчитал 600 барж, остановившихся у какого-то города уплатить пошлину по приказу местных властей [175, 133]. В книге Сунь Чэн-цзэ «Шань шу», в разделе «Налоги с ткачей и красильщиков», рассказывается о сборах налогов с торговцев в Минское время в провинции Аньхуй: «В Уху... есть торговцы шелком, красителями, золотыми нитями. Они приходят торговать в уезды Шан и Цзян. В первый год послали чиновника, он схватил 19 человек, с которых и собрали налоги. На второй год не посылали человека, чтобы ловить, но уже 23 купца вносили налоги, да были еще убежавшие или уклонившиеся — люди, которые не в состоянии были вносить налоги» [143, VII].

Особенно тяжелые налоги с торговли были введены в конце XVI — начале XVII в., при императоре Ваньли. Государственные финансы были истощены: войны, которые Китай вел в это время, и грандиозное строительство двух императорских дворцов и трех храмов опусто-

шили казну. Во все крупные города и торговые центры были посланы специальные инспектора с особыми полномочиями по сбору налогов.

Китайский историк Лю Янь приводит многочисленные выдержки из минских источников о тяжести налогов с торговли в то время, об установлении новых таможен и застав, о многочисленных дополнительных налогах без названия, о многократных сборах одной и той же пошлины, о произволе чиновников, казнокрадстве и коррупции чиновничьего аппарата [286, т. I, 412—413].

С установлением Цинской династии внутренняя торговля оказалась в еще более тяжелом положении. Были введены новые тяжелые налоги и пошлины. Тот факт, что казенное производство в XVIII в. получало денежные средства непосредственно из внутренних таможенных доходов, свидетельствует о резком увеличении налогов с внутренней торговли.

При Цинах кроме ранее существовавших монополий были введены новые: налог на запрет на частную торговлю оружием, порохом, жемчугом, наньзинскими, сучжоускими и ханчжоускими шелковыми тканями. Неоднократно вводились строгие запреты на торговлю металлами и рудой [114, т. I, XXXII, 5143, 5147]. Под строгий контроль была поставлена торговля основными товарами, завоевавшими всекитайский рынок, что создало угрозу самому существованию этого рынка. Таможенные налоги и поборы препятствовали передвижению купечества и товаров в места сбыта, установлению более прочных экономических связей между провинциями. К этому добавлялись и объективные трудности: циклы обращения были очень велики из-за медленности передвижения и огромных территорий.

В период позднего средневековья в Китае окончательно сложилась унифицированная система налогового обложения торговли: существовала тщательно разработанная сеть налоговых пунктов и таможенных застав; обложению подлежали не лодки, не количество судов, тюков или кип (что всегда оставляло лазейку для предприимчивых торговцев), а собственно товар в соответствии с его весом, объемом, стоимостью.

В результате торговый капитал отливал из сферы собственно торговой в смежные отрасли — в ростовщичество, покупку земли и строительство домов, сдаваемых в аренду, и т. п.

Итак, важнейшая особенность торгового капитала в период позднего средневековья — его гипертрофированная деятельность в сфере обращения. Существование казенных монополий в торговле, высокое налогообложение приводили к тому, что торговому капиталу было выгодней функционировать не в чисто торговой сфере, а в «смежных» областях — посредничестве, комиссионерстве, ростовщичестве.

Институт посредников усугублял пропасть между богатством купца и низким жизненным уровнем ремесленника. Развитие различных форм купеческого капитала низводило ремесло на предельно низкий экономический уровень, препятствовало его дальнейшему развитию.

У ремесленника товары покупали по ценам, значительно более низким, чем цена производства.

«Он (купец.— Э. С.) продает товары не выше их стоимости, или не выше их цены производства, как раз потому, что он купил их у промышленного капиталиста ниже их стоимости, или ниже их цены производства»⁶,— писал К. Маркс.

Ремесленник — «промышленный капиталист» китайского средневековья — шел на бесконечную растрату своих сил, только бы удержаться,

⁶ К. Маркс, Капитал, т. III,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 312—313.

на рынке. Поэтому и уровень его жизни был неизмеримо ниже, чем у европейского ремесленника, и разрыв между ремесленным цехом и купеческой корпорацией был чрезвычайно большим.

ВНЕШНИЙ РЫНОК

Трудность изучения вопроса о сбыте ремесленных изделий на внешних рынках заключается прежде всего в почти полном отсутствии статистических данных. Это лишает нас возможности изучить действительные размеры внешнеторговых оборотов, доходов с торговли, налогов с нее и т. п.

В XVI—XVIII вв. Китай торговал шелком, фарфором, керамикой, шелковыми тканями и железными изделиями, хлопком и хлопковыми тканями, цинком, свинцом, оловом, медью, золотом, жемчугом, чаем, рогом носорога, сахаром, маслом, табаком, ценными породами дерева и изделиями из них, одеждой, драгоценностями, резной слоновой костью, камнем, лаками и т. д. [180, 166—167; 290, 22]. Первое место среди предметов вывоза занимали всевозможные виды шелка и шелковых тканей (вываренный шелк-сырец, узорный шелк, парча, шелковые вельветы и бархаты и т. д.), фарфор и чай.

О больших размерах торговли шелком пишет и Гаспар да Круз: «Множество купцов занимается продажей шелка и одежды из шелка не только в Китае, но и в Сиаме и в Индии» [175, 126—127].

В XVII—XVIII вв. предметом вывоза в Индию, Аравию, Францию, Америку, Россию были хлопковые ткани. По данным Янь Чжун-пина, в это время из Китая ежегодно вывозилось до 10 млн. кусков ткани (более чем на 1 млн. юаней) [297, 35]. Ли Сюнь пишет, что с 1641 г. фарфор на голландских кораблях стали вывозить в страны Южных морей, на Яву, в Европу и количество его превышало 6 тыс. предметов ежегодно [240, IV].

Внешнеторговые связи осуществлялись преимущественно через приморские города — Гуанчжоу, Фошань, Аомынь, Чжанчжоу, Чуньчжоу (порт около Аомыня), Цюаньчжоу, Нинбо, в которые разрешался доступ иностранцам и иностранным кораблям.

Чэнь Ши-ци приводит текст из «Тянься цзюньго либин шу» (XCVI, Фуцзянь, 5): в годы правления Цзяцзина в Нинбо было более 10 тыс. иностранцев [см. 290, 30].

Центральное место среди приморских городов занимал Гуанчжоу, через который шла внешняя торговля и в те периоды, когда другие порты закрывались. Во всех гуанчжоуских хрониках XVI—XVIII вв. при описании торговли постоянно упоминаются «великое множество больших кораблей», «тысячи торговцев», «десятки тысяч золотых монет», свидетельствующие о восторге и изумлении современников.

Значительно менее интенсивно торговал Китай на своих сухопутных границах, где периодически возникали рынки — и казенные и частные, где оживленно обменивались с кочевниками. Например, в период Нурхаци Мины продавали маньчжурам железо, соль, чай, шелковые изделия, женщин.

Местом постоянного сбора рынков стал полуостров Ляодун. Сведения о широкой торговле на Севере встречаются в «Мин ши лу»: «Ныне в Ляодуне находятся Кайюаньский и Юнцзунский рынки; в Сюаньху и в Датуне — Синпинский, Дэшэнский, Чжанцзякоуский рынки; в Янпине имеются рынки в Хуншаньдуне, Циншуге и Пинну; в Ганьсу есть рынки в Бяньдухоу, Чжуаннане... Спрос на этих рынках только на ткани, шелк и фарфор» [цит. по: 286, 409].

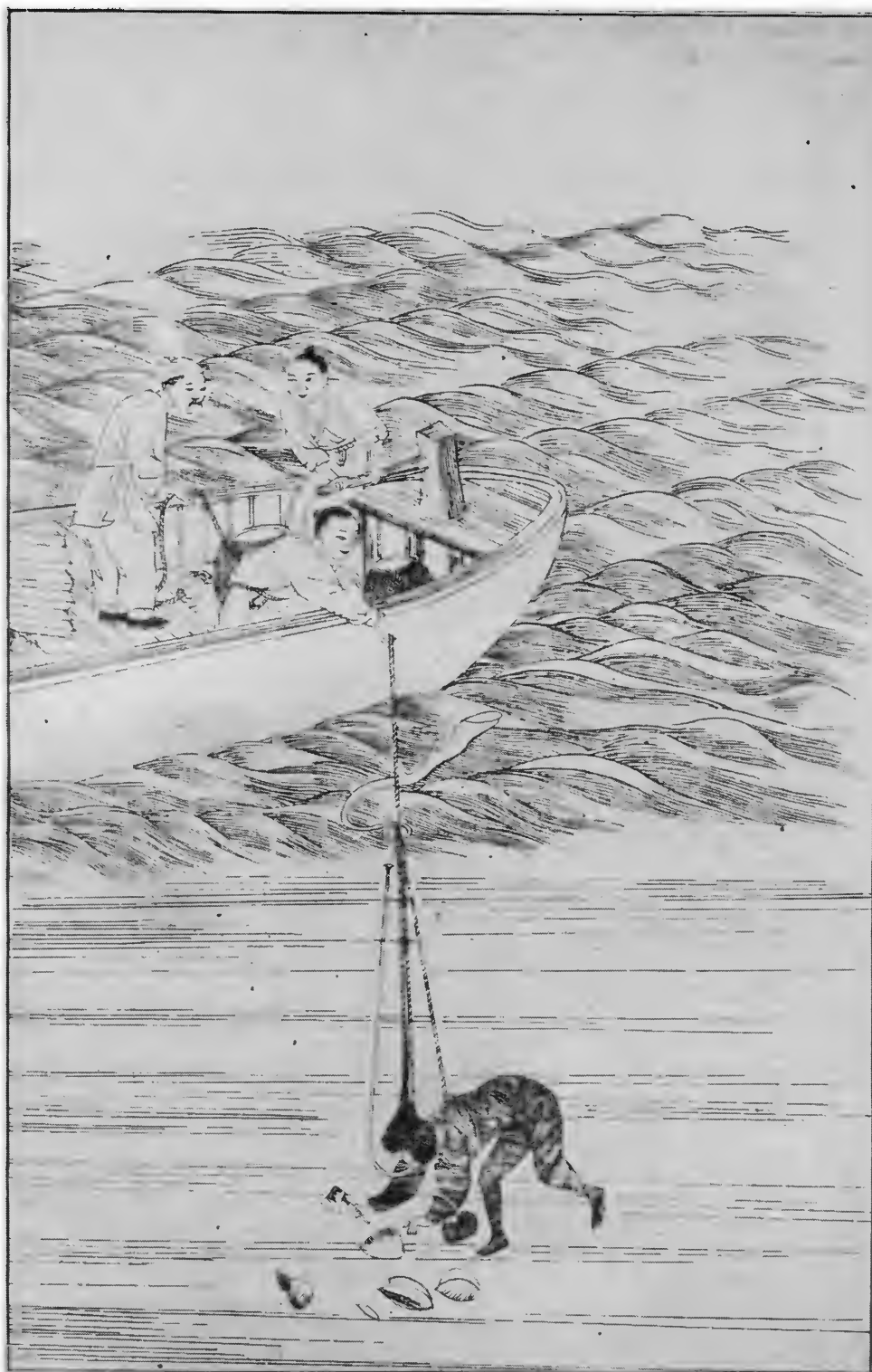

Рис. 35. Ловцы жемчуга [140, II, 86]

Большие партии шелковых тканей, фарфора и ценнейших художественных изделий продавались в Тибет; во дворце Потала сосредоточились лучшие произведения китайского средневекового искусства и ремесла.

В сухопутной торговле значительное место занимал также казенный обмен продуктами с соседними странами.

Во внешней торговле позднесредневекового Китая можно выделить два периода: XVI — первая половина XVII в.; вторая половина XVII—XVIII в.; рубеж между ними — установление власти Цинской династии. Торговля в первый из названных периодов (до начала XVII в. включительно) весьма обстоятельно исследована А. А. Бокшаниным, поэтому помимо общих сведений мы приведем лишь некоторые данные в дополнение к опубликованным в его монографии [см.: 180, 139—182].

Ко второй половине XVI в. Китай имел торговые связи со многими соседними странами: Японией, Индией, Кореей, странами Юго-Восточной Азии, Арменией⁷, о-вом Занзибар и т. д., куда Китай продавал в изобилии металлы, металлические изделия, бумагу, шелк, фарфор, сахар.

Торговые отношения с Японией первоначально осуществлялись через японских торговцев, поселившихся в Китае с конца XV в. А в 1641 г. и китайские корабли были отправлены в Японию. Их первым грузом был фарфор [262, 253]. В странах Южных морей Китай торговал также монетой, которая имела там большую ценность, нежели в самом Китае [204, 5; 180, 166—167].

Очевидно, в XVI в. существовали и периодические торговые связи с Россией: об этом свидетельствуют китайские ткани из собрания Оружейной палаты и селадонные чаши Государственного Исторического музея.

Шла торговля и с европейскими странами: Португалией, Испанией, Нидерландами. Первыми иностранцами, посетившими Китай, были португальцы (1514 г.), за ними последовали голландцы (1600 г.) и англичане (1637 г.). Португальские и испанские купцы основали свои фактории в Амое. В 1557 г. был основан португальский селтльмент в Макао, а в 1600 г. — голландская фактория в Макао, в 1624 г. — на Тайване.

Однако в это время торговля с европейцами составляла лишь незначительную часть общего баланса китайской внешней торговли.

К XVI в. китайское парусное судостроение достигло очень высокого уровня; китайские корабли с конца XV в. начали регулярно посещать страны Юго-Восточной Азии. Для соседей Китая перевозки товаров на этих кораблях были дешевле и удобнее, чем на своих собственных [см., например: 263, а также 175, 126].

Только в XVII в. португальцы и голландцы постепенно овладевали монополией на перевозки в страны Южных морей, на Яву. Суматру и т. д., вытесняя с торговых путей китайские парусники.

Внешняя торговля в XVI — первой половине XVII в. была выгодна Китаю (как государству, так и частным купцам). Прибыльна она была и для его торговых партнеров, так как Китай вел торговлю с учетом спроса на тот или иной товар в каждой стране [180, 166]. Внешняя торговля была одним из надежных источников государственных доходов Китая, источником поступления серебра в страну. При существовании государственной внешнеторговой монополии оно шло непосредственно в государственную казну.

⁷ В XVII в. армянские католикосы были заказчиками китайских казенных фарфоровых мануфактур [188, 12].

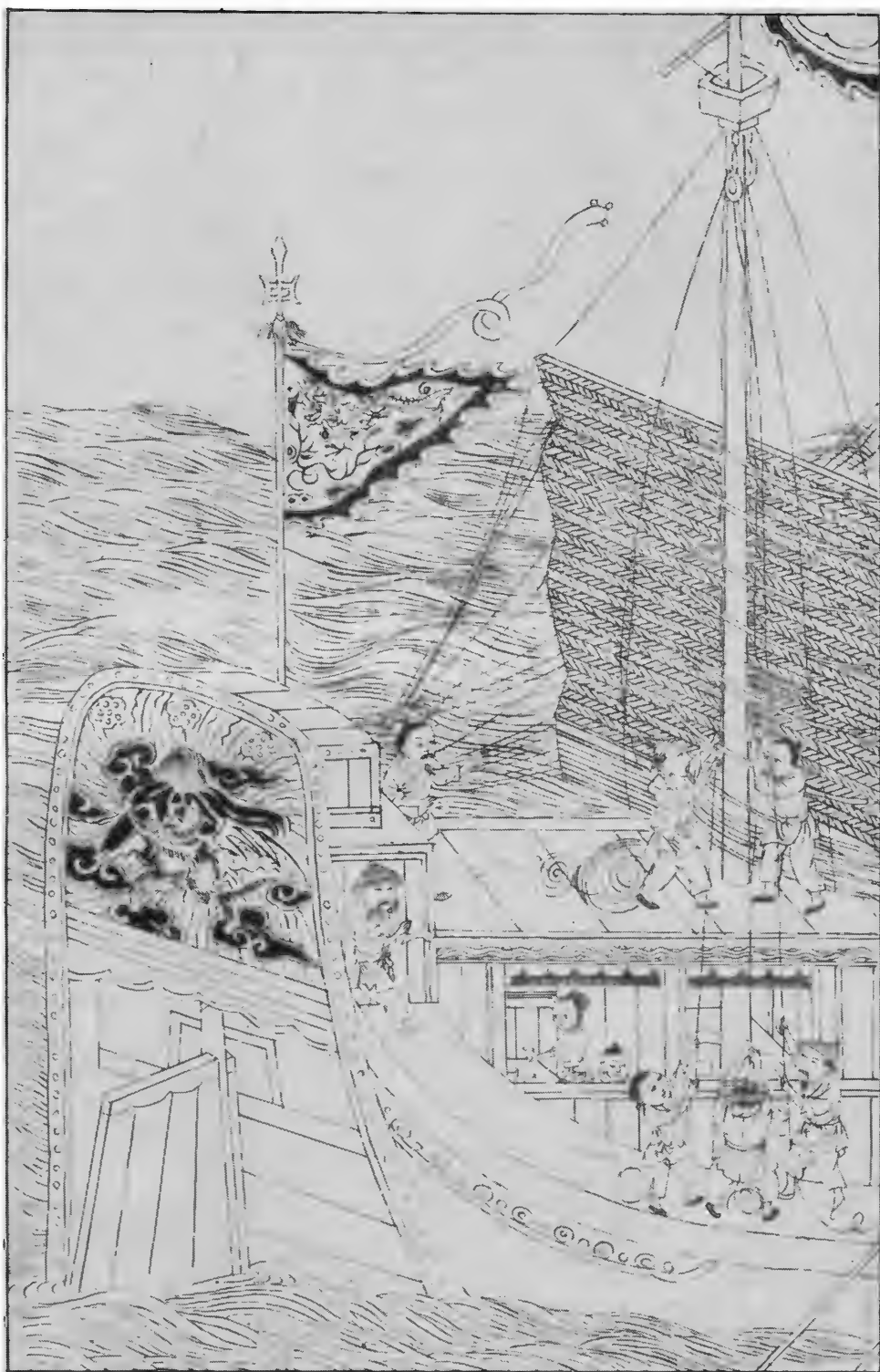
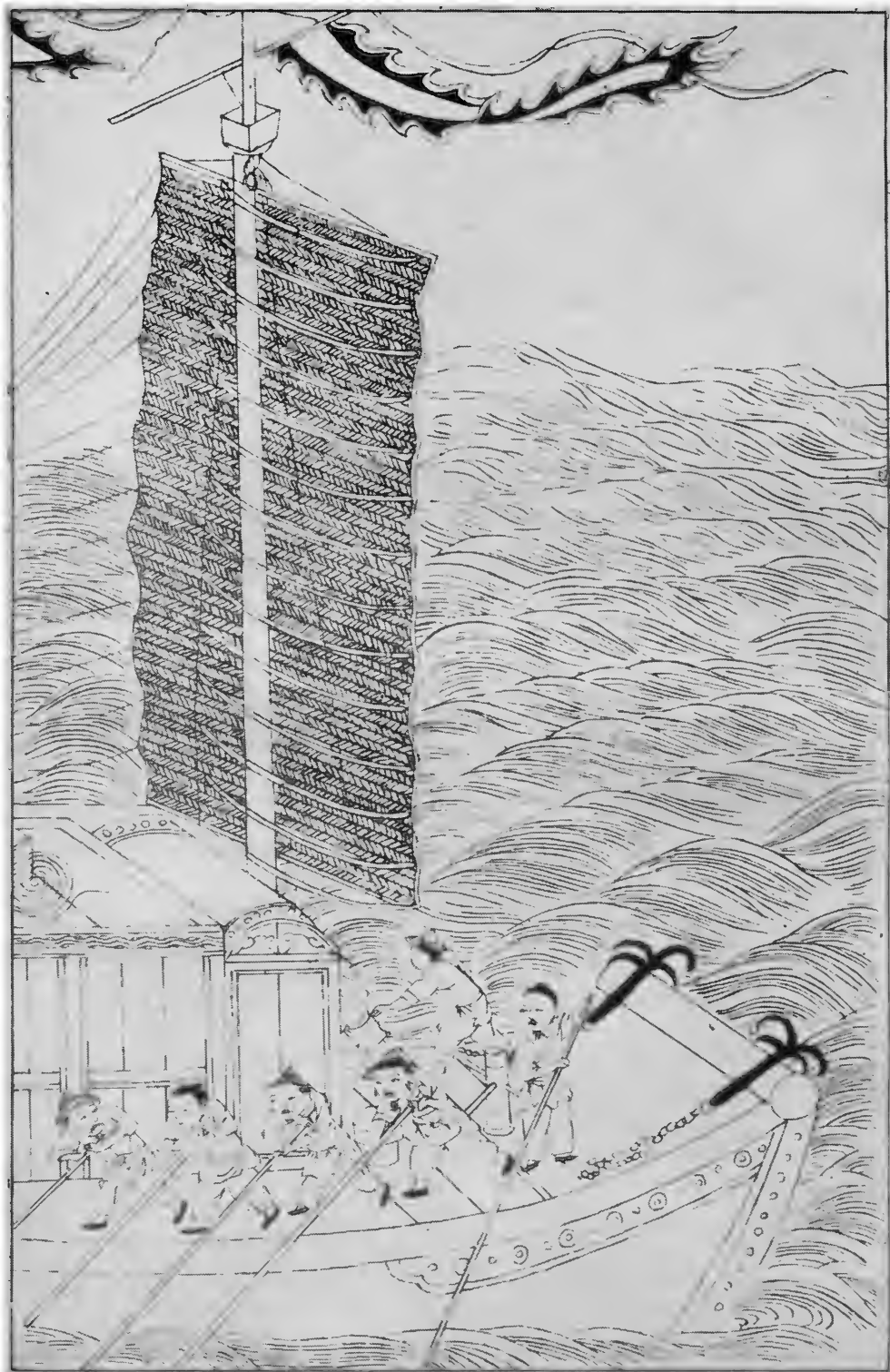

Рис. 36 Китайское парусное судно (нача

по XVII в.) [140, II, 106 — 11a]

Чжан Тянь-цзэ приводит данные Линь Фу⁸ (20-е годы XVI в.), из которых видно, что только одно центральное правительственное управление по внешней торговле в Гуанчжоу (не считая местных, провинциальных властей) получало в качестве ежемесячного дохода от внешней торговли несколько десятков тысяч таэлей [323, 62—63]. По словам Гу Янь-у, в начале XVII в. половину средств на армию государство получало от шибосы, государственного учреждения, управлявшего внешней торговлей. Гаспар де Круз писал в отчете: «Обилие товаров в Китае дает большие доходы императору, который с каждой провинции получает очень много. Некоторые китайские купцы предполагают, что суммы, получаемые императором с Кантона, составляют 3 тыс. пикулей серебра» [175, 129].

Поэтому государство строго охраняло монополию внешней торговли. В Минское время существовала монополия казны на торговлю металлами и металлическими изделиями, солью, порохом и т. д. Периодически вводились запреты на торговлю чаем, шелковыми тканями и т. д. Часть своих торговых привилегий государство передавало купцам-откупщикам, выдавая лицензии на торговлю тем или иным товаром и облагая за это высокими налогами. Вплоть до середины XVI в. в Китае действовал запрет на морскую частную торговлю для китайского населения — так называемый морской запрет (подробнее об этом см.: [180, 168—173]. Запрет иногда превращался в формальность, но даже и формальное его существование сводило всю частную торговлю на положение контрабандной. В руках государства была и значительная часть сухопутной торговли на севере, где последняя стала средством закабаления и подчинения кочевых и полукочевых народов.

Однако правительство уже в Минское время было не в состоянии препятствовать развитию частной торговли. Владельцы частных хлопковых и шелкоткацких, фарфоровых, металлообрабатывающих мастерских искали каналы наиболее выгодного сбыта и устанавливали связи с частными купцами и купеческими компаниями, занимавшимися морской торговлей.

Купцы Фуцзяни, Чжэцзяна, Гуандуна были связаны с морской торговлей и перевозками. Они уклонялись от правительственного контроля, нарушали государственные монополии, а многие из них открыто вели запрещенную торговлю.

А. А. Бокшанин на основе изучения многочисленных источников пришел к выводу, что в столкновении противоборствующих струй государственной и частной внешней торговли частная в XVI в. нередко преобладала.

На протяжении почти всего XVI и начала XVII в. в китайских феодальных кругах не было единства мнений в вопросе о внешней торговле. Полемика шла по двум направлениям. Одна группа выступала за расширение внешних связей, а другая — за их резкое сокращение вплоть до полной изоляции страны; одна — за допущение частной внешней торговли, другая — за усиление политики «морского запрета». Перевес брал то одна, то другая; на протяжении XVI — первой половины XVII в. несколько раз вводились строгие ограничения внешней торговли (сменявшиеся затем периодами послаблений). Так, используя в качестве предлога пиратские действия Томе Пиреса, императорский двор в 1519 г. издал указ о закрытии Гуанчжоу для иностранцев. Хотя торговля фактически не прекращалась и во время запрета, официально город был открыт только в 1699 г.

⁸ Линь Фу — крупный минский чиновник. В годы правления Цзяцзина был сюнью Гуандуна и Гуанси.

В 1547—1549 гг. борьба сторонников и противников развития внешних связей Китая достигла наибольшей остроты и закончилась существенным поражением последней группировки [180, 191].

Автор книги целиком присоединяется к убедительному выводу А. А. Бокщанина, что в полемике по вопросам внешней торговли нашла отражение «борьба социальных сил, связанных с городской экономикой, развитием ремесла и торговли, товарно-денежных отношений и частного предпринимательства, и сил, заинтересованных в натурализации хозяйства и стабилизации чисто феодальных форм эксплуатации» [180, 173].

Сторонники развития внешнеторговых связей понимали, что расширение легальных возможностей для частной внешней торговли положительно скажется на китайской экономике как один из мощных источников накопления богатств внутри страны. Эта точка зрения нашла свое отражение в политических требованиях группировки Дунлинь, в сочинениях Гу Янь-у, в докладах Линь Фу. Линь Фу утверждал, например, что развитие внешней торговли увеличит налоговые поступления в императорскую казну и будет способствовать экономическому развитию провинций, связанных с внешней торговлей [подробнее см.: 180, 188].

Стремясь сохранить строгий контроль над частной внешней торговлей, правительство в 1567—1572 гг. провело реформу налогообложения частных торговых кораблей.

Это создало благоприятные условия для внешней торговли, однако прогрессивное ее развитие было прервано событиями 40-х годов XVII в. — вторжением маньчжуров.

Со второй половины XVII в. внешняя торговля Китая претерпела существенные изменения. Этому способствовала, с одной стороны, реакционная политика цинского правительства — «закрытие дверей» и изоляция Китая от внешнего мира. По мнению А. А. Бокщанина, политика «закрытых дверей» выросла из двухвековой практики «морского запрета» под влиянием внешних факторов и нового политического курса [180, 168].

Следует добавить, что потеря Китаем дипломатических и внешне-торговых преимуществ в странах Южных морей, резкое увеличение сферы действий европейских стран в восточной торговле привели к тому, что Китай из активно торгующего государства превратился лишь в плацдарм для деятельности европейских торговых компаний. Поэтому торговля с европейскими странами становится преобладающей во внешних связях Китая; лишь незначительное место в них занимает частная торговля с Японией, Филиппинами, Суматрой [137, XXVII, 442—444]; в XVIII в. шла также торговля с русскими купцами через Кяхту.

Центром морской торговли во второй период стал Гуанчжоу, куда устремились Ост-Индские компании Испании, Португалии, Нидерландов, Великобритании, Франции, Дании, Швеции.

К XVIII в. он стал крупнейшим портом — со всей страны впитывал шелк, чай, лаки, фарфор, изделия из металла. В Гуанчжоу было построено множество зданий для торговых операций китайских купцов, а также жилых и торговых помещений всех Ост-Индских компаний. Город окружала стена.

Английские купцы первыми учредили постоянную факторию в Гуанчжоу (1715 г.), и к концу XVIII в. торговля с этим городом занимала ведущее место во всем внешнеторговом обороте Великобритании [317, 15].

Торговой монополией вплоть до второй половины XVII в. обладала Португалия, которая платила в Макао ежемесячную пошлину в 30 тыс. долл. за свои торговые привилегии [314, 26]. Однако в даль-

нейшем на первое место выдвинулась Британская Ост-Индская компания. На протяжении всей второй половины XVII в. и в XVIII в. европейцы в Китае активно вели одностороннюю торговлю, порожденную не столько емкостью европейского рынка, сколько разницей цен на рынках европейском и китайском. Несмотря на многочисленные запреты и ограничения, европейские компании, опытные в ограблении восточных стран, отрезанных от мировых торговых путей и не знающих цен на мировом рынке, вели дела так, что получали огромные прибыли, оставляя Китай в постоянном убытке.

Отличительной особенностью китайско-европейской торговли во второй период являлась ее неэквивалентность, невыгодность для Китая. И хотя мы не располагаем точными цифрами о соотношении закупочных и продажных (в Европе) цен на китайские товары, но многочисленные сообщения о неоднократных попытках китайских феодальных властей повысить цены на шелк, свидетельствуют, что даже императорский двор понимал, как велика эта неэквивалентность в шелкоторговле, например [34, 38—39].

Чэнь Ши-ци пишет, что Китай был поставщиком шелка для японского шелкоткачества, и приводит данные китайских источников, из которых следует, что в Японии китайский шелк продавали в десять раз дороже, чем он стоил в Китае [290, 30].

Д. Филлипс в книге «Китайский экспортный фарфор» сетует на притеснения китайских властей в Гуанчжоу, большие затраты европейских купцов на торговые операции и т. д. Но и он вынужден признать, что закупка фарфора европейцами происходила по баснословно низким ценам: тарелка из хорошего фарфора с росписью кобальтом стоила $2\frac{2}{3}$ пенни, чашка и соусник — от 2 до $3\frac{1}{3}$ пенни, двухгаллоновая чаша для пунша — 4 шиллинга 8 пенсов. Д. Филлипс пишет, что сервиз Чарльза Пирса, находящийся в коллекции Британского музея и состоящий из 500 предметов, отличался по качеству фарфора и его ценности от самых дорогих мейссенских сервизов так же, как шиллинг отличается от пенни, однако был приобретен в 1731 г. всего за 228 таэлей (28 шиллингов) [317, 38—39].

Таким образом, европейско-китайская торговля, хотя и стимулировала развитие некоторых отраслей китайского ремесленного производства, с конца XVII и в XVIII в. была средством ограбления китайского государства.

Что касается объема внешней торговли Китая в этот период, то и здесь мы тоже не имеем сколько-нибудь удовлетворительных статистических сведений. По данным Д. Филлипса, стоимость экспорта из Гуанчжоу одного только фарфора и только в Великобританию составила в 1734 г. приблизительно 1,5 млн. шиллингов и была самой доходной статьей всей внешней торговли [317, 15].

Наиболее полные данные о вывозе из Китая в XVII—XVIII вв. собраны в книге Х. Б. Морзе [314, 86—291].

Из анализа приводимых им материалов (см. табл. 5), видно, что начиная с середины XVII в. вывоз шелка и фарфора непрерывно возрастал; число стран, покупавших эти товары, все время увеличивалось.

Таблица 5, составленная нами на основании этих данных, не дает, конечно, полного представления об объеме внешней торговли: в ней учтены не все страны и корабли, показатели по одним и тем же товарам трудно свести к единым мерам. Однако таблица позволяет сделать некоторые выводы о характере внешней торговли в этот период. Основными предметами вывоза из Китая в Европу были изделия китайского

Т а б л и ц а 5

Экспорт китайских товаров в страны Западной Европы (конец XVII—XVIII в.) *

Год	Порт	Страна, корабль	Шелк		Бархат	Фарфор	Другие товары	Общая сумма стоимости товаров
			сырец	вареный, узорный				
1697	Амой	Англия, «Нассау»	30 т	108 000 кусков	600 кусков	—	600 бочонков чая	—
1698	Амой	Англия, «Флит»	20 т	65 000 кусков	1300 кусков	—	300 бочонков чая	—
1699—1700	Амой	Англия, «Маклсфилд»	350 пикулей	—	—	на сумму 114 746 таэлей	3 000 унций мускуса	4 492 864 таэля
1700	—	Англия, на капиталах Кетчула, президента консульства в Чусане	200 пикулей	7350 кусков	—	на 17 000 таэлей	—	245 500 таэлей
1702	Амой	Англия, 2 корабля — «Чембер» и «Ауренгзеб»	500 пикулей	—	—	—	—	66 000 таэлей
1701	Амой	Англия, «Кэнгерберн»	300 пикулей	—	—	—	—	—
1704	Гуанчжоу	Англия, «Кент»	на сумму 80 000 таэлей	—	—	на сумму 3500 таэлей	—	—
1715	Гуанчжоу	Англия, «Сюзанна», на капиталах судовладельца	—	—	—	на неопределенную сумму	1565 пикулей чая, сила цинка и меди 350 пикулей	54 000 таэлей
1717	Гуанчжоу	Англия, «Эссекс»	—	20 750 кусков	—	305 000 предметов на сумму 22 000 таэлей	—	—
1717	Гуанчжоу	Англия, «Гаишпенд»	30 ящиков	столько же, сколько «Эссекс»	—	на такую же сумму, что и «Эссекс»	—	—
1722	Гуанчжоу	Англия, «Эмилия», «Лайл»	200 пикулей на сумму 30 000 таэлей	10 500 кусков на сумму 53 700 таэлей	800 кусков на сумму 16 000 таэлей	—	—	—

продолжение табл. 5

Год	Порт	Страна, корабль	Шелк		Бархат	Фарфор	Другие товары	Общая сумма стоимости товаров
			сырец	вареный, узорный				
1723	Гуанчжоу	Англия, 4 корабля, 7 супер-карго	100 пикулей на сумму 14 500 таэлей + 200 пикулей	5300 кусков на сумму 16 000 таэлей	—	458 ящиков	—	—
1724	Гуанчжоу	Англия, 1 корабль «Маклесфильд»	150 пикулей на сумму 22 500 таэлей	10 000 кусков на сумму 55 840 таэлей	—	150 ящиков (38 т) столько, сколько можно было на-грузить на палу-бу и в трюм - 357 таэлей + (вме-сте с лаком) 30 ящиков, 760 чек, 418 тюков на сумму 318 шиллингов	—	—
1729	Гуанчжоу	Англия, 4 кораб-ля, 7 суперкарго (личная торговля капитанов)	—	платки, 758 кус-ков на сумму 4169 таэлей + 50 кусков на сум-му 40 шиллингов	—	—	—	—
1730	Гуанчжоу	Англия, 4 корабля	145 пикулей на сумму 23 143 таэля	на сумму 69 461 таэль	—	—	—	—
1733	Гуанчжоу	Личная торговля капитана Томаса Гильберта, «Принц Уэльский»	—	—	—	на сумму 1785 таэлей	чай на сумму 2287 таэлей золотого на 7 500 таэлей	—
		5 кораблей: личная торговля капитанов Лиелля, Шаммера, Вудфорта	—	19 984 куска; 690 кусков на сум-му 2896 таэлей 800 кусков на сум-му 2600 таэлей 474 куска на сум-му 1618 таэлей	—	20 ящиков; 21 коробка; на сумму 287 таэлей; на сумму 268 таэлей	—	—
1734	Амой	Англия, корабли «Гаррисон», «Графтон»	—	16 028 кусков на сумму 90 650 таэлей	—	240 тыс. предме-тов, 240 ящиков на сумму 9000 таэлей	—	—

продолжение табл. 5

Год	Порт	Страна, корабль	Шелк		Бархат	Фарфор	Другие товары	Общая сумма стоимости товаров
			сырец	вареный, узорный				
1734	Гуанчжоу	Франция	88 пикулей	1375 кусков	—	154 ящика, 200 тюков	—	—
		Дания	—	3488 кусков	—	248 ящиков	—	—
		Нидерланды	—	5070 кусков	—	163 ящика	—	—
1735	Гуанчжоу	Англия, личная торговля капитана Богля	—	—	—	на сумму 1114 таэлей	—	—
1736	Гуанчжоу	«Ричмонд», личная торговля 2 судна перкаго «Валпола», «Принцесса Уэльская» «Саксес», «Винчестер»	—	наньцинский шелк, 10 734 куска —	—	389 ящиков на сумму 611 таэлей	—	—
				14500 кусков; наньцинский шелк, 10 000 кусков	—	455 ящиков	6000 пикулей чая	—
1737	Вампу	Франция	—	узорный шелк, 4000 кусков	—	400 ящиков	—	—
1737	Вампу	Дания	—	узорный шелк, 18 000 кусков	—	—	—	—
1739	Вампу	Англия, «Лондон», «Принц Уэльский»	—	11107 кусков; наньцинский шелк, 9530 кусков	—	—	—	—
1739	Вампу	Англия, 4 корабля	20 пикулей	3736 кусков; 7295 кусков	—	425 + 280 ящиков	—	—
1753	Вампу	Англия, 6 кораблей	1192 пикуля	1900 кусков; наньцинский шелк, 1500 кусков	—	—	—	—

* [314, 40—238].

ремесла: шелк-сырец, шелковые и бархатные ткани, фарфор, чай, золото и драгоценности из него, а также медь и цинк. С конца XVII в. вплоть до 40-х годов XVIII в. торговлю шелком, фарфором, чаем вела Великобритания, главным образом Британская Ост-Индская компания через своих суперкарго. В 40-х годах в Гуанчжоу стали приходить французские, датские, шведские, голландские корабли. Помимо торговли Ост-Индских компаний начинает развиваться и частная, личная торговля фарфором, шелком, чаем, золотом. Капитаны кораблей, некоторые суперкарго завязывали личные связи с китайскими купцами и компаниями, скупая огромные партии шелка и фарфора.

Х. Б. Морзе приводит также перечень купцов, у которых европейские суперкарго покупали товары. Из 18 купцов — 14 торговали фарфором, 10 — чаем (6 из них торговали и чаем и фарфором) [314, 25].

Происходят изменения и в характере вывоза. Если в конце XVII — начале XVIII в. фарфор, например, вывозили периодически, хотя и большими партиями (1699, 1704, 1717 гг.), то с третьего десятилетия XVIII в. вывоз становится ежегодным и систематическим — ни один корабль не покидал Гуанчжоу, не заполнив трюм и палубу ящиками фарфора. Договоры на изготовление и роспись фарфора заключались заблаговременно, на год-два вперед. Увеличивались и партии — они достигали нескольких сотен ящиков. Так, в 1753 г. пять кораблей (два британских, французский, голландский и датский) доставили в Европу 1 млн. фарфоровых изделий. В 1771 г. на корабле «Круттenden» вывезено было 116 ящиков с фарфором [317, 39].

Это подтверждается и данными за 120 лет о вывозе фарфоровых сервизов одной только Британской Ост-Индской компанией, приведенными Д. Филлипсом [317, 39—40]:

Годы	Число сервизов
1700—1710	Нет
1710—1720	19
1720—1730	96
1730—1740	114
1740—1750	192
1750—1760	229
1760—1780	159
1780—1790	144
1790—1800	95
1800—1810	9
1810—1820	3

Происходят изменения и в вывозе шелка. Как видно из табл. 5, в конце XVII — начале XVIII в. преобладал вывоз шелка-сырца, на втором месте стоял вываренный шелк и крайне незначительное место занимали парча, бархат, узорные шелка.

С 30-х годов XVIII в. в вывозе возобладали крупноузорные шелковые ткани и парча: очевидно, к этому времени повысился спрос в Европе. Вываренный шелк занял второе место, а вывоз шелка-сырца сокращается (данные по шелку-сырцу приводятся только за 1734, 1739, 1753 гг.): у европейских стран появляется другой рынок сырья для их шелкоткацкой промышленности — индийский.

Политика монополий, контроля и ограничения внешней торговли стала еще более активной в Цинское время. И хотя в 1684 г. был снят правительственный запрет с морской торговли, все же на протяжении XVII—XVIII вв. существовало множество самых различных запретов, предусматривавших главным образом ограничение частной инициативы, сокращение доходов частных торговых компаний. Вся внешняя торговля

проходила через руки специально назначенных купцов — откупщиков (гуаньшан) (215), которые в 1721 г. были организованы в казенную гильдию гунхан (216) (в европейской литературе искаженное «кохонг»). Действия купцов-откупщиков строго контролировались наместником, военным губернатором и таможенным начальником Гуандуна. Купцы, не входившие в гунхан, не имели права непосредственной торговли с иностранцами и были обязаны продавать товары членам гунхана.

Запреты, направленные на ограничение внешней торговли, следовали один за другим на протяжении всего правления Цинской династии. Уже в 1645 г. была запрещена торговля частных купцов и устанавливались строгие правила внесения налогов в шибосы; за их нарушение купцы подвергались суровым наказаниям. В 1646 г. последовал запрет на частную торговлю шелковыми тканями [114, т. I, XXXII, 5143].

Цинское феодальное правительство по существу вело политику, развязывавшую руки иностранцам, так как в 1649 г. возобновило «морской запрет» — издало указы, запрещающие не только частным торговцам, но и маньчжурским чиновникам занимавшимся торговлей, покидать пределы Китая — торговать можно было только на его территории [114, т. I, XXXII, 5143].

Стремясь сосредоточить в руках правящего класса все доходы от внешней торговли, правительство всеми мерами ограничивало деятельность комиссионеров, комиссионных контор и всевозможных посредников. В 1705 г. и в первые годы правления Цяньлуна были установлены правила, согласно которым частным лицам запрещалось создавать яханы, прекращалась деятельность имевшихся; учреждались специальные чиновничьи должности по надзору за исполнением этих правил [114, т. I, XXXII, 5145, 5148, 5149].

Особенно часто издавались всевозможные запреты, связанные с торговлей ремесленными изделиями и продукцией горнодобывающих промыслов. В 1716 г. запрещена была торговля медью и цинком [114, т. I, XXXII, 5145], в 1733 и в 1735 гг. — частная торговля порохом [114, т. I, XXXII, 5147], в 1732 г. — торговля железными котлами и металлическим ломом [114, т. I, XXXII, 5160], на следующий год запретили вывозить изделия хунаньских железоделательных мастерских, а в конце того же года был наложен окончательный запрет на вывоз железа за границу [114, т. I, XXXII, 5160, 5161].

Ряд запретов касался торговли шелковыми тканями. Но, несмотря на то что в 1760 г. снова был издан указ о запрещении экспорта шелковых изделий, торговля тканями продолжалась. Это видно из запретов последующих лет: судовладельцам, перевозившим медь, купцам, торговавшим рисом и пшеницей, под угрозой наказания запрещалось тайно брать с собой грузы шелковых тканей [114, т. I, XXXII, 5145].

До 1755 г. торговля фарфором в Гуанчжоу и Дэхуа была свободной; частные купцы беспрепятственно вступали в торговые отношения с суперкарго компаний и частными лицами с европейских кораблей. Но в указанном году цинское правительство наложило свою руку и на эту торговлю. Чиновники и купцы из гунхана обратились к правительству с петицией, требуя ограничения активности частных торговцев фарфором. Специальным указом частная торговля фарфором была ограничена, торговцев обложили большим налогом. Для лучшего контроля их разделили на «пятерки» и подчинили компании гунхан [317, 36].

Политика маньчжуров, ограничивавшая внешнюю торговлю, более суровая, чем в Минское время, и направленная на вытеснение частного купечества из этой сферы, была частью общей политики «поддерживать ствол, сокращать ветви» — политики, консервировавшей феодальные от-

ношения, препятствовавшей развитию товарно-денежных отношений в стране.

И все же, несмотря на подавление и удушение внешней торговли, процесс экономического развития, наметившийся в этой сфере во второй половине XVI в., продолжался, хотя и замедленными темпами.

Внешняя торговля оказывала стимулирующее воздействие на развитие ремесленного производства Китая. Широкий спрос на шелковые ткани и фарфор в странах Востока и Запада поставил китайских частных предпринимателей перед необходимостью создать частные мануфактуры — и они начали возникать уже со второй половины XVI в. Увеличение экспорта шелка и шелковых тканей способствовало возникновению мануфактур в провинциях Чжэцзян, Цзянсу, а в XVIII в. — в Гуандуне. Под влиянием внешней торговли возникли мастерские по росписи фарфора в Гуанчжоу. Вывоз железных изделий в страны Юго-Восточной Азии способствовал расширению металлообрабатывающего производства в Гуандуне, Хубэе, Шэньси.

Производство сахара на продажу потребовало создания больших сахароварен, применявших наемный труд, во многих районах Гуандуна, Гуанси и на о-ве Тайвань.

Исследуя причины раннего возникновения мануфактур в некоторых странах Западной Европы, К. Маркс писал: «Мануфактура возникает там, где происходит массовое производство на вывоз для внешнего рынка, следовательно, на базе крупной морской и сухопутной торговли, в эмпориях (коммерческих центрах), каковы итальянские города, Константинополь, фландрские, голландские города»⁹. «Исторической предпосылкой первого расцвета мануфактур — в Италии, а позже во Фландрии — были сношения с зарубежными нациями»¹⁰.

Зависимость мануфактуры от внешнего рынка и их взаимосвязь прослеживаются и в Китае. Мануфактурные предприятия в Китае возникли в тех именно отраслях, продукция которых пользовалась широким спросом на внешних рынках.

Однако стимулирующее влияние внешней торговли было стеснено многочисленными запретами, открытых портов было мало: неэквивалентная торговля с европейскими странами и правительственные монополии препятствовали сосредоточению крупных денежных средств в руках частных лиц и все это, вместе взятое, отрицательно сказывалось на развитии производства.

Складыванию внутреннего рынка препятствовала политика правительства, направленная на перераспределение доходов между государством и торговым сословием, — система торговых пошлин, казенные монополии. Результатом было несоответствие экономических возможностей Китая и действительного состояния его торговли.

Закрывание страны оборвало поступательное развитие китайской внешней торговли; Китай год за годом утрачивал суверенность во внешней торговле: терял рынки, монополию перевозок, преимущества своей монетной системы.

Грабительский характер проникновения европейского капитала низвел Китай на положение пассивного поставщика ценностей в неэквивалентном китайско-европейском обмене.

⁹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, — «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 48—49.

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — Сочинения, изд. 2. т. 3, стр. 54—55.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблем ремесленного производства в период позднего средневековья не объясняет особенностей общественного строя того времени в целом, а позволяет понять лишь некоторые его черты. Так, с определенностью можно сказать, что в XVI—XVIII вв. происходила медленная, но вполне отчетливо выраженная техническая и социальная трансформация китайского ремесла.

Существенные изменения произошли в основных производственных операциях ведущих ремесел. Были изобретены сравнительно сложные ручные приспособления: отвод рудничного газа из шахт, хлопкоочистительный станок, многоверетенная прялка, станок для тканья многоцветных крупноузорных шелковых тканей.

В шелкоткачестве, фарфоровом производстве, в строительном деле, в художественных ремеслах, книгопечатании китайские ремесленники создавали направления, не утратившие значения до настоящего времени, оставили произведения, которые и теперь ценятся как подлинные шедевры искусства и ручного мастерства.

Однако китайская ремесленная техника застряла на стадии ручного труда и не смогла дать толчок развитию техники машинной.

В развитых отраслях китайского ремесла существовали более сложные приемы труда и больший ассортимент искусно выполненных изделий, чем в тех же отраслях ремесла в Европе (шелкоткачество, изготовление гончарных изделий, бумаги и т. д.). Но вместе с тем оно было и более консервативным. Поэтому уже с XVIII в. стало заметно нарастающее отставание ремесленного производства Китая от европейского; даже к XIX в. Китай так и не перешел от ручного станка к машине, от ремесленного производства и первых мануфактур к мануфактурному производству и фабрике. Принципы, положенные в основу технических приспособлений, не были разработаны до конца и сочетались с общей примитивной конструкцией деревянных станков, с традиционным консерватизмом при выполнении второстепенных операций. Во многих отраслях уровень развития ручного мастерства превышал уровень развития техники, что явилось одной из причин строжайшего сохранения ремесленных секретов, особенно в художественных ремеслах. Многие причины определили замедленные темпы развития городского производства: тормозящая роль цеховой системы, дешевизна рабочих рук и избыток рабочей силы в городах, система ограничений, введенных феодальным государством в ремесле и торговле.

В рассматриваемый период хан, как узкая корпоративная организация, не был уже способен монополизировать и контролировать местный рынок. Существенная черта городского строя этого времени — появление торгово-ремесленных организаций нового типа (хуйгуаней, банов, гунсо), которые, однако, в условиях феодального строя консти-

туировались по типу цехов. Одна из самых существенных особенностей цеховой системы в Китае заключается в том, что она окончательно оформилась в условиях существования централизованного деспотического государства, не нуждавшегося в поддержке горожан. Это определило политическое бесправие, узость юридических функций цеха, его неспособность к самостоятельным политическим действиям и длительное существование цеховых традиций. Государство в Китае активно выступало в защиту старых порядков: оно препятствовало начавшейся социальной трансформации ремесленного производства, разложению цеховой системы, стремилось насаждать и поддерживать в городах ту же социальную структуру, что и в деревне, использовать ее как фискальную организацию.

Одним из факторов, препятствовавших разложению цехов и развитию частного предпринимательства, было казенное ремесло. Наиболее развитые его отрасли обладали некоторыми чертами, приближавшими их к мануфактуре. Казенные мастерские располагали большими группами работников, там существовали детальное разделение труда и дифференцированная оплата, частично использовался наемный труд.

Однако цели производства и методы использования рабочей силы оставались феодальными. Поэтому казенная мануфактура не породила мануфактуры капиталистической, а, наоборот, консервировала феодальные методы эксплуатации, поглощала значительную часть сырья и квалифицированной рабочей силы, оказывала давление на внутренний рынок и ценообразование, препятствуя накоплению капиталов в руках хозяев мастерских и развитию частного предпринимательства.

Первый из изученных нами периодов (XVI — первая половина XVII в.) был более благоприятен для развития ремесленного производства, чем последующие полтора столетия. В это время в Китае началось зарождение капиталистических отношений (развивались мануфактурные формы производства, росло применение наемного труда, происходило разложение казенной мануфактуры и цехового строя).

Эти отношения зарождались sporadически, лишь в наиболее развитых районах Китая, и прежде всего в отраслях ремесла, связанных с внешней торговлей. Капиталистические отношения возникали крайне медленно, так как с трудом преодолевали сложность первоначального накопления капитала в условиях феодального деспотического государства. Степень развития этих отношений определялась на протяжении всего указанного периода борьбой двух тенденций в экономической, политической, социальной жизни Китая.

Возникавшие капиталистические формы производства сталкивались с тормозящей ролью цехового строя и казенного ремесла, тяжелым на логовым гнетом, стремлением деспотического централизованного государства сохранить старые методы феодальной эксплуатации.

Соотношение сил между двумя направлениями — прогрессивным и реакционным, развитием и застоем — было различно в разное время. В конце XVI — начале XVII в. появление мануфактур сопровождалось острой политической борьбой за реформы, городскими движениями «миньбянь». Однако в середине XVII в. линия прогрессивного развития была прервана вторжением маньчжуров и установлением цинского государства, возглавлявшегося реакционными феодальными группировками. И несмотря на то, что в конце XVII — первой половине XVIII в. ростки нового опять пробили брешь в системе феодализма, Китай уже утратил преимущества поступательного развития капитализма как широкого социального процесса и был далек от начала его становления как экономической формации.

RÉSUMÉ

Ce livre présente une étude sur la production artisanale des villes chinoises à la fin du moyen âge; il traite sur la technique, l'histoire et l'organisation économique de cette production. Le sujet étant trop vaste, l'auteur se bornait par mettre au clair seulement quelques problèmes concernant le développement de la production urbaine dans les provinces les plus développées du pays: Jiangsu, Zhejiang, Jianxi et Guangdong. Son attention était particulièrement concentrée à l'étude des branches principales de la production artisanale, à savoir: le tissage de soie et de coton, la production des matières colorantes, de la porcelaine et de la poterie.

L'introduction du livre est consacrée à l'analyse des matériaux utilisés pour la base de l'étude. L'auteur a examiné beaucoup de documents, et notamment ceux recueillis par lui-même pendant son séjour en Chine, dans les plus grands centres de la production artisanale; l'auteur a également étudié les difangzhi, c'est à dire les descriptions géographiques des provinces, des régions et des districts. Outre cela, l'auteur a analysé des oeuvres historiques, par exemple des traités sur la technique et sur les procédés technologiques de la production artisanale, des nombreux documents et ses propres observations, faites au Pekin et pendant les voyages à travers le pays, en 1959 et 1967.

La première chapitre nous donne la description de la technique et des procédés technologiques des artisans en XVI — XVIII ss. L'auteur a analysé certain progrès de l'économie chinoise dès la deuxième moitié du XVI siècle et qui se manifestait par l'apparition des nouvelles branches de l'agriculture, servantes à l'artisanat, par la division du travail entre les divers régions et à l'intérieur d'un atelier, enfin par le perfectionnement des outils.

La comparaison de la technique et de la technologie de la production en XVI — XVII ss. avec celles des siècles précédents, faite par l'auteur, lui a permis de démontrer que les XVI — XVII ss. étaient une période de grands changements dans les principales opérations de production des métiers-clefs. C'était le temps quand on a inventé des dispositifs manuels assez compliqués, dont l'application servit au progrès de la production: le système de l'évacuation du grisou des mines, l'égreneuse du coton, le rouet à plusieurs fuseaux, le métier pour le tissage des soies multicolores et à dessin.

Or, la technique artisanale en Chine est néanmoins restée au niveau du travail manuel et n'a pas pu stimuler le développement de la technique de machines. En partant du XVIII s. l'Europe laissait la Chine plus en plus en arrière. Même en XIX s. le métier de tisserand manuel n'était pas remplacé par la machine et la production artisanale et les premières manufactures par la fabrique. Les principes mis à la

base des dispositifs n'étaient pas perfectionnés jusqu'à leur fin et se combinaient avec la primitivité générale de construction des métiers en bois; les opérations secondaires étaient négligées. Dans plusieurs branches de la production artisanale le niveau de la maîtrise des artisans dépassait celui du développement de la technique. Or, c'était pour les artisans une bonne raison à conserver d'une manière la plus rigoureuse les secrets professionnels, surtout dans les métiers artistiques.

Le développement inégal des forces productives dans les diverses branches de production et dans les différentes régions était encore une cause qui mettait du obstacles au développement de la technique à la période étudiée.

La seconde partie du livre (chap. II — IV) est consacrée à l'analyse des causes qui ont déterminé le ralentissement des rythmes du développement de la production urbaine. Parmi ces causes on peut nommer le rôle modérateur des guildes et des corporations; l'influence retentrice de la production artisanale d'Etat; le système de restriction pour le métier et la commerce introduit par l'Etat; l'abondance des mains-d'oeuvre à bon marché dans les villes. Plusieurs status des corporations artisanales, qu'on trouve dans ce livre, n'ont jamais été publiés, même en Chine. L'analyse des status nous donne la structure typologique des corporations chinoises en comparaison avec les corporations européennes; le processus de la décadence des corporations.

Dans la période dont on parle, le hang en tant qu'une organisation corporative étroite était déjà incapable à monopoliser et à contrôler le marché local. Un des traits principaux d'ordre urbain du temps étudié c'est que des organisations d'un type nouveau sont apparues: des huiguan's, les bang's, les gongsuo's, quoique dans les conditions de la régime féodale elles s'organisèrent à la mode des corporations médiévales.

Une des particularités les plus essentielles du système corporatif en Chine était qu'il a pris sa forme définitive dans les conditions d'un Etat despotique et qui n'avait pas besoin du soutien des citoyens; cette circonstance a déterminé l'absence des droits politiques, l'étroitesse des fonctions juridiques des corporations, leur incapacité d'entreprendre les actions politiques de son propre chef et la survivance des traditions corporatives. L'Etat féodal faisait tout son possible pour garder dans les villes la même structure sociale qu'à la campagne et pour utiliser cette structure comme une organisation fiscale d'Etat.

La production artisanale d'Etat était un des facteurs qui empêchèrent la décadence du système corporative et le déclenchement de l'initiative privée. L'auteur a étudié deux branches de l'artisanat d'Etat: le tissage de la soie et la production de la porcelaine. Une conclusion tirée de cette étude, c'est que ces deux branches avaient quelques traits qui les rapprochaient à la manufacture, à savoir: les ateliers d'Etat réunissaient de grands groupes d'ouvriers; on y avait lieu la division détaillée et la rémunération différenciée du travail; on y utilisait le salariat quoique pas tout à fait libre.

En tout cas, les buts de la production et la méthode de l'utilisation des mains-d'oeuvre restaient féodaux. C'est pourquoi la manufacture d'Etat n'a pas fait naître celle du capitaliste — au contraire, elle a conservé les méthodes féodales de l'exploitation. Cette manufacture d'Etat absorbait une partie considérable de matières premières et d'ouvriers qualifiés; elle exerçait une pression sur le marché intérieur et la formation des prix, en empêchant la concentration des capi-

taux entre les mains des producteurs isolés et le développement de la libre entreprise.

Dès le XVI s., dans les régions économiquement développées du pays et dans les branches avancées de la production artisanale on voit apparaître les nouvelles formes de la production privée. L'auteur met en relief les principaux types nouveaux de l'entreprise: coopération; entreprises privées, appartenant aux associations des entrepreneurs; manufactures centralisées et dispersées. Les données du livre ont permis d'étudier le niveau de la division du travail dans le processus de la production, et le degré de l'utilisation des salariés.

Dans le chapitre IV, l'auteur analyse les nombreux termes qui étaient à l'usage en XVI — XVIII ss. pour dénommer les salariés. L'auteur étudie aussi les diverses formes de l'embauchage et de la rémunération du travail. Sur cet analyse est basée la conclusion que les formes de la production manufacturière ne présentaient pas encore un nouveau ordre économique et social, mais qu'on doit considérer comme le début de sa formation. La manufacture, apparue parallèlement avec des corporations artisanales, dans les conditions d'un stricte contrôle et de l'oppression de la part des autorités féodales, souffrante du manque des capitaux, ne pouvait par décomposer les corporations, les soumettre ou, enfin, s'organiser en une force capable de s'opposer à la pression de l'Etat féodal.

Une des causes de ce ralentissement du développement des formes manufacturières de la production en Chine était le rôle dominant du capital de marchand qui conservait les formes les plus stagnantes de la manufacture.

Le dernier chapitre est consacré à l'examen des liens entre la production artisanale et le marché intérieur et extérieur. En XVI — XVIII ss., on voit se développer en Chine les rapports de marchandise et d'argent; la production de marchandises augmente; dans tout le pays, des marchés permanents apparaissent; les liens commerciaux entre les régions se forment. C'est le marché intérieur qui a été formé. Or, ce processus n'était pas une ascension permanente: il était interrompu par les destructions, faites par les envahisseurs Mandchous, et par la politique réactionnaire de l'Etat féodal visant à répartir à son profit les revenus de la production et du commerce. Il en résulta un désaccord entre les possibilités économiques du pays et l'état réel du commerce.

La fermeture de la Chine par les envahisseurs Mandchous a de même interrompu le progrès du commerce extérieur du pays. La Chine perdait à fur et à mesure sa souveraineté dans ce domaine, comme ses marchés extérieurs, le monopole du transport; sa monnaie cessait la circulation au delà de ses frontières. L'invasion du capital européen a transformé la Chine en fournisseur passif des valeurs considérables dans les échanges non équivalents sino-européens.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К., Капитал, т. I, III,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, 25, ч. I.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Немецкая идеология,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3.
3. Маркс К., Ницета философии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.
4. Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству,— «Вестник древней истории», 1940, № 1.
5. Маркс К., Письмо П. В. Анненкову, Брюссель, 28 декабря 1846 г.,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948.
6. Энгельс Ф., Анти-Дюринг,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
7. Ленин В. И., Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, т. 3.

ИСТОЧНИКИ

Эпиграфика и документы

8. Синьжэнь маолин хансицзя хуйгуань мяо бэй, Даогуан, 19-й год (1839) (Стела с надписью об установлении храма синьжэньским хуйгуанем западных семейств, изготавливающим шелковые шапки). Установлена в Фошане, на улице Бэйлу пубуцзе, д. 35. Рукописная копия. Из собрания Гуандунского филиала Института истории АН КНР.
9. Сучжоу чжицзаошу дочжи □ цзи, Цяньлун, 31-й год (1766) (Стела с надписью Сучжоуского ткацкого управления). Оттиск из собрания автора.
10. Цзянсушэн Мин Цинилай бэйкэцзыляо сюаньцзи (Сборник избранных надписей на каменных стелах, установленных в провинции Цзянсу в Минское и Цинское время), Пекин 1959.
11. Циньмин дули чжицзаошаосы кунцаньвэн Чэнь Гун цюйсы бэйцзи, Шуньчжи, 9-й год (1652) (Стела с надписью, установленная по императорскому повелению управляющим малой канцелярией ткацкого управления). Оттиск из собрания Наньцзинского исторического музея.
12. Циньцзя даосянь Чжэцзян Ханчжоуфу чжэнтан цзяцици цзилуэршицы Чжу, Даогуан, 5-й год (1825) (Стела с надписью, установленная по императорскому повелению чиновником Чжу, чжэнтаном округа и области Ханчжоу, имеющим семь степеней).
13. Цяньлун Сучжоу Юань Чан У саньсянь иднн чживан тяочжанчэн бэй (Каменная стела с текстом устава бумажных мастерских уездов Чан, Юань и У области Сучжоу, установленная в годы правления Цяньлуна). Оpubл.: «Лиши яньцзю», 1958, № 2.
14. Чицинь сычоушэя бэйцзи, Канси, 33-й год (1694) [Стела с надписью, запрещающей самовольно основывать яханы]. Установлена в уезде Наньхай провинции Гуандун. Рукописная копия. Из собрания Гуандунского филиала Института истории АН КНР.
15. Чжицзао цзинчжи цзи, Шуньчжи, 4-й год (1647), 12-й месяц (Каменная стела с надписью о порядке ткачества, установленная в Сучжоу и Ханчжоу чиновником Чэнь Ю-мином). Оpubл.: «Лиши яньцзю», 1958, № 4; «Хрестоматия по новой истории», т. I, М., 1963, стр. 610—613.

16. Чунсю чжицзао гуншу бэйци, Шуньчжи, 10-й год (1654) (Стела с надписью ткацкого управления о новом восстановлении производства). Установлена в Сучжоу, Ханчжоу и других местах. Оттиск. Из собрания Наньцзинского исторического музея.
17. Чуньцзянь Сучжоу чжицзаошу цзи, Тунчжи, 11-й год (1872) (Стела с надписью, вновь установленная Сучжоуским ткацким управлением). Оттиск. Из собрания Наньцзинского исторического музея.
18. Юйчэн гуанкоубан гунъи чжанчэн, Даогуан, 21-й год (1842), 2-й месяц. [Юйчэнское (чунцинское) землячество, занимающееся изготовлением блестящих пуговиц, сообща обсудило свой устав.] Рукописная копия с подлинного устава. Из собрания исторического факультета Сычуаньского университета в г. Чэнду. Опул.: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
19. Юйчэн дань Чухуабу гунъи дань, Цзяцин, 15-й год (1810). (Устав чухуаских лавок, занимающихся трепанием хлопка в Юйчэне). Рукописный текст с подлинного устава. Из собрания исторического факультета Сычуаньского университета. Опул.: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
20. Юйчэн ижань чоулинбупи тоушэн хунфан чжунъи шию дэн гунъи чжаньчэн, Цзяцин, 1-й год (1796), 8-й месяц (В Юйчэне, в мастерских, занятых окраской и промывкой атласа, шелка и шерстяных ниток для прически, мастера и подмастерья сообща обсудили и утвердили устав). Рукописная копия с подлинного устава. Из собрания исторического факультета Сычуаньского университета. Опул.: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
21. Юйчэн яньбан даньцзы гунъи чжаньчэн хандань, Даогуан, 27-й год (1848), 7-й месяц (Юйчэнская земляческая организация, занимающаяся продажей курительных принадлежностей, сообща обсудила статьи цехового устава). Рукописная копия с подлинного устава. Из собрания исторического факультета Сычуаньского университета. Опул.: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
22. Юйчэн Чухуан цзифан гунцзы бэй, Цзяцин, 7-й год (1802) [Стела с надписью о заработной плате в чухуанской ткацкой мастерской в Юйчэне (Чунцине)]. Рукописная копия текста. Из собрания исторического факультета Сычуаньского университета.

Географические описания

23. Ванъли Баодинсянь чжи¹ (Описание уезда Баодин в годы правления Ванъли), [б. г.].
24. Даогуан Гуандун тунчжи (Географическое описание провинции Гуандун в годы правления Даогуан), 1822.
25. Гуансюй Гуйаньсянь чжи (Описание уезда Гуйань в годы правления Гуансюй), [б. г.], гл. 1.
26. Цяньлун Гуйчжоуфу чжи (Описание области Гуйчжоу в годы правления Цяньлун), [б. г.].
27. Дамин и тунчжи (Большое географическое описание Китая в период правления династии Мин), [б. г.].
28. Дацин и тунчжи (Большое географическое описание Китая в период правления династии Цин), 1774.
29. Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Составители: Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван, Чебоксары, 1960.
30. Тунчжи Жаочжоуфу чжи (Описание области Жаочжоу в годы правления Тунчжи), 1872, гл. 8.
31. Исинсянь цзючжи (Старое описание уезда Исин), 1882, гл. 1.
32. Шуньчжи Луаньфу чжи (Описание области Луань в годы правления Шуньчжи), [б. г.].
33. Гуансюй Жунсянь чжи [Описание уезда Жунсянь (провинция Сычуань) в годы правления Гуансюй], [б. г.].
34. Цзяцин Лэпинсянь чжи (Описание уезда Лэпин в годы правления Цзяцин), [б. г.].
35. Наньсюньчжэнь чжи (Описание Наньсюньчжэня), составитель Фань Лай-гэн [XVIII в.].
36. Наньсюнь чжи [Описание Наньсюня (Хучжоу)], 1922.
37. Даогуан Нэйцзянсянь чжияо [Описание уезда Нэйцзян (провинция Сычуань) в годы правления Даогуан], [б. г.].
38. Пуянь чжи (Описание Пуяня), [XVIII в.], гл. 14.
39. Сунцзянфу чжи (Описание области Сунцзян), 1797.

¹ Алфавитный порядок географических описаний дан по названиям местностей. Преобладающее большинство описаний представляют собой ксилографические издания. [б. г.], [б. м.].

40. Хунъу Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Хунъу), [б. г.].
41. Чжэндэ Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Чжэндэ), [б. г.].
42. Канси Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Канси), [б. г.].
43. Цяньлун Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Цяньлун), 1748.
44. Даогуан Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Даогуан), 1824.
45. Гуансюй Сучжоуфу чжи (Описание области Сучжоу в годы правления Гуансюй), 1883.
46. Сычуань тунчжи (Географическое описание провинции Сычуань), 1733.
47. Ваньли Сюшуйсянь чжи (Описание уезда Сюшуй в годы правления Ваньли), [б. г.], гл. 34.
48. Чунчжэнь Тайцанчжоу чжи (Описание округа Тайцан в годы правления Чунчжэнь), [б. г.], гл. 5.
49. Канси Тунсянь чжи (Описание уезда Тунсянь в годы правления Канси), [б. г.].
50. Гуансюй сюйцзуань Цзяннинфу чжи (Описание области Цзяннин, продолженное в годы правления Гуансюй), [б. г.], гл. 11.
51. Цзяцзин Уи чжи (Описание области У в годы правления Цзяцзин), [б. г.], гл. 14.
52. Уси Цзиньгуй сянь чжи (Описание уездов Уси и Цзиньгуй) [б. г.], гл. 31.
53. Чунчжэнь Усянь чжи (Описание уезда У в годы правления Чунчжэнь), [б. г.], гл. 7, 10.
54. Канси Уцзянсянь чжи (Описание уезда Уцзян в годы правления Канси), 1684, гл. 1.
55. Миньго Усянь чжи [Описание уезда У (Сучжоу) в годы Республики], 1922, гл. 51, 52.
56. Цяньлун Уцзянсянь чжи (Описание уезда Уцзян в годы правления Цяньлун), 1747, гл. 5.
57. Гуансюй Уцзянсянь сюйчжи (Продолжение описания уезда Уцзян, составленное в годы правления Гуансюй), 1879, гл. 5.
58. Цзяцзин Ухусянь чжи (Описание уезда Уху в годы правления Цзяцзин), [б. г.].
59. Уцин Вэньсянь [Описание Уцин[чжэня] и Вэньсянь[чжэня] (область Фучжоу)], [б. г.].
60. Уцинчжэнь чжи (Описание Уцинчжэня), [б. г.], гл. 7.
61. Учэньсянь чжи (Описание уезда Учэнь в годы правления Цяньлун), 1745.
62. Учэньсянь чжи (Описание уезда Учэнь в годы правления Гуансюй), [XIX в.], гл. 28.
63. Цяньлун Фошань чжунъи сянь чжи (Описание уезда Фошань в годы правления Цяньлун), 1753, гл. 6.
64. Даогуан Фошань чжунъи сянь чжи (Описание уезда Фошань в годы правления Даогуан), 1831, гл. 1, 5, 12, 13.
65. Даогуан Фуляньсянь чжи (Описание уезда Фулян в годы правления Даогуан), 1823, гл. 8.
66. Миньго Фошань чжунъи сянь чжи (Описание волости Фошань в годы Республики), 1923, гл. 6.
67. Тунчжи Фушунсянь чжи (Описание уезда Фушунь в годы правления Тунчжи), [б. г.].
68. Фэнлу сяочжи [Описание Фэнлу (Наньцзинна) в годы правления Гуансюй], 1900, гл. 3.
69. Ваньли Ханчжоуфу чжи (Описание области Ханчжоу в годы правления Ваньли), [б. г.].
70. Канси Ханчжоуфу чжи (Описание области Ханчжоу в годы правления Канси), 1686.
71. Цяньлун Ханчжоуфу чжи (Описание области Ханчжоу в годы правления Цяньлун), 1779.
72. Миньго Ханчжоуфу чжи (Описание области Ханчжоу в годы Республики), 1921.
73. Хуаянсянь чжи (Описание уезда Хуаян в годы правления Цзяцзин), 1816.
74. Хуаянсянь чжи (Описание уезда Хуаян в годы Республики), 1932, гл. 34.
75. Хубэй тунчжи (Географическое описание провинции Хубэй), 1803.
76. Цяньлун Хучжоуфу чжи (Описание области Хучжоу в годы правления Цяньлун), 1739.
77. Цяньлун Хучжоуфу чжи (Описание области Хучжоу в годы правления Цяньлун), 1758.
78. Тунчжи Хучжоуфу чжи (Описание области Хучжоу в годы правления Тунчжи), 1874.
79. Гуансюй Хучжоуфу чжи (Описание области Хучжоу в годы правления Гуансюй), 1883.

80. Цяньлун Цзиньшаньсянь чжи (Описание уезда Цзиньшань в годы правления Цяньлун), [б. г.], гл. 17.
81. Цзядинсянь чжи (Описание уезда Цзядин в годы правления Цяньлун), 1743, гл. 12.
82. Цзядинфу чжи (Описание области Цзядин в годы правления Цзяцин), 1804, гл. 6.
83. Цзяннань туншэнчжи (Географическое описание провинции Цзяннань), 1737.
84. Чжэндэ Цзяннинсянь чжи (Описание уезда Цзяннин в годы правления Чжэндэ), [б. г.].
- 84а. Цзяцин Цзяннинфу чжи (Описание области Цзяннин в годы правления Цзяцин), [б. г.].
85. Цзяннинфу чжи (Описание области Цзяннин в годы правления Канси), 1668, гл. 4, 8.
86. Цзянси тунчжи (Географическое описание провинции Цзянси в годы правления Юнчжэн), 1737, гл. 27.
87. Цзяцин Цзянси тунчжи (Географическое описание провинции Цзянси в годы правления Цзяцин), [б. г.].
88. Гуансуй Цзянси тунчжи (Географическое описание провинции Цзянси в годы правления Гуансуй), 1820.
89. Ваньли Цяньтансянь чжи (Описание уезда Цяньтан в годы правления Ваньли), [б. г.], гл. 1.
- 89а. Канси Цяншаньсянь чжи (Описание уезда Цяншань в годы правления Канси), [б. г.].
90. Канси Чанчжоусянь чжи (Описание уезда Чанчжоу в годы правления Канси), 1684, гл. 3.
- 90а. Цяньлун Чанчжоусянь чжи (Описание уезда Чанчжоу в годы правления Цяньлун), [б. г.].
91. Ча Чжэнь-син (сост.), Канси Сицзян чжи (Описание Сицзяна [Цзянси] в годы правления Канси), [б. г.].
92. Чжулиньчжи (Описание Плотины бамбукового леса), [XVIII в.].
93. Цяньлун Чжэнцзэчжэнь чжи (Описание Чжэнцзэчжэня в годы правления Цяньлун), 1746, гл. 25.
94. Чжэнцзэчжэнь чжи (Описание Чжэнцзэчжэня в годы правления Даогуан), 1845, гл. 1.
95. Чжэцзян тунчжи (Географическое описание провинции Чжэцзян в годы правления Канси), 1684.
- 95а. Юнчжэн Чжэцзян тунчжи (Географическое описание провинции Чжэцзян в годы правления Юнчжэн) [б. г.].
96. Чжэцзян тунчжи (Географическое описание провинции Чжэцзян в годы правления Цяньлун), 1812.
97. Чуаньшасянь чжи (Описание уезда Чуаньша), 1837.
98. Чэндусянь чжи (Описание уезда Чэнду), 1796, гл. 6.
99. Хунчжи Шанхайсянь чжи (Описание уезда Шанхай в годы правления Хунчжи), [б. г.].
100. Цзяцин Шанхайсянь чжи (Описание уезда Шанхай в годы правления Цзяцин), [б. г.].
101. Канси Шанхайсянь чжи (Описание уезда Шанхай в годы правления Канси), 1683.
102. Цзяцин Шанхайсянь чжи (Описание уезда Шанхай в годы правления Цзяцин), 1813.
103. Тунчжи Шан Цзян лянсянь чжи, [б. г.], гл. 7.
104. Ваньли Шаньюаньсянь чжи (Описание уезда Шаньюань в годы правления Ваньли), [б. г.].
105. Шоуду чжи (Описание столицы (Наньцзина)), 1935, гл. 12.
106. Шуанлиньчжэнь чжи (Описание Шуанлиньчжэня), [XVIII в.], гл. 15, 44.
107. Сяньфэн Шуньдэсянь чжи (Описание уезда Шуньдэ в годы правления Сяньфэн), [б. г.], гл. 3.
108. Тунчжи Шэнху чжи, [XIX в.], гл. 1.
109. Цяньлун Юаньхэсянь чжи (Описание уезда Юаньхэ в годы правления Цяньлун), 1740.
110. Цяньлун Юаньхэсянь чжи (Описание уезда Юаньхэ в годы правления Цяньлун), 1761, гл. 10.

Энциклопедии, своды, сборники

111. Мин Цин шиляо цзябянь (Материалы по истории династий Мин и Цин), вып. 1, т. 1—10, Шанхай, 1930—1931.
112. Саньцай тухуй (Энциклопедия, составленная по трем разделам: небо, земля, человек), [конец XVI — начало XVII в.], т. 4, гл. 9, ксил. изд.
113. Циньдин гуцзинь тушу цзичэн 1726—1732 (Собрание книг и изображений с древности до настоящего времени, составленное по императорскому повелению), под ред. Цзян Тин-си, Шанхай, 1934.

114. Цинчао вэньсянь тункао (Историко-литературная энциклопедия), т. 1—2, сост. Гао Цзун, 1747.
115. Чжунго цзиньдай шоугунъеши цзыляо 1840—1949 (Материалы по истории кустарного производства Китая в новое время), под ред. Пэн Цзэ-и, т. 1, Пекин, 1957.
116. Шанхай чжангу цуншв (Сборник различных историй о Шанхае), т. 1—10, Шанхай, 1935.

Официальные труды

117. Мин ши (История династии Мин), Шанхай, 1740 [ксил. изд.].
118. Мин ши лу (Правдивые записи Минской династии), [б. г.], гл. 194, 249, 361, 372, 360.
119. Минчэнь цзоуи (Доклады минских чиновников), 1781 [ксил. изд.].
120. Хуанмин цзинши вэньбянь (Сборник сочинений об управлении, написанных при минских императорах), [б. г.] [ксил. изд.].
121. Юнчжэн чжупи юйчжи (Императорские указы и постановления, изданные при Юнчжэне), [б. г.], разделы 42, 48 [ксил. изд.].

Сочинения современников

122. В а н Ж и - ч ж э н ь, Хуцаньшу (Описание разведения шелковичных червей), 1878, гл. 4, 6.
123. В а н Ч ж э н ь, Нуншу (Книга о сельском хозяйстве), Пекин, 1956.
124. Ваньли цяньюшу (Книга о свинце в период правления Ваньли), [б. г.] (ксил. изд.), гл. 1.
125. В а н ь Э, Дунчэн цзацзи [Различные записки о Дунчэне (провинция Аньхуй)], XVII в., (ксил. изд.), гл. 2.
126. Г у Г у н - с ю э, Цинся сяньцзи шанчао (Избранные записки, составленные в период летнего времяпрепровождения), гл. 2, в серии «Цуншу цзинчэн», Шанхай, 1936.
- 126а. Г у й Ю - г у а н, Чжэнчуань сяньшэн цзи (Собрание сочинений учителя из Чжэнчуаня), [конец XVII — начало XVIII в.], (ксил. изд.).
127. Гусусянь фэнлэй цзи [Записки об обычаях в уезде Гусу (Сучжоу)], [б. г.].
- 127а. Г у н Ю э, Цзиндэчжэнь тао гэ (Песнь о цзиндэчжэньском фарфоре), 1823.
128. Г у Ч ж э н ь - т а о, Умэнь бяоинь лэйбянь (Описание явлений в Умэне, на которые никто не обращает внимания) [XVIII в.], (ксил. изд.).
129. Г у Т и н - л и н ь (Г у Я н ь - у), Тянься цзюньго либин шу (Книга о выгодах и убытках Поднебесной), 1823, (ксил. изд.).
130. Дунцзин мэнхуа лу (Записи ярких снов в восточной столице), Шанхай, 1957.
131. Е Ш а о - ю а н ь, Цичжэнь цзивэнь лу (Записи услышанного о времени Тяньди и Чунчжэня), 1649, (ксил. изд.), гл. 7.
132. Л а н ь П у, Цзиндэчжэнь таолу (Описание цзиндэчжэньского фарфорового производства), Пекин, 1815, (ксил. изд.).
133. «Ching-dè-chên T'aolu» of Potteries of China. Translation with notes and Introduction, [I. K. Sayer], London, 1951.
134. Histoire et fabrication de la porcelaine chinoise, [Stanislas Julien], Paris, 1856.
135. Л и Т я о - ю а н ь, Наньюэ бицзи (Записки о Южном Юэ), 1777.
136. Л у К у н ь, Циньцзян чжилюэ [Краткое описание территории Цинь (пров. Шэньси)], 1824.
137. Л я н ь Х э н, Тайвань тунши (История Тайваня), [б. г.].
138. П у Х у а н, Пучуань совэньцзи (Записки об услышанном в Пучуане), [XVIII в.], (ксил. изд.).
139. Сиюань вэньцзянь лу (Записки о виденном и слышанном в Сиюани), [XVII в.], (ксил. изд.), гл. 92.
140. С у н И н - с и н, Тяньгун кайу (Совершенствуя природу, открываем вещи), [XVIII в.], (ксил. изд.).
- 140а. С у н И н - с и н, Тяньгун кайу, Шанхай, 1954.
141. Перевод фрагментов: Industries anciennes et modernes de l'empire chinoise d'après de notices du chinoise [Stanislas Julien], Paris, 1869.
142. С у н ь П э й, Сучжоу чжицаоцзюй чжи (Описание ткацкого управления в Сучжоу), Наньцзин, 1959.
143. С у н ь Ч э н - ц з е, Шаньшу (Книга о горах), [б. г.], гл. 7.
144. С ю й Г у а н - ц и Нунчжэн цюаньюшу (Полная книга о сельском хозяйстве), т. 1—2, Шанхай, 1956.
145. С ю й Г у а н - ц и, Нунчжэн цюаньюшу, 1843, (ксил. изд.).
- 145а. Перевод фрагментов из № 144: F s e n K w a n g - k ' h e (Y a u l S i n), Dissertation of the Silk-Manufacture and the Cultivation of the Malbeny, Shanghai, 1849.

146. Сюй Гуан-ци цзи (Собрание сочинений), т. 1—2, Шанхай, 1963.
147. Сюй И-куй, Шифэн гао (Трактат о началах богатства), [б. г.], (ксил. изд.), гл. «Разговор с ткачами».
148. Сян Чжо, Цзиндэчжэнь таое цзилу (Записки о фарфоровом производстве Цзиндэчжэня), [1933].
149. Тан Шунь-чжи, Цзинчуань сяньшэн цзи (Собрание сочинений учителя из Цзинчуаня), [б. г.], (ксил. изд.).
150. У Вэй, Сычуань яньчжэн ши (История добычи соли в Сычуани), [б. г.].
151. У Цянь, Янсянь мин таолу (Записки об известных керамических изделиях из Янсяня), в серии «Мэйшу цуншу», т. 1—2, сост. в годы правления Гуансюй (1875—1908).
152. Фань Дуань-ан, Аочжун цзяньвэнь [Об увиденном и услышанном в Ао (Гуандуне)], [б. г.] (ксил. изд.).
153. Фань Цзю-шу, Хансу ифын (Существующие с древности обычаи Ханчжоу), [б. г.].
154. Цзинь Ао-цзе, Цзиньлин дайчжэньту (Собрание различных сведений о Наньцзине), [XVIII в.], (ксил. изд.).
155. Цзы Чао-цзы, Цзюцзин соцзи, [б. г.].
156. [Мин] Цзян И-хуа, Ситай маньцзи (Записки о местности Ситай) [составленные в период правления династии Мин], (ксил. изд.).
157. Цюй Да-цзюнь, Гуандун синьюй (Новое слово о Гуандуне), 1700, (ксил. изд.).
158. Чжоу Хуэй, Соши чэньлу (Записки о пустяках), Наньцзин, [б. г.], (ксил. изд.).
159. Чжу Го-чжэнь, Юнтун сяопинь (Записки в беседке Юнтун), [XVII в.], (ксил. изд.), гл. 2.
160. Чжу Ци-цян, Сысю бицзи (Записки о вышивках на шелке), [б. г.].
161. Чжу Хуа, Мумянь пу (Трактат о хлопке), [конец XVII — начало XVIII в.], в серии «Цуншу цзичэн», № 1469, Шанхай, 1936.
162. Чжу Янь, Таошо (Слово о фарфоре), 1914, (ксил. изд.).
163. Шисаньфэн шутань вэньгао, [б. г.], (ксил. изд.).
164. Шэнь Дэ-фу, Ваньли ехобянь (Собрание неофициальных записок времени Ваньли), Шанхай, 1959.
165. Янь Жу-и, Сяньшэн бяньфан бэйлань [Краткое описание трех провинций (Шэньси, Сычуани, Хубэя)], 1802—1804, (ксил. изд.).

Художественная литература

166. Прodelки праздного дракона. Шестнадцать повестей из сборников XVII в. Пер. с кит. Д. Воскресенского, М., 1966.
167. Синши хэньян (Слово вечное, мир пробуждающее), сост. Фэн Мэн-лун, т. 1—2, Пекин, 1957.

Труды путешественников и миссионеров

168. Burton William, Porcelain: a sketch of its Nature, Art and Manufacture, London, 1906. (Перевод на англ. записок д'Антреколля).
169. Du Halde Jean Baptiste, The General History of China. Containing a Geographical, Historical, Chronological, Political Description of Chinese Empire, London, 1941.
170. Du Halde Jean Baptiste, Description géographique, historique, chronologique, politique de l'empire de la Chine et de Tartarie, Paris, 1735.
171. [Дюгальд, Ж. Б.] Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии китайския, снабженное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное И[оанном] Б. Дюгальдом, а с Французского переведенное Игнатием де Теильсом, СПб., 1774—1777.
172. Известия о шелковых заводах, переведенные Рассохиным из дю Гальдова сочинения, ч. I—II, 1757, Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ), Хмыровская коллекция, Китай, т. 10, № 33а; т. 8, № 30, 13; т. 7, № 56.
173. Подробное описание: 1) как китайцы делают фарфор, 2) как китайцы разводят и кормят шелковых червей. (Первое взято из записок иезуита д'Энтреколля, изданных отцом Дю Гальдом, а второе из сочинения сего последнего). Перевел с франц. студент Гавриил Смирнов, М., 1790.
174. Ricci Matteo, China in the 16th century, 1586—1610, The journal of M. Ricci 1583—1611. Translated from Latin by Gallagher, New York, 1953.
175. South China in the sixteenth century, Being the narrative of J. Pereira, Gaspar da Grus, Martin de Rade (1550—1575), by C. R. Boxer, London, 1953.
176. Спафарий Н. Г. (Милеску), Описание первая части вселенныя, именуемой Азий, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции, Казань, 1910.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

177. Авенариус Г. Г., Землячества и цеховые объединения в Китае,— «Вестник Маньчжурии», 1926, № 5.
178. Авенариус Г. Г., Китайские цехи,— «Вестник Маньчжурии», 1927, № 11.
179. Антоний (иеромонах), О китайском шелководстве, СПб., 1869.
Арапова, Т. Б., Заказ и проблемы стиля в декоративном искусстве периода Мин,— научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы, вып. I, М., 1970.
180. Бокшанин А. А., Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв., М., 1968.
181. Ванин Ю. В., Экономическое развитие Корен в XVII—XVIII вв., М., 1968.
182. Виноградова Е. В., Современное прикладное искусство Китая, М., 1959.
183. Всемирная история, т. III, М., 1957.
184. Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки, М., 1968.
185. Генезис капитализма в промышленности, М., 1963.
186. Думан Л. И., Очерк истории Китая,— сб. «Китай», М.—Л., 1940.
187. История фабрики фарфора в Китае, ГПИБ,— Хмыровская коллекция, Китай, т. 5, № 44; т. 12, № 23, № 24; т. 11, № 3.
188. Кверфельдт Э. К., Фарфор. Краткий исторический очерк, Л., 1940.
189. Кочетова С. М., Фарфор и бумага в искусстве Китая, М.—Л., 1956.
190. Кочетова М. Н., Китайский фарфор для экспорта в Европу в XVII—XVIII веках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, [б. м.], [1946].
191. Кюнер Н. В., Материалы к монографии по истории китайского ремесла (не опубликованы). Архив автора (№ 1, 262) в Институте этнографии АН СССР.
192. Лапина З. Г., К вопросу о традициях в экономических учениях китайского средневековья (теория «земледелие — основное, торговля и ремесло — второстепенное» в книге Ли Гоу, XI в.),— «Народы Азии и Африки», 1969, № 4.
193. Левицкий Я. А., Города и городское ремесло в Англии X—XII вв., М.—Л., 1966.
194. Лепешинский К. В. (Цзо Ши), О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая,— «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
195. Лубо-Лесниченко Е., Древние китайские ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа, Л., 1961.
196. Маньчжурское владычество в Китае, М., 1966.
197. Миrowsкая Р. А., Обсуждение китайскими учеными проблемы генезиса капитализма в Китае,— «Вопросы истории», 1957, № 6.
- 197а. Непомнин О. Е., Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая, М., 1966.
198. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.), М., 1962.
199. О китайском шелководстве. Извлечено из подлинных китайских сочинений, СПб., 1840.
200. Орлов И., Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи, т. 1—2, 1826.
201. Очерки истории Китая, под ред. Шан Юэ, М., 1959.
202. Парфионович Ю. М., Китайские историки о зарождении капитализма в Китае,— «Советское востоковедение», 1957, № 4.
203. Симоновская Л. В., Основные черты истории средневекового Китая,— «Преподавание истории в школе», 1951, № 4.
204. Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф., Очерки по истории Китая, М., 1956.
205. Симоновская Л. В., Начало разложения феодальных отношений в Китае,— «История стран Азии и Африки в средние века», М., 1968, часть III, гл. I.
206. Симоновская Л. В., Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего периода. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960.
207. Симоновская Л. В., Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в., М., 1966.
208. Скржинская Е. Ч., Очерки истории техники докапиталистических формаций, М., 1936.
209. Соболев Н. Н., История украшения тканей, М.—Л., 1934.
210. Стужина Э. П., Вопрос о зарождении капиталистических отношений в Китае в работах современных китайских историков,— сб. «Средние века», XII, 1958.
211. Стужина Э. П., О характере цеховой организации в Китае в XVII — первой половине XIX в.,— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
212. Стужина Э. П., Керамика Китая,— «Декоративное искусство», 1961, № 11.

213. Стужина Э. П., Ткацкое производство в Китае со второй половины XVI по первую половину XVIII в.,—сб. «О генезисе капитализма в странах Востока», М., 1962.
214. Стужина Э. П., Городское ремесленное производство и торговля в области Сучжоу (XVI—XVIII вв.),—сб. «Генезис капитализма в промышленности», М., 1963.
215. Стужина Э. П., Современная китайская историческая наука о проблемах социально-экономической истории Китая в позднее средневековье (XVI—XVIII вв.),—сб. «Современная историография стран Зарубежного Востока», Китай, М., 1963.
216. Стужина Э. П., Экономическое содержание терминов найма и формы оплаты труда в городском ремесленном производстве феодального Китая (XI—XVIII вв.),—сб.: «Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки», М., 1968.
217. Стужина Э. П., Эпиграфика как источник для изучения волнений городских низов в конце XVII—начале XVIII в. в Китае. Доклад, прочитанный на конференции по источниковедению и историографии в ЛГУ в 1967 г. Тезисы.
- 217а. Стужина Э. П., Некоторые вопросы экономики Китая XI—XII вв. в сунском законодательстве,—сб. «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», выпуск II, ЛГУ, 1968.
- 217б. Стужина Э. П., Политика средневекового китайского государства по отношению к городу (XI—XIII вв.),— научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы, вып. I, М., 1970.
218. Стоклицкая-Терешкович В. В., Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв., М., 1960.
219. Фехнер М. В., Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.
220. Фишман О. Л., Китайский сатирический роман, М., 1966.
- 221а. Флуг К. К., История китайской печатной книги Сунской эпохи, М.—Л., 1959.
- 221б. Хохлов А. Н., О характере частной мануфактуры в Китае (конец XVIII—первая половина XIX в.),—«Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (История и экономика)», М., 1967.
222. Хрестоматия по истории Китая в средние века, М., 1960.
223. Хрестоматия по истории средних веков, т. 2, М., 1963.
224. Хрестоматия по новой истории, т. I, М., 1963.
225. Цейтлин Е. А., Очерки истории текстильной техники, М.—Л., 1940.

На китайском языке

226. Бо Чжу-фу, Вопрос о первоначальном накоплении капитала в Китае,—«Нанькай дасюэ сюэбао», 1956, № 1.
227. Ван Чжи-минь, Фарфор с кобальтовой росписью из частных печей Минского времени. Альбом иллюстраций, Наньцзин, 1957.
228. Гуань Мэн-цзяо, Предварительное исследование вопроса о первоначальном накоплении в Китае, Шанхай, 1958.
229. Дун И-цин, Зарождение и рост капиталистических элементов в Китае начиная с Цинского времени до «опиумных» войн,—«Лиши цзяосюэ», 1955, № 3.
230. Дун Цзы-ван, Краткий обзор дискуссии по вопросу о зарождении капиталистических элементов в Китае,—«Сюэси», 1956, № 11.
231. Дэн То, От Ваньли до Цяньлуна. Доказательство о зарождении капитализма в Китае,—«Лиши яньцзю», 1956, № 10.
232. Ван Сун-цин, Лю Ган-ган, Первоначальное исследование о технологическом процессе производства исинской керамики, [б. м.], 1931.
233. Очерк истории исинского керамического производства, Исин, 1959, (не опубликовано).
234. Като Сигэру, Исследования по истории китайской экономики, Пекин, 1960, (пер. с яп.)
235. Кэ Цзянь-чжун, О торговом капитале Минского времени и его связи с зарождением капитализма (оттиск из «Вестника Сычуаньского университета», 1959).
236. Ли Шу, Исследование вопроса о зарождении капиталистических элементов в Китае,—«Лиши яньцзю», 1956, № 4.
237. Ли Шу, Когда начался период новой истории в Китае?,—«Лиши яньцзю», 1959, № 3.
238. Ли Гуан-би, Очерки по истории Китая в Минское и Цинское время, Ухань, 1957.
239. Ли Син-нань, Минская парча. Альбом иллюстраций, Пекин, 1955.
240. Ли Сюнь, История периода Мин и Цин, Пекин, 1956.
241. Ли Цзянь-нун, Очерки по истории экономики Сунского, Юаньского, Минского времени, Пекин, 1957.
242. Ло Яо-цзю, Носил ли наемный труд в середине [правления] Минской династии капиталистический характер?,—«Лиши яньцзю», 1961, № 1.

243. Ло Яо-цзю, Еще раз о характере наемного труда в годы Ваньли при Минской династии,— «Лиши яньцзю», 1962, № 4.
244. Лю Да-нянь, О предисловии Шан Юэ к книге «Изучение экономической формации в период династий Мин и Цин»,— «Лиши яньцзю», 1958, № 1.
245. Лю Чжун-жи, Цзо Юнь-пэн, Первоначальное исследование о комиссионерах и комиссионных компаниях,— «Вэнь ши чжэ», 1957, № 3.
246. Лю Юн-чэн, Относительно цеховой системы в Сучжоу в Цинское время,— «Лиши яньцзю», 1959, № 11.
247. Лю Юн-чэн, О наемном труде при Цинской династии,— «Лиши яньцзю», 1962, № 4.
248. Лю Юй-хуан, Автор, время и особенности книги «Нунчжэн цюаньшу»,— «Цзян хай сюэкань», 1961, № 5.
249. Лю Янь, Начальный период городских движений под влиянием развития городской экономики в позднеминское время,— «Лиши яньцзю», 1955, № 6.
250. Фарфор с кобальтовой росписью из частных печей Минского времени, Пекин, 1957.
251. Исследование состояния китайской экономики в Минское и Цинское время, Сборник статей, Шанхай, 1957.
252. Пэн Цзэ-и, Характер шелкоткацкого производства в Цзяннани с точки зрения форм казенного производства,— «Лиши яньцзю», 1963, № 2.
253. Сун Бо-ин, Исследование сучжоуских гунсо в Цинское время,— «Цзян хай сюэкань», 1958, № 5.
254. Сун Бо-ин, Краткое сообщение об исследовании ткацких мастерских в Сучжоу в Цинское время,— «Вэньу цанькао цзыляо», 1959, № 9.
255. Сюй Да-лин, Генезис капитализма в феодальном обществе Китая XVI и начала XVII века,— «Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1956, № 3.
256. Сюй Да-лин, Курс лекций по истории Китая в Юаньское, Минское и Цинское время, прочитанный в Пекинском университете в 1959 г. (не опубликован).
257. Сюй Да-лин, Экономическая жизнь Пекина в Минское время,— «Бэйцзин дасюэ сюэбао», «Женьвэнь кэсюэ», 1959, № 4.
258. Сюй Юань, Печь «старшего брата» и печь «младшего брата», Ханчжоу, 1924.
259. Тан Мин-суй, Ли Лун-цянь, Чжан Вэй-сюн, Некоторые замечания и дополнения, касающиеся статьи тов. Дэн То «От Ваньли до Цяньлуна»,— «Лиши яньцзю», 1958, № 1.
260. Тун Шу-е, Очерки по истории китайского фарфора, Шанхай, 1958.
261. Тун Шу-е, Критические замечания о книге «Очерки по истории цзиндэчжэньской керамики»,— «Лиши яньцзю», 1959, № 12.
262. Изучение «Тяньгун кайу», Пекин, 1959, (пер. с яп.).
263. Тянь Жу-кан, Китайские парусные суда в Юго-Восточной Азии, Шанхай, 1957.
264. У Жэнь-цин, Синь Ань-чао, История китайской керамики, Шанхай, 1954.
265. У Хай-чжо, Зарождение капиталистического производства в Китае,— «Цзинцзи яньцзю», 1956, № 4.
266. У Юнь-цзя, Описание производства керамики в Фуляне, 1930.
267. Фу И-лин, Исследование по экономике городов Цзяннани в Минское и Цинское время, Шанхай, 1957.
268. Фу И-лин, Анализ экономики рынков и чжэней в Цзяннани в Минское и Цинское время,— «Лиши цзяосюэ», 1964, № 5.
269. Фу Чжэн-лунь, Великое изобретение Китая — фарфор, Пекин, 1957.
270. Фэн Сянь-лин, Обычай пить чай и изменения керамической и фарфоровой чайной посуды начиная с династий Тан и Сун в свете письменных источников,— «Вэньу», 1963, № 1.
271. Ху Си-мин, Исторические материалы об условиях жизни гуанчжоуских ткачей и их участии в антианглийской борьбе в деревне Саньюаньли 100 лет назад,— «Лилунь юй шицзянь юэкань», 1958, № 2.
- 271а. Записки о цзиндэчжэньском фарфоровом производстве, [б. м.], [б. г.].
272. Очерки по истории цзиндэчжэньской керамики, Пекин, 1959.
273. Цзи Сянь-лин, Исследование о проникновении китайского шелка в Индию,— «Лиши яньцзю», 1955, № 4.
274. Цзэн Тун-чун, Шелковая промышленность Китая, т. 1—2, Шанхай, 1934.
275. Цзюй Цин-юань, Танская и Сунская казенная и частная промышленность, [б. м.], 1934.
276. Цзян Сы-цин, История фарфоровой промышленности в Цзиндэчжэне, Шанхай, 1936.
277. Цзян Сюань-тай, Цинь Тин-юй, Изобретение китайского фарфора, Шанхай, 1956.
278. Цюань Хань-шэн, История цеховой системы в Китае, [б. м.], [1934].
- 278а. Цянь Хун, О зачатках капитализма в ремесленном производстве Китая накануне «опиумных» войн,— «Сборник 3-го института истории АН КНР», № 2, Пекин, стр. 75—96 [б. г.].

279. Чжан Вэй-чи, Шиваньская керамика провинции Гуандун, Гуанчжоу, 1957.
280. Чжан Цзы-хун, Книга Сун Ин-сина «Тяньгун кайу»,— «Лиши яньцзю», 1956, № 11.
281. Чжан Фэй-жань, История производства фарфора в Цзянси, [б. м.], 1930.
282. Чжи Тянь-чэн, Очерки истории культивирования хлопка в Китае,— «Лиши цзяосюэ», Пекин, 1959, № 4.
283. Общий каталог географических описаний Китая, Шанхай, 1958.
284. Описание современной промышленности Китая, т. 2. Провинция Чжэцзян, Ханчжоу, 1933.
285. Сборник статей об изобретениях и изобретателях в китайской науке и технике, под ред. Ли Гуан-би, Пекин, 1957.
286. Сборник статей, написанных в период дискуссии о зарождении капиталистических элементов в Китае, т. 1—2, Пекин, 1957.
287. Чэнь Вань-ли, Краткая история селадонового фарфора в Китае, 1957.
288. Чэнь Вань-ли, Фарфор во внешней торговле Китая в период от конца Сун до начала Цин,— «Вэньбу», 1963, № 1.
289. Чэнь Фу-вэнь, Искусство керамики в Сычуани, Чэнду, 1958.
290. Чэнь Ши-ци, Исследование казенного ремесла в Минское время, Ухань, 1958.
291. Шан Юэ, Первоначальное исследование о зарождении и развитии капиталистических элементов в Китае, Пекин, 1956.
292. Шан Юэ, Зарождение и рост факторов капитализма в Китае — «Лиши яньцзю», 1956, № 3.
293. Ши Хун-да, Об историческом процессе развития орудий текстильного производства в Китае в периоды Сун, Юань, Мин,— «Лиши яньцзю», 1957, № 4.
294. Ши Хун-да, Хлопчатобумажное производство в районах Фуцзяни и Гуандун-Гуанси при Южных Сунах,— «Шисюэ юэкань», 1958, № 5.
295. Юань Хань-цин, Возникновение и развитие производства бумаги в нашей стране,— «Кэсюэ тунбао», 1954, № 12.
296. Краткая история производства шелка юньцзинь, 1959, ротапринтное изд., Наньцзинский научно-исследовательский институт шелка.
297. Янь Чжун-пин, История текстильной промышленности в Китае (1289—1937), Пекин, 1955.

На западноевропейских языках

298. Bahr A. W., Old Chinese Porcelain and Works of Art in China, London — New York — Tokyo — Melbourne, 1911.
299. Balazs Etienne, Chinese civilization and bureaucracy, Yale University Press, 1964.
300. Bushell Stephen, Oriental Ceramic Art, Oxford, 1899.
301. Bushell Stephen, Chinese Art, London, 1916.
302. Entrecolles François Xavier d'arts métiers et culture de la Chine, Paris, 1814—1815.
303. Hoppisley Alfred E., A sketch of the history of ceramic art in China, with a catalogue of the Hoppisley collection of Chinese porcelain, Washington, 1902.
304. Hobson R. L., Handbook of the pottery and porcelain of the Far East, Oxford, 1937.
305. Hobson R. L., Later ceramic wares of China, London, 1924.
306. Hobson R. L., Wares of the Ming dynasty, London, 1923.
307. Hobson R. L., Chinese Pottery and Porcelain, London, 1915.
308. Homo Faber, Pracovní motivy ve starých vyobrazeních, Václav Huse, Praha, 1967.
309. Jenyns Soame, Later Chinese Porcelain, The Ching Dynasty, London, 1951.
310. Goidsenhoven J. P. van, Le céramique chinoise sous les Ts'ing 1644—1851, Brussels, 1936.
311. Greenbery Michael, British trade and opening of China, 1800—1942, Cambridge, 1951.
312. Latourette Kenneth Scott, The Chinese, their history and culture, New York, 1934.
313. Mew Egan, Old Chinese porcelain, London — New York.
314. Morse Hosea Ballou. The chronicles of the East India Company trading to China, 1635—1834, Cambridge and Oxford, 1926 (1—4), 1929 (5).
315. Pariset, Histoire de la soie, Paris, 1869.
316. Feddersen Martin, Mementos illustrés la Porcelaine chinoise, Paris, 1956.
317. Phillips John Goldsmith, China trade porcelain. Harvard University Press, Cambridge — Massachusetts, 1956.
318. Polonyi Peter, «Keng Chin t'u» ink cake set («illustration of husbandry and weaving») from the Chien-lung period,— «Annuaire du Musée des Arts Decoratifs et du Musée d'Art d'Extrême Orient Ferenc Hopp. vol. VIII, Budapest, 1966.
319. Prakston A. D., Early Ming Wares of Chingtechen, Peking, (Henry Tetch), 1938.

320. Schuyler Camann, Types of symbols in Chinese art, in series: «The American anthropologist» Studies in Chinese Thought, edited by Arthur F. Wreight, December 1953, vol. 55, № 5, pt 2, № 1.
321. Schuyler Camann, China's dracon robes, 1952.
322. Stuzhina E., The economic meaning of some terms in chinese feudal handicrafts,— Archiv Orientalni, № 35, 1967, № 2.
323. Simmons Pauline, Priest Alan, Chinese textiles. An introduction to the study of their history, sources, technique, symbolism and use, New York, 1934.
324. T'ien-tse-chang, Sino-Portuguese trade from 1514 to 1644, Leyden, 1934.
325. Weibel Adele Coulin, The thousand years of textiles, New York, 1952.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенариус Г. Г.** 125, 126, 130
Антреколль Ф. Кс. (d'Entrecoll F. X.) 17, 178
Арапова Т. Б. 68
Аркрайт Р. 54, 60

Бай 153
Балаш Э. (Balazs E.) 88
Бичурин Н. Я. 3, 6
Бокшанин А. А. 195, 209, 212, 213
Боревская Н. Е. 94
Бушель С. (Bushell S.) 50
Бушон 43

Ван 166
Ван Гу см. Чжэн Тин-гуй
Ван Да-цзин 105
Ван Лю-у 169
Ван Хао-шань 153
Ван Чао 105
Ван Чжун-минь 10
Ван Чжэн 152
Ван Чжэнь 34
Ван Ю-тяо 169
Ваньли (Шэньцзун) 8, 15, 29, 30, 43, 64, 70, 102, 103, 147, 149—151, 188, 205
Веджвуд 82
Виноградов Д. И. 63
Вокансон Ж. де 43
Вудфорт 217
Вэй 173
Вэйбель А. К. (Veibel A. C.) 4

Га Сянь 104, 105
Гальд Жан Батист дю (du Halde) Хальд Батист дю 17
Гань Шоу-юань 169
Гильберт Т. 217
Гринбери М. (Greenbery M.) 172
Гу Гун-сюэ 13
Гу Тин-линь (Гу Янь-у) 12, 14, 212, 213
Гу Ци-юань 25
Гу Чжэнь-тао 13
Гуансюй (Цзайтянь, Дэцзун, Цзин-хуан-ди) 11, 130
Гуань Вэнь 104
Гуань Мэн-цзяо 164
Гуй Ю-гуан 22
Гун Да-ци 184
Гун Чунь 80
Гун Юэ 12, 148

Дай Чжэн 147
Дань 166
Делла Роббиа (Della Robbia) 82
Дин 55, 112
Ду Ши-цюань 54
Дун И-цин 25
Дэн То 4, 88, 166

Е Мэн-чжу 16, 22, 53
Е Юн-чжэнь 147

Женинс С. (Jenyns S.) 4
Жюльен М. С. (Julien M. S.) 8, 12

Ио Фэй 33

Канси (Сюанье, Шэнцзу, Жэньхуанди) 16, 17, 20, 65, 70, 83, 118, 121, 122, 148, 156, 161, 166—168, 175, 193
Каттанео Л. 10
Кей Д. (Key I.) 60
Конфуций 136
Кречетова М. Н. 178
Круз, Гаспар да (Gaspar da Crus) 17, 23, 196, 207, 212
Кюнер Н. В. 4

Лай-ван 36
Лань Пу см. Пу Пин-ань
Лань Тин-шу 29
Лапина З. Г. 137
Левицкий Я. А. 28
Ленин В. И. 163, 181, 188, 189
Ли 170
Лиелль 217
Лу Жун 167
Ли Пу-чуань 169
Ли Сюнь 207
Ли Тин-си 148
Ли Цзянь-нун 16, 62
Ли Чжун-су 80
Ли Шэн-мао 175
Ли Шу 4
Лин Хун 43
Линь Фу 212, 213
Ло Вэй-вань 186
Ло Мао-дэн 94
Ломоносов М. В. 63
Ло Яо-цзю 184
Лу 170
Лубо-Лесниченко Е. 34, 40

Лунцин (Муцзун) 43, 63
Лу Чэн 168
Лю 170
Лю Бан 125
Лю Пин 12
Лю Си 65
Лю Цзун-вэнь 186
Лю Чжун-чжи 204
Лю Юн-чэн 25, 127, 175, 184, 193, 200
Лю Янь 206

Манухин В. С. 37, 176
Маркс К. 98, 111, 124, 172, 173, 180, 194, 196, 204, 206, 220
Мартини М. (Martini M.) 17
Морзе Х. Б. (Morse H. B.) 17, 214, 218
Мэн Юань-лао 119

Нань Си-ло 142
Нурхацци (Тяньмин, Тайцзу Гаохуанди) 207

Орлов И. З. 178
Оу 111
Оу Цзы-мин 80, 82

Пань 142
Перейра Г. (Pereira G.) 17, 23, 65, 196, 205
Петр I 114
Пирес Т. 212
Пирс Ч. 214
Посошков И. 14
Прист А. (Priest A.) 4
Пу 169
Пу Пин-ань (Лань Пу) 12, 13, 72
Пу Хуан 202
Пэн Цзе-и 4, 11, 16, 130, 150, 167, 169

Рада Мартин де (Martin de Rada) 17
Риччи М. (Ricci M.) 10, 17, 102, 196
Роха Хуан де 10

Сайер Д. К. (Sayer J. K.) 12
Симоновская Л. В. 4, 28
Симонс П. (Simmons Pauline) 4
Си Мынь-цин, 36
Син Нин 168
Скржинская Е. Ч. 4, 34
Спафарий Николай (Милеску) 17
Су Го-чэн 186
Сун 166
Сун Бо-ин 156
Сун Ин-син 8, 9, 16, 53, 60, 66, 88, 178
Сун У-кун 33
Сунь Лун 103, 105
Сунь Пэй 11, 158
Сунь Чэн-цзэ 205
Сюаньдэ (Сюаньцзун) 62
Сюй 166, 170
Сюй Гуан-ци 9, 10, 16, 40, 53, 55, 60, 197, 198
Сюй Да-лин 26, 27, 109, 119, 153, 184
Сюй Жу-чжан 9
Сюй Тин-ли 148
Сюй Цзюань 145
Сюй Ю-цюань 80
Сяньфэн (Ичу, Вэньцзун Сяньхуанди) 167

Тай Юэ 27
Тайцзу см. Хуньбу 62
Тан Ин 104
Тан Инь 11, 12, 66, 72, 74, 77, 142
Тан Синь 104
Тан Шунь-чжи 13, 23
Трусевич Х. 195
Тунчжи (Цзайчунь, Муцзун Ихуанди) 166
Тун Шу-е 34
Тянь Да-янь 102

У Вэй 166, 167, 178
Уитней Э. 55
У Сун 33
У Хай-чжо 176
У Хань 4
У Цянь 16

Фань Лянь 171
Фань Дуань-ян 135
Фань Хэ 144
Фань Чэн-да 6
Феддерсен М. (Feddersen M.) 4
Филлипс Д. Г. (Phillips D. G.) 4, 178, 195, 214, 218
Фишман О. Л. 11

Хальд Жан Батист дю (см. Гальд Жан. Батист дю) 17
Хикей У (Hikey J.) 191
Хиппислей А. Е. (Hippisley A. E.) 4
Хирото Миэ 8
Хобсон Р. Л. (Hobson R. L.) 4
Хоу Вай-лу 4
Хохлов А. Н. 163
Хуандаопо 54
Хуан Цзянь-цзэ 104
Хунчжи (Сяоцзун) 29
Хуньбу (Чжу Юань-чжан, Тайцзу) 24, 32, 62, 106
Хэ Тай-шэн 186

Цай Цзин 37
Цан Инь-сюань 142
Цао Инь 177
Цао Си 177
Цао Фу 177
Цао Юн 177
Цейтлин Е. А. 34
Цзинь Ао-цзэ 15
Цзинь Чэнь 112
Цзо Жуан 169
Цзо Юнь-пэн 204
Цзы Чао-цзы 125
Цзюй Цин-юань 119
Цзян Ан 161
Цзян И-хуа 114
Цзян Тин-си 16
Цзян Эр-дао 186
Цзянь Бо-цзань 4, 110
Цзяо Мань-фу 153
Цзяцзин (Шицзун) 24, 26, 29, 108, 123, 126, 165, 212
Цзяцин (Юнъань, Жэньцзун, Жуйхуанди) 122, 167
Цуй Го-мао 178
Цюй Да-цзюнь 13, 14

Цяньлун (Хунли, Гаоцзун Чуньхуанди)
12, 15, 20, 65, 70, 74, 83, 118, 121—123,
130, 155, 159, 166, 167, 193, 219
Цянь Хун 171

Ча Чжэнь-син 142
Чай 170
Чжан И-ань 176
Чжан Тянь-цзэ 219
Чжан Хань 176
Чжан Шоу-цин 168
Чжоу Дань-цюань 178
Чжоу Хуэй 13
Чжоу Ци-юань 147
Чжу Го-чжэнь 13, 14, 171
Чжу Янь 12, 179
Чжэндэ (Уцзун) 74
Чжэн Тин-гуй (Ван Гу) 12
Чжэн Хэ 94
Чу Хуа 16, 55, 61, 197, 203
Чуй Цзюнь 52
Чунчжэнь (Ицзун) 24
Чэнхуа (Шицзун) 30, 107, 176
Чэнь Чунь-мэй 178
Чэнь Ши-ци 108, 109, 198, 205, 214
Чэнь Ю-мин 157, 158

Шаммер 217
Шан Юэ 4, 171, 172, 176
Шао Инь 111
Шао Чжи-оу 186
Ши 176
Ши Да-бинь 80
Ши Фу 203
Ши Хун-да 34, 58
Шуньчжи (Фулинь, Шицзу, Чжанхуан-
ди) 8, 108, 141, 154, 168, 175, 183
Шэнь Дэ-фу 15, 176
Шэнь Хуай-цин 63

Эвклид 10
Эйдзо Ота 34, 47, 50
Элерс 82
Энгельс Ф. 124, 180

Юнлэ 106, 107, 108, 149
Юнчжэн (Иньчэнь, Шицзун Сяньхуан-
ди) 20, 65, 70, 101, 166, 167, 188
Юргенс 58

Ян 40, 176
Янь Чжун-пин 4, 174, 207
Янь Жу-и 12, 15, 85, 94, 165, 167, 180

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Азия 34
Америка 207
Амой 165, 215, 216
Англия 54, 61, 82, 88, 215—217
Анжэнь, уезд 146, 147
Аньхуа 119, 187
Аньхуй 8, 20—22, 165, 199, 205
Аомынь (Макао) 207, 213
Аравия 207
Армения 209

Багдад 200
Баотоу 197
Бочшиши 200
Брадвелл 82
Бяньдухоу 207
Бяньчэн см. Кайфын 104

Вампу 216
Ваньянь, уезд 146, 147, 178
Ванцзянчжэнь 30
Великий канал 23, 26, 173, 197
Великобритания 214, 218
Вэй (современная провинция Шаньси)
203
Вэйбянь 110
Вэньчжоу 160

Гайчжоу 160
Гайшань 186
Ганьсу 111, 207
Гаопин 151
Германия 43, 54
Гуандун 3, 14, 18, 21, 30, 32, 37, 47, 52,
80, 88, 91, 121, 122, 164—167, 183, 186,
190, 198, 199, 212, 219, 220
Гуанси 21, 32, 52, 112, 114, 165, 212
Гуансиньфу 85, 165

Гуанчжоу, Кантон 18, 22, 24, 29, 33, 35,
65, 72, 130, 178, 180, 188, 197, 207,
212—220
Гуанчжоу, область 29
Гуйань 165
Гуйчжоу, город 29
Гунфань, уезд 193

Данин 167
Дания 213, 216
Датан 91
Датун 207
Дацзу 121
Дели 200
Динчжоу 30, 31, 80, 111
Дунван 21
Дучан 32, 146, 147, 178
Дэхуа 11, 17, 26, 31, 219
Дэншуй 167
Дэсин, уезд 146, 147, 178

Европа 43, 50, 54, 55, 58, 82, 88, 90, 97,
172, 207, 214, 215, 218, 220, 221

Жаньян 192
Жаочжоу 7, 62, 63, 66, 141, 145, 146,
148, 178, 185
Жупин 197
Жунсянь 165
Жунцян 112

Занзибар 209

Индия 9, 207, 209
Исин 18, 80, 111, 113, 120
Испания 209, 213
Италия 54, 82, 220
Иян 123

- Каир** 200
Кайсянь 167
Кайфын, **Бяньчэн** 34, 119
Кайян 166
Кантон (**Гуанчжоу**) 23, 212
Корея 209
Крумлов, **Чешский** 97
Кутная Гора 88
Кяхта 213
- Лиличжэнь** 200
Линцин 197
Линшан 104
Линьцин 23
Линъань см. **Ханчжоу** 152
Лодин 91
Лодяньчжэнь 30
Лоян 34
Лу (на стыке современных провинций **Цзянсу**, **Хэнань**, **Аньхуй**, **Шаньдун**) 203
Луань 22, 108, 120, 149, 151, 161
Лунцюань 11
Лучжувэй 151, 161
Лэпин 32, 132, 146, 147, 178, 182
Ляодун 207
- Макао** см. **Аомынь** 209
Моравия 82
Мочуан 66
Мэйяньши 200
Мэньтоугоу 105, 166
- Наньань** 178
Наньсюнь 28, 48
Наньхай, **уезд** 29, 165
Наньцзин, **Нанкин** 5, 15—22, 25, 31, 32, 35, 37, 65, 99, 106, 107, 114, 120, 125, 134, 141, 149, 150, 155, 156, 164, 169, 177, 188, 197, 198, 199
Наньчан 63, 65, 178
Наньян 197
Нидерланды 61, 209, 213, 216
Нинбо 207
Нинго 150
- Паньцзятун** 142
Пекин, **Цзиньчэн** 17, 18, 20, 26, 27, 33, 105—107, 110, 121, 141, 149, 150, 155, 162, 192, 200, 205
Пекинская область 32
Пинванчжэнь 200
Пинну 207
Пинсян 32, 88
Португалия 209, 213
Поян, **город** 32, 145
Поян, **озеро** 63
Пуаньчжэнь 30, 197
Пу см. **Пучуань**
Пучуань, **Пучуаньчжэнь**, **Пу**, **Пуюань** 35, 112, 169, 197
Пучуаньчжэнь см. **Пучуань**
Пуоань см. **Пучуань** 28, 175
- Римская Империя** 34
Россия 14, 17, 195
- Сиам** 207
Сиань 58
- Сишань** 105
Сишаоту 21
Синьцзинчжэнь 30
Синьцзян 34, 155
Синьчэнчжоу 66
Средняя Азия 52, 200
Стамбул 200
Суматра 209, 213
Сунцзян 5, 19, 22, 23, 30, 31, 53, 54, 58, 99, 171, 172, 174, 199
Сучжоу, **город** 5, 6, 11, 18, 19, 23, 25, 30, 32, 35—37, 43, 53, 99, 101—104, 107, 110, 113—115, 118, 119, 122, 126, 127, 133, 134, 149—151, 153—156, 159—161, 164, 174, 175—178, 182, 183, 185—190, 193, 197, 199
Сучжоу, **область** 5, 22, 24, 25, 30, 36, 53, 103, 152, 160, 182, 183
Сычуань 7, 13, 18, 19, 20—22, 25, 32—34, 43, 52, 53, 80, 83, 88, 111, 114, 121, 151, 152, 163—167, 169, 186, 199
Сюаньху 207
Сянсян 123
Сянтань 121
- Тайвань** 32, 166, 167, 209, 220
Тайцан 202
Таньцюши 200
Телучуан 94
Тибет 154, 209
Тихий океан, 52
Тунсян, **уезд** 165
Туньцуньши 200
Тяньцзинь 23, 197
- У** (часть города **Сучжоу**) 25
У, **уезд** 24, 118
У (часть современных провинций **Цзянси**, **Цзянсу**, **Чжэцзян**) 18, 36
Умэнь 13
Умэньто 66
Уняоцин 54
Уси 14, 18, 19, 30, 99, 133
Усянь 122, 123
Уху 165, 205
Уцзян, **уезд** 29, 200
Уюань 66
- Фаньюй** 21
Филиппины 213
Фландрия 220
Фошань 18, 24, 29—31, 80, 82, 88, 94, 110—112, 120—122, 126, 164, 165, 183, 196, 198
Франция 207, 216
Фулянь 7, 32, 63, 66, 144—147, 182
Фуцзянь 8, 11, 17, 21, 26, 29, 32, 33, 52, 62, 151, 198, 199, 212
Фучжоу 7, 22, 25, 26, 31, 43, 160, 169, 196
Фушунь 166, 167
Фэнсинь, **уезд** 8
Фэнтянь 186
Фэнцзинчжэнь 30, 174, 185
- Хайфын** 165
Ханчжоу, **Линъюань** 7, 18, 22, 23, 25, 31, 35, 36, 99, 109, 114, 122, 149, 150, 152, 153, 155, 156, 160, 169, 178, 188, 196

Ханькоу 23, 121, 122, 164
Хуайань 23
Хуайхэ 177
Хуанхэ 20, 23
Хубэй 13, 32, 91, 121, 122, 164, 165, 220
Хугуан 108
Хуйнин 125
Хуйчжоу 165
Хунань 91, 121—123, 130
Хуншань 91, 164
Хуншаньдун 207
Хучжоу 7, 22, 23, 29, 48, 99, 160, 169, 170, 171
Хэбэй 32, 80, 88, 90, 197
Хэлучуань 164
Хэнань 53, 105, 108, 165, 197
Хэцзяньфу 197
Хэшань 91, 164

Цанчжоу 197

Цзиндэчжэнь 17, 18, 23, 28, 31, 61—63, 65, 66, 72, 74, 100, 111, 113, 122, 125, 141, 142, 145—148, 173, 178, 185, 188, 199

Цзинин 23

Цзиньчжоу 23

Цзиньчуань 13

Цзиньчэн см. Пекин 192

Цзуньхуа 88, 90, 107

Цзян 205

Цзянвэй 182

Цзядин 7, 22, 30, 53, 99

Цзяннань 9, 20, 21, 30, 32, 35, 66, 83, 88, 91, 109, 151, 152, 198, 199

Цзяннин 115, 185, 193

Цзянси 8, 9, 18, 20, 65, 66, 83, 108, 122, 144, 164, 165, 180, 182, 185, 199

Цзянсу 3, 5, 18, 21, 22, 29, 30, 58, 80, 122, 123, 130, 164, 171, 174, 193, 220

Цзяньвэй 166, 167, 186

Цзяньфу, уезд 167

Цзясин 30

Цзяшань 174, 175, 182, 185

Ци (современная провинция Шаньдун) 203

Цимэнь 66

Циншуй 207

Цычжоу 197

Цэнчэн 21

Цюаньчжоу 207

Цяншань 180

Чананьчжэнь 63

Чанцзян, см. Янцзы

Чанчжи 151

Чанчжоу 50, 160

Чаньань, город 34

Чанша 110, 112, 115—118, 121, 122, 125, 130, 131—134, 187, 188

Чжанчжоу 207

Чжили 32, 88, 151

Чжоупу 54

Чжуаннань 207

Чжуньюань 31, 60

Чжунчжоу 104

Чжуцзун 174

Чжуцзян, река 178

Чжуцзяцзяочжэнь 30

Чжэдин 197

Чжэньдэ 197

Чжэньцзэчжэнь 28, 30, 31, 118, 170, 183, 200

Чжэньчжоу 50

Чжэньцзян 160, 193

Чжэцзян 3, 9, 11, 18, 20—22, 35, 48, 62, 83, 91, 101, 122, 125, 151, 165, 169, 171, 174, 175, 182, 185, 198, 199, 212, 220

Чу (на территории современных провинций Хунань, Хубэй) 203

Чуаньбу 80

Чуаньша 58

Чунцин 6, 25, 101, 112, 115, 120, 125, 133, 188

Чуньчжоу 207

Чусан 215

Чэндун 6, 7, 18, 21, 23, 33, 83, 99, 111, 134, 149

Чэнхуа 30

Шан 205

Шанхай 5, 9, 10, 18, 21—23, 31, 58, 82, 121

Шаньдун 53, 58, 108, 168

Шаньси 20, 32, 35, 53, 54, 83, 88, 108, 109, 125, 149, 151, 168, 197, 199, 203

Швеция 213

Шивань 82

Шинган 180

Шитань 85

Шу (современная провинция Сычуань) 34, 52

Шуанлинь 30, 170, 204

Шуаньянши 200

Шуйчэнькоу 90

Шуньдэ, уезд 115, 165

Шушань 80

Шэньцзэчжэнь 28, 30, 31, 53, 170, 182, 200

Шэньси 13, 20, 52—54, 83, 94, 111, 114, 164, 165, 203, 220

Эчжоу 54

Юго-Восточная Азия 91, 209, 220

Южных морей страны 24, 52, 94, 195, 207, 209

Юйгай, уезд 146, 147

Юнган 178

Юнчан 83

Юньнань 32, 80, 88, 104, 111, 164, 198, 199

Юньсинь, уезд 83

Ява 207, 209

Янпин 207

Янцзы (Чанцзян) 19, 20, 23, 32, 33, 52, 63, 139, 163, 173, 198

Чанцзян 63

Янчуань 21

Яньмуши 200

Яньсянь 16

Япония 8, 209

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Бачжуан (41) — опытный мастер, наблюдающий за обжигом фарфора; существует до настоящего времени 120

Бочэ (38), **жэньчуан** (37) — приспособление для скручивания хлопчатобумажных нитей 60

Ваньгун (13) — см. даохуа

Воцзи (21), **яоцзи** (22) — станок для тканья однотонных или мелкоузорных тканей 47, 48

Вэйцзинь (11) — уточный шелк 35

Гаошоу (153), **каньшоу** — старый опытный ткач, наблюдавший за техническим процессом, инструктировавший мастеров и т. д. 158

Гуаньши цзиху (149) — опытные мастера, руководившие всем технологическим процессом в ткацком производстве 158

Дангун (32) — приспособление для трепания хлопка 55

Даохуа (14) (**Наньцзин**), **тихуа** (12) (**Сучжоу**), **ваньгун** (13) (**Наньцзин**) — помощник ткача в шелкоткацких мастерских 37

Дафанчэ (10) — большой прядильный станок 34, 58

Дяогань (23), **дяоюйгань** (24) «удочка» — деталь хлопкоткацкого станка 48, 60

Динфанчэ см. сяофанчэ 58

Дяоюйгань см. дяогань 48

Жэньчуан см. бочэ, 60

Каньшоу см. гаошоу 157

Линьцзэбэй, **цзэбэй** см. мумянь 52

Лу (44) — муфельная печь для обжига эмалей и глазурей 74

Лунъяо (46) — драконовая печь для обжига керамики 82

Лэньпэн (15) — «способ холодного таза» при размотке коконов шелкопряда 40

Лянцзеганъяо см. пинъяо 82

Мумянь (27), **мянь**, **линьцзэбэй** (28), **цзэбэй**, **юнчанмумянь** (29) — хлопок 52

Мянь см. мумянь 52

Оуяо (47) — печь для обжига художественных керамических изделий 82

Пинцзи (25) — простой шелкоткацкий станок, обслуживавшийся ткачихами 48

Пинъяо (48) — **ляньцзеганъяо** (49) — печи для обжига гончарных изделий 82

Сяофанчэ (33), **динфанчэ** (35), **тяньфанчэ** (36), **цуйфанчэ** (34) — небольшая ручная прялка 58

Сяоцзи (39) — хлопкоткацкий станок 60

Тихуа см. даохуа 37

Тяохуа (20) — веревочное приспособление, с помощью которого помощник ткача опускал и поднимал части основы при многоцветном крупноузорном ткачестве 47, 120, 158, 159

Хуалоу (19) — вертикальная рама в станке для крупноузорного ткачества, наверху которой и работал помощник ткача 46, 116, 159

Хуацзи (17), **чжицзи** (18) — ткацкий станок с горизонтальным навоем для многоцветного крупноузорчатого ткачества 46

Цзинцзинь (9) — основной шелк 34

Цзянфанчэ см. сяофанчэ 58

Цзяочэ (30), **яочэ** (31) — хлопкоочистительный станок 55

Циши (40) — «фарфоровый камень» 63

Цуйфанчэ см. сяофанчэ 58

Чжаньцзи (26) — простой шелкоткацкий станок, обслуживавшийся ткачами 48

Чжицзи см. хуацзи 46

Шитао (45) — каменная керамика Исина («каменный товар») 80

Юйяо (42) — императорские (или казенные) печи 72

Юнчанцзэбэй, **цзэбэй** см. мумянь 52

Яо (43) — печь высокотемпературная для обжига фарфора 74
 Яоцзи см. воцзи 47, 48
 Яочэ (16) — шелкомотальное колесо 40, 43
 Яочэ см. цзяочэ 55

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

- Бан (53), банцзо (109) — подмастерье, помощник, 116; Бан банхан, ханбан (206) — землячество, организованное по типу цеха; комиссионная контора; землячество маклеров или комиссионеров (см. также яхан), 99, 119, 125, 202, 222
 Банцзо см. бан 116
 Баоланьжэнь цзюаньтоу (137), ляпчжан (139), танчжан (133) — старшина, ведавший распределением казенных заказов среди ткачей 152
 Баоланьлиньчжи, линчжи (134) — система распределения казенных заказов среди ткачей, записанных в списки лунбань (цунью), 152, 153
 Бао, баоцзя (59) — система круговой поруки 101, 109, 124, 160
 Баотоу (60) — старший в бао 101, 160
 Бухао (182) мастерская средних размеров, занимавшаяся аппретурой хлопковых тканей 174
- Гуангунь (61) — ростовщики, купившие себе право и должность сборщиков казенных налогов (Сучжоу) 103
 Гофын (171) «котел на паях» — паевое предприятие в соледобывающем промысле 167
 Гу (214) — торговец; местный оседлый торговец 117, 204
 Гуань (51) — казенное (производство) 99
 Гуаньпяо (140) — таблички с правительственными распоряжениями 153
 Гуаньцзи (69) — списки ремесленников, приписанных к казенным мастерским или казенным ремесленным управлениям, 109, 118, 153, 158
 Гуаньшан (215) — «казенные купцы» — богатое купечество, занимавшееся внешней торговлей с разрешения правительства на откупных началах 219
 Гугун, юнгун (104) — наемный работник; работа по найму, 115, 117, 153, 182, 184
 Гугун чжижэнь (98), гуцзицзян (143) — наемный ткач 118
 Гун (195), гунжэнь (105) — работник, ремесленник, 114, 184
 Гунжэнь см. гун 115
 Гунпяо (151) — специальные бирки, на основании которых мастерские производили оплату работы 158, 159
 Гунсо (120) — гильдия торговцев или предпринимателей, созданная по профессиональному признаку 119, 121—123, 126, 130, 134, 200, 222
 Гунхан (кохонг) (216) — учрежденная правительством гильдия купцов, занимавшаяся внешней торговлей 219
 Гуцзян (57) — ремесленник, работавший в мастерской, полноправный член цеха 100, 115, 116, 118, 153, 184
 Гунту (207) «проходимцы» — термин употребляется в сучжоуской эпиграфике для обозначения работников, выступавших против хозяев мастерских 202
 Гуфу (130) — наемные работники в казенных фарфоровых мастерских 146
 Гуцзицзян см. гугунчжижэнь 154
 Гуюн (190) см. гугун 181, 182, 184, 187
- Данхан (66) — ремесленники, выполнявшие трудовые повинности в данный год 109, 153
 Даху (76) — крупные хозяева, владельцы нескольких керамических печей, использовавшие наемный труд 113, 176, 182
 Дапэй яоху (73) — хозяева фарфоровых печей в Цзиндэчжэне 113
 Дашу (121) — «старший дядя», предприниматель (Сучжоу*), см. также Эршу, Саньшу 127
 Дуаньгун (191), дуаньцзян (197), дуаньянь (198), саньцзян (96) — краткосрочный наем; мастер, нанятый на короткий срок 181, 189
 Дуаньянь см. дуаньгун 184, 189
 Дуаньцзян см. дуаньгун 184, 189
 Дунхан (118), дунханцзя (119) — (дунцзяхан) — «восточный цех» — объединение состоятельных купцов; хозяин; вкладчик капитала (Гуандун) 126
 Дунханцзя см. дунхан 126
 Дянь (111), пу (124) — лавка 186, 202
 Дянь (168) — арендатор, предприниматель, основавший «дело» на земле, являвшейся собственностью другого человека 117, 167

* Слово в скобках здесь и далее обозначает место бытования термина.

Жаньгун (84) — работник-красильщик 114
Жаньфан (150) — красильная мастерская 158, 174, 177
Жаньху (80) — красильщики, владевшие собственными орудиями производства 114
Жаньцзо (146) — красильщики 158
Жи (166) — «день», единица исчисления паев в предприятии, — продукция предприятия за один рабочий день 166, 167

Куай см. **якуай** 170
Кэ (167) — пайщик в предприятии, основанном на паях 167
Кэжифын см. **кэцзин** 167
Кэцзин (169), **кэжифын** (170) — «колодец на паях», паевое предприятие в соледобывающем промысле 167
Кэши (110) — мастер, пришедший из другого города или провинции, см. также **сяньгун** 117

Лаобань (89) — подрядчик 115, 117, 126, 144, 145, 172
Лунбаньгунцзян (62), **цунью** (63) — ремесленники, перемещаемые для выполнения трудовых повинностей в другие пункты 106—108, 162
Луху (107) — собственник печи 115
Люйбань (208) — бродячие торговцы 203
Лянчжан см. **баоланьжэнь** 152
Ляньшоу (71) — наемные работники в красильных мастерских 112, 184

Миньсан (2) — крестьянские дворы, специализировавшиеся на разведении туговых деревьев 23
Минху см. **цзюйцзян** 152
Мангун (192) — наем на период страды 181
Миньцзи (154) — станки частных ремесленников 158
Му см. **чжаому** 160
Муцзян (157) — ремесленники, созданные для выполнения государственных повинностей 160
Мяохуй, мяоши (7) — храмовый рынок, храмовая ярмарка 26
Мяоши см. **мяохуй** 26

Пу см. **дянь** 131
Пуи см. **яои** 109
Пухан (5) — ряды лавок; хозяин лавки; пекинские лавки, записанные в казенные списки и обслуживавшие императорский двор 26
Пуху (4) — хозяин лавки 26, 106, 115, 117
Пэнью (92), **ю** (91) — ремесленники, прошедшие обучение, но не имевшие своего станка; ткачи, утратившие свои орудия производства. Те и другие работали помощниками ткачей (**Сучжоу**) 115, 116
Пэйфантоу, пэйтоу (129) — надсмотрщик в казенных фарфоровых мастерских; он же распределял работу 145, 148

Саньгун (95), **саньянь** (199), **саньцзян** (96) — краткосрочный наем, наем на сезонные работы 115, 117
Саньянь см. **саньгун** 115, 118, 184, 189
Саньцзян см. **саньгун** 115, 118, 184, 187, 189, 190
Саньшу (97) «третий дядя» — наемный ткач (**Сучжоу**) 115, 127
Сы (51) — частный; частное (производство) 99, 166
Сыхан (117), **цихан** (116) — тайная организация внецеховой бедноты, оппозиционная цехам 126, 128, 188
Сыцзя (70), **цзя** (70) — ремесленные мастерские, принадлежавшие частным лицам 112
Сюэту, сюэтуди (94), **ту туди** (103) — ученик ремесленника, цеховой ученик 115, 133
Сюэтуди см. **сюэту** 133
Сяньгун (193) — пришлый (не местный) работник (см. также **кэши**) 181
Сяоху (75) — мелкие хозяева; мелкие товаропроизводители в керамическом производстве; ткач, не имевший средств производства 113, 114, 176, 182, 203
Сяоцзян см. **цзюйцзян** 152
Сяоцинцзи см. **цзинцзи** 202

Танфан (185) — сахароварня 180
Таоху (209) — хозяева фарфоровых или керамических мастерских 203
Танчжан (133) — старшина в казенной шелкоткацкой мастерской, ведавший организацией производства и отправкой шелка ко двору (см. также **баоланьжэнь**) 150, 152
Тугун (125) — налог с крестьян сырьем для казенного ремесленного производства 140
Туди см. **сюэту** 115

Фан см. цзофан 173, 174
 Фанху (182) — хозяин мастерской 174
 Фанцзя — старший в мастерской, наблюдавший за работниками 190
 Фаньху (173) см. фанцзы 198
 Фаньжэнь (194) — свободный, юридически полноправный человек 153
 Фанызы (173), фаньху — торговцы-перекупщики 170, 199

 Хан (52) — корпорация ремесленников или торговцев: ряд лавок на рынке или в торговом квартале, 99, 111, 119, 120, 124, 128, 138, 143, 144, 199
 Ханбан см. банхан
 Хантоу (100) — глава хана, 115, 118
 Хою (23) — компаньон 127
 Ху (106) — двор, хозяин, мастерская ремесленника 53, 114, 115, 167
 Хуачжуан (175) — посредники в торговле 170
 Хуйгуань (54) — подворье, гостиница, постоянный двор; территориально-земляческая организация ремесленников и торговцев одной специальности 99, 119—123, 125—128, 130, 134, 138, 199, 200, 222

 Цаньфан (1) — крестьянские дворы, специализировавшиеся на разведении тутового шелкопряда 23
 Цаофан (86) — мастерские по изготовлению бумаги 165
 Цаоху (161) — хозяин соляной варницы 166
 Цаотоу цаоцзо (165) — солевары, наблюдавшие за котлами 167
 Цзешоу (212) — рекомендующий в торговой сделке 204
 Цигун (82) — ткачи-работники, не имевшие своих орудий производства, 114, 161
 Цзинху (162) — хозяин соляного колодца 166
 Цзинци, сяоцинци (102), яху (101) — маклер, мелкий торговец-посредник 115, 117
 Цифан (79) — ткацкая мастерская 114, 157, 159
 Циху (71) — ткач — хозяин станка 113—115, 150—155, 157, 158, 160, 161, 170, 171, 175—177, 199
 Цицзян (159) — ткач 158, 175
 Циши (6) — периодические рынки, установленные властями в период Мин 26
 Цзо см. цзофан
 Цзофан (176, 177), фан, цзо — мастерская ремесленника 34, 131, 173
 Цзыхао (178) — ремесленное предприятие значительных размеров 177
 Цзюй (144) — ремесленная мастерская значительных размеров 155, 156, 175
 Цзюйху (74) — собственники нескольких печей в фарфоровом производстве 113
 Цзюйцзян (136), сяоцзян (135), миньху — ткачи, записанные в списки лунбань, но выполнявшие казенные заказы в своих мастерских 152
 Цзюйчу (180) — управление казенными мастерскими; шелкоткацкая мастерская 173, 175
 Цзюньцзян (65) — ремесленники, находившиеся в ведении военного ведомства и занятые преимущественно в казенных оружейных мастерских 106
 Цзя см. сыцзя 112, 117, 118, 153, 183
 Цзян (56) — ремесленник, мастер 56, 115, 143, 175
 Цзянтоу (99) — старшина в мастерской; старший над мастерами 115, 190
 Цзянху (58) — двор ремесленника, подлежавший налогообложению и выполнявший трудовые повинности; ремесленник, имевший свои средства производства 100
 Цзянци (55) — казенные списки ремесленников 100, 109, 153
 Цихан см. сыхан 118, 126, 128, 188
 Цунью см. лунбаньгунцзян 106
 Цяньбань (141) — временные дополнительные повинности 153

 Чан (160) — ремесленное предприятие или промысел значительных размеров; соляные варницы 166, 167, 173
 Чангун (113), чаньянь (114), чанцзян (196) — работник, нанятый на длительный срок 118, 181, 189
 Чаньянь см. чангун 118, 184, 187, 189
 Чанцзян см. чангун 18, 184, 189
 Чжанфан (179) — шелкоткацкое предприятие значительных размеров; мануфактура 173—176, 185
 Чжаому, му, чжаому миньцзян (158) — созыв ремесленников для выполнения государственных повинностей 160
 Чжигун (83), чжицзян (147) — ткач-работник, не имеющий своего станка 114, 161, 175
 Чжиньянь (68) — «дежурные по цеху», члены цеха, ведущие цеховые дела в порядке очередности 108, 119
 Чжифан (181) — ткацкая мастерская 174
 Чжиху (81) — хозяин ткацкой мастерской 114
 Чжиху (87) — хозяин бумажной мастерской 165
 Чжу (88) см. чжужэнь 113, 115, 174

Чжужэнь (78), чжу — хозяин ремесленной мастерской, хозяин печи по обжигу керамики или фарфора 113, 115, 174
 Чжунху (77) — средние хозяева, державшие на паях одну печь 113
 Чжицзян см. чжигун 158
 Чжуцзо (64) — ремесленники, выполнявшие повинности по месту жительства 106
 Чуайбуфан (183) — мастерская, занимавшаяся лощением тканей 177
 Чуайгун (85) — работник-лощильщик 114
 Чэньгун (187) — наемный работник (в период Мин) 180
 Чэньцзо см. чэньгун 180
 Чэньчжи см. чэньгун 180

Шанху (142) — дворы высшей категории в цинской системе принудительного ткачества 154
 Шангунфу (126) — подсобные работники казенных фарфоровых мастерских, набранные по повинности 143, 145, 146
 Шаньцзян (164) — работники, добывавшие соляной раствор 167
 Шатуфу (127) — работники, набранные выполнять повинности по добыче и транспортировке сырья для производства фарфора 143, 145, 146, 147
 Ши (90) — мастер, имевший учеников, работавший с подмастерьем 115—117
 Шихан (200) — свод пен и платы за работу 189
 Шоуфэнь (172) — старший пайщик (в соледобыче, например) 167
 Шоуи (93) — ремесленник высокой квалификации, мастер 115, 116

Эршу (122) «второй дядя» — богатый мастер в шелкоткачестве (Сучжоу) 127

Ю см. пэнью 115—117
 Юнгун см. гугун 115, 185
 Юсы (148) — ответственный за работу в ткацких и красильных мастерских 158

Я см. якуай 203
 Ядянь (205) см. яхан 202
 Якуай (3), я (210), куай (174) — маклер 202
 Яхан (115), ядянь (94), ханбан (206) — хан маклеров или комиссионеров, комиссия контора, маклерская лавка 124, 169, 170, 171, 198, 202, 204, 219
 Яху см. цзинцзи 115, 117
 Яньцзян (163) — солевар 167
 Яои (128), пуи (67) — подушные трудовые повинности 145, 158, 162
 Яоху (108) — хозяева печей 115

ПЕРЕЧЕНЬ СТАРЫХ КИТАЙСКИХ МЕР

Ба — кипа; счетное слово, употреблявшееся при подсчете бумажной продукции
 Бань — болванка застывшего чугуна или железа весом около 20 кг

Ган — мера определения количества хвороста, соломы и т. д. — вязанка, которая переносилась на коромысле

Дин — денежная единица в несколько лян серебра; в XVII в. равнялась 50 лянам (см. лян)

Ли — 576 л (в настоящее время)

Лян — 1) мера веса, равная 37,301 г (в настоящее время); 2) серебряная денежная единица — кусок серебра весом 37,301 г

Пи — кусок (штука) шелковой или хлопковой ткани, служивший единицей измерения [от 30 до 40 чи (10—13 м) в разное время]

Сюнь — мера, определявшая скорость течения воды в реке

Таэль — английское наименование китайской единицы веса лян

Цзинь — 596,886 г (в настоящее время); цзинь = 16 лянам = 160 цзям

Цзюнь — 17,9 кг (30 цзиней)

Цзянь — расстояние между двумя вертикальными опорами дома. Единица обозначения помещений

Чжан — 3,2 м; чжан = 2 бу = 10 чи = 100 цуням = 1000 фыней

Чи — 0,3 м

Чжу — весовая единица пряжи, равная 1,24 лян (см. лян)

ПЕРЕЧЕНЬ ЧИНОВ, ДОЛЖНОСТЕЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

Бао см. фу

Гуаньчацзунши — главный инспектор казенного управления производством фарфора в Цинское время

Гунбу — ведомство работ центрального государственного аппарата

Дасюэши — крупный чиновник в чине пятого ранга. Учрежденные в начале правления династии Мин, дасюэши были советниками при императоре. Их роль постепенно возрастала, и в конце династии — это крупные сановники при дворе, стоявшие выше шаншу

Дифан гуаньфу — управления, ведавшие казенными ремесленными мастерскими в провинциях

Дусувэйсо — управление производством оружия и военного снаряжения; в его подчинении находились цзюньцзян — ремесленники, выполнявшие воинскую повинность в казенных ремесленных мастерских

Дяньчжи — смотритель, наблюдавший за приходом и уходом ткачей в казенных мастерских

Ланчжун — при Минской династии чиновничье звание; крупные чиновники в ведомствах, а также начальники канцелярий. В начале правления династии Цин упразднены

Ли — административно-фискальное объединение деревенских дворов; в разное время правления династий Мин и Цин в ли входило 75, 80, 110 дворов

Нейфу уцзяньцзюй — одно из дворцовых управлений, ведавшее казенным ремесленным производством для нужд императора и императорской фамилии

Нэйку — дворцовое хранилище

Синбу — ведомство наказаний (одно из шести ведомств центрального государственного аппарата)

Сюньань, сюньаньюйши — инспектор, посылаемый при Минской династии в каждую провинцию для постоянной службы (обычно на три года)

Сюньу — крупный военный чиновник в провинциях в Минское время

Тайцзянь — евнух, занимавший высшие должности при императорском дворе

Тунпань — чиновник, наблюдавший за использованием финансов в цзиндэчжэньском фарфоровом производстве

Тунчжи — чиновничья должность в центре и на местах

Фу, бао, цзун, юэ — чиновничьи должности в цяньху (см.)

Хубу — ведомство финансов (одно из шести ведомств центрального государственного аппарата)

Цзиньши — высшая ученая степень в средневековом Китае, присваивалась лицу, сдавшему государственные экзамены в столице

Цзифандянь — управление ткаческими мастерскими

Цзун — см. фу

Цзунчжицзюй — центральное управление шелкоткачеством

Цяньху — воинское подразделение; тысячи; учреждения, занимавшиеся отправкой работников в фарфоровые мастерские

Чжижаньцзюй — казенное управление по ткачеству и крашению

Чжисянь — начальник уезда (глава гражданской администрации уезда)

Чжицзаоцзюй (98) — казенное управление по ткачеству

Чжуши — должность чиновника, находившегося на службе в одном из ведомств; на одну степень ниже юаньвайлана

Чжэнь — административная единица (в ряде случаев — большое поселение торгово-ремесленного типа)

Шибосы — «управление торговых кораблей» — государственное учреждение, ведавшее внешней торговлей

Юэ см. фу

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Академия Дунлинь 14, 213

Академия Ханьлинь 10, 11

Внешняя политика Китая 65, 212, 213,
218, 220

см. также Внешняя торговля

Генезис капитализма 16, 32, 222

Горное дело

добыча каменного угля 88, 89, 105, 166

добыча руды 29, 32, 88, 165, 168

казенные рудники 139, 166

контроль государства 166, 168, 193

наемный труд 91, 164, 165, 168

тайная добыча полезных ископаемых
165

техника добычи 88, 89, 165

формы эксплуатации 106

Города

административное устройство 25, 27,
29, 100, 101

городская администрация 28, 29, 100

классовая борьба 103—105, 128, 130,
144, 148, 150, 192, 193, 222

население

социальная структура 24, 104

численность 24, 26, 29, 30, 99, 100,
101

ремесленные города 23—26, 62

специализация на производстве опре-
деленных видов ремесленных изде-
лий 21, 31, 32, 180

портовые города 24, 29, 180, 213

торговые города 21, 23, 25, 26, 63

экономические функции 26, 32, 196

см. также Торговля

Государство

государственный аппарат

ведомство военное 143

ведомство обрядов 10

ведомство работ 108, 140, 149—151

ведомство финансов 27, 140, 160

дворцовое управление 140

дворцовое хранилище 151

управление военное 140

управление ткачеством 11, 109, 149,
150, 155, 156

управление торговли и кораблей
212, 219, 220

управление фарфоровым производ-
ством 12, 140—142, 147

управления местные казенным ре-
меслом 140

экономические функции государства

использование государством наемно-
го труда 144, 146, 148

контроль над горным делом 168, 193

контроль над земледелием 153, 154

контроль над ремеслом 70, 100—102,
108, 109, 135, 160, 161, 193

контроль над торговлей 205, 219

участие государства в торговле 10,
204, 205

феодальное государство и экономи-
ческий прогресс 20, 109, 155, 162,
164, 168, 194, 200, 219, 222

См. также Монополия государства, На-
логи, Ремесло казенное, Ремесло, Тор-
говля, Феодалная эксплуатация

Деньги

денежное обращение 139, 195, 209

медные деньги 147

серебряные деньги 36, 88, 108, 147,
176, 191

увеличение количества серебра в об-
ращении 107, 108, 195, 209

Законодательство

торговое:

внутренняя торговля 14, 205, 206

внешняя торговля 14, 212, 213, 219

ремесленное 105—107, 135, 136, 153,
175

трудовое 184

Земельные отношения

аренда 167, 206

государственная собственность на зем-
лю 26, 137

частная собственность на землю 11,
166, 167, 206

Земледелие

принудительное введение новых куль-
тур 52

садоводство 21, 22

специализация районов и областей 14,
21, 22, 30

технические культуры:

конопля 50

сахарный тростник 14, 21, 22

табак 14

тутовое дерево 22, 153

хлопок 10, 22, 52, 53

торговое земледелие 13, 14, 21, 53, 171

Мануфактурные формы производства

возникновение мануфактур 100, 163—
175

капиталы 126, 175, 176, 200

категории

капиталистическая работа на дому
164, 169, 170—172

кооперация простая капиталистиче-
ская 164—168

кооперация мелких пайщиков 113,
165—169

мануфактура капиталистическая 169,
174, 175, 178, 194, 220

мануфактура феодальная 142, 156—
162, 222

мануфактура рассеянная 164, 171,
172, 175

мануфактура централизованная 163,
164, 173, 174, 177

мастерская капиталистическая 94,
95, 173—178

предприятия на договорных началах
166—168

собственники 113, 165—171, 180

см. также Наемный труд, Ремесло
казенное, Ремесло и его организа-
ция

- наемный труд
 - детский труд 94, 161, 191—193
 - масштабы применения 91, 113, 164—168, 174, 178, 181, 182—188, 190
 - рабочий день 191, 193
 - оплата 144, 148, 152, 159—161, 185, 189—191
 - разделение труда 164, 167, 178—180
 - связь с рынком 193
- Маньчжурское завоевание 19, 109, 141, 147, 161, 164, 200, 219
- Монополия государства
 - внешнеторговая 212
 - горнодобычи 165, 168, 219
 - соляная 102, 139, 205
 - торговая 205, 219
 - см. также Государство, Внешняя торговля
- Наемный труд
 - в горном деле 91
 - в ремесле 112—114, 117, 154, 164, 165
 - долгосрочный 117, 119, 181, 189
 - краткосрочный 118, 160, 181, 190
 - поденный 118, 181, 190
 - применение государством наемного труда 144, 146, 148
 - принудительный наем 109, 144, 148, 153, 160
 - состав наемных работников 148, 192, 193
 - условия найма и труда 189—191
 - юридическое положение наемных работников 153, 188—190, 194
 - см. также Мануфактурные формы производства, Ремесло и его организация
- Налоги
 - внутренние таможи 140, 141, 160, 205, 206
 - налог с добычи полезных ископаемых 104, 105, 165
 - налог с ремесла 25, 53, 100, 102
 - налог с торговли 25, 104, 140, 205, 206, 213, 220
 - пересчет налогов 102, 103, 108
 - торговые пошлины 205, 220
 - уплата деньгами 103, 107, 108, 146, 153
 - уплата натурой 53, 103, 106, 153
 - см. также Государство
- Население 19, 24, 30, 164
- Национальный рынок 4, 195—199, 200
 - см. также Торговля
- Первоначальное накопление 162, 168, 175, 200, 205
- Повинности
 - выполнение повинностей в других областях 106—108, 153, 162
 - выполнение повинностей по месту жительства 106
 - замена повинностей денежным налогом 107, 108, 146, 147, 153
 - крестьян повинности 145, 146, 148
 - повинности по найму 152, 153, 160, 161
 - раскладка повинностей 107, 150
 - ремесленников повинности 100, 105, 153
 - уклонение от выполнения повинностей 107, 112
 - см. также Ремесло казенное
- Регламентация
 - государственная 66, 74, 100, 101, 105, 107, 205, 219
 - цеховая 119, 129—138
 - см. также Ремесло и его организация
- Ремесленное производство
 - бумажное
 - территориальное размещение 27, 32, 83, 112, 114, 165
 - продукция 83
 - технология 84—87
 - деревенское ремесло 30, 147, 196
 - каменное производство 32
 - керамическое производство
 - продукция 80, 82
 - техника 80, 82
 - технология 79—81
 - центры производства 16, 80—83
- кинопечатание 27, 83
- перегородчатая эмаль 27, 33
- плавка и обработка металлов
 - железоплавильные печи 90—93
 - изделия из металлов 18, 88, 91, 94, 95, 112, 114
 - места производства 18, 31, 88, 94, 164
 - технология плавки 90
 - технология обработки 88, 94—96
- производительность труда ремесленника 39, 40, 46, 50, 55, 58, 72—76, 82, 90, 91
- разделение труда 13, 85, 100, 110, 111, 118, 167, 178, 179
- резьба по кости 33
- ручной труд 34, 58, 66, 85, 97, 98, 221
- сахароварение 21, 114, 166, 167, 220
- строительное тело 32, 140
- судостроение 139, 209
- территориальное разделение производственных операций в ремесле 180
- ткачество
 - из конопли 50, 51
 - из хлопка 16, 51
 - виды продукции 53, 54, 61
 - крашение 61
 - места производства 53
 - техника 15, 34, 54—59
 - технология 54, 55, 58, 60
- из шелка
 - виды продукции 33—37
 - крашение 37, 40, 42, 112
 - лощение 50
 - места производства 34—37
 - станки ткацкие 43—49
 - станки шелкокрутильные 38—42
 - сырье 23, 37
 - техника 37—39, 73
 - технология 37—40, 46—48
- фарфоровое производство
 - виды продукции 68, 70
 - глазурь 9, 68, 71
 - декорирование 68—70
 - места производства 11, 12, 17, 62, 63
 - объем производства 62, 64, 65, 76
 - сырье 22, 63

техника 66, 74—77
 технология 13, 66, 67, 70—76
 см. также Ремесло казенное
Ремесло казенное
 изделия 35, 70, 72, 139, 155
 оплата труда 144, 145, 148, 159, 160
 организация труда 97, 143, 145, 148, 150, 154, 157
 мастерские 62, 139, 141, 149, 150, 154—156, 158, 162
 работа на дому 97, 142, 145, 156
 работа по найму 144, 146, 148, 161, 162
 работа по повинности 106, 107, 143—146, 153
 потребление продукции 65, 141, 162
 разделение труда 159, 162
 размеры производства 76, 139, 140, 149, 155, 157
 связь с рынком 26, 152, 160, 196
 техника 74—78
 технология 47, 74—76
 управление 63, 140, 141, 147, 149, 150, 156
 см. также Государство, Мануфактура, Повинности, Ремесло и его организация
Ремесло и его организация
 баны 122, 125
 гунсо 121—123, 127
 контроль государства 100—102, 205, 222
 мастерские ремесленные 12, 35, 110—114, 119, 121—123
 отделение ремесла от земледелия 24, 102
 отделение ремесла от торговли 110, 119, 199, 200, 202, 204
 разделение труда внутри мастерской 85, 91, 112, 167, 178
 разорение ремесленников 112, 113
 расслоение мелких производителей 112—115, 126, 175, 176
 села ремесленные 30, 132, 170, 171
 скупщики ремесленных изделий 169—172
 столичное ремесло 26, 27
 сыханы 126, 128
 уставы гунсо 127
 уставы ремесленно-торговых корпораций 119, 129—134
 административные функции 136
 благотворительность 136
 запретительная политика 130—132, 134
 охрана производственных секретов 124, 134, 135
 статут подмастерьев 112, 116, 117
 религиозные функции 121—123
 условия членства 127, 129—131
 ученичество 112, 115, 116, 133, 134
 штрафы 116, 136
 ханы 111, 119, 120—124, 143, 144, 221, 222
 хуйгуани 120—126
 циханы 13, 126, 128
 частное ремесло 68, 99
 см. также Наемный труд, Ремесло казенное

Ростовщичество
 частное 103, 117, 170, 172, 204, 206
 экономические функции ростовщичества 103, 170, 172, 204

Система баоцзя 101, 109, 124, 160
Социальная структура
 деклассированные элементы города и деревни 104, 188, 192, 193
 крестьянство 109, 160, 192
 купечество 63, 104, 169, 174, 204
 ремесленники 24, 100—102, 104, 106—108, 174, 176
 феодалы 24, 28, 154, 168
 чиновники 24, 27, 104, 109, 154, 158, 184

Торговля внешняя
 влияние на экономическое развитие 24, 213, 220
 гунхан 219
 казенная торговля 204, 205, 209, 212
 монополия государства 14, 209, 218
 морская торговля 207, 209, 215—217
 морской запрет 20, 212, 218, 220
 нарушение государственной монополии 212, 219
 неэквивалентная торговля 214, 220
 Ост-Индская компания 17, 214, 218
 предметы ввоза в Китай 207
 предметы вывоза из Китая 17, 32, 91, 207, 215—218
 сухопутная торговля 207
 торговля с Европой 17, 209, 213, 218
 торговля с Россией 195, 213
 торговля со странами Юго-Восточной Азии 91, 209, 213, 220
 частная торговля 14, 212, 213, 219
 см. также Внешняя политика, Государство, Монополия, Торговый капитал

Торговля внутренняя
 виды товаров
 бумага 197, 200
 металлические изделия 91, 94, 196, 198
 сахар 15, 199, 220
 хлопок и хлопковые ткани 27, 53, 196, 197, 199, 203
 шелк и шелковые ткани 30, 196, 198, 199, 204
 фарфор 65, 198
 внутренний рынок 20, 32, 53, 78, 83, 195—197
 контроль государства 14, 20, 205
 казенная торговля 10, 204
 межобластная торговля 195, 198, 199
 посредническая торговля 199, 202—204, 206
 развитие товарно-денежных отношений 26, 27, 107, 109, 119, 125, 147, 161, 164, 195, 197, 198
 торговая система
 бродячие торговцы 198
 лавки (пу, дянь) 25—27, 29, 110, 131, 170, 172, 183, 203
 подворья (хуйгуань) 199, 200
 рынки 25, 27, 104, 171, 197—199
 периодические 26

- постоянные 197
 специализированные 26, 198
 ярмарки 26, 197
 торговые ряды 25, 30
 частные купцы 205
 торговые связи 195, 196, 198, 199
 феодальные ограничения 200, 205
 см. также Города, Государство, На-
 циональный рынок, Торговый капи-
 тал
Торговый капитал
 гильдии 126, 136, 202, 203, 207
 комиссионеры 202—204, 206, 219
 комиссионные конторы 30, 169, 170,
 198, 202, 204, 219
 конкуренция 129, 202, 205
 подчинение производства 169 172, 177
 положение купечества 199, 203, 204
 связи торговцев с феодалами 14, 128,
 168
 торговые компании 138, 169, 170, 177,
 199, 202, 204
 экономические функции торгового ка-
 пitala 169, 172, 177, 197, 206
 см. также Торговля
Феодальная эксплуатация
 влияние на экономический прогресс
 106, 161, 194, 200, 222
 злоупотребления чиновников и управ-
 ляющих 102, 105, 107
 насилие над личностью 144, 148, 154,
 161, 188, 190, 205
 политика цен 27, 109, 155, 168, 205,
 214
 принудительные закупки 102, 103, 147,
 153, 161
 поставка ремесленных изделий ко
 двору 26, 65, 139—141, 150, 155, 162
 см. также Государство, Налоги, По-
 винности, Ремесло казенное, Тор-
 говля
Храмы 26, 29, 32, 54, 55, 82, 101, 114,
 117, 121—123, 126, 205
Цехи 99, 111, 119—135, 138, 143, 144, 199
 см. также Ремесло, его организация,
 Регламентация
Чжэнь 4, 28 30, 200, 203

ПЕРЕГЛЯДЫ К ТЕКСТУ

1. 蟹房	15. 冷盆	29. 永昌木棉
2. 民桑	16. 搖車	30. 攪車
3. 牙儂	17. 花機	31. 軌車
4. 鋪戶	18. 織機	32. 彈弓
5. 鋪行	19. 花樓	33. 小紡車
6. 集市	20. 挑花	34. 羅紡車
7. 苗會, 苗市	21. 臣機	35. 錠紡車
8. 鎮	22. 腰機	36. 鍵紡車
9. 經錦	23. 釣杆	37. 軋壯
10. 大紡車	24. 釣魚杆	38. 撥車
11. 緯錦	25. 平機	39. 小機
12. 提花	26. 棧機	40. 瓷石
13. 挽工	27. 木棉	41. 把粒
14. 倒花	28. 林邑吉貝	42. 御窠

43.	窯	71.	凍手	99.	匠頭
44.	爐	72.	機戶	100.	行頭
45.	石陶	73.	搭坯窯戶	101.	牙戶
46.	龍窯	74.	巨戶	102.	經紀
47.	歐窯	75.	小戶	103.	徒,徒弟
48.	瓶窯	76.	大戶	104.	庸工
49.	連接缸窯	77.	中戶	105.	工人
50.	私	78.	主人	106.	戶
51.	官	79.	機坊	107.	爐戶
52.	行	80.	染戶	108.	窯戶
53.	幫	81.	織戶	109.	幫作
54.	會館	82.	機工	110.	客師
55.	匠籍	83.	織工	111.	店
56.	匠	84.	染工	112.	織造局
57.	工匠	85.	踹工	113.	長工
58.	匠戶	86.	槽房	114.	長年
59.	保,保甲	87.	紙戶	115.	牙行
60.	保頭	88.	主	116.	齊行
61.	光棍	89.	老板	117.	私行
62.	輪班工匠	90.	師	118.	東行
63.	存留	91.	友	119.	東行家
64.	住坐	92.	朋友	120.	公所
65.	軍匠	93.	手藝	121.	大叔
66.	當行	94.	學徒,學徒弟	122.	二叔
67.	鋪役	95.	散工	123.	一伙友
68.	值年	96.	散匠	124.	鋪
69.	官籍	97.	三叔	125.	土貢
70.	家,私家	98.	僱工織人	126.	上工夫

127. 砂土夫	155. 號	183. 布號
128. 徭役	156. 堂	184. 踹布坊
129. 坯房頭	157. 募匠	185. 糖坊
130. 僱夫	158. 召募民匠	186. 趕作
131. 總織局	159. 機房殿	187. 趕工
132. 織染局	160. 廠	188. 趕織
133. 堂長	161. 灶戶	189. 僱
134. 包攬領織	162. 井戶	190. 僱傭
135. 小匠	163. 鹽匠	191. 短工
136. 局匠	164. 山匠	192. 滿工
137. 民戶	165. 灶頭操作	193. 閑工
138. 絹頭	166. 日	194. 凡人
139. 糧長	167. 客	195. 工
140. 官票	168. 佃	196. 長匠
141. 僉板	169. 客井	197. 短匠
142. 上戶	170. 客日分	198. 短年
143. 僱机匠	171. 鍋分	199. 散年
144. 局	172. 首分	200. 市行
145. 看守	173. 販子,販戶	201. 流民
146. 染作	174. 僧	202. 欵限
147. 織匠	175. 剗莊	203. 部限
148. 攸司	176. 坊	204. 小經紀
149. 管事机戶	177. 作房,作坊	205. 牙店
150. 染坊	178. 字號	206. 行幫
151. 工票	179. 帳房	207. 棍徒
152. 機匠	180. 居處	208. 旅伴
153. 高手	181. 織坊,織房	209. 陶戶
154. 民機	182. 坊戶,房戶	210. 牙

211. 專會	213. 商	215. 官商
212. 接手	214. 賈	216. 公行

ИЕРОГЛИФЫ К БИБЛИОГРАФИИ

8. 興仁帽綾行西家會館廟碑, 1839.
9. 蘇州織造署多祉口記, 1766.
10. 江蘇省明清以來碑刻資料選集, 江蘇省博物館編, 北京, 1959.
11. 欽命督理織造少司空燦翁陳公去思碑記, 1652.
12. 欽加道銜浙江杭州府正堂加七級紀錄十二次朱, 1825.
13. 乾隆蘇州元長吳三縣議定紙坊條章程碑, 歷史研究, 1958, №2.
14. 飭禁私抽設牙碑記, 1694.
15. 織造經制記, 1647.
16. 重修織造公署碑記, 1654.
17. 重建蘇州織造署記, 1872.
18. 渝城廣扣幫公議章程, 1842.
19. 渝城彈新花鋪公議單, 1810.
20. 渝城胰染綢綾布匹頭繩紅坊眾藝師友等公議章程, 1796.
21. 渝城煙幫担子公議章程行單, 1848.
22. 渝城楚黃機房工資碑, 1802.
23. 萬曆保定縣志, XVII.
24. 廣東通志, 1822.
25. 光緒歸安縣志
26. 乾隆梧州府志

27. 大明一統志, XVII.
28. 大清一統志, 1774.
30. 同治饒州府志, 1832.
31. 宜興縣舊志, 1882.
32. 順治潞安縣志
33. 光緒容縣志, XVII.
34. 嘉靖樂平縣志, XVI.
35. 范來庚, “南潯鎮志”, XVII.
36. 南潯志, 1922.
37. 道光內江縣志要, XIX.
38. 漢院志, XVII.
39. 松江府志, 1797.
40. 洪武蘇州府志, XVI.
41. 正德蘇州府志, XVI.
42. 康熙蘇州府志.
43. 乾隆蘇州府志, 1748.
44. 道光蘇州府志, 1824.
45. 光緒蘇州府志, 1883.
46. 四川通志, 1733.
47. 萬曆秀水縣志, XVII.
48. 崇禎太倉志, XVII.
49. 康熙桐鄉縣志.
50. 光緒續纂江寧府志.
51. 嘉靖吳邑志, XVI.
52. 無錫金匱縣志.
53. 崇禎吳縣志, XVII.
54. 康熙吳江縣志, 1684.
55. 民國吳縣志, 1922.

56. 乾隆吳江縣志, 1747.
57. 光緒吳江縣續志, 1879.
58. 嘉靖蕪湖縣志.
59. 烏青文獻:
60. 烏青鎮志
61. 烏程縣志, 1745.
62. 烏程縣志
63. 乾隆佛山忠義縣志, 1753.
64. 道光佛山忠義縣志, 1831.
65. 道光浮梁縣志, 1823.
66. 民國佛山忠義鄉志, 1923.
67. 同治富順縣志.
68. 鳳麓小志, 1900.
69. 萬曆杭州府志, XVII.
70. 康熙杭州府志, 1686.
71. 乾隆杭州府志, 1779.
72. 民國杭州府志, 1921.
73. 華陽縣志, 1816.
74. 華陽縣志, 1932.
75. 湖北通志, 1803.
76. 乾隆湖州通志, 1739.
77. 乾隆湖州通志, 1758.
78. 同治湖州通志, 1874.
79. 光緒湖州通志, 1883.
80. 乾隆金山縣志, XVIII.
81. 嘉定縣志, 1743.
82. 嘉定府志, 1804.
83. 江南通省志, 1737.

84. 正德江寧縣志, XVI.
85. 江寧府志, 1668.
86. 江西通志, 1737.
87. 嘉靖江西通志, XVI.
88. 光緒江西通志, 1820.
89. 萬曆錢塘縣志, XVII.
90. 康熙長洲縣志, 1684.
91. 查慎行, “康熙江西志”, XVIII.
92. 竹林圩志, XVIII.
93. 乾隆震澤鎮志, 1746.
94. 震澤鎮志, 1845.
95. 浙江通志, 1684.
96. 浙江通志, 1812.
97. 川沙縣志, 1837.
98. 成都縣志, 1796.
99. 弘治上海縣志, XV.
100. 嘉靖上海縣志, XVI.
101. 康熙上海縣志, 1683.
102. 嘉慶上海縣志, 1813.
103. 同治上江兩縣志, XIX.
104. 萬曆上元縣志, XVII.
105. 首都志, 1935.
106. 雙林鎮志, XVIII.
107. 咸豐順德縣志
108. 同治盛湖志, XIX
109. 乾隆元和縣志, 1740.
110. 乾隆元和縣志, 1761.
111. 明清史料甲編

112. 三才圖會。
113. 欽定古今圖書集成，1934。
114. 清朝文獻通考，上海，1747。
115. 中國近代手工業史資料，北京，1957。
116. 上海掌故叢書，上海，1935。
117. 明史，上海，1740。
118. 明實錄。
119. 明臣奏議，1781。
120. 皇明經世文編。
121. 雍正硃批諭旨，XVII。
122. 汪日楨，湖蠶述，1878。
123. 王楨，農書，北京，1956。
124. 萬曆鉛書。
125. 萬鶚，東城雜記，XVII。
126. 顧公燮，清憂閣記摘鈔，叢書集成，上海，1936。
- 126a. 歸有光，震川先生集。
127. 姑蘇縣風類記。
- 127a. 龔鉞，景德鎮陶歌，1823。
128. 顧震清，吳門表陳類編，XVIII。
129. 顧亭林，天下郡國利病書，1823。
130. 東京夢華錄，上海，1957。
131. 叶紹遠，啓禎記聞，1649。
132. 藍浦，景德鎮陶錄，1815；北京，1903。
135. 李調元，南越筆記，1777。
136. 盧坤，秦疆治略，1824。
137. 連橫，台灣通史。
138. 濮鑽，濮川所聞記，XVIII。
139. 酉園聞見錄，XVII。

140. 宋應星,天工開物, XVIII.上海, 1954.
142. 孫珮,蘇州織造局志,南京, 1959.
143. 孫承澤,山書.
145. 徐光啓,農政全書,上海, 1956.
146. 徐光啓集,上海, 1963.
147. 徐一夔,始豐稿.
148. 向焯,景德鎮陶業紀事.
149. 唐順之,荊川先生集.
150. 吳煒,四川鹽政史.
151. 吳騫(槎客),陽羨名陶錄,美術叢書.
152. 范端昂,粵中見聞.
153. 范祖述,杭俗遺風.
154. 金鰲,金陵待徵錄, XVIII.
155. 枝巢子,旧京瑣記.
156. [明]蔣以化,西台漫記.
157. 屈大均,廣東新語, 1700.
158. 周暉,瑣事剩錄.
159. 朱國楨,蠓幢小品, XVII, 上海, 1959.
160. 朱啓鈐,絲綉筆記.
161. [清]褚華,木棉譜,叢書集成,上海, 1936.
162. 朱琰,陶說, 1914.
163. 十三峯書屋文稿.
164. 沈德符,萬曆野獲編,上海, 1959.
165. 嚴如煜,三省邊防備覽, 1882-1884.
167. 醒世恒言,北京, 1957.
226. 傅筑夫,中國原始資本和積累問題,南開大學學報,
1956.
227. 王志敏,明代民間青花瓷画,南京, 1957.

228. 閔夢覺,中國原始資本積累問題初步,上海,1958.
229. 董一清,從清初到鴉片戰爭中國資本主義因素的萎縮和成長,歷史教學,1955.
230. 鍾子望,介紹中國資本主義萌芽問題的討論,學習,1956, N3.
231. 鄧拓,從萬曆到乾隆,歷史研究,1956, N10.
232. 王宋進,柳大綱,宜興陶業之初步化學觀察,1931.
233. 宜興陶瓷史梗概,宜興,1959.
234. [日]加藤繁,中國經濟史考証,北京,1960.
235. 柯建中,試論明代商業資本主義萌芽的關係,四川大學學報,1959.
236. 黎澍,關於中國資本主義萌芽問題的考察,歷史研究,1956, N4.
237. 黎澍,是馬克思列寧主義還是私人科學? 歷史研究,1959, N3.
238. 李光壁,明清史論叢,武漢,1957.
239. 李杏南,明錦,北京,1955.
240. 李洵,明清史,北京,1957.
241. 李劍農,宋元明經濟史稿,北京,1957.
242. 羅耀九,明代中葉的雇傭勞動是資本主義性質的嗎? 歷史研究,1961, N1.
243. 羅耀九,再論明朝萬曆年間雇傭勞動的性質,歷史研究,1962, N4.
244. 劉大年,關於尚鉞同志為“明清社會經濟形態的研究”一書所寫的序言,歷史研究,1958, N1.
245. 劉重日,左云鵬,對“身人”,“身行”的初步探討,文史哲,1959, N3.
246. 劉永成,試論清代蘇州手工業行會,歷史研究,1959, N11.

247. 劉永成,論清代雇傭勞動,歷史研究,1962,N4.
248. 劉毓璩,“農政全書”的作者時代和特點,江海學刊,1961,N5.
249. 劉炎,明末城市經濟發展下的初期市民運動,歷史研究,1961,N5.
250. 明代民間青花瓷器,北京,1957.
251. 明清社會經濟形態的研究,上海,1957.
252. 彭澤益,以明代官營織造的經營方式看江南絲織業生產的性質,歷史研究,1963,N2.
253. 宋伯胤,蘇州清代公所調查,江海學刊,1958,N5.
254. 宋伯胤,蘇州清代織署調查簡報,文物參考資料,1959,N9.
255. 許大齡,十六世紀十七世紀初期中國封建社會內部資本主義的萌芽,北京大學學報,1956,N3.
257. 許大齡,明代北京的經濟生活,北京大學學報,1959,N4.
258. 徐淵,哥窯與弟窯,杭州,1924.
259. 湯明樾,李龍潛,張維熊,對鄧拓同志“從萬曆到乾隆”一文的商榷和補充,歷史研究,1958,N1.
260. 童書業,評景德鎮陶瓷史稿,上海,1958.
261. 童書業,評景德鎮陶瓷史稿,歷史研究,1959,N2.
262. [日]荻內清等著,“天工開物”研究論文集,北京,1954.
263. 田汝康,十七世紀至十九世紀中叶中國帆船在東南亞航運和商業上的地位,歷史研究,1956,N8,1-22頁.
264. 吳仁敬,辛安潮,中國陶瓷史,上海,1954.
265. 吳海著,中國資本主義生產萌芽,經濟研究,1956,N4.
266. 吳允嘉,浮梁陶政志,1930.
267. 傅衣凌,明清江南市民經濟試探,上海,1957.

268. 傅衣凌, 明清時代江南市鎮經濟的分析, 歷史教學, 1964, N5.
269. 傅振倫, 中國偉大的發明—瓷器, 北京, 1957.
270. 馮先銘, 以文獻看唐宋以來飲茶風尚及陶瓷茶具的演變, 文物, 1963, N3.
271. 胡希明, 百年前廣州絲織工人的生活情況及其參加三元里人民抗英鬥爭的史料, 理論與實踐月刊, 1958, N2.
- 271a. 景德鎮陶業紀事.
272. 景德鎮陶瓷史稿, 北京, 1959.
273. 李羨林, 中國蠶絲車入印度問題的初步研究, 1955, N4.
274. 曾同春, 中國絲業, 上海, 1934.
275. 鞠清遠, 唐宋官私工業, 1934.
276. 江思清, 景德鎮瓷業史, 上海, 1936.
277. 蔣玄怡, 秦廷棧, 中國瓷器的發明, 上海, 1956.
278. 全漢昇, 中國行會制度史, 上海, 1934.
- 278a. 錢宏, 鴉片戰爭以前中國若干手工業部門中的資本主義萌芽.
279. 張維持, 廣東寧陶器, 廣州, 1957.
280. 張資珙, 關於宋應星的“天工開物”, 歷史研究, 1956, N11.
281. 張斐然, 江西陶瓷沿革, 1930.
282. 智天成, 我國植棉歷史概況, 歷史教學, 北京, 1956.
283. 中國地方志綜錄, 上海, 1958.
284. 中國實業誌, 933.
285. 中國科學技術發明和科學技術人物論集, 北京, 1957.
286. 中國資本主義萌芽問題討論集, 北京, 1957.

287. 陳萬里,中國青瓷史略,1957.
288. 陳萬里,宋末—清初中國對外貿易中的瓷器,文物,1963, N1.
289. 沈福文,四川陶器工藝,成都,1958.
290. 陳詩啓,明代官手工業的研究,武漢,1958.
291. 尚鉞,中國資本主義關係發生及演變的初步研究,北京,1956.
292. 尚鉞,中國資本主義生產因素的萌芽及其增長,歷史研究,1955, N3.
293. 史宏大,試論宋元明三代棉紡織生產工具發展的歷史過程,歷史研究,1957, N4.
294. 史宏大,南宋閩廣地區的棉紡織生產,史學月刊,1958, N5.
295. 袁翰青,造紙在我國的發展和起源.
296. 雲錦史略,科學通報,1954, N12.
297. 嚴中平,中國棉紡織史稿,北京,1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1.	
РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В XVI—XVIII вв.	19
Основные отрасли ремесла и торгово-ремесленные центры	19
Техника и технологические приемы	33
Глава 2.	
РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ И ЦЕХОВОЙ СТРОЙ В ГОРОДАХ	99
Положение ремесленников	99
Ремесленные мастерские	110
Цеховые организации	119
Уставы цехов	129
Глава 3.	
КАЗЕННОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО	133
Фарфоровое производство	141
Шелкоткацкое производство	149
Глава 4.	
ЗАРОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА	163
Глава 5.	
СБЫТ ПРОДУКЦИИ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА	195
Внутренний рынок	195
Внешний рынок	207
Заключение	221
Résumé	223
Библиография	226
Указатель имен	237
Указатель географических названий	239
Словарь-указатель технических терминов	242
Словарь-указатель социально-экономических терминов	243
Перечень старых китайских мер	246
Перечень чинов, должностей, учреждений и административных единиц	247
Предметный указатель	248
Иероглифы к тексту	251
Иероглифы к библиографии	

Эмилия Павловна Стужина

КИТАЙСКОЕ РЕМЕСЛО

В XVI—XVIII веках

Утверждено к печати

Ученым советом Института востоковедения

Академии наук СССР

Редактор Б. Л. Модель

Художник И. Р. Бескин

Художественный редактор Э. Т. Эрман

Технический редактор Л. Т. Михлина

Корректоры М. К. Киселева и Т. И. Романовы

Сдано в набор 4/VIII 1969 г. Подписано к печати 11/VIII 1970 г. А-01511.
 Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага № 2 Печ. л. 16,5. Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 22,87
 Тираж 1600 экз. Изд. № 2377. Зак. № 1177. Цена 1 р. 29 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2
 3-я типография издательства «Наука»
 Москва К-45, В. Кисельный пер., 4

Цена 1 р. 20 к.